

КОЛОМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ

Литературный ежегодник

Орган творческого объединения писателей Коломны

ИЗДАЁТСЯ КОМИТЕТОМ ПО КУЛЬТУРЕ КОЛОМЕНСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА

ВЫХОДИТ С 1997 ГОДА

2022

ВЫПУСК
ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАГЛАВНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Я ПОМНЮ ГОРОД,
ПОЛНЫЙ СТАРИНЫ
Стихи о Коломне4

ПЕРВАЯ КОЛОНКА

ЕВГЕНИЙ ЛОМАКО
НИТЬ ЧЕРЕЗ ВЕКА 15

ПРОЗА

СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ
ШИШИГА27

СЕРГЕЙ МУРАШЕВ
СЕРЫЙ СОБОЛЬ
И ДРУГИЕ СОБАКИ 49

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЁВ
ДВА РАССКАЗА63

ВИКТОР МЕЛЬНИКОВ
ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ!..... 73

ТАТЬЯНА КОНДРАТОВА
ПОД НЕБОМ АУСТЕРЛИЦА 81

МАКСИМ ХАРЛОВ
ОДНАЖДЫ...87

ПОЭЗИЯ

РОМАН СЛАВАЦКИЙ	
САМАЙН.....	93
ВАЛЕРИЙ ХАТЮШИН	
ТРИ СВЕЧИ.....	111
АЛЕКСЕЙ ИВАНТЕР	
АРХИВ.....	121
ЮРИЙ СТЕВОЛИН	
ТЫ ДЛЯ МЕНЯ КРАСИВАЯ ОТ БОГА.....	133
ГЕННАДИЙ ЁМКИН	
ЗДРАВСТВУЙТЕ, ХОРОШИЕ МОИ.....	139
КОНСТАНТИН ЛУНЁВ	
РЕДКИЕ РАДОСТИ.....	149
ЕВГЕНИЙ ЗАХАРЧЕНКО	
СТИХАМИ ШЕПЧЕТСЯ ВОЛНА.....	153
МАРТА ЛОМАКО	
ГАМАЮН.....	159
ВАДИМ КВАШНИН	
МНЕ ЖИЗНИ ПРОШЕДШЕЙ НЕ ЖАЛЬ....	165
ЕВГЕНИЙ КИРСАНОВ	
И НЕОКОНЧЕННЫЙ СЮЖЕТ ЗАСНЕЖЕННЫХ СТРАНИЦ.....	173
НАТАЛЬЯ КРАСЮКОВА	
КАСЬЯНОВ ДЕНЬ.....	181
ВЛАДИМИР СЕМЕНЮК	
Я ВЕРЮ, ЧТО ВСЁ НЕ СЛУЧАЙНО.....	187

БЕСЕДЫ О ЛИТЕРАТУРЕ

ГАЛИНА ГОРЧАКОВА	
КАЖДЫЙ ВЫБИРАЕТ ДЛЯ СЕБЯ.....	195
АЛЕКСАНДР НЕФЁДОВ	
ЗНАЙТЕ: РОМАН ВАС ОЧЕНЬ ЛЮБИЛ....	207
ОЛЕГ КОЧЕТКОВ	
И СКОЛЬКО НАМ ЕЩЁ ТАК ЕХАТЬ?.....	213

МИР ЛАЖЕЧНИКОВА

РОДИМАЯ СТОРОНА

ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ

«ПОЧИТАЮ ПРИЯТНЫМ ДОЛГОМ ПОБЕСЕ-
ДОВАТЬ С ВАМИ» 227

ВАЛЕРИЙ ЯРХО

ПИСАТЕЛЬ И КОМИССАР..... 253

ТАТЬЯНА ЗАЛАТА

ДАЧА БРЮСОВА В ТЕРЕМЦЕ 279

НИСОН ВАТНИК

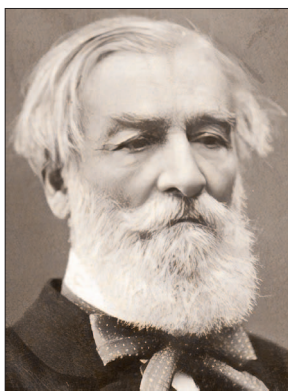
«ЖЕСТОКОСТИ БЕСЦЕЛЬНЫЕ
И БЕССЕРДЕЧНЫЕ» 289

ЛИЛИЯ СОЗА

«ГОРДОВЫЕ ОБЫВАТЕЛИ,
СРЕДНЕГО РОДА ЛЮДИ»..... 315

ХРОНИКА

200 ЛЕТ Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

В 2022 году отмечается **200-летие** со дня рождения известнейшего русского писателя **Дмитрия Васильевича Григоровича (1822-1900)** произведения которого заслуженно относятся к русской классической литературе Золотого века.

Его творчество имеет отношение к Коломенскому краю. Многие годы он провёл недалеко от Коломны в родовом имении — в деревне Дулебино. Здесь создал свои лучшие произведения: повести «Деревня» и «Антон-Горемыка», рассказы из народного быта «Четыре времени года», «Мать и дочь», «Смедовская долина», романы «Рыбаки и переселенцы». В этих сочинениях можно найти чудесное описание нашего края, пейзажи Оки, долины реки Смедвы, упоминание многих сёл и деревень округи. Писатель не раз бывал в Коломне. Здесь, на втором этаже кирпичного дома, рядом с церковью Никиты Мученика (ныне ул. Посадская, 36), жила его дочь Мария Дмитриевна Черемисинова. Дмитрий Васильевич наезжал к ней зимой по праздникам.

Я ПОМНЮ ГОРОД, ПОЛНЫЙ СТАРИНЫ

Стихи о Коломне

Анна Ахматова

ПОД КОЛОМНОЙ

Шервинским

...Где на четырех высоких лапах
Колокольни звонкие бока
Поднялись, где в поле мятный запах,
И гуляют маки в красных шляпах,
И течёт московская река, —
Всё бревенчато, дощато, гнуто...
Полноценно цедится минута
На часах песочных. Этот сад
Всех садов и всех лесов дремучей,
И над ним, как над бездонной кручей,
Солнца древнего из сизой тучи
Пристален и нежен долгий взгляд.

Олег Кочетков

В КОЛОМНЕ

Ничего я не знаю, что помню,
А что помню — о том не слышал!
Закачусь я в родную Коломну,
В колыбель моих самых начал!
Да по ветхим пройдусь переулкам,
Вдоль обрыва, над древней рекой.
Где в пустеющем сумраке гулком
Разливается зябкий покой.
Постою пред Успенским собором,

И порывом скользнёт вдоль виска
Грустный воздух Отчизны, в котором —
Настоялись века и века!
И я, словно причастный к ним тоже,
Что-то смутное в сердце храня,
Вдруг почувствую вздрогнувшей кожей —
Как они — сквозь меня, сквозь меня!

Роман Славацкий

РЕЗЬБА

*«...И резных наличников узоры
О старинных сказках говорят...»*

Татьяна Башкирова

Я помню Город, полный старины,
цветенье вишен, воду из колонки,
и сладковатый дым из труб печных,
и сказочные домики Коломны...

Они, как заповедные лари,
скрывают россыпь милой прежней жизни:
молитвенных лампадок янтари,
наличников резных седые ризы,

подзоры, платья, вышивки, киоты,
записки, снимки, школьные работы...

Немало нынче пыли намело,
от суеты постылой стынет сердце...
Но книга есть, и дышит в ней — тепло,
и прежний Город мой, и сказки детства!

Татьяна Башкирова

* * *

Август погодою радует.
Месяц присел на суку.
Звёзды созрели и падают —
Падают прямо в Оку.

Милое пыльное Щурово
Дремлет в тени тополей,
Окна-глаза не сощурило
В сумраке старых аллей.

Улицы слышат нестройные,
Как неизвестно куда
Через Оку беспокойные
С криком бегут поезда.

Звуки уснут в отдалении,
Волны остудят их след.
Юности лик на мгновение
Высветит вечер иль нет?

Жду неустанно и искренне...
Нет... Пробежал тепловоз,
Зыркнул глазищами-искрами
И мою юность увёз!

Татьяна Кондратова

* * *

А погода в Коломне хорошая:
Синий снег заметает дома.
И бредёт вдоль Оки запылённой
К новостройкам злодейка-зима.

В чём злодейство? То цапнет морозами,
То с сосульками оттепель шлёт,
То пугает седыми угрозами:
Гололёд, гололёд, гололёд!

Но остудит спасительной силою
Жар страстей, приморозит беду
И укроет под снежной могилою
Всю ту грязь, что рождалась в бреду.

Колычёво — окраина города
И типичный постельный район:
Спят дома, рыбаки спят у проруби,
Погружается Девичье в сон.

Спать под снег — эта милость дарована
Днём младенцам лишь и старикам.
И взмывают во сне очарованном
В небеса они — в облачный храм.

Я люблюсь заснеженной рощею
Из окна — городского окна.
А погода в Коломне хорошая:
В ней опять наступила зима.

Виктор Мельников

ПРОВЕТРЕННЫЕ ДАЛИ

Коломна. Длинной улицы разбег,
В осенних листьях пёстрая дорога.
Шуршит листва у каждого порога,
А на Покров на крыши ляжет снег.

Весной заладят шумные дожди,
Мир расцветёт, отметив возрожденье.
Проветренные дали далеки,
Трамваев перезвоны — точно пенье.

А в проводах весенний ветерок
Запутался — и выбраться не может.
Притих, и посреди дорог
Его полёт прохожих не тревожит.

Но вдруг вспорхнул и полетел... Куда? —
Туда, где блещет полая вода,
Где облака рождаются над кручей,
И с бугорка бежит ручей гремячий.

Юрий Горбатов

МОСТЫ

Где над Окой
висят мосты,
Как две тропы земных
над бездной,

Стоит старинный монастырь.
Он тоже мост,
но мост — небесный.
Хоть не возносится
до звёзд,
Но ослепляет красотой.
Незримый православный мост —
Последний мост
над пустотой...

Людмила Копылова

* * *

Опять в остуде костоломной,
бездомным ландышем дыша,
Между Рязанью и Коломной
блуждает в сумерках душа.

То постоит на перекрёстке,
то поглядит на рябь Оки.
Плывут гудки и отголоски,
как дни, мелькают мотыльки.

А выше — ласточки линуют
небес холщовую тетрадь...
Пусть эта чаша нас минует —
без Родины оголодать.

Евгений Кузнецов

ВЕСЕННИЙ МОТИВ

Высветил ласковый вечер
Над городищем закат...
Храм Иоанна Предтечи...
Домики рядом стоят...

Ветер возносит далёко
Свежесть листвы молодой.
Плачет вдали одиноко
Ива, склонясь над водой.

И пробудившимся травам
Дышится вольно опять.
Росам и косам во славу —
Эта бескрайняя гладь.

А за Коломенкой вечно
Стройным рядком тополя.
Домики...Церковь Предтечи...
Милая сердцу земля!

Алевтина Бондаренко

**НАД КОЛОМНОЮ —
КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН**

У земли сегодня бессонница —
Это вновь весна занимает трон,
Оживает старая звонница —
Над Коломною колокольный звон.

Ты земля моя, Богом данная,
И родство с тобой у меня в крови;
Ты, земля моя, осиянная,
Невозможно жить без твоей любви.

Отвори окно — бег весны ускорь —
Всё вокруг нас преображается!
Над Россиею свет весенних зорь
В куполах церковей отражается.

А вдали земля с небом сходится,
И спешит Ока к синеве небес...
Гости едут к нам и, как водится,
Открывают мир этих древних мест.

Ты земля моя, Богом данная,
И родство с тобой у меня в крови;
Ты, земля моя, осиянная,
Невозможно жить без твоей любви.

Галина Самусенко
В КОЛОМЕНСКОМ КРЕМЛЕ

Как вольно дышится под сенью старых башен,
под свежим ветерком с Москвы-реки.
Жемчужно-серым горизонт окрашен.
И небеса, как воды, глубоки.

Гляжу окрест я с берега крутого,
и мнится — за Бобреным мостом
проходит войско Дмитрия Донского —
гигантский змей с чешуйчатым хвостом.

Усталые обветренные лица.
Уста молчат — порой не нужно слов.
Живыми довелось им возвратиться
к порогу отчему под свой родимый кров.

Скрипят телеги... Запах пыли, пота...
Переполох на улочках глухих...
Окованные крепкие ворота
с молитвой отворяются для них...

Видение исчезло...
Эко диво!
Травой поросший дремлет косогор.
Оглядывает площадь горделиво
Успенский белокаменный собор.

И, подбоченясь, будто на картинке —
на страже города уже пять сотен лет —
знакомой башни виден силуэт —
последнее пристанище Маринки.

А рядом Грановитая, Ямская,
Семёновская, Спасской монолит
и Погорелая.
И Бог их знает,
какие тайны каждая хранит.
Они молчат. Им ход веков не важен.
Пять сотен лет вздымает их земля.

Глядит История в бойницы старых башен,
с высоких стен старинного кремля.

Марта Ломако

* * *

Шумной речки бурлил серебрящийся шёлк.
Пёстрый рынок Коломны сверкал чешуёй.
И однажды к меняле хранитель пришёл:
«Отдаю свою душу за жизнь для неё».

С этих пор не страшилась Коломна врага,
И стучали, как сердце, её купола.
Только ахала мать на речных берегах:
Багровеющей лентой река расцвела.

И с полей Куликовых дороги назад
Ни один из хранителей не увидал.
Но живут эти души на наших глазах,
Сохранившие в силе проклятье и дар.

Кто Коломне стихи возводил из чернил,
В тех хранители прежние песни поют.
Только главный из них от болезни почил,
И на время всё стихло в любимом краю.

Евгений Кирсанов

СТАРЫЙ ГОРОД

Карамельные стены,
Леденцовые крыши.
Небо пачкают брызги
Облачков на заре.
Старый город ворчит,
Сам себя он не слышит,
Так давно он участвует
В вечной игре.

Он себя предоставил
Как арену и сцену,
Чтобы мы разыграли
Себя как смогли,

Чтоб на стены легли
Наши бранные тени,
Оторвались от стен
И себя обрели.

Мой игрушечный город!
Ты парчою украшен
Неизбежной зари
В лоскутах облаков.
Я не спорю с тобой.
В твоей каменной чаше
Жизнь играет напитком
Наших зрелых веков.

Наталья Евстигнеева

ГОРОД СОЛНЦА

Коломна от слова «коло»,
По-древнему — Солнцеград.
Здесь каждый душою молод,
Друзьям и рассветам рад.
И с главным светилом спорят
Горящие купола.
А в реках дыхание моря.
Радость людей светла.
Весною непревзойдённо
Поёт соловьиный хор.
Леса здесь порою тёмной
Стоят миражами гор.
Какие же перезвоны
В молитвенный час слышны!
Коломенские мадонны
Затмят даже свет луны.
И рыцаря-ратоборца
Увидишь здесь в добрый час.
Коломна — мой город Солнца.
А солнце в сердцах у нас!

** К-О-Л-О-М-Н-А*

Коло — круг, солнце

мна — у меня (в сердце, душе, мыслях)

Надежда Лисогорская

СВЕТЛЫЙ ГОРОД КОЛОМНА

Весенний город! Первая сирень...
Цветущим облаком плывут по небу храмы.
В свои объятия приглашает день —
Весь, сам, как праздник, убранный цветами.

Трамвая голос звонок среди домов,
Где стариною дышат занавески,
А стены охраняют святость снов
И роспись берегут, подобно фреске.

А летом наступает время рек —
Коломенка, Москва, Ока большая.
И «блюдечко» приветствует нас всех,
Травой зелёной в хоровод сзывая.

Кремль величавый — древности глазница —
Поймает луч осенний золотой,
И засверкает чистая криница —
Коломна-город, вспыхнувший листвою.

Зима накинёт шубы снеговые
И реки закуёт в седые льды,
Кремлю оставив думы вековые
И дальний свет рождественской звезды...

Мария Карпухина

МАРИНКИНА БАШНЯ

*Ты кричишь
из Маринкиной башни:
— Я сегодня вернулась домой...
Анна Ахматова*

Чьи тайны хранишь от меня,
Ответь же, Маринкина башня,
Чьего ты коснулась огня,
Во что так глядишься бесстрашно?
Я вижу: к подножью года

Прильнули покорно, повинно...
Никто не ответит, куда
Исчезла гордячка Марина,
Чьё имя навеки слилось
С тобою, коломенской башней,
И песенно отозвалось
В ахматовских строках однажды...
Гордись же своею судьбой!
Три имени так осиянно
Тебя озарили собой:
Маринка, Марина и Анна.

Николай Суворов

* * *

Есть места: Байкал, Ай-Петри,
Валаам... Но далеки,
А у нас в районном центре,
В обнимку три реки.

Эти реки, словно сёстры,
Искони родством горды.
И весной Коломна — остров
Посреди большой воды.

Если встанешь на обрыве,
То откроются сполна
И течение рек в разливе,
И в разливе тишина.

Подо мной вода бурлива.
Даль туманна и свежа.
От широкого разлива
Ширится душа.

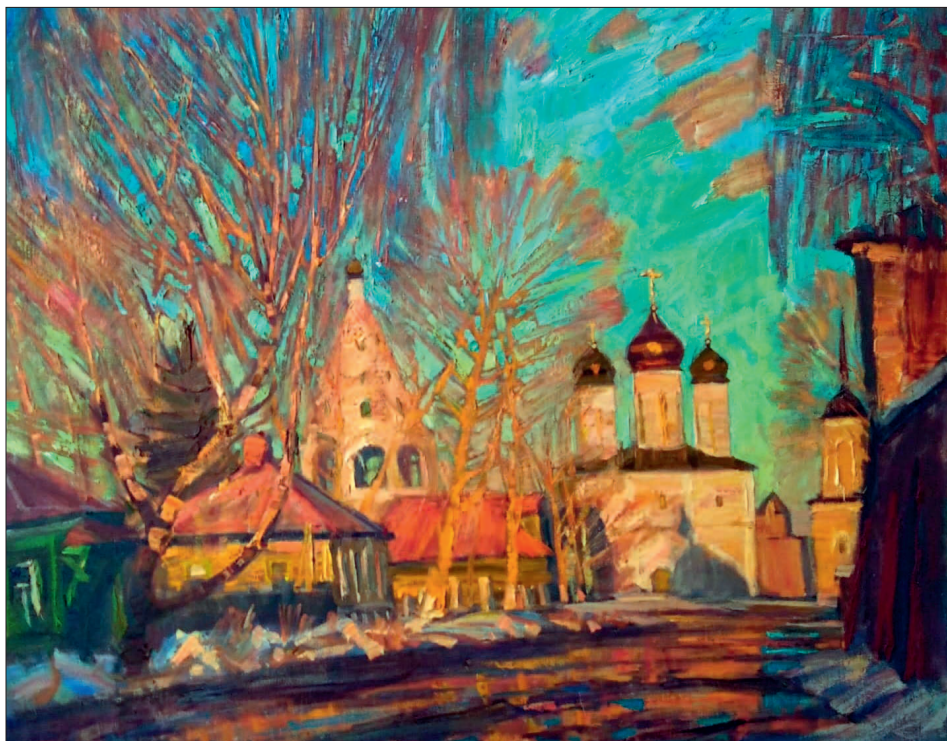
НИТЬ ЧЕРЕЗ ВЕКА

Первая колонка

Коломна празднует своё 845-летие... Вот уже восемь с половиной веков плетёт она вязь своей биографии, причудливым образом соединяя имена и события на кружеве истории. Журчание струй коломенских рек переплетается с дыханием ветра, беседующего с шелестящими кронами деревьев, и кажется, что само ВРЕМЯ ведёт с нами свой разговор, вовлекая в восхитительное путешествие по страницам минувшего и настоящего.

Вихрь преданий уносит нас в глубь веков, добавляя в рассказ и рокот древнего моря, и шум отступающего ледника. В самом имени «Коломна» слышатся отзвуки говора древних племён, впервые ступивших на землю трёх рек за несколько тысячелетий до нашей эры. После людей каменного века пришли фатьяновцы (бронзовый век), в свою очередь уступившие место финно-уграм, а затем появляются и славяне-вятчи, о которых напоминает любимый многими сквер Блюдечко, где некогда располагалась их деревенька. И кажется, до сих пор в сквере ощущается смолистый запах соснового бора, шумевшего здесь до прихода славян. Буквально прикоснуться к тем временам мы можем и сегодня благодаря собранию музея-заповедника «Коломенский кремль», где нашли своё место окаменевшие растения и животные, топоры фатьяновской культуры, фигурка ёжика, над которой трудился подросток много столетий назад, украшения славянских женщин: шейные гривны, семилопастные височные кольца, бусы, витые браслеты, перстни.

И вот наступает середина XII века, когда уже звучат покрикивания людей,

16 П.В. Зеленецкий *Весна в Коломне. Вечер*

воздвигающих чуть дальше от Блюдечка небольшую деревянную крепостцу на границе только возникшего Рязанского княжества. Шелест страниц списка Радзивилловской летописи XV века, богато украшенного миниатюрами, доносит до нас известия зимы 1177 года (или 6685 года от Сотворения мира), когда вспыхнула междоусобная война между владимирским князем Всеволодом Большое Гнездо и рязанским Глебом Ростиславичем и Коломна вышла на историческую арену: *«Того же лета на зиму иде князь Всеволод на Глеба к Резаню с ростовци, и с сужьдальци, и с володимирци, и со всею дружиною. ... и бывшимъ имъ у Коломны, прииде весть, аже Глебъ шель к Володимерю инем путем и воюеть около Владимиря с половци с погаными... Князь же Всеволод вратися от Коломны, и прииде в землю свою...»*

В летописный рассказ вплетаются слова Н.М. Карамзина: *«Вообще имя Коломны встречается в Истории по двум случаям: или Татары жгут её, или в ней собирается Русское войско итти против Татар...»*. Звон ратной славы слышится в дошедших до нас мечах, секирах, наконечниках стрел, кольчугах... Мы переносимся в события трагического и героического 1238 года, года ожесточённых битв с монгольскими ордами, ведомыми Бату-ханом. Именно под Коломной разыгрывается одно из ключевых сражений, в котором храбрость и стойкость русских воинов привели к гибели одного из военачальников — младшего сына Чингисхана — Кюльхана. На погребальном костре этого единственного павшего в походе на Русь чингизида захватчики справили кровавую тризну, уничтожив или уведя в полон жителей сожжённого дотла города. И кажется, что наше пове-

ствование окутывает горький запах от чёрного дыма горящей крепости. Стенания сорока самых красивых девушек Коломны, убиваемых около ног мёртвого татарского хана, сливаются с чуть слышным колокольным звоном от ушедших под землю церквей в кремле и за рекой Коломенкой. О том времени напоминает нам и загадочная «Батыева печать» на стене церкви Зачатия Иоанна Предтечи в бывшем селе Городище. О почтенном возрасте храма свидетельствует архаичная техника строительства из полубута и «рваного» белого камня. Легенды трактуют изображение загадочного зверя и как герб коломенского князя, и как знак могущественного завоевателя — Батые.

В.А. Татиринов. Когда зазвонили часы

Коломна находит силы подняться, мирные звуки наполняют её пространство, но вновь прерываются шумом копыт очередного набега. А в ставших возникает небольшое Московское княжество, положившее начало великой державе. Коломна одной из первых привлекает его внимание. С неё в начале XIV века началось собирание русских земель вокруг Москвы. На многие десятилетия крепость становится форпостом Московии и любимым городом князей московского дома.

О значении Коломны повествуют нам пожелтевшие страницы рукописей, рассказывающие и об утверждении здесь в 1353 году первой в Московском княжестве епархии, и о венчании в 1366 году великого князя Дмитрия Ивановича (впоследствии Донского) с Евдокией Суздальской (в иночестве Евфросинии) в скромной деревянной Воскресенской церкви великокняжеского дворца. До наших дней ощущается особая атмосфера этого храма, стоящего на средневековой Соборной площади, выбранного для бракосочетания двух будущих русских святых. Кажется, сама земля бывшего Архиерейского подворья (Свято-Троицкого Ново-Голутвина женского монастыря) и ушедшего в бытие дворца делится с нами своими преданиями.

Вновь звучит звон стали, наступает 1380 год. Коломна наполняется ратными людьми, собравшимися по зову Дмитрия Ивановича на битву с Мамаем. Время доносит слова благословения коломенского епископа Герасима и отзвук грозной поступи великой рати, идущей от Панфилова сада, над которой ветер развернул стяги со святыми ликами. Смотр войска приняло обширное Девичье поле.

Много русских воинов пало в битве на Куликовом поле. Погиб и весь коломенский полк во главе с воеводой Микулой Вельяминовым. В память о победе на Куликовом поле воздвигли в центре кремля трёхглавый, на высоком подклете Успенский собор, заложенный после победы над ордынцами на реке Вже (перестроенный в 1672-1682 годах артелью нижегородских мастеров). Князь Дмитрий подарил храму икону Божьей Матери «Донская», которой русское войско благословляли перед битвой на Куликовом поле, тем самым подчеркнув связь Коломны с Москвой. Прямо напротив собора через Москву-реку, как страж Коломны, вознёс свои купола Бобренов монастырь, построенный по обету Дмитрия Донского и Дмитрия Боброка-Волинского. Если спуститься вниз по Москве-реке к месту слияния с Окой, мы встретим ровесника Бобренова монастыря — Старо-Голутвин монастырь, основанный в знак примирения московского и рязанского князей Сергием Радонежским. Память о преподобном хранит Богоявленский собор. Стоит он на фундаменте конца XIV века, именуемом в народе «камушками Сергия». Когда-то в стенах монастыря благоговейно сохранялись посох и ризы Сергия Радонежского. Не ослабевают память благодарных потомков о тех событиях и сейчас: в 2007 году Дмитрию Донскому в Коломне установили памятник.

Наравне с Москвой Коломна всегда передавалась по наследству старшему в роде московских князей. Подобное значение города ещё раз нашло своё подтверждение во время княжеской междоусобицы между Юрием Звенигородским (сыном Дмитрия Донского) и Василием II (внуком Дмитрия). Не желая мириться с новым порядком престолонаследия, когда трон стал переходить от отца к сыну, Юрий многие годы с переменным успехом воевал с Василием. В 1433 году звенигородскому князю удалось захватить Москву. Василий получил в удел Коломну, по прошествии недолгого времени ставшую подлинной столицей московского княжения: наполнилась она гомоном преданных Василию людей, со всех сторон стекавшихся сюда и не желавших служить Юрию. Сын Дмитрия Донского вынужден был признать своё поражение, а Коломна подтвердила статус верной опоры московских князей.

Занятия ремеслом и торговля способствовали притоку денежных средств. О зажиточности жителей Коломны и прилегающих земель говорят многочисленные клады, нахождение которых фиксируется с XVIII века. Одним из самых впечатляющих по объёму является клад из более чем тысячи пятикопеечных медных монет времён Екатерины II, обнаруженный в трёх корчагах в Коломенском районе. Особое место занимает «Деньга коломенская», три экземпляра которой хранятся в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа. Специалисты относят её к началу XV века — времени пребывания на русской службе литовского князя Свидригайло Ольгердовича. На монете имеются два изображения: всадника с соколом и четвероногого зверя, в котором ряд исследователей склонны видеть коломенского единорога.

Многие десятилетия Коломна встречала врагов на пути к Москве, давала им достойный отпор. Через сто лет после Куликовской битвы в жизни Руси произошло знаменательное событие: в 1480 году она окончательно сбросила ненавистное ордынское ярмо. Несколько месяцев перед знаменитым стоянием на реке Угре в Коломне вновь находилось многочисленное войско — во главе с Иваном III, отсюда, как и прежде, было положено начало судьбоносному походу. Но всё ещё тревожно было на нашей земле. Осколки

П.В. Зеленецкий. Старая Коломна. Утро

Золотой Орды беспокоили русский народ, волны татар накатывали на Русь. Коломна могучей грудью защищала Москву. Подчёркивая стратегическую значимость крепости, в 1525-1531 годах Василий III строит здесь каменно-кирпичный кремль, почти ни в чём не уступающий московскому. Образ Коломенского кремля XVIII века запечатлён на рисунках выдающегося архитектора и рисовальщика Матвея Фёдоровича Казакова, хранящихся в отделе рисунка Государственного Русского музея и Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А.В. Щусева. Кремль всегда притягивал к себе взоры людей творческих. Так, Борис Пильняк цитировал в своих произведениях надпись на Пятницких воротах: «Благослови, Господи, град сей и всех, входящих во врата сии»...

По стопам своего предка, Дмитрия Донского, пошёл и Иван Грозный, выступивший в 1552 году из Коломны в победоносный Казанский поход, а затем основавший здесь Брусенский монастырь. Но тот же царь разрушил таинственную связь Коломны с Москвой, забрав из города чтимую икону Богоматери, именуемую Донской. И через несколько десятилетий, в начале XVII века, опустилось на Россию Смутное время.

Коломенцы продемонстрировали преданность своей земле. Несгибаемость духа проявил захваченный в плен коломенский епископ Иосиф, привязанный к пушке после взятия поляками Коломны в 1608 году и подвергнутый оскорблениям. В городе в 1611 и 1612 годах жила Марина Мнишек, польская авантюристка. Отсюда она бежала с атаманом Заруцким, предварительно разграбив и предав Коломну огню. И как от-

звук того времени, почудится нам скрип снимаемых створов Пятницких ворот, призванных по воле Мнишек прикрыть награбленное в Коломне, спрятанное в двадцати пяти верстах от города... Польку схватили, заточили, как гласит предание, в одну из башен кремля. Рассказывают, что оборачивалась по ночам её душа сорокой (или вороной) и вылетала из темницы. Но коломенский епископ окропил крепостные стены, и не смогла чаровница вернуться назад. С тех пор её неупокоенная душа отзывается в криках ворон, кружащих возле башни.

Улетели смутные вихри, схлынули с русской земли жаждущие растерзать её захватчики. В 1613 году коломеничи отправили своих представителей на выборы нового царя из династии Романовых. Постепенно затягивались раны, границы русского государства стали отодвигаться всё дальше и дальше от Коломны, утрачивавшей своё военное значение.

Как послание прошедших бурных веков, прошумевших над Коломной, встают перед нами икона «Иоанн Предтеча — Ангел Пустыни», созданная иконописцем из круга Феофана Грека, долгие годы сберегаемая в стенах Иоанно-Предтеченской церкви, и также пришедшие из четырнадцатого столетия и хранящиеся ныне в Третьяковской галерее выносная икона «Богоматерь Донская» из Успенского собора, «Сошествие во ад» из Воскресенской церкви великокняжеского дворца, «Борис и Глеб с житием» из церкви Бориса и Глеба в Запрудах и образ «Никола с житием» из храма Иоанна Богослова. Замечательны и один из первых списков «Троицы ветхозаветной» начала XVI века из Воскресенской церкви, «Богоматерь Ярославская с избранными святыми» конца XV века из церкви св. Илии в Сандырях, список с чудотворного образа «Никола Заразский в житии» 1515 года. Современная Коломна также дарит возможность соприкоснуться с особыми иконами. В церкви Богоявления находится рельефный чудотворный образ Божией Матери «Страстная» из разрушенной часовни, стоявшей на Поповской (ныне Гражданской) улице. В храме Иоанна Богослова хранится уникальная барельефная икона, помещавшаяся на Ивановских воротах Коломенского кремля до их разрушения. Принято считать, что на ней изображены Богоматерь с младенцем Иисусом и Иоанн Богослов, но существует и мнение о сюжете со Святым Семейством. В Брусенском монастыре можно увидеть воссозданный список иконы Божией Матери «Казанская». Упомянутый образ являлся одним из первых списков и был утрачен в годы советской власти, но уже в наше время обнаружилась копия на картоне — по ней и воссоздали икону.

Славилась коломенская земля не только своими иконописными шедеврами, но и богатыми библиотеками монастырей и церквей. По подсчётам специалистов, во второй половине XVI века в Коломне насчитывалось около 600 рукописей, многие из которых были написаны на дорогом пергамене. Из внушительного собрания до наших дней сохранились только пять книг: «Палая толковая» 1405 года, «Евангелие» первой половины XV века, «Пролог сентябрьский» 1481 года, «Лествица» Иоанна Синайского 1422 года, «Евангелие» 1509 года. Увидеть их можно в собраниях отделов рукописей Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки. Книги в Коломне не только переписывали. Ряд исследователей полагает, что коломенский епископ Митрофан, взшедший на кафедру в 1507 году, являлся автором «Сказания о Мамаевом

В.А. Татаинов. Утро на Житной площади

побоище» и «Сказания о принесении образа Николы Корсунского из Заразска на Коломну».

Умелые руки ремесленников создавали многочисленные изделия быта, без которых немислима повседневная жизнь. Широко были распространены в Коломне гончарные мастерские. Разнообразие продукции можно увидеть в краеведческом музее: изразцы, игрушки, погремушки, свистульки, всевозможные горшки, миски и пр. В музее Конькобежного центра «Коломна» создан небольшой отдел археологии, центральным экспонатом которого является гончарный горн второй половины XVII века весом около 19 тонн, найденный в Кузнечной слободе в 2000 году. В XIX веке В.И. Даль зафиксировал поговорку: «Крепок, как коломенский горшок», а в повести И.С. Тургенева «Муму» можно прочитать: «обдержался, обтерпелся человек, обмаслился, как коломенский горшок». Знаменитый горшок из белой глины начал изготавливаться в нашем городе уже в XIV веке и к XVI веку получил распространение практически по всей стране.

Именно как шумящий торговлей город и славный своими ремесленниками далеко за своими пределами стала возрождаться Коломна после Смутного времени. Она становится подлинными «южными воротами» Москвы. А поскольку главными дорогами тогда являлись реки, то не случайно в жизнь города начал вплетаться скрип уключин судов, спускаемых с верфи в Дединове, что в Коломенском уезде. Там в 1667-1669 годах строится и первый русский военный корабль «Орёл». По улицам Коломны непрерывным потоком двигаются обозы с рыбой, хлебом, солью, рёвом оглашают округу бесчисленные гурты скота. Капиталы, полученные от торговли, купцы вкладывают в промышленные предприятия: с середины XVIII века возникают ткацкие фабрики, многочисленные заводы. Посетившей город Екатерине II преподнесли, помимо традиционного хлеба с солью, живую рыбу, пастилу, фрукты, несколько кусков различных тканей и платки. Коломенские сукно, шёлк, ситец, коломянка (льняная ткань), кружева, кумач, китайка, парча были известны далеко за пределами города, поставляясь также за границы

П.В. Зеленецкий. Старые ворота

страны. В собрании Русского музея до сих пор сохраняются два шёлковых платка фабрики коломенских купцов Левиных.

Наступает «золотой век» коломенского купечества. Далеко за пределами Коломны знают его представителей: Кисловых, Ложечниковых, Мещаниновых, Поповых, Ротиных, Тупицыных, Хлебниковых, Шапошниковых, Шевлягиных... Память о них хранят и более 400 памятников архитектуры посада: храмы, усадьбы, отдельные дома.

За Москвой-рекой, опоясывающей посад, начинается Коломенский район, где можно найти немало любопытного. В селе Черкизове располагаются усадьба Черкасских и усадьба-дача Шервинских на погосте Старки, с которой связаны имена Валерия Брюсова, Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Михаила Лозинского. В селе Северском великолепен дом бывшей дворянской усадьбы, из которого в музей-заповедник «Коломенский кремль» поступили предметы мебели XVIII века: стол, стул, шкаф-горка. Возносят на землях района свечи куполов многочисленные храмы, среди которых Свято-Духовская церковь в селе Шкинъ — единственный аналог Троицкого собора Александро-Невской лавры, — храм Рождества Христова в Гололобове, чьи купола напоминают собор Покрова Пресвятой Богородицы (Василия Блаженного).

Расцвет торговли продолжается до начала 1860-х годов. Проложенная через город железная дорога вносит новые ноты в его музыку и перекра-

ивает веками складывавшийся уклад. Иная жизнь приходит на улицы Коломны, когда в селе Боброве в 1863 году строится машиностроительный завод, ставший со временем градообразующим предприятием. О многих видах продукции Коломзавода на протяжении всей его истории говорилось «впервые в России», «впервые в мире». В начале прошлого века в городе появился один из первых в губернии водопроводов. А впереди были революции, Первая мировая война. Размеренную жизнь провинциального города перевернули события 1917 года.

При советской власти Коломна звучит гудками заводов, грохотом строек, постановками музыкальных и театральных коллективов, новым слогом коломенского текста. Становясь крупным индустриальным городом, она раздвигает границы: в 1930-е годы в неё вошли сёла Боброво, Городищи, Сандыри, Протопопово, деревня Бочманово. К 1940-м годам Коломна подходила одним из наиболее значительных промышленных городов Московской области.

Великая Отечественная война нарушила мирные планы, многие проекты остались неосуществлёнными. Вместе со страной город ковал Победу. Дорогой ценой одолели врага: в родные дома не вернулось 11975 коломенцев. На груди вернувшихся сияли ордена за ратные подвиги. Постепенно налаживалась мирная жизнь. В воздухе зазвучали трели трамвайных вагонов, гудки автомобилей, идущих на стройки новых кварталов. В 1959 году Коломна шагнула за реку Оку: к ней присоединили соседний город Щурово, а в 1970-м разворачивается грандиозное строительство нового района — Кольчёва.

Коломна нашла своё место и в новой России. Сегодня на наших глазах происходит рождение современного города, не забывающего великой истории. Наряду с возрождаемыми храмами, памятниками архитектуры, возводятся современные здания, спортивные сооружения, торговые центры. Благодаря усилиям многих поколений сегодня наш город по праву гордится институтами, колледжами, предприятиями, спортивными достижениями, культурным наследием. Полёт инженерной мысли нового времени запечатлён в памятниках науки и техники России. О становлении крупной машиностроительной отрасли напоминает заводской гудок из музея «Коломенского завода». Кажется, как и прежде, готов лететь вдаль паровоз «Победа», ставший одним из городских памятников. Прообразом магнитофонов стал аппарат «Говорящая бумага», созданный в 1930-е годы на заводе портативных граммофонов. Изделия коллектива под руководством Бориса Ивановича Шавырина, основателя Конструкторского бюро машиностроения, среди которых 120-мм миномёт, противотанковый ракетный комплекс «Малютка» и другие, напоминают о вкладе коломенцев в Победу в Великой Отечественной войне и обороноспособность нашей Родины.

В 2021 году Коломну увенчали два почётных звания: «Литературный город России» и «Город трудовой доблести». Подобное признание не только служит оценкой высоких заслуг поколений коломенцев, но и ко многому обязывает. И хочется верить, что из года в год, от юбилея к юбилею Коломна будет становиться всё краше, а её люди будут также нести её славу далеко за пределы города, вдохновляясь уникальной историей и делами своих предков.

*Евгений Ломако,
кандидат исторических наук*

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБЫТИЕ

13 сентября 2021 года, в день 100-летия со дня рождения Сергея Непобедимого, в Мемориальном парке в городе Коломне был установлен памятный бюст выдающемуся конструктору, внёсшему огромный вклад в укрепление обороноспособности и безопасности нашей страны.

Среди наиболее известных разработок конструктора — первый принятый на вооружение Советской Армии противотанковый комплекс «Шмель» и самый эффективный в своем классе вооружения и самый массовый в мире ПТРК «Малютка».

Также в этом списке переносные зенитные ракетные комплексы «Стрела-2», «Стрела-2М», «Стрела-3», «Игла-1», «Игла», высокоточные так-

тические ракетные комплексы «Точка», «Точка-У», оперативно-тактический ракетный комплекс «Ока» и другие.

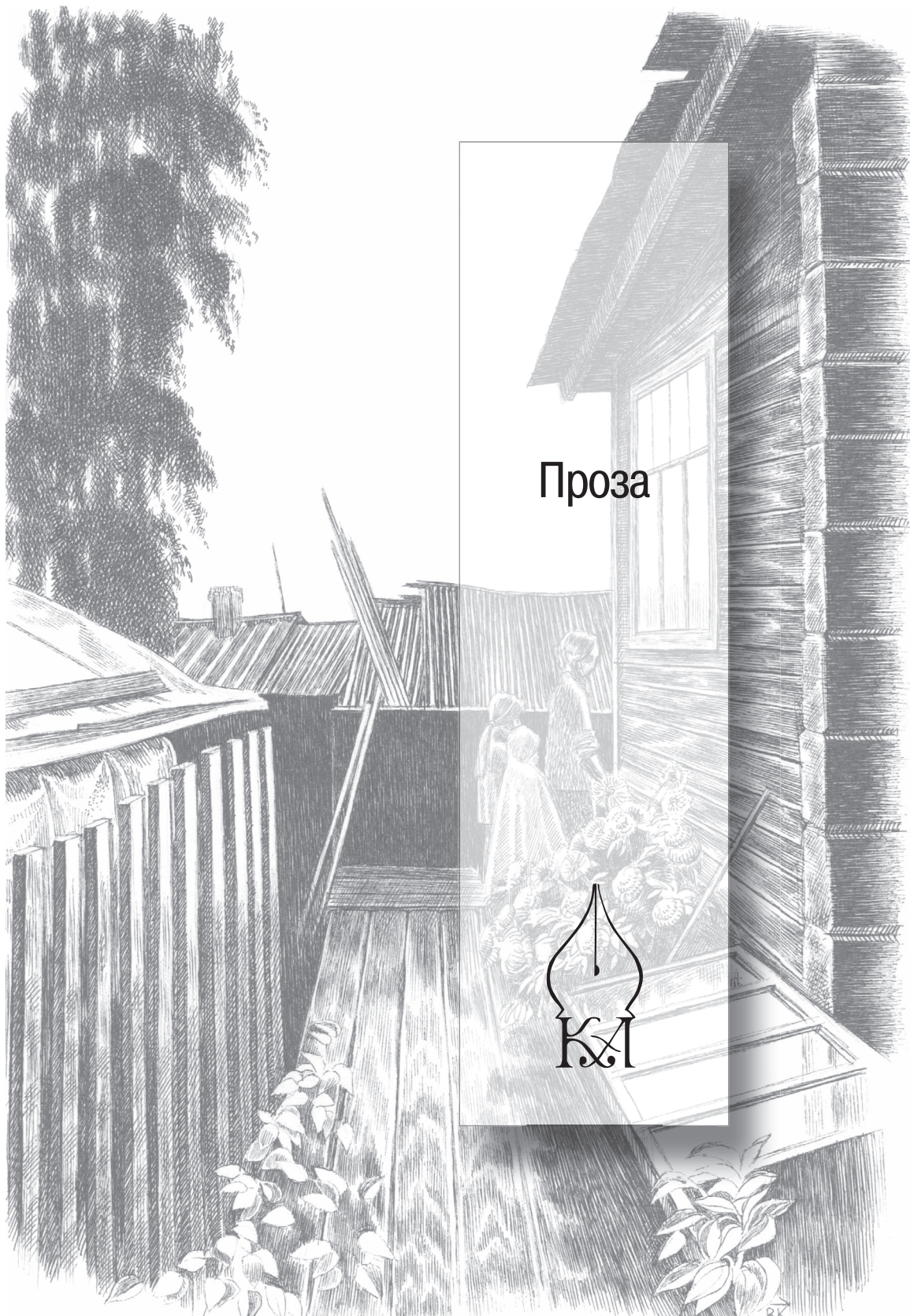
Именно благодаря ему в СССР было создано новое научно-техническое направление — по активной защите бронетанковой техники и других объектов.

Под его руководством развернулась работа по созданию единственного в мире ПТРК, который способен обнаруживать и поражать цель при отсутствии оптической видимости, — «Хризантемы-С».

Сергей Павлович Непобедимый окончил Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана в год окончания Великой Отечественной войны, после чего был направлен в Специальное конструкторское бюро (с 1964 года — Конструкторское бюро машиностроения). В КБМ он проработал 44 года, пройдя путь от инженера-конструктора до начальника и генерального конструктора.

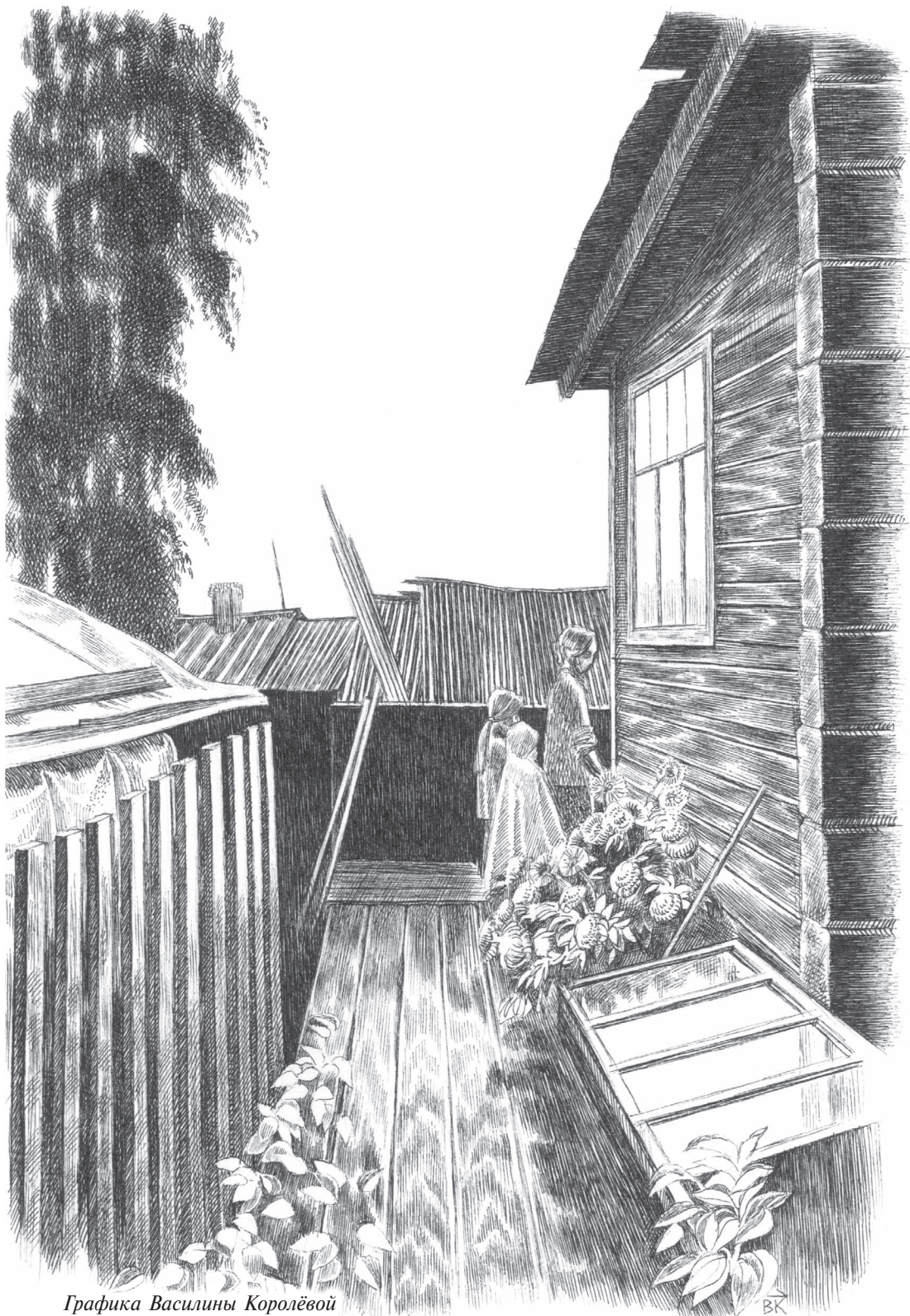
Бюст Сергея Непобедимого выполнен в бронзе. Его автором стал скульптор Сергей Олешня из Ростова-на-Дону, резцу которого принадлежит бюст Непобедимого в Щиграх — на родине конструктора. Постамент изготовил Долгопрудненский камнеобрабатывающий комбинат из токимовского гранита серо-коричневого оттенка. Порода добывают в Карелии, в месторождении Гора Токимовка.

По инициативе КБМ и ЦНИИАГ Российская академия ракетно-артиллерийских наук учредила памятную медаль «Имени С.П. Непобедимого». Первые награды вручили в день большой юбилейной даты на сцене конференц-зала КБМ. Сергей Павлович всю жизнь посвятил созданию и освоению производства новых образцов вооружения. Сдал на вооружение первый в СССР ПТУРС и первый ПЗРК, первый высокоточный тактический и оперативно-тактический ракетный комплекс. На его счету 28 ракетных комплексов различного назначения.

Проза

Графика Василины Королёвой

ВК

ШИШИГА

1

Сергей Вацлавович Малицкий родился в 1962 году. Живёт в Коломне с 1983 года. В 2000-м опубликовал первый сборник рассказов. Неоднократно печатался на страницах «Коломенского альманаха», в других «толстых» журналах. Работает преимущественно в жанре фантастики, фэнтези, магического реализма. Автор нескольких циклов приключенческих романов, изданных большими тиражами.

Его произведения отличаются яркостью стиля, изобразительной мощью, увлекательностью и неожиданными поворотами сюжета.

Награждён медалью им. И.И. Лажечникова.

Рассказ

Шишига появилась в Мокшеевке в середине лета, когда долгая сушь обернулась пожарами и небо заволокло дымом. Деревенские лесного огня боялись не слишком; не лущение ведь, чего его бояться? Понятно, что могла случиться незадача с лесной ягодой, и грибной вопрос оказывался в полной неясности, однако деревню с трёх сторон защищала река, да и дым дымом, но лес как стоял, так и продолжал стоять непроницаемой для взгляда зелёной стеной. Да и что тому лесу могло случиться от пожара? Никакой огонь этот лес не трогал, а тот, который мог ему навредить, горел где-то далеко, может, даже за топью, которая подпирала Мокшеевку с четвёртой стороны, окутывая гнусом понтонную гать и рядок покосившихся телеграфных столбов, что вели в район. Другой дороги в Мокшеевку толком и не было — ни посуху, ни помокру. Что по реке, что по перелеску — шагать было без толку. Если подобрёшься с севера — выйдешь на крутой берег среди чахлого березняка — за излучиной реки увидишь только болотистую луговину. Подплывёшь туда же на лодке или на катере с запада или с востока — её же самую. А вот если прочавкаешь по болотине или сядешь на маршрутку или на председательский уазик и пропилишь по гати, не убоявшись долгого пути, — то есть надежда оказаться в Мокшеевке, где и река тихая, чистая и рыбистая, как нигде, и лес дивный на том берегу, а не какой-то чахлый березняк, и в небе ни самолёта, ни ещё какой пакости. Одно слово — аномалия. Вот только дым всё одно доносит и глаза режет. Так

и комарьё с топи летит, не всякий раз ветром в сторону сдувается. И туман непроглядный по утрам с реки наползает, рыбаки чуть ни на ощупь на берег выходят. Говорено же, не лушение, значит, можно поплёвывать через плечо и заниматься тем, чем в деревне занимались если не испокон веку, то уж точно в последние сто лет — добывать и прессовать торф, плести корзины, гнать самогон, резать ложки и разную липовую немудрень да вялить рыбу, которая в реке не переводилась. Из реки шишига и выбралась.

Мальчишки, которые оказались свидетелями данной оказии, рассказывали потом, что сначала приняли её за русалку, мало ли, не всем же речным бабам хвастаться статью и луноликостью. К тому же русалок они видывали немало; под нерест те у каждого берега бултыхались, отпугивали рыбаков, но русалкой шишига числилась недолго. Лаврентий — томящийся в отпуске председателей водила, уронил в воду пластиковый контейнер с мелким навозным червём, положил на доски деревенской пристани удочку, прищурился, скинул взглядом худощавую, почти девчоночью фигуру в облепившем её платье из болотной травы, мокрые с прозеленью волосы, усыпанное конопушками, словно сжатое в кулачок лицо с почти лягушачьим ртом, объёмистый свёрток, который незнакомка прижимала к груди, и, сплюнув, крикнул:

— Мадонна с младенцем, кушайте — не обляпайтесь. Мать твою. Это же шишига. Кикиморка, то есть. По всем приметам она. Откуда ж она взялась? Их же хренову тучу лет уже как не попадалось. По рассказам аж с последнего большого лушения. Кто ж её накликать? Вот же ж зараза. Этого чего ж теперь будет? Всем кранты?

Вот с этого самого словца — «кранты», всё и завертелось. Мальчишеский гонец помчался в деревенскую управу, ни председателя Харитонову, ни участкового Лапшина в которой не оказалось. На улицу, словно звонок прозвенел, высыпали бабы с тазами белья, будто не было в каждом доме водопровода и стиральных машин, а водила Лаврентий уже через полчаса стоял в толпе зевак и, попыхивая сигареткой, с важным видом рассказывал, что всякая нечисть в районе на учёте стоит, но кикиморок в нём нет, поскольку последняя шишига уже лет вроде как пятьдесят назад или и того больше выбралась из болота, только её, вроде, лопатами забили или что-то вроде того, потому как разве может выбраться из болота что-то приличное? Ладно бы, ведьма из лесу пришла или лешак — у одной хвост, у другого кора на затылке, не веришь, сходи к Стоеросовому, посмотри, а то шишига. Это же страсть господняя! Ежели помыть с банным мылом, то от человека не больно-то и отличишь, вот в чём ужас-то.

— Так в чём же разница? — домогались у водилы бабы, косясь на незнакомку, которая уж и обсохнуть успела на солнце, но как встала на берегу у пристани перед синей будкой заклеенного желтой лентой пластикового туалета, так и стояла, даже с ноги на ногу не переминалась, закаменела точно.

— Нет никакой разницы, — важно выпускал из ноздрей двумя струями дым водила. — Баба как баба. И срам у нее бабский, и грудь, и стан — всё как у всех. Я, конечно, не лесник и не фельдшер какой, но глаз пока не лишился. Сами зазырьте, если не видите, её же по сырости всю платьем облепило. В нутрях у них вся разница.

— Как это? — не поняла Дуська-почтальонша.

— В потрохах, наверное, — кашлянул и сплюнул под ноги Лаврентий. — Или в башке, — сдвинул он на затылок картуз, — а не в том, о чём ты подумала.

— Ничего я и не думала! — мгновенно закипела Дуська.

— Оно и заметно, — буркнул Лаврентий и поспешил прочь, потому как с Дуськой быть в контрах, это что на собственном огороде под себя капканы ставить. Правда, прежде чем вернуться к брошенной удочке, он переделал картуз козырьком назад и пробормотал как будто в сторону, но так, чтобы услышали все:

— Девку зовите из лаболатолии этой, мать ее... Пусть все фиксирует, хватит уж семечки лузгать. И Евсея зовите. Или бабушку эту... Настёну. Мы ж тут все молодняком, а они ту историю помнить должны. Никто кроме них не допыхтел с тех времён до нынешнего дня. Луцение, говорят, в тот год было таким, что только в путь. Деревню нашу, считай, дочиста вылущило. Хорошо хоть никто не погиб. Если, конечно, не считать тогдашнего лесника, что-то с ним на воде приключилось. Мне ещё моя бабка, когда жива была, рассказывала. Только Евсей с Настёной с тех пор и дожили до нынешнего. Кое-кто с шишигами эту напасть и вяжет, кстати. А иначе какой от них толк? Не к добру это, короче.

Толку от шишиги никто никакого и не ожидал. Толк мог быть от фельдшера Иннокентия, от продавщицы из сельповского магазина Оксаны, от участкового Лапшина, от того же Лаврентия, если не раздавит с утра полбанки, от механика и электрика в одном лице Фёдора, от председателя поселкового совета Харитонов, даже от почтальонши Дуськи и то мог быть толк — она же пенсию приносит. И от учёной девки Галки, что сидела в своей лаболато... тьфу, язык сломаешь, и за лесом должна была присматривать, и то какая-никакая надёжность и ясность происходила, а от шишиги могла быть только какая-нибудь неприятность, поскольку никаких приятностей из незнакомых мест в деревню никогда не поступало. Хотя, взять того же лешего, если не приглядываться — пень пнём, а коли какая хворь навалится — прежде чем топтать к фельдшеру, загляни к Стоеросовому, пусть он и на самой околице живёт. Порой щелчком сухих пальцев снимает то, про что Иннокентий пачку бумаги каракулями расчертит. А от шишиги могла быть только беда. Во всяком случае, Колька Ферапонтов, сын того самого мастера на все руки Фёдора, как ухватился за ручку лопаты, с которой шёл к сырым камням червей копать, так и замер, словно всю деревню собой прикрыть собрался. Хороший парень, вот только молчун и щурится на левый глаз. Но это он в отца.

Евсей появился на берегу минут через сорок или через час. На пару минут опередил Настёну, что приковыляла с другой околицы. Подошёл почти вплотную, дрожащими руками выудил из грудного кармана засаленного пиджака очки с перемотанной лейкопластырем дужкой, нацепил их на нос и застыл как пень на те самые две минуты, как раз и Настёна успела подойти. Старуха ойкнула, всплеснула руками, шагнула к шишиге, обняла её вместе со свёртком, опростоволосилась, завесила седыми космами, запричитала что-то едва слышное, а потом потянула с плеч обвислую кофту, накинула на гостью и повела её куда-то в сторону своего дома. Евсей снял с носа очки, согнулся, опёрся руками о колени и тяжело опустился на подгнивший дубовый чурбак.

— Чего это? — спросил у старика Колька.

— Ничего... — пробормотал Евсей и спрятал лицо в узловатые ладони.

Звонок застиг Галку на поселковой почте. Она расписалась в квитанции и потянулась за телефоном. В Мокшеевке мобильная связь не работала, и она таскала телефон, как часы, записную книжку и фотоаппарат. В трубке прорезался голос председателя поселкового совета, который явно куда-то ехал.

— Ну, надо же! — удивился Харитон. — А я тут шпарю по всему списку, тебя чуть ли не в последнюю очередь набрал. Ты чего в посёлке? Чего не в совете? Или не у себя там?

— Встречаю тут, — ответила Галка. — На твоём уазике, если что. Из города прибыли очередные... с проверкой или ещё что... Звонили из института. На моём месте практикант Димка должен сидеть, но он с вечера в лес с командой собирался, маяки проверять, да светляков обчитать в папоротниках. Что-то их выкатило больше обычного. Что там в области новенького, Алексей Михайлович?

— Со стареньким бы разобраться... — проворчал председатель. — Сво-рачиваюсь. Не знаешь ещё? Давай, дуй в деревню. Меня Лапшин с час назад вызволил. Лаврентий, наверное, гудит по случаю отпуска? Пусть Лапшин встретит меня на своей колымаге. Или уазик ему отдашь. Я скоро буду. Меня тут подбрасывают.

— Я б отдала, да чужих везу, — ответила Галка. — Чёрт его знает, сколько пилить придётся. Хорошо бы до завтра добраться.

— Вот зараза, — пробормотал Харитон. — Понял тебя. Ладно. Сам всё вызволю. Давай, встречай свою незадачу.

— Да что случилось-то? — не поняла Галка.

— Это я тебе должен рассказывать? — удивился Харитон и добавил, прежде чем прервать связь: — Шишига на берег вышла. Ещё и с дитём. С утра ещё. Как бы чего...

«Неужто настоящая шишига?» — подумала Галка, морщась от ползущего над площадью дымка, вышла на крыльцо почты и сразу же заметила возле харитоновского уазика двоих незнакомцев. Они дружно насаживали на фаркоп уазика неуклюжий прицеп, на котором красовалась раскрашенная под камуфляж моторная лодка или даже небольшой катер.

— Эй! — заторопилась к машине Галка. — Это ещё что за самоуправство?

— А чего время терять? — расплылся в широкой улыбке тот, кто показался Галке старшим — седой и высокий, с аккуратными профессорскими усами и бородой мужчина в походном одеянии. — Галина Анатольевна?

— А вы? — она наморщила лоб, вспоминая имя московской шишки.

— Михаил Иванович, — протянул руку седой. — Со мной двое. Запомнить легко. Рыжий — Родион Сергеевич — перед вами. Ну а брюнет — Борис Семёнович — уже с неделю должен осваиваться в вашей Мокшеевке.

— Четыре дня осваивается, — пожалла протянутую руку Галка. — Долго добирался. Три раза гать терял, пока его хлебовозка не подобрала. Но, вроде бы, уже начал работать. Пока моим помогает. Вроде старательный. Вы ведь не против? А оружие зачем? У вас оружие в чехлах? Охота запрещена у нас. Особая зона.

— Так мы не охотники, — пожал плечами Михаил Иванович. — Оружие положено таскать, всё-таки лес, мало ли. А так-то мы люди мирные. Не верите? Вот.

Он полез в карман, вытащил какую-то бумагу, развернул её перед Галкиным лицом.

— Всё, как положено. Направление. Институт физических проблем. Командировка. На неделю. Может, управимся раньше. В мешках — походный набор и приборы.

— Это вы на пропускном пункте будете показывать, — отстранила руку с бумагой Галка. — Если попросят. Сами-то почему без тягача?

— В курсе местных проблем, — подмигнул Галке Михаил Иванович. — Бывает же, что гать кончается посреди топи? Сами же говорите, что наш Борька только хлебовозкой и спасся. Кто-то из местных нужен, чтобы переход не сорвался. А развернуться с таким отягощением — не так просто.

— Если гать кончается посередине топи, так и топь тут же иссякает, — нахмурилась Галка. — Отчего судёнышко задом наперёд на прицеп погружено? Не покойника же везём? И где лебёдка? Пристанька в деревне чуть живая. Кто корячиться будет?

— Корячиться никто не будет, — прижал руку к груди Михаил Иванович. — И лебёдка нам не нужна. Дёрнем за рычаг, направляющие взметнутся, и кораблик плюхнется носом в воду. У вас же там у берега сразу по грудь? Борис померил и отзвонился. Нам хватит.

— Зачем вам катер? — не унималась Галка. — У нас резиновая лодка есть. В деревне полно плоскодонок. У лесника — моторка. Мало?

— Чтобы лишний раз вас не беспокоить, — улыбнулся Михаил Иванович. — Это приплыть к вам нельзя. Уплыть-то без проблем?

3

— Чего там? — спросил Колька у белобрысой Майки, которая стояла у проволочной калитки Настёниного дома.

— А тебе зачем? — спросила дочь деревенской училки Варвары. — Настёна моя прабабка, а не твоя.

— Не вредничай, — скорчил недовольную гримасу Колька. — Она же шишигу увела. Как она?

— Вот еще любопытный нашёлся, — показала язык Майка. — А лопату зачем принёс? Хочешь шишигу лопатой забить?

— Дура, что ли? — обиделся Колька. — Это я за червями хотел к сараю сходить. А тут такое дело. Да ты заведи её. Вон, поставь у забора. Я потом за ней зайду.

— Ага, — хмыкнула Майка. — А если лушение? Нафиг мне за твою лопату отвечать?

— Если лушение, она и у меня не спасётся, — ответил Колька. — Что она делает?

— Прорастает, — пожала плечами Майка. — Ты же сам рассказывал, что десять лет назад сильное лушение было и в деревне все лопаты поразрывались? Ну, когда я с мамкой в район ездила. Не твой ли отец их ремонтировал?

— Разве то сильное? — усомнился Колька. — Вот когда шишига, тогда сильное. Что она делает-то? Я про шишигу.

— Ест, — ответила Майка. — Сама ест и ребёнка кормит. Постоянно. Грудью, конечно.

— И что же? — облизал губы Колька. — Прямо как обычная женщина?

— Я не приглядывалась, — скривила губы Майка. — Или тебе зелёную сиську высмотреть хочется? Тут другое странно. Настёна говорит, что это та самая шишига.

— В смысле, та самая? — не понял Колька.

— Которая была здесь, когда моей прабабке было меньше, чем моей мамке, — ответила Майка. — Когда ещё и моя бабушка не планировалась даже. Ну, та шишига, после которой сильное лущение случилось. Вся деревня тогда прахом пошла. Ты знаешь, сколько лет минуло? Страшное дело.

— Не может быть, — замотал головой Колька. — Они же как люди. Так же старятся. В школе же говорили.

— В том-то и дело, — понизила голос Майка. — Настёна сама ничего не может понять. Там сейчас Иннокентий. Но он что... давление померит и всё. Температуру там... Она его и не замечает даже.

— А эта... шишига, — Колька нервно сглотнул. — Она сама хоть говорит что?

— Ничего она не говорит, — ответила Майка. — Она ест. Ест и кормит ребёнка. Ест и кормит. Никогда не думала, что младенцы столько едят. Чтобы такого прокормить, надо вымя иметь, как у коровы. Блин, девчонка её всасывает в себя, как Тузик на помойке. Шишиги, кстати, вообще не говорят. Они поют. Забыл, что ли? Пошла я, вон, мамка моя идёт. И фельдшер.

— Здравствуй, Коля, — к калитке от дома подошла Варвара Викторовна — Майкина мама и первая Колькина учительница.

За ней плёлся, на ходу застёгивая саквояж с красным крестом, деревенский фельдшер Иннокентий. Он посмотрел на Кольку, кивнул ему, обернулся к Варваре, которая числилась в деревне первой красавицей, как будто хотел что-то сказать, но только махнул рукой и затопал в сторону медпункта.

— Сохнет, — вполголоса объяснила Майка. — Вот вырастешь, Колька, и тоже будешь по мне сохнуть. Хотя можешь уже сейчас начинать.

— Зря ты здесь стоишь, Коля, — притворила калитку Варвара. — Новостей пока никаких нет. Пошли, Майя. Нам нужно вынести из дома всё деревянное. Хорошо, хоть середина лета. Урожай не успели собрать с огорода, а то остались бы без припасов. И ты бы шёл домой, Коля. Вам ничего не надо убрать из дома? Лущение будет сильным.

— У нашего дома стропила деревянные, — вздохнул Колька. — Их разве уберёшь?

— Здравствуйте, Евсей Никодимович, — улыбнулась Варвара через плечо Кольки, и тот, обернувшись, увидел ковыляющего к дому старика.

— Как она? — спросил Евсей.

— Ждёт, — ответила Варвара.

Родион уселся за спиной Галки, и она только на заправке поняла, что в салоне ей нечем дышать. Так, словно за спиной у неё притаился дикий зверь. Заправила главный бак, запасной, чертыхаясь на прицеп, открыла заднюю дверь, залила бензином все четыре канистры. Харитон любил порядок, поэтому на каждую были натянуты широкие резиновые кольца из старых автокамер, чтобы канистры не гремели в дороге друг о друга. Ну не Лаврентий же об этом позаботился? Села на место, оглянулась на второго спутника и решительно кивнула на правую сторону пассажирского дивана:

— Пересаживайтесь. Нечего мне в затылок дышать.

Родион ухмыльнулся, но послушно передвинулся вправо.

— Беспокоит? — с пониманием обернулся Михаил Иванович.

— Топь, — неопределённо пожала плечами Галка, трогая машину с места. — Я всё должна видеть. И пассажиров в том числе. Да, не пристегивайтесь. Быстро не поедем.

— Однако залились бензином так, что не то, что до Рязани, до Москвы хватит доехать, — заметил Михаил Иванович. — Тут же всего десять километров или и того меньше?

— Вы отчёты по фиксации аномальности читали? — спросила Галка.

— А то, — кивнул Михаил Сергеевич. — Рекорд принадлежит комиссии из городского отдела народного образования. За неделю так и не добрались. Пока ваш водитель со странным именем...

— Лаврентий, — сказала Галка. — Он тогда ещё, считай, мальчишкой был.

— Точно, — согласился Михаил Иванович. — Пока он не вылез из машины и не пошёл пешком за помощью.

— Примерно так, — согласилась Галка. — Тут-то комиссия и обнаружила, что она и на полкилометра от КПП не отъехала. Так, кстати, и не добралась до Мокшеевки. Плюнула.

— Аномалия, — развел руками Михаил Иванович. — А вон и КПП. Я, кстати, видел в отчётах о том казусе мнение, что всё дело в вашей учительке Варваре. Вроде как это она порчу навела. Ведьма, мол.

— Варвара — человек, а не из тайного народа, — отрезала Галка. — К тому же по тому году она ещё сама в школу ходила. Да не в нашу начальную на полусотню ребятишек, а в поселковую.

— Ну, ведьма-то не всегда родовой признак, — ухмыльнулся Михаил Иванович. — Иногда это призвание. И от возраста не зависит.

Галка остановила машину на КПП, забросила в рот подсолнечное семечко, разгрызла и сплюнула шелуху в открытое окно. У другого окна широкоплечий охранник шелестел бумагами её спутника. Впереди лежало кажущееся бескрайним болото, которое пересекала, уходя к горизонту, полоса гати. Над топью в летней мари подрагивали силуэты чахлой поросли, выстроившиеся в ряд телеграфные столбы и ползущие над ними языки дыма от отдалённых лесных пожаров.

— Жареные? — спросил Михаил Иванович, убирая документы в грудной карман.

— Не особо, — выдвинула из-под правого локтя туесок Галка. — Угощайтесь. Советую сыпануть в карманы. Не знаю как где, а у нас без семок

никто не ходит. Иначе гнус пожрёт. Лучше семечки лузгать, чем собой комарё кормить.

— У вас даже гнус особенный, — отметил Михаил Иванович, в очередь с Родионом зачерпывая семечки. — Семечек боится. Удивительно. А вы сама?

— В смысле? — нахмурилась Галка, вырulingая на гать и морщась от ощущения тяжелого прицепа за спиной. — Ведьма или нет?

— Ну, если бы я захотел об этом спросить, то спросил бы, — сказал Михаил Иванович. — Вот если бы не мы, сколько бы заняла дорога до Мокшеевки?

— На гати особенно не разгонишься, — прикинула Галка. — Даже без прицепа я б ехала не быстрее сорока, а то и тридцати кэмэ. Так что... минут двадцать.

— То есть, вы из местных? — уточнил Михаил Иванович.

— А в Мокшеевке все местные, — ответила Галка. — Из неместных только мой ассистент практикант Димка, его приятель однокашник Вовчик, да ваш Борька. Борис Семёнович, если угодно. Ну, вот ещё вас двоих везу. Не по себе у нас неместным. Свербит их. Ну, так и меня свербило, когда я в Москве училась. Еле выдержала. А родители мои так и не смогли жить вне деревни. Может, поэтому и прожили... недолго. Вернулись, да поздно.

— Аномалия, — согласился Михаил Иванович. — Поэтому и вся ваша местная молодежь тоже летом в Мокшеевке обретается. Какое там море или ещё что. Родная сторона тянет. Представляете? Вот сейчас ваш председатель — Алексей Михайлович Харитонов — вернётся в деревню, и за её пределами никого не останется, кто является исконным жителем Мокшеевки. Я бы сказал автохтоном...

— А вы откуда знаете, что Харитонов вернётся? — посмотрела на пассажира Галка.

— Помилуйте, Галина Анатольевна, — расплылся в улыбке Михаил Иванович. — Мы же с вами занимаемся наукой. А наука любит точность. Или вы думаете, что я не знаю про шишигу? Заодно и посмотрим.

5

В горнице у Настёны было светло. Сама старуха, подобрав волосы, суетилась у пластмассового комода из Икеи, выбирая какие-то аккуратно сложенные вещи, видно, младенческое снаряжение от подросшей Майки, а шишига сидела за столом и кормила грудью ребёнка. И грудь, и ребёнок были обычными — розовыми. Только ребёнок казался чересчур большим для того свёртка, с которым шишига стояла на речном берегу. Из-под пелёнки торчали ноги, на затылке кудрявились русые с прозеленью волосы. Ребёнок причмокивал и сосал грудь. На столе перед шишигой стоял открытый пакет молока, парила свежесваренная картошка, поплёскивали пупырчатые огурцы.

— Рискуешь, Настёна, — проскрипел Евсей, стягивая с головы картуз. — Молоко с огурцом?

— Так я не в свой рот закладываю, — огрызнулась старуха. — А ей-то виднее видного. На что пальцем ткнула, то я и на стол поставила. Это же она самая, Евсей. Узнал?

— С ума, что ли, сошла? — тяжело опустился на лавку Евсей. — Где ж она самая? Сколько лет прошло. Ты на себя в зеркало смотрела? И на неё посмотри. Или она из морозильника выбралась? Пропала она тогда, до сих пор не знаю куда. Вспомни. В себя пришли — никого нет. Только мусор какой-то.

— Точно она, — выложила на стол стопку одежды и показала на растрескавшуюся, пустившую несколько побегов с зелёным листом деревянную прялку Настёна. — Она сама и пропела. И дитёнок этот твой. Девочка! Растёт не по дням, а по минутам!

— Окстись, — сморкнулся в платок Евсей. — Я тогда и не знал толком, что у бабы под подолом. Мне ж и семнадцати ещё не было. Как так?

— Если бы всё через подол только делалось, может, и не было бы ничего, — прошептала Настёна. — Ты с ней говорил тогда? Говорил? Пел даже? Или как?

— Мало ли я чего пел! — закашлялся Евсей. — Успокаивал я её. Бормотал что-то. Если бы от каждого куплета дети рождались, я бы давно голоса лишился. Ты тогда тоже рядом стояла. И что с того?

— Ничего, — покачала головой Настёна, потом сдвинула с уха седую прядь и показала старый шрам на шее. — И не стояла я, а лежала. Меня первой по голове саданули.

— Я тебе могу с десяток шрамов показать, — сдвинул брови Евсей. — Вся спина располосована! Я, если хочешь...

Евсей осёкся, потому что шишига вдруг запела. Чуть слышно, так, словно прозрачная нитка вплелась в кружево занавесок на Настёниных окнах. Соединилась с летним солнечным лучом, падающим на пол. Скользнула по льняным салфеткам на телевизоре и на комод. Закружилась пылинкой над солнечными узорами на половицах. И слилась с потрескиванием побегов, поползших из уже ожившей древней прялки.

6

— Почему лущение? — спросил Михаил Иванович.

Машина медленно ползла по гати, за нею громыхал прицеп, телеграфные столбы уходили за спину.

— Почему происходит? — не поняла Галка.

— Почему так называется? — уточнил Михаил Иванович. — Лущение — это ведь другое. Ну, или особый вид вспашки. Или обработка древесины. Или чистка орехов тех же. Вот, мы сейчас семечки лузгаем или лущим. Почему эта хрень, которая происходит в вашей деревне раз в год, называется лущением?

— Не знаю, — задумалась Галка. — Просто слово такое. Но мама мне говорила, как ей бабка рассказывала, что поначалу в Мокшеевке заборов не было. Их и сейчас почти нет, рабица там или профлист, а раньше и вовсе не было. Плетни были. Из ивы, из орешника. Из лещины, как у нас говорят. И, когда лущение впервые случилось, они стали прора-

стать. Прорасти, созреть и шелушиться. С таким... треском. Лушиться, то есть. Орехами. Потому и лушение.

— И когда же это случилось? — прищурился Михаил Иванович.

— Известно, когда, — с недоумением посмотрела на пассажира Галка. — В тот год, когда это всё началось. В самом конце октября шестьдесят первого. А то вы не знаете?

— Потому и спрашиваю, — хмыкнул Михаил Иванович, отправляя горсть шелухи в открытое окно. — Так то ведь не первое лушение было.

— А когда же было первое? — заинтересовалась Галка.

— Конец девятнадцатого века, — ответил Михаил Иванович. — Заметочка проскочила в Рязанских губернских ведомостях. О пропавшей деревне. Не интересовались?

— Бросьте, — махнула рукой Галка. — Это миф. И газеты такой не сохранилось. Я бы знала! Да и цензура. Не могли такого написать в губернских ведомостях.

— Предварительная цензура действовала примерно до тысячи восемьсот шестьдесят первого года, — согласился Михаил Иванович. — Да и потом так просто подобный материал на такие страницы попасть не мог. Но была попытка выпуска литературного приложения. И вот, представьте, удалось разыскать список с той заметки.

— Через сто пятьдесят лет? — улыбнулась Галка. — Или и того больше? Да нашей деревне меньше! И приложение — литературное! Фантазия чья-то.

— В огороде приходилось по малолетству копать? — поинтересовался Михаил Иванович. — Монеты медные, ещё что — находить? Я серьёзно спрашиваю. Или будете упираться, что никакого поселения на том самом месте не было?

— И что же написано в этом вашем списке? — спросила Галка.

— Нечто странно совпадающее с нынешними событиями, — ответил Михаил Иванович. — Якобы из реки вышла шишига или кикиморка. Ну, по описаниям — женщина в платье из травы. Но не человек. Её забили лопатами. Нечисть ведь. А народ всегда отличался суевериями. Тогда — особенно. Вот тут лушение и приключилось. Всё, что было деревянного, пошло в рост. От деревни ничего не осталось. И от людей — ничего не осталось. Ну, не знаю, может, кости какие, но, скорее всего, и их корнями перемололо. Никто костяков на огородах не находил?

— Не слышала, — призналась Галка.

— Вот, — кивнул Михаил Иванович. — Прорастало всё это дело, кудрявилось, а над порослью этой текла песня, которая сводила с ума. Так что не так проста эта шишига. Погибель она. Понимаете?

— Не сходится, — покачала головой Галка. — Кто пел-то, если шишигу лопатами забили?

— А кто у вас песни распевает, когда ежегодное лушение случается? — спросил Михаил Иванович. — Шишига-то не всякий раз является. Когда, кстати?

— По-разному, — ответила Галка. — Обычно по фазам луны, но не всегда. Да и что там за песни? Чуть слышно звенит что-то. Может, это галлюцинация? Ну, как в ушах звенит. Да и что там за лушение? В шестьдесят первом — да, лушение сильное было. После того и дома все в Мокшеевке

из камня стали строить, теперь уже и окна пластиковые, и мебель. Только лущение было, а погибели — нет. А с тех пор только лет десять назад было что-то посильнее. Приезжий пошёл в заповедный лес и срубил несколько деревьев. Древесина ему нужна была редкая. Думал плот связать и сплавиться на нём до города. Вот тогда в деревне все лопаты в рост пошли, топоры, пилы. Рукояти, конечно. Железо рвали, когда корни пускать начали. А тот лесоруб еле ноги унёс. Однако не погиб.

— А шишига не появилась, — задумался Михаил Иванович. — А он еле ноги унёс. Можно сказать, холостой выстрел... И тогда пение было слышно отчетливо. Без шишиги. Вы же учёный, Галина Анатольевна?

— Поэтому на веру ничего не принимаю, — отрезала Галка. — Да и кто мог описать то давнее лущение, если никого в живых не осталось?

— Да был тут один любитель-натуралист, — пробормотал Михаил Иванович. — Лавры Леонида Сабанеева ему не давали покоя. Мечтал написать книгу о мещерской рыбалке. Вот как раз он и наблюдал всё это дело. Из лодки, в которой Мокшу исследовал. Даже спас какого-то подростка, что в воду бросился. Следы того потом затерялись, но якобы спасённый рассказал, что размолотили ту шишигу в кровавую пыль, и даже дети топтали её на деревенской площади.

— И что же, — скривилась Галка. — Уничтоженная шишига отомстила даже детям? Не похоже что-то на тайный народ.

— А что вы знаете о тайном народе? — посмотрел на Галку Михаил Иванович.

7

В ноутбуке ничего деревянного не было, но Колька на всякий случай вынес и его на улицу тоже. Включил, сидя на деревянной скамейке у дома, скамейке, которой, возможно, осталось жить какие-то часы, если не минуты, прищурился и резко обернулся к притаившейся за кустом жасмина Майке.

— А ты чего здесь?

— А ничего, — надула губы Майка. — Деревянное всё вынесли, да и чего его было? Дома только пластик, жёсть да керамика. Мамка вытасила на улицу всё бельё. Мол, хлопок, лён. Опасно. Не синтетика же?

— Ага, — хмыкнул Колька. — Моя мамка тоже копается. Обман это всё, какой там хлопок. Этот... полиэстер. Сюда смотри.

— Чего там? — присела рядом Майка, уставилась в экран. — Карта? Да я это тысячу раз видела. Что в этом поисковике, что в других. Нету нашей деревни на карте. Пустое место. Пустошь. Вот река, вот высокий берег, вот наша луговина. А деревни нет. Мы — аномалия.

— Да знаю я... — разочарованно пробормотал Колька. — С одна тысяча девятьсот шестьдесят первого года. Аномалия. Одно только непонятно. Бомбу тогда взорвали на Новой земле, а аномалия — мы. Это ж сколько от нас на север-то?

— А чего твой папка об этом говорит? — спросила Майка. — Он же самый умный в деревне. Ну, может, ещё Харитон или Галка из лаборатории, а так-то точно он. Ну и моя мамка, конечно.

— Непонятное он говорит, — пробормотал Колька. — В последний раз, как я к нему приставал, он взял в руку шарик, что я надувал, и стиснул в кулак. Ну, ты же видела, какие у моего отца ручищи? Стиснет так стиснет. Ну, шарик лопнул, конечно, но сначала у отца между пальцами пузырь от шарика вздулся. Смотри, говорит. Та бомба — это как вот этот кулак. А наша деревня, как пузырь. Где слабое место, там и вспухло. Прореха в ткани бытия. Куда-то воздух деваться-то должен. Ты чего-нибудь поняла бы?

— Да все понятно! — хихикнула Майка. — Получается, что наша деревня или же вообще вся Мещера и есть это слабое место. Сколько там они закрутили в той бомбе? Сто мегатонн? Это ж как в городской квартире в бомбочки играть. Взрывает у себя, а отзывается у соседей. А потом в твою же вентиляцию вышибает. Или твой отец не говорил, что расчёты не совпадали? Должно было бамкнуть на сто мегатонн с лишним, а бамкнуло едва ли на пятьдесят. А куда ещё пятьдесят делись?

— Туда, что ли?

Колька обернулся, даже привстал и посмотрел в сторону реки, над которой возвышался дивный зелёный лес. Деревья в три раза выше обычных, некоторые точно как далёкие забугорные секвойи. Стоит углубиться на десяток шагов — грибы высотой по колено взрослому человеку, ягоды — что твоё яблоко. Зайдёшь дальше — онемеешь от красоты, от запахов, от птичьих песен. Пройдёшь на полкилометра — увидишь маяки, что Галка со своими практикантами расставляет. Деревенские и дальше могут зайти, а приезжие только до маяков. Два-три шага лишних, и вот уже ты не в дивном лесу, а на обычном колхозном поле. И добираться до деревни как хочешь. Пешком, за многие километры через посёлок в обход.

— Мамка говорила, что учёные предупреждали тогдашних правитель, — прошептала Майка, — что не надо сто мегатонн взрывать, и пятидесяти хватит. А те не послушались. Мол, бабахнуть, так бабахнуть. Вот оно и бамкнуло. Бамкнуло там, а накрыло нас. Не хочешь за маяки прогуляться?

— Боязно, — признался Колька. — А что если обратно дороги не найдём? Да и Стоеросовый предупредил, чтобы не забредали. Сказал же, что там «в общем всё дикое».

— И что же? — не поняла Майка. — У Стоеросового всё — «в общем».

— И ничего, — буркнул Колька. — Папка говорил, что в самих-то мещерских лесах медведя теперь не встретишь, да и волк только случайный может попасться, но и лося бояться надо. Или там кабана. А в том лесу? Ты видишь, какие деревья? Представляешь, какие там звери могут быть?

— Слушай! — аж подскочила на месте Майка. — А давай как раз сейчас к Стоеросовому ходим? Спросим у него, почему шишига в деревню пришла? Она ведь так просто не приходит!

— Он не любит, когда ради баловства, — нахмурился Колька. — Вот если бы я палец порезал...

— Давай я себе палец порежу! — тут же вызвалась Майка.

— Я тебе порежу! — обозлился Колька. — Ладно, пошли. У меня чирей на локте. От сырости, наверное. Хотел выдавить, но уж ладно. Пошли к Стоеросовому.

— Надо было столбы пронумеровать, — вдруг сказал Михаил Иванович. — Тогда сразу было бы понятно, отчего мы эти чёртовы десять километров третий час не можем проехать. Где тут проруха...

— Не вы ли только что меня учёностью попрекали? — спросила Галка. — И столбы нумеровали, и много ещё чего делали. Приглядитесь. На столбах вам и электролиния, и волоконный оптический кабель. Недостаточно? Будете ехать и к каждому столбу выходить? Может так статься, что все они будут под одним номером. А вернуться задумаете, сразу учёт на убыль пойдёт. А про развилки что скажете? Вот если Харитон прибудет в посёлок, и участковый его встретит, то они и раньше нашего могут в деревню приехать. Да и приедут, я уверена. А мы ни участкового ни встретим, ни того, как они обгонять нас будут, не заметим.

— И как вы это можете объяснить? — спросил Михаил Иванович.

— А никак, — ответила Галка. — И поумнее люди, чем я, объяснить пытались. Думаете, просто так КПП поставили на гати? Чтобы в покое нас оставили. Кого здесь только не было. И альтернативщики разные, и уфологи, и священники, и туристы... У нас уже и объяснялки все затупились. А знали бы вы, сколько тут умников с разными приборами поперебывало от академических институтов...

— А вас, выходит, устраивает, что вы ходите в лес и проверяете маяки? — спросил Михаил Иванович. — Мол, можно ли их поставить дальше или надо придвинуть ближе? Спокойной жизни хотите? Смысл бытия в этом находите?

— Меня устраивает, когда всё идёт свои чередом, — ответила Галка.

— Почему вы не заходите за маяки? — спросил Михаил Иванович. — Вы же из местных. Вас не должно выбрасывать.

— Никто не заходит, — после недолгой паузы ответила Галка. — Даже дети, которые куда угодно пролезут. Страшно.

— Страшно? — переспросил Михаил Иванович.

— До жути, — кивнула Галка. — Вот мой практикант Димка. Он не чувствует страха, зато его и выбрасывает. Он и верёвкой обвязывался, и с разбегу пытался — бесполезно. Выбрасывает вместе с верёвкой, никаким узлом не удержишь. А я шагу сделать лишнего не могу. Ужас.

— Есть чего бояться? — спросил Михаил Иванович.

— Не знаю, — призналась Галка. — А может, это просто вот такое КПП с той стороны?

— Вы не ответили на другой вопрос, — вспомнил Михаил Иванович. — Как вы относитесь к тайному народу?

— Как к соседям, — ответила Галка. — Вот у нас в деревне их двое. Стоеросовый — леший. И лесная ведьма. Мракой её зовут. Так-то у них имён нет, это мы их так называем. И что? Если не приглядываться, обычные люди. Мрака — так и в очереди в сельпо с бабами может поцапаться. И в долг у Оксаны-продавщицы берёт так же, как и другие. Я бы даже сказала, что та же Оксана куда как больше на ведьму похожа, чем Мрака. Или, к примеру, Варвара. Другой вопрос, что у них хвоста нет. Ну так и Мрака свой хвост никому в лицо не тычет. А Стоеросовый так

и вообще наше всеобщее спасение. Такие болячки врачует, что никакой фельдшер не справится. Только что справок не даёт.

— И как же они зарабатывают? — спросил Михаил Иванович.

— Мрака уборщицей в школе, а Стоеросовому деревенские помогают. Кто чем. А что?

— Ничего, — как будто задумался Михаил Иванович. — Этот ваш тайный народ... Тогда, после этой «Кузькиной матери», если читали, бомбу так ту поганую назвали, лет десять или даже пятнадцать смута была. Кстати, именно она и объединила человечество. Ну, не в прямом смысле, но кое-какую пользу это самое явление тайного народа принесло. Сразу как-то забыли, кто из нас белый, кто чёрный. Не до того стало, когда вдруг домовой или леший из сказок на околице твоей же деревни оказывается. Это сейчас все уже привыкли. Да и то... Понятно, что их не так уж много, вот в нашей стране и сотни тысяч не наберётся общим числом, и всё-таки. Да и этот лес ваш. Он ведь не только здесь... Ещё много где. Только появляется мимоходом. Как мираж. Понимаете?

— Я знаю, — кивнула Галка. — Вы мне другое скажите. Вам-то что надо в деревне? И катер вам зачем? Только без дураков.

— Ну, без дураков-то не обходится обычно, — засмеялся Михаил Иванович. — Знаете, вот та давняя история с шишигой... Она о чём говорит? Тут у нашей планетки тонкое место. Слипается она здесь с другим миром. Можно сказать, что вовсе лоскуток нашей местности к другому миру прилип.

— Небо звёздное над головой у нас наше, — не согласилась Галка. — Уж поверьте. Я Большую и Малую Медведицу ни с чем не спутаю.

— Я не про небо, — стал серьёзным Михаил Иванович. — Я про людей. Вы же все там одной ногой в одном мире, а другой — в другом. А может, и обеими там.

— И что? — посмотрела на него Галка. — Даже если и так? Кому это мешает?

— Многим, — твёрдо сказал Михаил Иванович. — Всё должно быть упорядочено. Левое — слева. Правое — справа. Всё. Всё должно быть понятно и чётко. Не как вот эти столбы, которых от вашей деревни до КПП должно быть штук двести. И двести их и есть, я в этом уверен, так какого хера они не кончаются, если мы уже тысячи три проехали?

— Спокойнее, — удивилась Галка внезапному раздражению спутника, даже оглянулась на второго пассажира, что сидел за спиной, уставившись в окно. — Или вы не знали, куда ехали?

— Поэтому и еду, что знаю, куда еду, — пробормотал, успокаиваясь, Михаил Иванович. — Мне плевать на ваш тайный народ. Но всё должно быть упорядочено. Так что лучше бы его вовсе не было. Разве что в сказках.

— И как вы собираетесь упорядочивать? — поинтересовалась Галка. — Тогда надо было ехать сюда на бульдозере. Деревню нашу в реку спихнуть. Да, и передвижной крематорий прихватить не помешало бы. Мы ж все, по вашему мнению, явно тоже пусть и не тайный народ, но не вполне люди. Думаете, поможет?

— Я не сторонник радикальных мер, — рассмеялся Михаил Иванович. — Но, думаю, что-то делать надо. Другой вопрос, что не мы должны делать. Мы должны лишь... подтолкнуть. А делать — они.

— Они? — подняла брови Галка.
— Они, — твёрдо сказал Михаил Иванович.
— Кто это они? — не поняла Галка. — Вы что, думаете, с той стороны есть какое-то правительство или парламент?

— Что-то же должно быть? — пристально посмотрел на Галку Михаил Иванович. — Может, эта шишига... что-то вроде уполномоченного? Или... вот такой предохранитель. Кстати, у вас самой-то никаких вопросов по её поводу не возникало?

— Возникало, — кивнула Галка. — К примеру, почему она появляется? Ведь ничего не происходит. Потом появляется шишига, и что-то начинает происходить. В чём причина? Или её вовсе нет? Предчувствие? Предсказание?

— Есть причина, — растянул губы в улыбке Михаил Иванович. — Вот, к примеру, то лушение от шестьдесят первого года. Знаете, почему оно началось? Думаете, бабахнуло на Новой земле, и тут же нате вам лушение. Нет. Предположим, что один рыбак поплыл на позднюю осеннюю рыбалку. Ну, понятное дело, сети снимать. Вытягивает сети, а там баба! Утопленница! С ума сойти. Подтягивает её к борту, а она вдруг шевелиться начинает, да ещё и верещит о чём-то. Тут кто угодно с ума сойдёт. Выхватил весло и стал молотить её по голове. Пока не добил. А потом погиб и сам.

— Прадед Семёныча — нынешнего лесника, — пробормотала Галка. — Тоже лесником был. Единственный погибший. А вы откуда знаете?

— Документы надо изучать, — довольно ответил Михаил Иванович. — В самые давние архивы закапываться. Так что мы ещё посмотрим, что к чему. Ту русалку и этого вашего прадеда на ближайшей понтонной переправе выловили. Вместе с лодкой и с сетью. Ещё и пытались опознать девку, так и оставили висяком. Слизь и плёнки на ней признаками разложения сочли. А у прадеда весло в животе торчало. Решили, что напоролся. Главное, уметь сопоставлять. Представляете? Вот тебе и висяк. И через сотню лет преступления раскрываются.

— Да уж, — поёжилась Галка. — Хотя и странно. Семёныч говорил, что у них в роду не принято было браконьерничать. Тем более веслом по голове. Хотя, кто его знает, как ты себя поведёшь, если мертвец перед тобой оживёт?

— Ага, — хмыкнул Михаил Иванович. — Особенно после всех этих фильмов про зомбаков. Тогда их, впрочем, не было ещё.

— У русалки ведь никакого хвоста нет, — размышляла вслух Галка. — Действительно, только перепонки между пальцами да слизь по всему телу. С непривычки можно и перепутать. И вы, выходит, собираетесь всё это расследовать? Или как? Так вы учёные или кто? Из органов?

— Я ж вам говорил, смотрите бумаги, — хохотнул Михаил Иванович. — Как говорится, попытка — не пытка. Разберёмся, что тут у вас и к чему. В том числе и на шишигу посмотрим.

— А вы не бойтесь, что пока мы едем, она уже там всю лушение проворачивает? — спросила Галка.

— Это вы должны бояться, — сказал Михаил Иванович. — А мы не боимся. Без нас не начнут.

— Это ещё почему? — удивилась Галка.

— Предчувствие, — ответил Михаил Иванович.

Дом Стоеросового стоял на отшибе. Вместо забора — стена сирени. Вместо дверей — огромный пласт дубовой коры. Только что окна пластиковые. Но это уже была дань моде и удобству. Стоеросовый лущения не боялся. Или, точнее, оно в его доме не прекращалось. Точно так же, как и в соседнем доме, что хоть и был собран из пеноблоков, но всё одно едва проглядывал из-за стены дикого винограда. В том доме жила Мрака. Говаривали, что некоторые деревенские мужики заживали к ней в гости, но с поличным никто пойман пока не был.

Майка постучала в дверь Стоеросового раз, другой, потом окликнула лешего негромко, крикнула погромче: «Дядя Стоеросовый! У нас тут чирей на локте!» — и потянула дверь на себя. Та распахнулась. В крохотной халупе — сени, да светёлка — никого не было. Печь была остывшей, а по полу светёлки, что никак не напоминало Стоеросового, были разбросаны его колотушки, деревянные плоски, а также свистульки и смешные фигурки лесных духов, что Стоеросовый вечно вырезал из липы для деревенской детворы.

— Что-то случилось, — твёрдо сказала Майка. — А ну-ка! Пошли к Мраке!

Мраку Колька побаивался. Точно так же, как побаивался безволосого кота, которого завела Майка. Изредка, когда приходилось забежать к ней домой за тетрадкой или ещё зачем, вздрагивал, когда видел страшную лысую кошачью морду. Примерно то же самое он испытывал, когда думал про хвост под подолом платья Мраки. Хотя, с другой стороны, если бы такой же хвост оказался и у Майки, можно было только вздохнуть. Подумаешь, какое дело. Просто мыться дольше.

Не в пример запущенной халупе Стоеросового, у дома Мраки можно было устраивать фотосессии. Да, сам домик и проволочный забор утопали в диком винограде, но всё остальное пространство было заполнено идеальным газоном, который сбегал низким берегом к самой воде.

«А ведь здесь посидеть с удочкой было бы в удовольствие», — подумал Колька.

— Дверь открыта! — настороженно произнесла Майка. — А я была с мамкой у Мраки. Та всегда изнутри запиралась! Да и так закрыть не бывала!

— Чего вы у неё забыли? — спросил Колька.

— Учились, — пробормотала Майка. — Тебе не понять. Это всё бабские дела.

— Может, девичьи? — пробормотал Колька.

— Может, и девичьи, — ответила Майка, открывая дверь. — Жизнь покажет.

Мраки тоже дома не оказалось. Зато всюду были разбросаны одежда, осколки разбитой посуды и темнели какие-то пятна на полу. Майка опустилась на колени, макнула в пятно палец и, к ужасу Кольки, облизала его.

— Так, — Майка побледнела. — Это кровь ведьмы. А это... — она пригляделась к пятну на косяке двери. — Это кровь человека... А ну-ка, быстро отсюда...

На выходе они столкнулись с запыхавшимся и бледным председателем Харитоновым, не успевшим поменять городской прикид. За ним стояли участковый Лапшин, лесник Семёныч, Колькин отец Фёдор и Майкина мать Варвара.

— Майка! — всплеснула руками Варвара.

— А это мой, — довольно упёр руки в бока Фёдор.

— Знаем, что твой, — проворчал Харитон. — Что один, что другая — каждой бочке затычка. Что там?

— Мраки нет, — зачастила Майка. — На полу — её кровь. На косяке — кровь человека. Кажется, мужчины.

— Может, и имя скажешь? — шагнул к крыльцу участковый. — Больше ничего не трогали?

— Ничего, — выдохнул Колька.

— Имя не скажу, — вздохнула Майка. — Не доучилась ещё.

— Будь здесь, — твёрдо сказала Варвара и пошла в дом за участковым. «А ведь Майка похожа и на мать, и на Сан Саныча Лапшина», — подумал Колька, глядя вслед участковому и Варваре.

— Стоеросового тоже дома нет, — буркнула Майка. — Мы там тоже были.

— Да уж знаем, — сплюнул Харитон. — Ищем.

— Кровь на косяке не деревенских, — появилась на крыльце, обливая губы, Варвара. — Это или Димка, что у Галки практикантом, или его приятель Вовчик. Ну, или этот командировочный, Борис.

— Ни Димка, ни Вовчик не сладили бы с Мракой, — чертыхнулся в сенях участковый.

— К тому же Димки уже нет, — прогудел Семёныч, косясь на Кольку и Майку. — Ещё утром я его нашёл на том берегу. Профессиональный удар ножом в сердце. Со спины, если что.

— Ой! — закрыла лицо ладонями, присела на ступени Майка.

— А вот и ваш Вовчик, — раздался тонкий голосок от воды.

Колька шагнул с крыльца. У берега по колена в воде стояла русалка. Обнажённая, прекрасная, черноволосая и, как водится, скользкая. Колька нервно слотнул. Интересно, зачем они мечут икру, если у них грудь? Или они не мечут, а лакомятся ею? Тогда почему дразнят мальчишек? Издеваются?

На траве перед русалкой лежал без чувств Вовчик.

— Ийя! — метнулась к русалке Варвара. — Ты как здесь?

— Так же, как и ты, — выпустила изо рта струйку воды русалка и, прежде чем, сверкнув ягодицами, уйти в воду, добавила: — Переплыть вздумал реку, да силы не рассчитал. Вдобавок кто-то саданул его веслом по затылку. Пришлось поддержать... за разные места. Да, ладони у него порезаны, похоже, за нож хватался. Но дышит сам. Думаю, придёт в себя через часик. Мучить не надо, воды в лёгких у него нет.

— Неужели Борис его? — пробормотал Семёныч. — За что? И где он сам тогда?

— Я сплываю, — показалась на поверхности голова русалки. — Лодка лабораторная, резиновая которая, по течению уплыла, я видела. Кажется, с грузом. Может, Борька тоже убитый и в лодке. Тогда убийца кто-то ещё. Хотя... Ладно, догоню и приволоку к пристани! Должны будете!

— Похоже, я с долгами не скоро расплачусь, — побледневший Лапшин ощупывал Вовчика. — Кто там? Колька? Майка? Бегом за фельдшером!

— Одно непонятно, — процедил сквозь зубы Харитон. — Причём тут шишига?

10

— Уже не развидеть, — пробормотала Галка, приглядываясь к горизонту.

Кажется, на нём стал проступать заречный лес. И вместе с тем какое-то тягостное чувство начало накрывать Галку с головой.

— В смысле? — посмотрел на неё Михаил Иванович.

— Допустим, что каким-то образом можно удалить весь тайный народ, — стала объяснять Галка. — Отправить в их тайные земли. Избавиться. Да перебить в конце концов. Лес исчезнет на высоком берегу напротив Мокшеевки. Сама деревня окажется на всех картах. Миражи по всей земле перестанут народ волновать. А как же память? С нею-то что делать?

— Сказки сочинять, — засмеялся Михаил Иванович. — Вы думаете, что мне не интересно? Что там за мир за вашей рекой? И ваша ли это река? Ваш ли это берег? Всё сущее? Подложка ли нашего мира, то есть точная его копия, или что-то неведомое? Чем он живёт, кто там ещё водится? Интересно. Но... Вот вы хотите, чтобы на землю прилетели инопланетяне?

— Было бы любопытно, — оживилась Галка. — Новые технологии! Медицина! Космос!

— Ага, — мрачно кивнул Михаил Иванович. — Примерно так рассуждали африканцы, когда увидели незнакомые корабли у берега. Или американские индейцы. Новые технологии! Медицина! Боги! А получили сначала стеклянные бусы, а потом кандалы. Самой большой глупостью, которую совершило человечество, была отправка того зонда в космос с данными о нас. Идиоты!

— И как это связано с тайным народом? — спросила Галка. — Или с той же шишигой?

— С шишигой ещё кое-что связано... — заметил Михаил Иванович. — Знаете, что спасло вашу деревню в шестьдесят первом году? То, что её не убили. Я про шишигу, если что. Я, кстати, думаю, что убить её нельзя. Точнее, можно, но это как спустить... курок. Прикиньте сами. Творится бог знает что. На том берегу вместо привычного березняка вознёсся величественный реликтовый лес, с другой стороны вместо луговины — топь. Дороги нет, радио не работает. Телефон в управе — молчит. И лесник пропал. Да ещё прадед Лаврентия Хвостова, который, как я понял, этим самым уазиком обычно и управляет, бегаёт по берегу и орёт, что лесника, которого все любили, убила какая-то нечисть. А потом тычет пальцем в шишигу, которая как раз из воды и выбирается, и визжит, что вот она и убила.

— А дальше лишь двое сумели остановить беснующуюся толпу, — продолжила Галка. — Молодой мальчишка землемер Евсей и его тогдашняя соседка Настя. Когда шишигу с ног сбили, он накрыл её своим телом, за что получил чуть ли не лопатой по спине так, что в крови весь был.

А Настю так сразу с ног сбили. Мотыгой, что ли, заехали по затылку или по шее. Эту историю все знают.

— А потом народ отпугнула кровь, — добавил Михаил Иванович.

— Скорее то, что лущение началось, — не согласилась Галка. — Каждый побегал своё добро спасать. А шишига потом просто исчезла.

— Это точно, — задумался Михаил Иванович. — А ведь если бы тогда шишигу убили, может быть, и обошлось бы.

— Обошлось бы с чем? — не поняла Галка.

— Ну, как сто пятьдесят лет назад, — объяснил Михаил Иванович. — Деревня бы ваша исчезла вместе с жителями, а вся земля осталась бы в спокойствии безо всякого тайного народа. Прореха бы затянулась. Понимаете?

— Вот такой ценой? — нахмурилась Галка.

— А вы представьте, — усмехнулся Михаил Иванович, — что Титаник не утонул. Спасся. Но погибла земля. Как вам такой вариант? Как-то сразу на всё по-другому смотришь, не правда ли?

— Передёргивание, — не согласилась Галка. — Нет такого выбора. В каждый конкретный момент надо спасать кого-то, кого можно спасти.

— Или наоборот, — заметил Михаил Иванович. — Это ведь не шишига поёт. Это сам лес, что высится напротив вашей деревни, голос подаёт. И если бы не эти ваши двое идиотов, что под лопаты легли, рана бы затянулась, и ничего бы не было. Подумаешь, две-три сотни жителей. И большую цену приходилось платить. Кстати, кажется, мы подъезжаем. Знаете, есть ведь и ещё одно. Дело же не в русалке той. И шишига тут, наверное, действительно что-то вроде такого рычага... Реакции, что ли. Отзвука хтонического. Не иначе. Она ведь даже и не говорит вроде, и имени у неё нет. Там же везде всё начиналось с убийства.

— То есть? — переспросила Галка.

Впереди и в самом деле показалась деревня. Кажется, на деревенской площади у бывшей пристани толпился народ.

— Всё просто, — объяснил Михаил Иванович. — Уж не знаю, чем шишига руководствуется. Может, она и в самом деле что-то чувствует. Собственную возможную гибель так уж точно. Ситуация накаляется, следует её жертва и излечение. Но нужен триггер, причина! Ведь всякий раз дело начиналось со смерти человека. Не русалки, не ещё кого-то. А именно человека. С того, что человек убивает себе подобного.

— Это как же? — повернулась к пассажиру Галка.

— Просто, — развёл руками Михаил Иванович. — Взять хоть самое первое лущение. Оно же случилось в середине июля. Как раз закончился Петров пост. Наступил праздник Петра и Павла. В той дореволюционной Мокшеевке он всегда оборачивался драками. Улица на улицу. И в тот день убили пару мужиков. Кому-то даже топором голову раскроили. Точно-точно. Всё в том списке есть. Тут шишига и выползла. Из серии — не могу терпеть. Вероятно, она реагирует на вот такое непотребство. Скажем так, сублимируется. Понимаете? Ну, капнули лимонного сока в молоко, получили творог. Убили человека в особом месте, получили шишигу. Возьмите вот шестьдесят первый год. Сами же говорите, что прадед нынешнего лесника сети не мог поставить. А вот Хвостов, что бегал по берегу, как раз таким браконьером и был. А тут мало того, что с сетью пойман, так ещё

и с телом в этой сети. Понимаете? Думаю, он с перепуга предка вашего лесника ножом и ткнул.

— А в этом году что? — спросила Галка.

— А вот и посмотрим, — пробормотал Михаил Иванович. — Тут, главное, точность. Человечка — убить. А вот из тайного народца лучше никого не трогать. Мало ли. Обездвижить — да, да отправить куда подальше. А уж дальше — по обстоятельствам. Вы, Галина Анатольевна, берите правее и с разворота сразу сдавайте к воде. Да-да, вон туда, к пристани. Надо лодочку нашу на воду спустить. Потом будем разбираться со всем остальным. Знали бы вы, как было непросто от каждой деревяшки избавиться на судне. Зато теперь нам никакое лущение не страшно. Да и всё остальное на нас — синтетика. Даже приклады. Ну... это неважно. Давайте-давайте... Смотри-ка... Вся толпа на берег высыпала... Мужики, бабы... Которая из них шишига? Родион! Мать твою! Ты видишь? Которая?

— Вижу, — впервые за всю дорогу произнес второй пассажир холодным тоном.

— Ну, — посмотрел на Галку Михаил Иванович. — Давай, девонька.

— Я вам не девонька, — пробормотала Галка, но сделала, как просили. Взяла правее, огибая толпу, собравшуюся на деревенской площади по дуге, выкатила к берегу, едва не зацепив синий пластиковый туалет, резко взяла влево и тут же стала сдавать назад, пока высунувшийся из окна Михаил Иванович не командовал:

— Хорош!

Они рванули наружу с Родионом одновременно. Загремели сапогами по пристани, подскочили к прицепу, дёрнули за рычаги, и их катер сполз со ступеней и, рассекая носом прибрежные волны, плюхнулся в воду, отбрасывая в сторону причаленную тут же резиновую лодку.

— Держи его! — заорал Михаил Иванович, и Родион бросился за катером в воду, ухватился за его корму и перевалился внутрь. А вслед за этим открылась дверца синей туалетной будки и оттуда высочил Борис. Не прошло и пары секунд, как на катере затрещал мотор.

Галка в растерянности оглянулась. От берега отплывал, бултыхаясь на волнах, катер, в который забирался уже и Борис. Над деревней, заглушая урчание катера, стоял треск, потому что лущение уже начиналось. Распускались на деревенских липах диковинные цветы. Созревали на призаборном орешнике орехи. Кренились от тяжелых яблок плодовые деревья. Пёрло всё в рост на огородах. Шевелились крыши домов. Разве вынесешь наружу деревянные стропила?

— Сюда! — услышала крик Харитона Галка, а потом рассмотрела главное — вся деревня стояла, сцепившись за руки, а в центре толпы, наверное, на том самом подгнившем чурбаке, который уже щетинился над толпой свежими дубовыми листьями, возвышалась то ли женщина, то ли девчонка. Худая, в платье из болотной травы и какой-то Настёниной кофте, со светлыми с прозеленью волосами. Усыпанная конопушками со словно сжатым в кулачок лицом с почти лягушачьим ртом. Стояла и пела. Пела что-то нечленораздельное, но понятное каждым своим звуком, и, соединяясь с толпой односельчан, Галка уже знала, что всякое лущение — это как время года. Как фаза луны. Как сброс хитинового панциря. Выплеск магического избытка. И шишига приходит не для того, чтобы усилить

эту напасть в самые трудные годы или по какому-то поводу, а для того, чтобы оградить от этой напасти. От напасти, что вскипает по страшным поводам и может растерзать всякого — и правого, и виноватого. Кого оградить-то? Деревенских или пришлых? Вот же, и Вовчик стоит в толпе. Димки почему-то не видно. А Стоеросовый со свежесодранной корой на щеках здесь. И Мрака с подбитыми глазами и расцарапанными щеками. Опять что ли что-то с товарками не поделила? И красавица Варвара, и её дочь Майка, и Колька Феропонтов, и его отец, и почему-то трезвый Лаврентий, и Оксана-продавщица, которая больше самой Мраки походила на настоящую ведьму, и Дуська-почтальонша, и жена Лаврентия Машка Хвостова, и дед Евсей, и Настёна, и ещё кто-то, кого Галка не смогла рассмотреть сразу. Одного она только не могла понять, почему здоровяк Харитон держит руки над головой, загораживая... Загораживая шишигу?

Выстрел раздался, как гром среди ясного неба. Харитон схватился за руку и упал. К нему сразу метнулся Иннокентий, шагнул вперёд Стоеросовый. И Галка как будто разглядела всё сразу — и поднимающего карабин Семёныча, и пытающегося выдрать из кобуры пистолет Лапшина, и стоявшего на рубке катера в сотне метров от берега Родиона с какой-то странной винтовкой. Следующий выстрел прозвучал почти сразу, и песня оборвалась, а на лбу шишиги выступила чёрная точка.

— Она знала! — закричал, зарыдал, заскрипел дед Евсей, лоя обмякшее тело на руки. — Она всё знала наперёд!

— Помоги! — в повисшей тишине крикнула Настёна, и Галка увидела у неё в руках маленькую, лет четырёх или пяти, девочку в платье не по росту. Похожую и на свою мать, и ещё на кого-то, и поняла, что песня не умолкла. Просто пела её уже дитя, но пела негромко, по-детски. И помогая Настёне поставить девочку на всё тот же чурбак, который уже вполне походил на низкорослый дуб, Галка обернулась к катеру, расставив руки и собираясь стоять насмерть. Прикрыла малышку собой. Но третьего выстрела не последовало. Медленно отплывающий от берега катер терпел бедствие. Он словно обратился в вазу с подсолнухами, картину Ван Гога, клумбу подсолнечника, цветник, который всё разрастался и разрастался. Трещала от подсолнухов рубка, раздувался корпус, и было ясно, что ничего человеческого или нечеловеческого там сохраниться не могло. Наконец, что-то заскрипело, шёлкнуло, и катер стал тонуть.

— Семки от комаров помогают, — прошептала Галка. — И не только.

— Твою же мать, — поднялся с земли с перевязанной рукой Харитон. — А лущения на воде не хотите? Больно-то как!

— Кость не задета, — успокоил председателя Иннокентий.

— В общем, да, — согласился Стоеросовый.

— Нету, — сказал дед Евсей. — Была и нету.

Старик сидел на земле, а вместо шишиги держал в руках пригоршню каких-то лепестков. Галка подняла взгляд на умолкнувшую девочку, та улыбнулась и рассыпалась точно такими же лепестками.

— Такое дело, — со скрипом пожал плечами Стоеросовый. — Шишига есть шишига. Где хочет, там и осypается.

— Это же шиповник! — подхватил пригоршню лепестков Лаврентий.

— Дурак ты, Лаврентий, — сплюнула Мрака, взметнула под юбкой хвост и зашагала в сторону своего дома.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ЯРКИЙ СТИЛЬ ПИСАТЕЛЯ

Имя Сергея Малицкого знакомо не только читателям «Коломенского альманаха» — романы писателя, живущего и творящего в Коломне, давно завоевали любовь всех поклонников жанров фантастики и фэнтези в нашей стране. Читателей альманаха рассказы Малицкого покорили ярким стилем, безупречным языком, глубоким психологизмом ситуаций, которые, включая ирреальные моменты, всегда таят в глубине какую-то важную нравственную или философскую проблему. Сюжеты произведений писателя по-настоящему интересны, потому что повороты событий в них непредсказуемы, а это очень важно для восприятия читателем художественного текста. Поражает глубина идей, воплощённых автором в произведениях: это серьёзные раздумья о смысле человеческого существования, о законах, по которым движется наша жизнь, это тревога за наше общее будущее.

В этом году Сергей Малицкий — юбиляр! Здоровья и творческой энергии, новых произведений, новых изданий!

Коллектив редакции

ХРОНИКА

ПАМЯТНИК В УСАДЬБЕ КРИВЯКИНО

В Воскресенске в парке усадьбы Кривякино на высоком берегу Москвы-реки установлен памятник знаменитому писателю **Ивану Ивановичу Лажечникову (1790-1869)**, зачинателю русского исторического романа, автору «Ледяного дома», «Последнего новика», «Басурмана».

Многие страницы истории воскресенской усадьбы Кривякино связано с именем писателя. Усадьба принадлежала его отцу, а затем брату Николаю. Здесь прошли его детство и юность. Отсюда в 1812 году он ушёл на Отечественную войну с французской армией Наполеона Бонапарта, показав себя храбрым воином. Сюда, к брату не раз и надолго приезжал он и в конце жизни.

Автор памятника — коломенский скульптор, заслуженный художник России **Владимир Александрович Потлов**.

Сергей Анатольевич Мурашев родился в 1979 году в Архангельске. С младенчества жил в деревне Малая Липовка Архангельской области.

На родине выпустил сборник рассказов «Маленькая книжка». Окончил литературный институт им. А.М. Горького. Публиковался в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Двина» и других.

Победитель конкурса «Долгие годы войны, светлые строки Победы», посвящённого 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Победитель II Славянского литературного форума «Золотой витязь» в номинации «Дебют», проза. Награждён дипломом V Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» в 2014 году.

Член Союза писателей России. Живёт в Коломне.

Рассказ

СЕРЫЙ СОБОЛЬ И ДРУГИЕ СОБАКИ

Мухтар

Мухтара застал я уже взрослой и даже стареющей собакой. Он и появился у нас взрослым. Как я понял, хозяева вывезли его в лес и там оставили. Может быть, конечно, так я понял своим ещё слабым, детским умом. Во всяком случае, мужик, который привёз его, рассказывал, что около трассы (километрах в пятидесяти от нашей деревни) в одном и том же месте бегают охотничья собака. Мужик ездил в районный центр несколько раз за неделю и каждый раз видел эту собаку. Когда останавливал машину напротив собаки, она подбегала и чего-то ждала. Наконец, мужик забрал собаку (которая не сопротивлялась) с собой и привёз отцу.

Мухтар быстро прижился и до самой смерти был на удивление преданным псом, видимо, в благодарность, что его приютили. Не знаю, почему назвали Мухтаром, но он хорошо откликнулся на это имя. Казалось, что он всё понимал. С ним разговаривали не только мы, но и соседи. Сядешь на лавочку около дома, он подойдёт: или голову на колени положит, или так встанет и молчит. Ему говоришь что-нибудь, рассказываешь, рукой по голове гладишь. И сначала, вроде, и не веришь, что понимает:

— Эх, Мухтар ты Мухтар, чего пришёл? Жарко тебе? — как обычно с собаками разговариваешь.

А он то ухо прижмёт, то глаза зажмурит, то так посмотрит тоскливо и понимающе, то в нужный момент мокрым

шершавым носом в ладонь ткнёт, что не заметишь, как начнёшь с ним взаправду говорить, словно с другом. И неожиданно становится хорошо и радостно.

Мухтар был западносибирской лайкой серого с переливом окраса. Широкогрудый, отчего, возможно, несколько медленный. Когда ластился и помахивал хвостом, чуть поскуливал, но так, словно песню радости и любви пел. По охотничьей части оказался у Мухтара один дефект: у него не было хорошего верхнего чутья, поэтому он не мог найти зверя просто по запаху, разносимому ветром. Ему нужны были обязательно свежие следы. Между тем, видел и слышал отлично, этим частично компенсировал свой недостаток. Работал он хорошо, особенно по белке и глухарю. Но за зверем далеко не уходил, лаял не ярó, а так спокойно-спокойно, с расстановкой и глухо. С Мухтаром отец добыл своего первого кабана, который оказался очень жирным, как хорошо откормленная свинья. И мясо тоже оказалось мягкое и вкусное. Больше отец не добывал таких жирных кабанов.

Мухтар как-то быстро постарел и одряхлел. Помнится мне, что ещё успел он побывать в капкане и сломал лапу.

Умер Мухтар в своей будке под верандой, тихо и незаметно. Несколько дней не выходил из неё, а потом умер. Отец забрался под веранду, вытащил мёртвого пса и положил в мешок. Мы отнесли его на ту сторону Валовы на бугорок и положили вместе с Туманкой, чёрным щенком. Его недели две до этого взял себе брат Андрияха. Брат привязался к щенку, а щенок к нему. Но в тот день, когда мы собирались хоронить Мухтара, какой-то мотоциклист, конечно, по недосмотру, сбил Туманку. Помню, брат сильно расстроился. Нет, он не плакал, но стоял словно парализованный, пока мы закапывали собак. Позже у нас откуда-то появилась мягкая игрушка: чёрный щенок. Его звали Пиратом, и брат долго, вплоть до армии, а может, и дольше, хранил его.

Найда и Соболь

Вторая собака, которую я помню, — Найда. Отец привёз её через пару лет после появления Мухтара. Тоже лайка западносибирской породы. Окрас, как и у Мухтара, серый с переливами. Но всё-таки какой-то особенный, более насыщенный, а перелив словно живой, словно всё время в движении. Найду отец взял специально для приплода, при этом с трудом удалось выпросить. Это была не простая собака, а помесь с волком. Она прожила у нас, наверно, год или полтора. С ней никто не охотился. Да и как можно было охотиться с такой собакой на первых порах. Привезли её настолько злую, что просто ужас. Она сидела на цепи и никого к себе не подпускала. Даже кормить приходилось, подвигая тарелку с едой длинным черенком от граблей. Этот черенок зверская собака неожиданно и зло успевала схватить и искусать. Но через несколько месяцев Найда подобрела, её даже иногда пускали вольно. Но всё-таки оставалась она какой-то дикой и невоспитанной. Легко перемахивала высокие заборы, носилась, как угорелая, нас хозяевами по-настоящему не признавала. Два раза она укусила за палец десятилетнюю девочку, нашу родственницу. Как-то эта девочка приехала к нам в гости, и вот ей досталось. Через несколько

месяцев девочка приехала снова, и снова её укусили за ту же руку. Чем она не понравилась Найде, не знаю. Помню, что тогда кто-то сказал: «Палец прокусила». Но к медикам обращаться не стали. Я так понимаю нынешним умом, что «прокусила» вовсе не палец, а кожу наджабрила. Собака, наверно, попросту ждала за чем-то ладошку девочки, а кусать вовсе не собиралась.

Первый приплод от Найды родился мёртвым. Второму повезло больше. У нас появились три щенка. Почему-то один из них оказался чёрным, а два серые, такие же как мать. Чёрного у нас украли. Два серых быстро подросли. Мы не могли нарадоваться на них. Высокие на ножках, тонкие, в профиль как резные. Гладкая их шерсть была даже не серой, а серебристой. Поэтому чем-то напоминали подросшие торопливые щенки рыбью мелочь. В это время, когда уже, кажется, все опасения за жизнь щенков были позади, в деревню пришла собачья чумка. Я помню, что щенкам делали уколы, но одного из них болезнь забрала. Остался только Соболя. Ему предстояло отрабатывать за двух или даже трёх собак. Все свои надежды отец возлагал на этого щенка. Для охотника собака — кормилица наравне с ружьём. Она, наверно, так же важна, как крестьянину лошадь, а, может, даже важнее. Мама рассказывала, что сначала отец охотился с собаками дедушки, русско-европейскими лайками. Потом несколько раз пытался привезти породистого щенка из питомника с Кирова, но всё неудачно.

Двух первых своих белок Соболя нашёл в шесть или в семь месяцев. И что удивительно, нашёл их скорее, чем Мухтар, залаял своим визгливым ещё голосом. Но после этого детство захватило его, заподкидывало кверху мячиком, стало гонять по полянке кругами, просто так, от радости, заставляло бесшабашно и безрезультатно ловить красивых пёстрых птичек. Всё для щенка было ново, удивительно и невероятно.

Помню, как отец пришёл с охоты и сказал про первые удачи Соболя: — Сегодня нашёл пару белок. Ну, думаю, всё, путёвая собака. Тут у полянок нашёл, с ходу. Ну, думаю!.. А потом, смотрю, стал за птичками бегать. Про всё забыл...

Отец, вроде, ругался, но говорил так радостно, что стало ясно: собакой он доволен и доволен очень.

Детству тоже должно быть время. Съел щенок двух белок, насытился, и стало ему радостно. Про детей в таких случаях говорят: «Серёдка сыта — и кончики играют».

В год Соболя уже работал по-настоящему, но пока в подмастерьях у Мухтара. И, как заправский подмастерье, повторял за взрослой собакой почти всё. Он быстро схватывал и применял охотничьи приёмы, накопленные Мухтаром за годы жизни, и вскоре стал главной собакой. Преемственность при воспитании охотничьей лайки — самое верное средство. Никакая дрессировка не заменит живой передачи опыта от старой собаки — молодой. Задача хозяина вовремя найти щенка, а потом контролировать, чтоб ниточка, связывающая поколения, не прервалась.

Соболя оказался универсальной охотничьей собакой. Он шёл практически по любому зверю и птице. Обладал невероятным обонянием, отличным слухом и зрением. По запаху мог легко найти куницу, далеко ушедшую верхом, и больше пользовался верхним чутьём. Был одновременно вязкой и послушной собакой, то есть, если отец отзывал его от зверя, он бросал лаять.

Как и Мухтар, Соболь отлично понимал человеческую речь. Возможно, по каким-то интонациям. Идём по лесной тропке, впереди развилка. До этого Соболя не видно, широко по лесу бегают, зверя ищут, а тут появился, недалеко от нас вертится. Отец скажет:

— К избушке пойдём!

Или:

— Направо, Соболь!

Или:

— Сегодня напрямую к реке!

И Соболь уже стремглав бежит в нужную сторону. Как понимал? Когда стал старше, уже не надо и говорить. На развилке он сидит, ждёт. Махнёшь рукой в нужном направлении. И готово — побежал. Покажешь на какой-нибудь старый след, который вовсе запах потерял — пойдёт по нему беспрекословно, вприглядку.

Часто зверя брал хитростью. Никогда не лаял на лося сзади, только спереди, чтоб лось не убежал, а останавливался. Старался сделать так, чтоб лось к отцу ближе подошёл, на чистое место показался. Однажды выманил таким образом и подвёл к отцу на выстрел волка. Зайца умел перехватить на кругу. Не гнался за ним, а ждал в засаде и в нужный момент выскакивал и давил. Когда шёл за куницей, то сначала лайнет пару раз — это значит, наверх на дерево поднялась. Лайнет ещё раз: куница спустилась и вот снова поднялась. И только когда зверя найдёт и уверен, что он здесь, залает настояще. Наполнится лес его лаем. Наполнится и что-то у тебя внутри, сердце словно чуть заподрагивает вслед за лаем.

Как-то Соболь дрался с рысью. Помню, отец пришёл из леса поздно, мы уже ложились спать. Это было в декабре. Снега напало уже много, почти по колени. Но ходили ещё без лыж. Это самое такое время, когда на лыжах ещё плохо ходить, потому что в ельничке снега мало, весь брусничник видно, а в сырых местах выступает вода, и лыжи можно заморозить. С другой стороны, пешком по чистому месту идти тяжело, ноги наломает. Но если каждый день в лесу, то уже натоптаны тропинки, и, вроде, ничего. Охотники обычно ходят пешком: «На лыжах ещё надоест за зиму».

Вот в такое переходное время и попалась отцу рысь. Соболь догнал её.

— Снег глубокий. Пёс прыжками идёт, а рысь всё одно рысью, на то она и рысь... — рассказывал отец.

Дело происходило на Большой Уфтыге, около Горелого Моста. Соболь нагнал рысь, начал драться и остановил. Благодаря этому отец успел побежать и добыть зверя. Моему детскому воображению представлялось, что драка происходила прямо на Горелом Мосту, как настоящий серьёзный поединок.

Рысь поцарапала Соболю морду и порвала ухо. В тот день отец, придя из леса, первым делом обработал раны собаке и накормил её чем-то вкусным, а уж потом показал нам шкуру.

Волчья порода в Соболе проявлялась не однажды, но чаще всего в драке с собаками. И Мухтар, и Соболь, если на них нападали, всегда прижимались задом к забору или дому, чтоб тыл был защищён, а врагу выставляли пасть с зубами — попробуй тронь. Но это в деревне. А если нападут в чистом месте? Как-то я пошёл с Сободем смотреть кротовки. По небольшой тропе за Валу. И тут на него напала целая свора собак. Пять штук. Всё

это были охотничьи лайки и принадлежали одному человеку. В первую минуту я опешил, но не от испуга, а от того, что увидел. Из клубка дерущихся собак стали одна за другой вылетать эти самые собаки. Они вылетали как попало метра на два в сторону и на метр в высоту. Дрыгая ногами, иногда переворачиваясь в воздухе и шлёпаясь то на спину, то на бок. Некоторые тут же вскакивали и, разъярённые, кидались обратно в клубок, некоторые возвращались в драку с опаской. А собаки всё вылетали и вылетали одна за другой, в разные стороны. Я понял, что это орудует Соболь. Каким-то образом, каким-то своим приёмом, взяв за шкиряк, он выкидывал врагов. Опомившись, я побежал на помощь, закричал:

— Эх вы! А ну пошли!

И собаки, видимо, уже получившие хорошей трёпки, тут же отступили и пропали из виду. Остался только Соболь. Он, широко расставив лапы, крепко стоял на всех четырёх и всё ещё скалился, показывая крепкие зубы и морща нос.

Крыс и мышей Соболь давил между делом. И около дома, и в лесу. Если снега уже много, часто собаки идут по натоптаным человеческим тропинкам и только за зверем сворачивают и уходят в лес. Так вот, бежит Соболь впереди тебя, сунет голову в снег и достанет оттуда мышшь, большую, толстую, положит рядом с тропинкой и дальше бежит. Ещё раз голову сунет, ещё мышшь достанет. И так это у него получается, словно фокусы показывает.

За кошками не то, чтобы гонялся, но давил особенно наглых. Я один раз сам видел. Бежит Соболь по дороге, и вот с боку из чей-то калитки выскочила кошка, чёрная, зашипела. Я не заметил, как что произошло. Шагал я метрах в трёх-четырёх от Соболя. Его туловище закрывало от меня кошку. Но, видно, та напала. Соболь как будто даже шаг не сбавлял, даже и головы не поворачивал, бежит дальше. Смотрю, а на земле лежит кошка, и уже неживая. Давил он мастерски, хватал чётко за шею. Молниеносная реакция и знание куда кусать давали ему преимущество перед собаками и перед многими зверями. Как-то уже ближе к старости Соболь на моих глазах сумел поймать рябчика. В другой раз умудрился с воды взять утку. Об этом случае рассказывал отец. Стоял уже конец октября, лист с деревьев осыпался. В это время над Липовкой шла перелётная утка, которую у нас называют чернь. Утка похожа на гоголя, но окраской совершенно чёрная. Бывает, где-нибудь на реке на тихом плёсе собирается этих уток по несколько сотен. На чернь нарвался как-то отец. Правда, не на реке, а в лесу. У нас на Хохляцких вырубках есть три лужи, разной глубины и площади. Лужи эти можно назвать прудиками. Самая большая из них такая, что ружьём, пожалуй, не дострелишь с одного берега до другого. Вот на одной из этих луж отец и наткнулся на уток. Он тогда уже ходил с промысловым одноствольным ружьём двадцать восьмого калибра. Но даже с таким маленьким ружьём можно было надеяться на удачу. Отец подкрался и выстрелил. После громкого, с перехлопами, взлёта стаи на воде остались четыре утки. Ещё одна, видимо подраненная, поднявшись, сразу опустилась в соседнюю небольшую лужицу. Как оказалось, на свою беду. Рядом с этой лужицей стоял Соболь. Он дождался, когда утка подплывёт к берегу и, осторожно высунувшись из травы, прыгнул и схватил подранка за шею. А потом принёс отцу.

Не обошлось, конечно, и без проблем. Охотничья собака может задавить и домашнюю скотину. В летнем курятнике, а, вернее, в собачьем вольере, родители завели цыплят-бройлеров. Ухаживала за ними бабушка. Цыплята выросли уже довольно большими, когда Соболев каким-то образом забрался в вольер и задавил семь курочек. Бабушка тут же в вольере поучила его подвернувшейся под руку штакетиной, что так делать нельзя. Соболев не огрызался а, забравшись в угол и наклонив голову, терпеливо сносил побои. Да и много и сильно ли бабушка могла поколотить собаку даже в сердцах? Но после этого случая Соболев не только не нападал на домашнюю скотину, но даже не смотрел в её сторону, словно ему было противно на неё смотреть. С первого раза всё понял.

Настоящим хозяином Соболев признавал только отца, которого слушался беспрекословно. Нас, его детей, он слушался, но не всегда. Сходишь с ним на охоту и, если ничего не добудешь, то беда, на другой день уже не пойдёт, сколько ни зови, словно обидится. А, может, попросту без доверия к тебе относится. Помню, в этих наших походах в лес, меня поражало терпение Соболева. Охотиться на пушного зверя ещё рано, но собак с собой берёшь: мало ли, глухарь попадётся. И вот засвистят рябчики, начнёшь к ним подкрадываться. Соболев эту мою дичь не пугает. Ляжет где-нибудь и ждёт. Я по неопытности подкрадывался долго, иногда по часу. А за это время уже забудешь, куда пошёл, забудешь и про Соболева. Наконец, выйдешь на дорогу. Забросишь оставленный рюкзак на спину, ремень ружья перекинешь через голову. И только сделаешь несколько шагов, смотришь, из ягодника Соболев поднялся, словно появился откуда-то. Поднялся и побежал вперёд меня как ни в чём не бывало.

По деревне Соболев впустую почти не бегал, только с нами. Да ему и некогда было: на охоте выбегается, вымотается. Как начнётся сезон, если дома, свернётся калачиком и лежит около калитки. И, кажется, спит крепко. На самом деле всё, что происходит вокруг, контролирует. Иногда голову приподнимет, посмотрит. Мне даже казалось, что он ложится таким образом и часами не шевелится только для того, чтобы не пропустить момент, когда выйдет на крыльцо отец, собравшийся на охоту.

Вообще, Соболев был очень серьёзным псом. Не любил пьяных. Как-то к нему полез обниматься и ласкаться мужик:

— Соболев, Соболев. Ты мой друг. Ты меня понимаешь.

Соболев огрызнулся, задел клыком нос незадачливого друга и порвал его. Пришлось мужика везти в больницу и зашивать ему рану. В другой раз старшие ребята подговорили малыша сесть на пса, как на лошадку, и прокатиться. И снова Соболев огрызнулся. Слава Богу, что наши деревенские люди в обоих этих случаях не написали жалобу и не заставили отца убрать¹ собаку.

Сдал Соболев как-то быстро, за год. Так всё, вроде, бегал, бегал, искал зверя. А потом вдруг какую-то его главную жилу перерезали, и всё. На Соболева стало жалко смотреть. Короткая шерсть поменяла цвет, стояла ершом. Именно ершом, и чем-то напоминала старый, отслуживший свой век ёршик для мытья бутылок. До этого густой пушистый хвост больше походил на изогнутую, слегка подпушённую проволоку. В позвоночнике у Соболева, видимо, что-то надломилось, и спину выгнуло дугой наружу. На лапах, которые хуже держали, он просел.

¹ Убрать — в данном случае пристрелить.

До промыслового охотничьего сезона оставалось ещё больше месяца. Но было ясно, что Соболь не сможет его открыть, особенно после первых настоящих приморозков. В лес с нами он ходил редко, даже если отец брал с собой ружьё. Теперь уже не лежал калачиком около калитки, а всё время проводил в будке под верандой, где умер Мухтар. В будке, наверно, было темно и тихо. Я помню, что перед последним своим походом в лес он не выбирался из будки дня три. И даже когда свистели есть, он не появлялся. Мне даже подумалось, что Соболь помер или впал в забытье и уже ничего не смыслит и не видит. Но заглянуть внутрь я не решался.

В тот день мы задумали пойти с утра за грибами. Соболь, видимо почуяв сборы на веранде, выскочил из своей конуры. И мне показалось, что выскочил как-то бодро, совсем по-молодому, словно собаку подменили. Правда, это длилось недолго, но чудесное преобразование я успел заметить. Перед тем, как мы вышли, отец посоветовал Соболю не ходить. Именно посоветовал, а не приказал. Соболь посмотрел на него, чуть приподняв голову, скульнул и, помахав хвостом-провоолокой, обогнул хозяина и вышел на дорогу.

Мы ходили за овдинцами — грибами для соления. Их в лесу оказалось мало. Они чуть переросли и уже разворачивались в воронки. Погода стояла морочная, а до этого лили дожди. Всё в лесу сыро и мокро, чавкает под ногами. Грузди и волнухи до краёв наполнены дождевой водой — словно то тут, то там стоят чаши с вином. Особенно красивы грузди. Во время дождей они совершенно освободились от опавшей листвы. Белые-белые, не тронутые ни червём, ни жёлтой гнильцой. Будто из слоновой кости вырезаны. Иногда они напоминают не чаши, а редкие красивые цветы. Такие цветы можно сравнить с первыми подснежниками весной.

Соболь шёл всю дорогу, склонив голову и почти уткнувшись носом в землю. Он машинально перебирал лапами в одном темпе, казалось, что взял какой-то редкий след и боится его потерять. На самом деле, он, наверно, попросту весь был сосредоточен на том, чтобы не упасть, и поэтому почти не замечал ничего вокруг. Как только мы останавливались, он ложился. Благодаря опыту, не всегда Соболь оказывался позади, иногда он обгонял нас, удачно срезав дорогу. Но в основном всё-таки плёлся сзади.

Так как грибов было мало, короба и корзины мы набрали только к вечеру. А к асфальтированной дороге вышли и вовсе в полной осенней темноте. Но в Липовку возвращались не по трассе, а по старой грунтовке. Это километра на полтора дальше, зато безопаснее для собак. Грунтовка, петляя, несколько раз пересекает трассу. Помню, мы благополучно пересекли асфальт в одном месте. Соболь тащился сзади. И тут откуда-то появилась машина. Вернее, осветили дорогу её фары. Видимо, до этого машины не было видно за горой. Но казалось, что фары зажглись только сейчас или переключились с ближнего света на дальний. Соболь стоял посерединке дороги, топорщившаяся ершом шерсть его светилась. Он успел поднять голову и посмотреть в сторону машины. Из открытой пасти его вырвался парок. Машина нисколько не притормозила. Теперешним умом я думаю иногда: «Может, водитель принял Соболя за волка? Ведь он так был похож на волка по окрасу». Послышался тихий хлопок. Мы поставили корзины и побежали туда:

— Соболь! Соболь!

Он не шевелился, но махнул нам несколько раз хвостом на прощание. Отец поднял его на руки:

— Совсем пёс лёгкий стал.

Мы унесли Соболя в лес и оставили. До дома шли молча, разговаривать совсем не хотелось. У меня на душе было больно и одновременно светло. Я шёл и вспоминал жизнь Соболя с самого его щенячьего детства.

На другой день рано утром мы вернулись за Соболем и отнесли его на пересечение двух грунтовых дорог. Отец хотел похоронить его почему-то именно здесь:

— И на бугорке, и у сосен, и люди иной раз пройдут.

Позже я понял его задумку. По этим дорогам мы часто ходили на охоту. И вот сядешь на пересеченье дорог, отдохнёшь, вспомнишь старое.

Чара

Когда Соболю был в самой своей силе, у нас появилась ещё одна собака — Чара. Отец выменял её совсем маленьким щенком на медвежью шкуру. Чара была такой маленькой, что ещё только-только научилась ползать. Её кормили молоком, а спала она на кухне вместе с курицей, отморожившей себе гребень. Курица каждый раз удивлённо квохтала, когда к ней под бочок ползла Чара, но, сама находясь на кухне на птичьих правах, щенка не прогоняла.

Чара подросла, и мы увидели, какая она красавица. Западносибирская лайка коричневого окраса и словно с картинки к нам сошла. Всё в ней соответствовало породе. Имела Чара самую настоящую родословную. Но вот беда, в охоте ничего не понимала. Отец долго списывал это на то, что щенком Чара попала сначала на кабанов, а потом на волков. В лес она ходила и даже начинала лаять вслед за другими собаками, но как-то беспорядочно и ошалело. Она чувствовала, что вот где-то близко зверь, чувствовала общее напряжение. перевозбуждалась, начинала лаять, бегать, скакать, этим только портя всё дело. Зато матерью Чара оказалась просто превосходной. Она заботилась о щенках, учила, как себя вести. В отличие от других собак, на охоту от надоевшего потомства не рвалась. Помню, как-то она оценилась в срубе новой бани. Захочется посмотреть интересное, придёшь к срубу. Он стоит на фундаменте из нескольких камней. Уже под крышей. Подождёшь немного. Вот из лаза в углу около большого камня выглянет Чара, проверит, кто пришёл: свои или не свои, сам генерал или его солдаты. Чара выглянет и обратно в сруб спрячется. А уже потом, через несколько секунд, вылезет по-настоящему, красиво изогнув спину. Вслед за ней появятся все четыре щенка. Окраской в мать. Вышагивают словно на параде. Чара проведёт их туда — обратно несколько раз, позволит погладить. Потом проводит в лаз. Сама обернётся: «Ну, разве я не молодец?» И в лазе скроется вслед за щенками.

Мухтар и Стрелка

От Чары у нас появились Мухтар и Стрелка. Мухтар из первого или второго помёта. Он был коричневого окраса, но не такого чёткого, как у Чары. Больше рыжеватого с тёмно-серым. С широкой сильной грудью. Не то, чтобы он ничего не понимал в охоте, но оказался какой-то

неполноценной собакой. Может быть, на нём сказался перелом в общем отношении к охоте. Например, шкура белки резко упала в цене, порох и дробь подорожали. Если не удавалось подбить белку с одного выстрела — это уже было невыгодно: порох и дробь стоили дороже. Приходилось отучать собак от того, чтобы они шли по белке. А они часто всё равно лаяли заливисто, требовательно и ждали, когда же прозвучит выстрел.

Мухтар хорошо шёл по крупному зверю: лосю, медведю. Но лаял слишком ярó, подбегал слишком быстро. Поэтому лось под ним стоял плохо, зато медведь, наоборот, останавливался и даже, раззадоренный, гонялся за наглой собакой.

Мухтар оказался проблемным псом. Время от времени он нападал на вольно гуляющих по деревне овец и давил их. Я раз видел издали, как он ловким движением закинул на спину полугодовалого барашка и понёс. Приходилось платить.

Мухтара мы отдали дядьке в Вельск, подальше от мелкой живности. Первым делом, надо сказать, он нашёл дядьке медведя на берлоге. Через пару лет Мухтар пропал прямо в городе. Сорвался с цепи и, почувствовав волю, куда-то убежал навсегда.

Стрелка родилась через несколько лет после Мухтара. Оказалась серого с белым и рыжим окраса и с шерстью не такой короткой, как у остальных собак, а чуть подлиннее. Щенком она очень любила поесть. Иной раз наестся так, что раздуется, как мяч. Именно глядя на Стрелку, я понял, почему некоторых собак называют Шариками. Такие наедаются и превращаются в настоящие шары. Стрелка так и осталась немного толстоватой и чуть короткой на лапах. Она росла вместе с кошечкой. Вместе спали, греясь друг о друга, вместе лакали молоко из миски, вместе играли. Когда Стрелка выросла, на кошек не обращала никакого внимания. Нет, она к ним не ласкалась, замечая, что они против, но и не гонялась, не бегала. Ну, кошка и кошка. Что-то выключилось у неё в мозгу, и напрочь пропала любая собачья ненависть ко всем этим наглым мяукающим и шипящим. Но вот беда, точно так же она относилась и к куницам. Самое удивительное: почему? Ведь куницы не из кошачьих и только по внешнему виду напоминают их. Во всяком случае, за куницей она не шла. Бывает, Мухтар старается изо всех сил, конечно, по мере своих личных возможностей. Но по запаху найти не может и только когда увидит куницу на дереве, залает. Чара бежит как угорелая. А Стрелка тявкнет пару раз и лежит где-нибудь под ёлочкой. Ждёт, чем закончится суматоха. Крикнешь ей: «Стрелка, ищи!» Она выскочит, ещё пару раз лайнет — и под другую ёлку. Весь вид её говорит: «Ну, зачем всё это, не понимаю».

Когда вошли в полную силу Стрелка и Мухтар, снова поднялась цена на пушнину и особенно на белку. Пришлось заново обучать собак этой охоте. Но непосредственная передача опыта от поколения к поколению прервалась, и обучение происходило не так-то просто. Удивительно, что сначала собаки боялись есть белок. Дело в том, что, когда добудешь белку, сразу шкураешь её, тушку отдаёшь нашедшей собаке или делишь пополам, резанув охотничьим ножом. Есть лайки, которым нельзя давать белок целиком, такие быстро наедаются, а уж после этого не работают. Им дают в виде поощрения только лапки или голову. Соболю можно было давать белок целиком. Наевшись, он так же хорошо продолжал

искать зверя просто ради охотничьего азарта. Бывает, ошкураешь белку, кинешь Соболю тушку, он её на лету поймает поперёк туловища. Потом ловким движением подкинет кверху, так, чтоб развернулась головой вниз и стало удобнее есть. Заглатывал он всегда с головы. Смотришь: хрусть, хрусть — в несколько приёмов, как печенюшку особо сладкую или сухарик маковый, проглотил. Поэтому мне было удивительно, когда я, добыв первую после длительного перерыва белку, кинул её собакам. Они долго не притрагивались к тушке. Нюхали её, перекатывали носами по снегу. Наконец Мухтар осторожно взял белку краем рта, надкусил голову. Он долго грыз эту голову, словно она оказалась железной, а к самой тушке так и не притронулся. Пришлось забрать мне белку с собой на приманку. Через несколько дней охоты собаки расчихали, в чём дело. И уже с нетерпением ждали, когда я закончу шкурать белку и кину полагающуюся им долю. Но ели они всё равно как-то неловко, медленно, даже с чавканьем. Больше походили не на охотничьих лаек, а на дворовых, не знающих воли псов, аппетитно чавкающих доброй горбушкой хлеба из хозяйской руки.

Если Стрелка не шла по кунице, то отлично шла по лосю. У неё была своя особая манера облаивать этого зверя. Она не останавливала его, не старалась подвести к хозяину, как Соболь. Она попросту садилась на зад метрах в десяти от лося и, глядя на него, словно стараясь загипнотизировать, негромко размеренно лаяла. Иногда испугавшийся сначала лось через пару минут успокаивался и даже продолжал кормиться, уже не обращая внимания на глупую собаку. К сожалению, Стрелка тоже была падка на деревенских барашков. Возможно, от этого и пострадала. Как-то она попросту не пришла домой.

Хотя один раз до этого Стрелка и Мухтар уже пропадали у нас недели на две. Видимо, кто-то, зная, что это хорошие охотничьи собаки, увёз их. Потом охотился с ними и даже добыл лося. Наверно, одновременно с этим собаки наткнулись на угол нашего путика² и по нему справили дорогу домой. То, что с ними недавно добыли лося, я понял по набитым битком животам. Иногда они отрывали куски не переваренного ещё мяса, как волки, и вновь заглатывали его.

Белый Соболь

От Стрелки у нас родился Соболь (белый Соболь). Он был такого же роста, как мать, но по окрасу почти весь белый. Чуть только серого на ушах, на одной лапке, да серое пятно на боку около хвоста.

Щенком Соболь любил всякую еду зарывать про запас: косточки, кусочки мяса, хлеб, даже какие-то палочки. А потом забывал о своих захоронках. Делал он это обычно на картофельном поле, где мягкая земля. Иной раз копаешь картошку и вдруг найдёшь косточку — сразу знаешь, чья работа.

Как-то мы резали бычка. Собакам достались кишки. Получил свою порцию и щенок Соболь. Он быстро наелся и, понятное дело, пошёл прятать оставшееся мясо. Стрелка даже и не думала отнимать его. Она села в тени около забора и внимательно наблюдала, куда щенок зароет

² Путики — дорожки, по которым охотник обходит свои капканы и охотничьи места.

мясо. Как только Соболь закончил своё дело и довольный убежал, Стрелка подошла к захоронке, раскопала её и съела. Так повторялось не раз.

Соболь шёл по зверю примерно так же, как Стрелка. Даже перенял манеру лаять на лосей спокойно, сидя на зад. Иногда я шутил, что, наверное, лоси принимают Соболя за зайца и думают: «Что это такое? Заяц начал лаять». Боялись мы, что Соболя и пристрелят вместо зайца. Но погиб он не так. Когда не стало отца, охота наша разладилась совсем. Пушнина снова упала в цене, и заниматься добычей зверя стало невыгодно. Соболь оказался не у дел, но на охоту рвался изо всех сил. Как-то в начале ноября, уже после приморозков, он пристроился к одному местному охотнику. Тот старался прогнать Соболя, кричал на него. Но хитрый пёс украдкой на порядочном расстоянии шёл следом. Наконец, преградой для него стала река. Она уже наполовину замёрзла. На тихих местах образовались далеко выдающиеся в реку льдины. Около самого берега белые, посыпанные снежной пылью, а дальше становящиеся всё тоньше и тоньше, а потом и вовсе превращающиеся в прозрачное стекло, перед которым подрагивает вода. Середина реки ещё бежала. А на мелком бросе Старой Речки можно было переправиться в сапогах с длинными голяшками. Так и сделал охотник. Жалея свою лайку, он перенёс её на руках. Шёл осторожно, так как боялся поскользнуться на обледеневших камнях. Оказавшись на другом берегу, охотник показал Соболю, переставшему прятаться, кулак.

Охотник пошёл одним берегом, Соболь — другим. Через пару километров охотник повернул в лес. Река в этом месте была особенно глубокой. Соболь не знал, что делать. Он метался по берегу, скулил и жалился. Наконец, решительно прыгнул на лёд за берега, сделал по нему пару прыжков, оставив у берега на снежной пыли следы, и скользнул в воду, чуть обломав самую кромку прозрачного стекла. На другой стороне выбраться на лёд он не смог. Ледяной забор обломался только в самом начале, а дальше не пускал собаку, резал лапы, словно ножом. Соболь скулил, когти скребли по скользкому, но не за что было зацепиться. Охотник слышал последние вскрики собаки, но думал, что та попросту скулит на противоположном берегу, и не пошёл на помощь. Да и что бы он мог сделать?

Когда погиб Соболь, я вспомнил слова отца: «У нас Соболи своей смертью не умирают». В самом деле: один утонул, другого — сбила машина. Мама рассказывала, что до этого был ещё один Соболь. Очень высокий на лапах. Благодаря своим длинным лапам он пару раз уходил от волков, а в третий раз не смог.

После гибели белого Соболя мама сначала вообще не хотела брать собаки. Да и к чему? Я уехал учиться, охотой как таковой никто не занимался. Но потом она взяла щенка у одного охотника. Не чистокровного, конечно. Помесь карело-финской лайки с каким-то крупным псом. Мама брала не для охоты и выбрала того, что потрусливее да поглупее. Просто, чтоб дом охранял, а на людей не кидался. Таким он и вырос. Назвали его, недолго думая, Мухтаром. В начале своей жизни, месяце на восьмом, попал Мухтар под машину. Я как раз приехал домой на побывку и помню, как мама плакала: «Хвостом-то шевелит, глядит. Не знай, что будет». Она думала, что он помрёт. Сильно покалеченной оказалась задняя часть. Мухтар долго отлёживался и за это время превратился в философа-мыслителя. Когда подойдёшь к нему, смотрел одновременно на тебя и куда-то внутрь

себя. Казалось тогда, что под шкурой скрывается другое существо и глаза принадлежат ему. Наконец, Мухтар стал привставать. Две передние лапы работали отлично, левая задняя тоже ничего. А вот правая задняя подтянулась к животу и, казалось, совсем помертвела. Мухтар научился бегать на трёх лапах. Но, видимо, что-то ещё оказалось переломано кроме лапы. Весь зад собаки стал сохнуть. Вскоре иссох так, что перед и голова перевешивали. Сколько раз я видел, как Мухтар пытался ускориться, задняя лапа его отрывалась от земли, зад поднимался в воздух и он бежал метров десять только на передних лапах, как цирковая собака. Где-то через год омертвевшая лапа начала оживать и постепенно разгибаться. Зад наполнился силами. До этого казалось, что голова и грудь от одной собаки, а зад от другой. Теперь туловище стало пропорциональным. Шерсть набрала густоту. Мухтар забегал на всех четырёх лапах. Но, помня свою неполноценность, драться с собаками долго опасался и старался всё решить миром. У мамы он регулярно давил кур. Мама его наказывала, но всё время прощала.

Маленькая собачка

Осень стояла тёплая. Листья с деревьев уже осыпались, лежали на земле пожухлым ковром. В лиственных лесах сквозь голые ветви стало хорошо видно. Мы возвращались домой после нескольких дней, проведённых в лесу, шли по старым вырубам, заросшим ольхой, ивой и берёзой. То и дело с деревьев слетали рябчики. Иногда их можно было заметить издали. Когда рябчики сидели по два-три рядом, то с большого расстояния они походили на чудесные плоды, неожиданно преподнесённые осенью. Добыть рябчиков не удавалось: впереди бежали собаки и стогнали их. К вечеру стало примораживать. Заприхрустовала листва под ногами. Сам воздух, до этого влажный, словно замёрз, кристаллизовался. Словно протянулись по нему во все стороны ледяные канальчики-струны. Поэтому в вечерней тишине стало слышно далеко-далеко. В такие дни кажется, что если остановиться, прислушаться особенно хорошо, поймать момент, то можно услышать за десятки километров простой человеческий разговор.

Когда стало примораживать, мы пошли скорее, чтоб не замёрзнуть. Вечернее солнце уже пряталось за высокий клин ельника вдаль. Красное, нарумяненное холодом, оно слегка румянило всё вокруг. Раскрасневшиеся лица брата и отца от этого света тоже стали будто чуть краснее. Но как-то по-особенному, словно сама кожа излучает тёплый розовый свет. В этот момент залаяли собаки. Они залаяли очень далеко, так далеко, что казалось, они лают где-то в глухо закрытой комнате. Иногда слышались повизгивания, какие-то странные переливы. Отец медлил, о чём-то думал. Мы с братом переглянулись и стояли как можно тише, чтоб не мешать отцу прислушиваться. Он посмотрел в нашу сторону, перекинул ремень ружья через голову и вдруг побежал. Мы рванули за ним.

Бежали по прошлогодней прихваченной инеем траве, по хрусткому ковру листьев на земле. Спускались в ложки, поднимались на возвышенности, перепрыгивали рытвины, замшелые пни. Мне казалось, что собачий лай со скулежом не только не приближается, но даже удаляется. Вскоре пришлось расстегнуть суконные куртки, чтоб стало не так жарко.

Никакого мороза уже не чувствовалось. Солнце зашло, от него по горизонту осталась только розовая подсветлённая полоска на небе, которое на глазах из голубого превращалось в тёмно-синее. А отец всё бежал и бежал. Я удивился, как у него хватает сил. Брат почти совсем выдохся. Мне каждый десяток метров давался с трудом. А ведь я считался спортсменом. Но одно дело бежать кросс в кедах и спортивном костюме, и совсем другое — в суконной куртке, тёплых штанах и тяжёлых резиновых сапогах, которые бухают, как колодки. Вдруг, когда мы поднимались из одного ложка, перед нами на горке появились наши собаки: одна, вторая, третья. Их словно кто сюда переместил, так неожиданно они появились. И я сначала никак не мог понять, как это так: собаки все с нами, а там, где-то дальше, продолжается жалостливый лай и скулёж. Мы поднялись на горку, и отец остановился. Он стал прислушиваться. Если раньше казалось, что до лающей собаки ещё далеко, то теперь стало ясно, что осталось каких-нибудь триста-четырееста метров. Просто до этого мы продвигались по логу, а туда лай скатывался уже приглушённым, далёким.

Мы стояли на склоне большого холма. Там, внизу, шумела на перекатах лесная речка. Оттуда слышался лай. Он повторялся иногда эхом на противоположной стороне реки в сосняке. Отец сначала пошёл быстрым шагом, а потом снова побегал. Нам с братом передышка помогла: мы восстановили силы и совсем не отставали от отца, тем более, что бежать приходилось всё время под гору. Собаки словно сумасшедшие вились волчками у наших ног, иногда стремглав неслись к реке, а потом так же быстро возвращались обратно. Уже почти стемнело. По земле белел сказочным пушком иней. От этого казалось, что мельчайшие пылинки света рассыпаны кое-где и лишь благодаря им ещё видно. Иногда с неба проносились редкие снежинки. Это были даже не совсем снежинки, а, скорее, крупинки замёрзшей в воздухе влаги, которая ещё недавно поднималась от земли.

Речка Малая Уфтюга с шумом перекачивала свои тёмные воды по камням. В темноте эта маленькая речка, набравшая дождевой воды, казалось больше и страшнее. Собака на другой стороне уже не лаяла, а плакала. Казалось, что перейти речку, не вымочившись по колено, просто невозможно. А мне этого вовсе не хотелось, тем более сейчас, по холоду. Но отец быстро нашёл брод. Мы переправились на другой берег по каким-то камням, лежащим особенным образом. Никто из нас не подчёрпнул воды в сапоги, хотя в одном месте пришлось почти прыгать. Собака, почуяв нас, плакала и жалилась.

На другой стороне в Уфтюгу впадал ручей. На нём был сделан большой, замаскированный от любопытного глаза шалашик на норку. Так как я уже много видал таких шалашиков, то даже в темноте заметил его. Собака больше не плакала. Отец спрыгнул в ручей, присев на корточки, заглянул в шалашик, сунувшись в него по самые плечи. Когда он выкурнул обратно и посмотрел на нас, я угадал, что он улыбается, и тоже зачем-то улыбнулся в ответ. Потом встал на колени, опёрся руками о край бережка, свесился вниз на сколько мог и заглянул в шалашик. В это время отец чиркнул спичкой, и я разглядел на толстой жердинке совсем маленькую собачку. Она сидела, прижав уши, глазки её блестели, а левая лапка, зажатая небольшим капканом, была поднята чуть вверх и словно протянута в нашу сторону.

Спичка уже погасла, а я всё стоял на коленях, неловко свесившись, и смотрел в темноту шалашика.

Нет, это, конечно, не щенок, а взрослая собака. Таких заводят старушки или одинокие женщины. Едят они мало, могут жить дома, а лают громко и заливисто. У нас в семье, по понятным причинам, всегда держали лаек, и я никакого толка не видел в маленьких вредных собачках и даже презирал их.

И вот одна из них сидела в капкане. Наверно, она ушла в лес со своей хозяйкой или хозяином, а, может быть, сдуру увязалась за кем-нибудь. В лесу по неопытности потерялась. Почуяла приманку в шалашике. Позарилась на это протухшее мясо, сунулась туда и попала в капкан.

Отец между тем снял ружьё, рюкзак и подал их брату.

— Давай, — сказал мне. — Давай твои рукавицы. Надену двое, чтоб не прокусила.

Я встал и подал отцу свои широкие суконные рукавицы. Ручеёк, в котором он стоял, совсем небольшой, а вот берега у него высокие, почти по грудь, и крутые. Удивительно, что такой ручеёк смог прорезать в земле настоящую траншею. Сверху отец, стоящий в ручейке, казался совсем маленьким. Он поправил рукавицы, присел на корточки, снова забравшись по плечи в шалашик. Долго медлил чего-то, словно застыв. Наконец принялся вызволять собачку. Она, на удивление, не только не лаяла, но даже не скулила. Через несколько секунд отец поднялся и отступил на пару шагов. Собачка долго не показывалась из шалашика. А когда показалась, то снова стала жалиться. Она не могла выбраться на крутой берег. Отец подхватил её сзади рукой и помог. Собачка при этом смешно царапала по земле лапами, словно на самом деле ползёт. Как только оказалась наверху, сразу легла на спину перед обступившими её лайками. Они были просто великанами против такой мелюзги и почти не обратили на собачку внимания. А когда мы пошли, убежали вперёд. Куда-то пропала и собачка. Её не было видно всю дорогу до дома. Но ощущение, что она где-то рядом, может, у самых ног, не покидало меня, как, наверно, и отца, и брата.

Нам пришлось делать большой крюк, но это ничего. Вскоре на небе высыпали звёзды, и показалась луна. Стало светлее. Иней чуть посверкивал серебром.

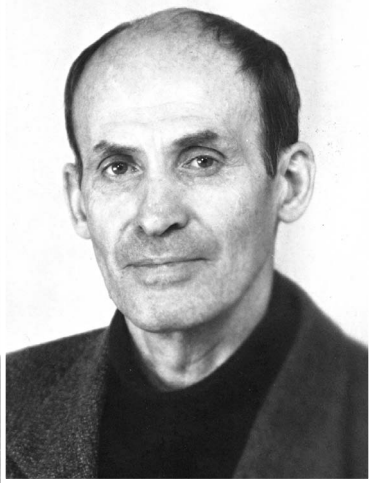
Собачка дала о себе знать только один раз, когда мы переходили вброд через Пую. Уже когда оказались на другом берегу, собачка вдруг снова заскулила. Она припоздала и боялась ночной переправы. Но долго скулить не стала. Мы услышали, как она сначала вошла в воду, а потом выбралась на берег ниже по течению, снова немного скульнув. Отряхнулась. Больше мы её не видели и не слышали. Я так и не узнал, чья это была собачка, из Липовки или соседней деревни.

Я уже давно живу в большом городе и на родину вырываюсь редко, чаще мысленно. Иногда прислушиваюсь к звукам из прошлого, как прислушивался отец к плачу дворняжки в тот осенний тихий день. И по «особым каналацам» слышу залиvistый собачий лай охотничьих лаек по зверю³ или по белке. Слышу звук выстрела отцовского ружья, после которого лай обрывается и становится нестерпимо тихо.

³ Лось, медведь.

ДВА РАССКАЗА

ПРАЗДНИК НЕПРЕМЕННО НАСТАНЕТ...

Владимир Фёдорович Соловьёв (1940-2001) родился в городе Егорьевске. Окончил станкостроительный техникум, затем МВТУ им. Н.Э. Баумана. В 1968 году переехал в Коломну. Здесь начал заниматься литературным творчеством.

Учился на заочном отделении Литературного института им. М. Горького. В багаже писателя — романы, повести, пьесы и более тридцати рассказов.

В 2003 году в Москве вышла его книга прозы.

Повести и рассказы Владимира Соловьёва отвечают правилам русской классической традиции: герои произведений — не выдуманы, сюжеты — не «накручены». Автор не приукрашивает суровую нашей действительности, порой относясь к ней с мягким юмором, вселяя надежду на лучшее в сердца читателей.

В этом номере альманаха помещены два нигде не публиковавшихся рассказа из архива писателя.

Рассказ

Тур вальса, панна Анна?», — «Голова поручика Болецкого, массивная, с благородно мягкой, волнистой шевелюрой, дёрнулась в лихом поклоне. Аня закружилась с ним вокруг стола по маленькому залу. Взгляд поручика не отрывался от неё, а она любовалась шитьём на эполетах его парадного мундира, мужественным строем пуговиц, — их блеск отражался в её глазах, восторженно изумлённых бездной счастья. Поручик тихо шептал ей, какое она чудо. Паркетный пол, до блеска натёртый ею к праздничному вечеру, легко плыл под ногами. Стены, стол, торт с шестнадцатью свечами в её честь сладостно кружились. Ей уже шестнадцать! Вслед за Болецким поручик Залевский танцевал с ней. Потом Стояновский... Как замечательно, что на свете есть офицеры, — они такие милые! Обидно, что на войне их убивают. А сейчас идёт война... Больницы в городе переполнены изувеченными на фронтах военными. Не достанешь хлеба, сахара, приличной одежды и обуви. Даже швейных иглолок с нитками не достанешь — галантерейные и москательные лавки все позакрывались. И отапливаться нечем: квартирующие у них офицеры спят в одежде. Но ведь это всё пройдёт. Иначе чем объяснить не унимающуюся в сердце радость? Боже, как хорошо изнемогать от любопытства, возбуждаемого мужскими взглядами! И ещё от промельков таинственных полувидений, полумыслей, шепчущих на странном,

но томительно знакомом языке о каком-то чудном празднике, который когда-нибудь настанет непременно...

Анна Васильевна улыбнулась, не открывая глаз. То ли из-за слабости не хотелось их открывать, то ли из-за боязни спугнуть собственную жизнь, представшую пред ней с поразительной отчётливостью...

Возбуждённая толпа на площади перед собором окружила оратора. Из его сумбурной речи Анна поняла только, что царя в столице низложили. Вместе с толпой Аня ликовала. Дух захватывало: что же теперь будет? Какой-то низкорослый смешной старикашка, сдвинув шапку на испуганные глаза, почёсывал затылок и повторял раздумчиво: «Как же это без царя?»...

Рутинного, изрядно надоевшего порядка в городе не стало. Одна за другой остановились фабрики: рабочие шли митинговать, громить буржуев, расправляться с полицейскими, которые и без того не понимали, кому теперь служить. Расквартированный в городе полк поляков перешёл на казарменное положение. Без офицеров в доме стало жутко. Город кишел бандитами. Каждую ночь случались грабежи. Аня с матерью от страха плохо спали.

В столице тем временем опять кого-то низложили. В городе появились вооружённые отряды рабочих и солдат. Бандиты сразу поутихли, грабежи и погромы прекратились, порядок понемногу восстанавливался. Но уже не прежний — сонный и незыблемый, а беспокойный, энергичный. Ане казалось, что прекрасный праздник, который она предошущала, теперь настанет скоро. Девушка вся трепетала от надежды. Тревоги матери её смешили. В городском саду возобновились вечерние гулянья с духовым оркестром. Оркестр был военный, польского полка. Аня с упоением кружилась в танце с поручиками Болецким, Залевским, Стояновским. Новая власть приказала им снять погоны, но и без погон офицерская форма хорошо смотрелась...

И вот это. Её приглашает танцевать парень в кожанке, с пистолетной кобурой. Такая форма Ане тоже нравилась. У парня к тому же красивая фигура, и он привораживал удивительной улыбкой, — то ли удаль в ней неуловимо растекалась в нежность, то ли нежность — в удаль. На третий вечер он проводил её до дома. Всю дорогу молчал, боялся прикоснуться. В сравнении с самоуверенными щеголеватыми поляками он проигрывал, конечно, но так было только поначалу. Потом она узнала, как он собран, мужествен и хладнокровен, когда нужно.

Он был председатель ЧК в городе. Первая её любовь. Отправляясь на подавление кулацкого восстания, вспыхнувшего под Рязанью, он в первый раз её поцеловал. Оказалось, и в последний... Ей рассказали потом, как он погиб. Восстание было уже разгромлено, когда Коршунову донесли, что в одном селе кулаки собираются расправиться с жёнами и детьми комитетчиков. С небольшим конным отрядом он помчался в село и напоролся в лесу на засаду. Отряд был полностью уничтожен. Коршунова зверски зарубили топором.

Аня оделась в чёрное. Ни в городской сад, ни на репетиции самодеятельного театра, мужскую половину которого составляли в основном офицеры польского полка, она больше не ходила. Городские события перестали её интересовать.

А события были бурные. Новая власть решилась на приказ о разоружении поляков. Ночью звякнул у двери колокольчик. Перепуганные Аня с матерью кинулись к окошку. На крыльце стоял Болецкий. Аня открыла дверь, но в дом он не пошёл. «Я попрощаться, панна Анна, — Болецкий обеими руками поднял тщательно перевязанную упаковку. — Вот, если можете... Здесь три винтовки с саблями, спрячьте. Мы скоро вернёмся. Только никому не говорите, панна».

Аня спрятала винтовки на дне садового колодца. Еле дотащила. А наутро стала думать: правильно ли сделала? Решила посоветоваться с участником Русско-японской войны Никитой Пантелеевичем, — он жил в соседнем доме. Никита Пантелеевич её действия одобрил. А сам пошёл с докладом к новой власти.

Анна Васильевна тихо улыбнулась. Она видела тогда в окошко, как резко поскакал одноногий Пантелеевич на костылях, но ей и в голову не пришло, что он доносить пошёл. Не успела она вдоволь насладиться своей тайной, как пришли чекисты. Парни были ей знакомы. Они тоже хорошо знали зазнобу бывшего своего шефа, но обращались теперь с ней, как с какой-нибудь мерзавкой. Это потрясло девушку. Аню неделю продержали в изоляторе. Допрашивали каждый день. Арестованную с ней вместе мать через неделю отпустили. А дочь отправили в Рязанскую тюрьму...

В маленькой камере напихано двадцать женщин. Вонь, трудно дышать. На работу из камеры выходили, как на отдых. Работа была несложная. В подвале почти каждый день расстреливали очередную партию людей, и надо было после смывать кровь со стен и с пола. Аня поначалу чуть в обморок не падала, но потом привыкла. А вскоре её от этой работы освободили. В тюрьме в отдельной камере держали графиню, которую намеревались выменять у белогвардейцев на знатного красного военачальника. Так как Аня обладала благородными манерами, девушку приставили к этой пожилой графине в служанки. Они быстро подружились. Аня рассказала, как попала в тюрьму, и графиня написала за неё письмо в ЧК с просьбой об освобождении девушки. Письмо возымело своё действие, и через два месяца Аню выпустили из тюрьмы. Боже, как она радовалась! Каким чудом казалось счастье обрётённой вдруг свободы! И как быстро это счастье потускнело...

Дом у них почти весь конфисковали. Оставили им с матерью только комнатку. Квартирантов пускать стало некуда, жить не на что. Зимой кое-как перебились, продавая уцелевшие вещи. А весной и летом ели траву...

И вот этот жуткий, терзающий до сих пор ночными кошмарами провал. Кишащие обезумевшими людьми вокзалы, мучительные ночи в ожидании попутного состава, смертельная давка при посадке. Теперь не верилось, что со слабыми своими девичьими силёнками она сумела добраться в одну ночь до Ташкента. Мать зашила в её бельё последние два перстенёчка. Аня выменяла их в Ташкенте на муку. Объединясь с двумя попутчицами, такими же мешочницами, как и она, Аня забралась на крышу пассажирского состава. Днём здесь ехать было даже лучше, чем в вагонной давке, но когда настала ночь, встречный поток воздуха сделался таким пронизывающе холодным, что девушке показалось: до утра она не выдержит, замёрзнет. Спасаясь от холода, люди прижимались к крыше. А тут вдруг подошли парни, игравшие весь день в карты. Тронули мешки ногами.

«Мука?», — спросили. «Ага», — кротко кивнула Аня, задрожав от страха. Бандиты сначала скинули с мчавшегося поезда её попутчиц, потом принялись за неё. Заткнули рот грязной тряпкой, изнасиловали. Потом скинули с поезда, как и попутчиц.

Она чудом осталась жива. Только целый год пролежала в госпитале. А едва успела вернуться домой — слегла от брюшного тифа. Но, к удивлению врачей, выжила опять. Зато мать уже дышала на ладан. Незадолго до смерти мать уговорила Аню выйти замуж за приметившего её директора швейной фабрики. Аня понимала, что другого способа избежать голодной смерти нет.

Жених был вдвое старше. После венчания Аня почти месяц убежала от брачной постели. Потом смирилась. Вера в праздник жизни угасала...

Анна Васильевна открыла глаза и задумалась над странным фактом: из пятнадцати лет замужества лишь один эпизод сохранился в памяти отчётливо: это когда муж, умирая, стыдливо, чуть слышным шёпотом спросил: «Ты меня не любишь, Аня?» И всё. В один этот эпизод вместились все пятнадцать лет. Остальное предстаёт как будто неживое, нереальное, не связанное с ней самой. Даже рождение сына Лёни вспоминается смутно и как-то безучастно: словно другая женщина родила ей сына. И родился Лёня как будто не младенцем, а сразу двадцатидвухлетним парнем, уходящим на войну. Вот этого двадцатидвухлетнего она помнит с удивительной отчётливостью. Словно только вчера он обнял её перед посадкой в эшелон. Она была уверена почему-то, что больше не увидит Лёню. А увидела... Сын попал в плен к немцам, но сумел бежать. Его хотели расстрелять за это, потом заменили расстрел штрафбатом. Она написала письмо Сталину с просьбой повидаться с сыном перед его отправлением на передовую. Ответ пришёл от Молотова. Её просьбу удовлетворили. Выдали ей специальный пропуск, и она поехала на фронт. Там и увидела Лёню в последний раз. Приезжала после войны искать место, где похоронен... Не нашла.

Воспоминание о Лёне сильно утомило. Закрыла усталые глаза, и тут один за другим стали являться в памяти её ученики. После смерти мужа Анна Васильевна учительствовала в начальной школе, и это были лучшие, наверное, годы. Её воспитанники, доверчивые, радостные, получая знания от своей первой учительницы, взамен возвращали ей убеждённости в том, что праздник всё-таки когда-нибудь настанет. По окончании четвёртого класса ребята уходили продолжать учёбу в средних школах, оставаясь в памяти Анны Васильевны навсегда детьми. Она была так поражена два года назад, когда к ней пришёл незнакомец и представился: «Не узнаете, Анна Васильевна? Вова Спиридонов, ваш покорный слуга». Она ахнула в изумлении. Конечно же, в этом пятидесятилетнем, крепко сложенном мужчине никак невозможно было узнать Вову Спиридонова — одного из наиболее запомнившихся ей учеников. Вова был такой худенький, наивный... Часто с улыбкой вспоминала, как однажды он заставил покраснеть свою учительницу. Подошёл во время перемены с книжкой «Сказка о царе Салтане» Пушкина, ткнул пальцем в строки:

А царица молодая,
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.

Мальчик спросил: «Чего и куда понесла царица?» Преодолев смущение, Анна Васильевна объяснила ученику, что слово «понесла» означает здесь: «приготовилась родить». «А-а-а...», — разочарованно протянул Вова и в задумчивости отошёл.

В другой раз озадачил вопросом посерьёзней:

— Анна Васильевна, пионервожатая говорит, что Бога нет, а зачем тогда в церкви Богу молятся?

— Молятся те, кто верует в Него, — сказала учительница. — Только Бог, наверно, не такой, какому в церкви молятся: Он сложнее. Нам, людям, не дано знать, какой Он... Да это и не важно. Важно веровать в высокое предназначение человека и быть благородным, добрым.

Взрослый Спиридонов не забыл тех слов. Рассказав о трудностях своего НИИ в связи с поворотом страны к капитализму, он заметил:

— Не понимаю, что в России происходит. Вы вот прививали нам веру в высокое предназначение человека, в благородство. А ведь человек с такой прививкой обречён теперь на нищету. На третьесортность, как говорят в цивилизованных Соединённых Штатах. Да что там нищета?! Предпочитающий духовное материальному теперь, оказывается, просто иждивенец, паразит... Теперь только спекулянты, воры — люди! А мы, дураки, к знаниям стремились, мечтали об открытиях, на звёзды по ночам глядели...

— Ты жалеешь теперь об этом? — спросила Анна Васильевна с печалью.

Спиридонов смутился, но потом, собравшись, отвечал с ожесточённой твёрдостью:

— Я, слава Богу, нет пока, Анна Васильевна. Но некоторые из моих коллег уже жалеют. Потому что пробовали устроиться бухгалтерами в коммерческие структуры, чтобы дети с голоду не околели, а им сказали, что бухгалтеры с высшим образованием не требуются, — требуются со средним, поскольку такие, по мнению наших бизнесменов, надёжней.

Странное ощущение вдруг подступило. Будто она не на кровати, а в качелях, — и то дышать трудно, когда они взмывают, то головокружение, когда вниз летят. Анна Васильевна захотела приподняться и не смогла: слабость была неодолимая. Неприятно навалилось забытьё. Она очнулась, когда часы показывали половину третьего. Это было из ряда вон. Даже боля гриппом, дольше десяти утра она никогда прежде в постели не валялась. «Видно, помираю, — подумала и ужаснулась. — Совсем немножечко до ста лет не дотянула...».

Вдруг она обеспокоилась: не заперта ли дверь? Если заперта, соседи по коммунальной квартире не сразу обнаружат, что она умерла, да и замок ломать придётся. И деньги достать надо...

Несколько сотенных бумажек, скопленные по крохам с пенсии, составляли всё её богатство. Деньги лежали в шкафу, под ворохом тряпья, в конверте, на котором она предусмотрительно написала: «На мои похороны». Страх при мысли, что конверт могут не найти, придал ей силы. Она неловко, как больная радикулитом, перевалилась на бок, потом на живот, одновременно сползая ногами на пол. Опираясь на кровать и на стену, добралась до шкафа, достала конверт, положила его на стол. Затем добралась до двери и отперла её. На обратный путь к кровати сил уже не хватило... Она опустила на пол и тихо отошла в мир иной...

Сосед, вошедший в её комнату час спустя, от изумления присвистнул. Степенная Анна Васильевна уютно сидела в уголке прямо на полу, как маленькая девочка. Глаза у неё были закрыты, но на помолодевшем лице разлита загадочно-блаженная улыбка. Увидев надпись на конверте, лежавшем на столе, сосед присвистнул с ещё большим изумлением. Он пощупал пульс у Анны Васильевны. Рука была холодная. Пульса не было. Мужчина позвал жену. Вдвоём они перетащили тело Анны Васильевны на кровать. Пересчитали содержимое конверта. «На такие деньги теперь и собаку не похоронишь, — мрачно произнёс сосед. — Послал нам Бог хлопот, жена... Зато, может, комната станет наша».

ДВЕ ВСТРЕЧИ

В первый раз я увидел её солнечным июньским днём. Я гулял по московским улицам Коломны. На душе было хорошо. От церковных куполов, от заборов, изб — отовсюду словно бы несло ликующе: «На Святой Руси петухи поют, скоро будет день на Святой Руси!»

Я увидел её на Соборной площади. Она стояла метрах в тридцати от храма Успения и, задрав кверху голову, поворачивалась то к куполам, то к стрельчатым проёмам шатровой колокольни, то к церкви Воскресения. Её девически изящная фигурка в светлом платье излучала безмятежное спокойствие. Я подошёл к ней. Она повернула голову и, поправив ремешок висевшей на плече сумки, улыбнулась. Мне показалось, будто лукаво улыбнулись и две маленькие родинки на её лице: одна была на щеке, другая у виска, — они подчёркивали изумительную нежность кожи. Аристократическая нега и доверчивость в её лице странным образом сочетались с женственной властной силой. А в улыбке сквозило озорство, лукавство и нескрываемый интерес ко мне.

— Вы коломенец? — произнесла она обольстительно-тихим голосом.

Я утвердительно кивнул.

— А я москвичка. Приехала, чтобы посмотреть на ваши церкви. Я слышала много интересного о памятниках Коломны. Жаль, нет путеводителя.

— Я с удовольствием послужил бы гидом, — нашёлся я. — У меня день свободный.

— Так будьте им, — с интимным понижением голоса произнесла она. — Я свободна тоже.

Это её «Я свободна тоже» прозвучало так многозначительно, так обещающе... Мы неспешно двинулись от Успенского собора к арке ворот Ново-Голутвина монастыря. Она обратила внимание на одноэтажную приземистую церковку по левую сторону от ворот. Церковка была не ахти какая красавица, на моя спутница восхитилась: «Она такая наивная, от неё тепло, как от детского рисунка». По дощатой лестнице к входу в церковь шёл народ. Некоторые истово крестились перед входом, но большинство шло, как на экскурсию, из любопытства, — это ощущалось.

— Вы в ней были? — показав на церковь, спросила моя спутница.

— Нет, — смутился я. — Боязно...

— Давайте войдём?

Мы поднялись по лестнице и вошли под массивные своды. Печальные лики, смотрящие с икон, торжественность молящихся, пылающие восковые свечи... Моя спутница, точно напуганная чем-то, вцепилась в мою руку. Мы стояли перед иконостасом. Возвышенное, светлое чувство овладело мной. Я ощущал тепло руки женщины, казалось, предназначенной мне самим Богом, и чувствовал её и свою открытость перед Ним. Ощущение было столь глубоким, что в памяти произошёл провал: смотрю — мы уже не в церкви, а ходим по двору Брусенского монастыря.

Осмотрев кремлёвскую территорию, мы вышли на Москву-реку. Глядя в замоскворецкие поля, она воскликнула:

— Смотрите, сколько там, в деревне, церквей!

— Это Бобрёневский монастырь. Заложён при князе Димитрии Донском после победы на Куликовом поле.

— Я хочу там побывать, — сказала она шёпотом.

Мы перешли через разводной мост и двинулись к Бобрёневу. Дорога, по которой шли, нуждалась в реставрации: каблучки моей спутницы то вязли в размягчившемся от жары асфальте, то попадали в выбоины, и тогда она хваталась за меня, но взять её под руку я не решался.

Осмотрев церковь и надворные постройки монастыря, девушка захотела обойти его снаружи. Потом любовалась голубыми озёрками, расположенными неподалёку на зелёном луговом просторе. В озёрках плавали белые гуси, и она сказала, что это напоминает сказочный остров Буян.

На обратном пути к Москве-реке моя спутница остановилась посреди поля и долго смотрела на Коломну, казавшуюся отсюда древним городом благодаря обилию кучно скопившихся храмов. «Какое чудо! — промолвила она. — Хорошо, что на земле есть церкви».

У разводного моста мы увидели толпу народа. Мост был разведён и, как оказалось, не для того, чтобы пропустить катер или баржу, а по причине аварийного ремонта — то ли натяжной трос внезапно утонул, то ли его рыбы перегрызли. Толпа на берегу переругивалась с ремонтниками. Те объявили, что починят мост не раньше, чем через три часа. Мы пошли к железнодорожному мосту в надежде, что часовой пропустит. Увы, часовой при нашем приближении лягнул затвором карабина и зло крикнул: «Стой, стрелять буду!»

Оставалась единственная возможность вернуться в город — на электричке. Мы пошли по полевой тропинке к ближайшей железнодорожной станции.

— Устала? — спросил я спутницу, заметив, что она прихрамывает.

— Не устала. Просто вязнут каблучки.

Когда мы в городе сошли с электрички, девушке вдруг захотелось пройти пешком по Соборной площади, взглянуть на храмы при заходящем солнце.

Опять смотрели на храм Успения и Воскресенскую церковь, Шатровую колокольню. Потом пошли в Ново-Голутвин... На монастырском дворе стояла тишина. Две хрупких девичьих фигурки в тёмных подрясниках двигались по дорожке мимо церковки в глубину просторного двора, где у длинного жилого корпуса висело на верёвках бельё. Мы увидели, как девушки остановились у сваленных возле хозяйственных построек брёвен.

— Это монашенки? — спросила моя спутница.

— Послушницы. Они только готовятся стать монашенками.

— Как здесь покойно, — она поглядела в сторону солнца, заходящего за крышу здания, и вдруг сказала:

— Может, и я когда-нибудь уйду в монашенки.

— Это было бы неэтично с твоей стороны, — заметил я.

Одна из её тонких бровей приподнялась, выражая недоумение.

— Человечество тебе не простило бы этого, — продолжил я. — По крайней мере, мужская половина человечества. Упрятать в монастырь такую прелесть...

Она улыбнулась. Потом двинулась в глубь двора. Остановилась и сосредоточенно высматривала что-то в хозяйственных постройках, в башенках ограды, в карнизах окон, в барабанах глав Успенского собора, подымавшегося за оградой.

— Не хочется отсюда уходить, — сказала моя спутница. — Опять электрички, толпы... Всё впечатление смажется, пока до дома доберусь.

Она взгляделась в моё лицо и вдруг с интимным пониманием сказала:

— Я бы хотела отдохнуть немного.

— Я бы предложил у меня, но я живу в коммуналке. Если...

— Идём к тебе, — шёпотом произнесла девушка.

Когда мы вошли в комнату и она разулась, моим глазам открылись стёртые в кровь тесными туфельками ступни. Мне захотелось припасть губами к этим кровоточащим ножкам.

— Как тебя зовут? — произнёс я благоговейным шёпотом.

— Лена, — ответила она с улыбкой и тут же попросила: — Можно, я прилягу минут на десять, а ты пока приготовишь кофе?

Я уложил в изголовье кровати подушку и отправился на кухню. Когда вернулся с готовым кофе, девушка уже спала. Меня ожёг вид её обнажённых бёдер. Лена потянулась во сне, и коротенькое платье открыло эту прелесть. На одном бедре, как и на лице у неё, были две маленькие родинки. Они так гармонично вписывались в нежность белой кожи, так манили... Я достал из шкафа одеяло и укрыл свою спутницу.

Потом смотрел в окно, пытаюсь думать о чём-нибудь серьёзном, но не получалось. Волнующий образ родинок на фоне нежно-белого обращал все мои мысли в сплошное месиво. Кофе совсем остыл, когда я, наконец, пришёл в себя.

Лена по-прежнему спала. Не прикрытая одеялом грудь в вырезе платья чуть заметно подымалась-опускалась. Руки, ладонками одна к другой, были подсунуты под щёку. Изящно выточенный носик, мягкость чуть приоткрытых губ, длинные загнутые ресницы, небольшая припухлость под бровями, доверчивая нега... И меня ошеломила вдруг безмерность тайны, заключённой в женской красоте.

Лена открыла глаза. С минуту мы молча смотрели друг на друга. Она вдруг просто, буднично сказала:

— Я останусь у тебя. Поеду утром. Тёплый душ бы...

Вернулась после душа размягчённая, порозовевшая, со смешно сбившимися мокрыми волосами. Мы сели ужинать. Потом я подошёл к ней и прильнул губами к волосам на затылке. Лена потянула к себе мою руку, и я ощутил нежность кожи на девичьей упругой груди...

Проснувшись утром, я долго, с обожанием глядел на голову девушки, лежавшую рядом на подушке. Лена пробудилась.

— Ты студентка? — спросил я.

— Угадал, — ответила она с улыбкой. — Третий курс, ИМО.

В переизбытке радостной весёлости я чуть было не брякнул: «Никогда бы не подумал, что буду спать со студенткой института международных отношений».

— Кто твои родители? — спросил я вместо этого. — В этот институт, говорят, попасть не просто.

— Папа работает в посольстве в США, мама не работает.

Мне опять захотелось брякнуть: «Никогда бы не подумал...»

Она уехала вечером. День мы провели на Оке, купались, загорали. Осматривали «византийскую» Троицкую церковь в Щурове и Старо-Голутвин монастырь. Лена дала мне свой адрес и номер домашнего телефона.

В то лето она ещё дважды приезжала в Коломну. И неумоимо осматривала храмы. Меня так привлекала в ней эта неумоимость. Я регулярно звонил ей в Москву. Вечера, в которые я отправлялся на переговорный пункт, были праздниками. Я слушал в трубке её интимно понижающийся голос, суматошно что-то говорил, улавливая в ответах девушки понимание, — этого вполне хватало для ощущения прочности земного бытия. Мне не приходило в голову, что это может кончиться когда-нибудь. Но войдя однажды зимним вечером в переговорную кабину, я услышал нечто несуразное. «Я выхожу замуж», — донеслось до меня. В этот момент даже не достало мужества поздравить Лену. С тупым недоумением я слушал в трубке её ласковое щебетанье. Она говорила, что наша дружба с ней не кончается, что она обязательно придет ещё ко мне.

Я не имел права роптать: ведь был старше её на двадцать лет, и мои родственники в посольствах не служили.

По иронии судьбы, в тот же вечер ко мне пришла Людмила. В дополнение к неплохой для сорока лет внешности у неё был весёлый, покладистый характер и дом в городской черте. Людмила пришла узнать причину моего к ней охлаждения. «Не жожусь я для семейной жизни, Люда», — отвечал я ей.

А Лена и впрямь сдержала обещание — приехала. Показалось, жизнь вернулась... Девушка совсем не изменилась внешне. Две маленькие родинки, точно живые, по-прежнему приветливо улыбались на её лице, оттеняя прежнюю атласность кожи. Она мельком оглядела убогое убранство моей комнаты.

— Так здесь и живёшь? — произнесла как будто с укоризной.

— Здесь и помру, наверно.

Лена улыбнулась. Улыбка тоже была совершенно прежней, только мне почудилось, будто это всего лишь форма, отделившаяся от её души.

— Я попрощаться, — сказала она с оболстительной улыбкой. — Уезжаю в Америку, к мужу.

У меня выпало из памяти, как мы очутились с ней в постели. Она по-прежнему была изысканно нежна, а я никак не мог отделаться от чувства, будто бы меня насилуют. Потом мы пили кофе, и в коротких репликах и долгих паузах молчания сквозила уже томительная отчуждённость.

— Не хочешь поглядеть храмы на прощанье? — спросил я.

— Поедем, — произнесла она как-то озабоченно.

Мы сели в «мерседес», оставленный ею у подъезда, и через десять минут были уже на территории Коломенского кремля. День стоял пасмурный, таял снег, вода хлопала под ногами. Лена была в безупречного покроя шубке, с непокрытой головой, в сверхмодных модельных сапожках. На Соборной площади я обратил внимание девушки на свежевыложенную брусчатку, проглядывающую из-под растоптанного снега. Она мельком глянула под ноги и ничего в ответ мне не сказала. Так же мельком оглядела она собор и церковь Воскресения, разочарованность была в её глазах.

Мы спустились по улице Лазарева к разводному мосту через Москву-реку.

— Тот монастырь отреставрировали? — кивнула Лена в сторону Бобренева.

— Ага.

— Я хочу взглянуть.

Мы перешли через мост и двинулись по раскисшей от сырого снега дороге. Метров через двести моя спутница остановилась и, обернувшись на город, стала глядеть на собрание церквей.

— Хлам это на лике земли, — тихо сказала она. — В Москве вот тоже всё реставрируют, реставрируют, и никому в голову не придёт, что на фоне нынешних реклам и высотных зданий эти церковки жалки и смешны. У нас в России вечно ностальгируют по уходящему.

— А в Америке, ты полагаешь, лучше? — спросил я с грустью.

— Я уже побывала там. Там всё проще и ясней: там всё решают деньги. Там даже в школах не стесняются говорить, что деньги — главное. Помоему, это лучше, когда не боятся смотреть правде в глаза.

— Ты изменилась...

— Жизнь безжалостна к тем, кто цепляется за старые иллюзии.

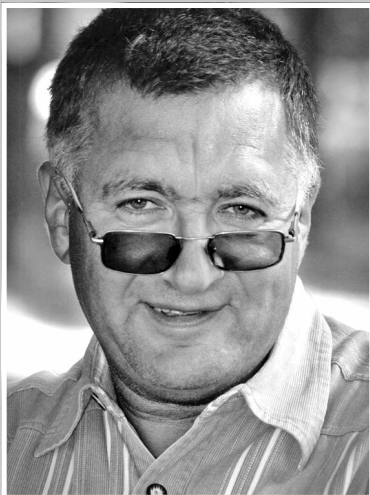
— Бог весть, где иллюзии, где правда...

— Мне расхотелось в монастырь. Едем назад.

Я проводил её до «мерседеса», оставленного у гастронома на площади. Перед тем, как сесть за руль, Лена, прижавшись, поцеловала меня в губы и шепнула: «Будь счастлив». А мне захотелось буркнуть в ответ: «Хочешь сказать — денег наворуй?»

Оставшись один, я долго, как опустошённый, бродил по примоскворецким улицам. До ночи стоял на разводном мосту, согнувшись над перилами и глядя в убегающую с шумом воду. Неподалёку на мосту целовались девушка и парень. «Надо идти», — подумал я, но, оцепенело скрюченный, остался у перил.

Идти, в сущности, было некуда.

Виктор Семёнович Мельников родился 24 мая 1948 года в казахском селе Казанка. День рождения, совпавший с Днём славянской письменности и культуры, и определил его судьбу — стать литератором. Он много ездил по стране. Жил и трудился в Сибири, Башкирии, Таджикистане, Узбекистане, Латвии... Работал плотником, слесарем КИП, шахтёром, геологом, осмотрщиком вагонов, корреспондентом... В общем, жизнь его сложилась так, что возможностей для познания реальной, суровой, невыдуманной действительности у него было предостаточно.

Виктор Мельников — автор двенадцати книг прозы. Его произведения печатаются во многих российских журналах.

Рассказ

Виктор Мельников

ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ

«Колоколов средневековый
Певучий звон, печаль времён...»

И.А. Бунин

Ровно через неделю заканчивался у Захара Ключарёва срок заключения. Аккурат двадцать лет — день ко дню, ночь к ночи — провёл он в этом безумстве.

Иногда ему казалось, что ещё одна такая грань — и он сойдёт с ума. Днём было ещё терпимо: спасала работа, вечером можно было сыграть в шахматы, а ночь становилась настоящим безумием. Откуда-то выползали наружу рогатые черти, обступали его и щипали за тело. Он закрывался от них в одеяло с головой и до самого утра боялся высунуться.

В такие минуты ему казалось, что лучше бы его приговорили к смертной казни, чем вот так мучиться. Сказать, что он отсидел эти годы незаслуженно, было бы по крайней мере несправедливо. Ведь это он своими руками перерезал чужую семью. Эта картина не раз всплывала у него ночами. Он вскакивал, как бешеный, и до крови бился головой в глухую стену. Сокамерники оттаскивали его, успокаивая. Он затихал, но боль на сердце ещё долго не умолкала.

...В эту квартиру они с Толяном залезли по наводке. Хозяин был из «новых русских». В его руках была пара магазинов, небольшая гостиница и даже городская баня. В квартиру проникли без всяких трудностей. Случай был особенный: хозяева всей семьёй решили посетить гастролировавший в городе московский театр. Как минимум, в их

распоряжении было около двух часов. Всё шло слаженно: удачно вскрыли сейф и всё содержимое сложили в рюкзак. И только собрались уходить, как замок входной двери зашевелился и на пороге появились хозяева. Как потом выяснилось, из-за болезни одного актёра спектакль пришлось отменить. Картина была ужасающей как для одной стороны, так и для другой. Первым из оцепенения вышел хозяин квартиры:

— Так, ребяташки, давайте будем считать, что сегодня не ваш день. Опускаем на пол рюкзачок и тихонько выходим из дома. Или здесь скоро появятся охранники. Картина ясна?

Захар с корешом переглянулись и согласно кивнули головой. Но они не собирались вот так легко расстаться с награбленным. Блеск золота ещё маячил у них перед глазами. Как из катапульты, подбросило Толяна, и он в один миг оказался около пожилой женщины. Как овце, перерезал он ей горло. Завизжали два подростка. Наступила очередь Ключарёва. Ему было проще: жена хозяина, не успевшая даже снять шубку, стояла рядом. Он перехватил её горло одной рукой и вонзил нож под левую лопатку. Потом оттолкнул её к ногам хозяина. Перевес оказался на стороне бандитов. Так подумал Толян, когда нагнулся, чтобы поднять с пола рюкзак. В это время неожиданно раздался выстрел, и он упал, как подкошенный. Хозяин уже переводил руку с пистолетом в сторону Захара. Но Ключарёв опередил его и метнул нож в мужчину. Бросок был точным: нож воткнулся в горло хозяина. Захар подошёл к нему и снял с его ладони пистолет. Подобрал наворованное и остановился около двух рыжих мальчишек. Их трясло.

— Ладно, живите, пацаны. Крови сегодня и так достаточно.

На лице одного из них он запомнил над левой бровью чёрную родинку.

Но дойти ему удалось только до подъезда. Там его ждали охранники. Только на суде выяснилось, что перепуганные мальчишки сумели всё-таки нажать на тревожную кнопку. Захар был арестован с поличным. Было ему тогда тридцать лет.

Жена навестила его только один раз. Сидели друг перед другом за стеклянной перегородкой и разговаривали по телефону.

— Зачем ты это сделал? — кричала она на него. — Ты опозорил нас на весь город. Наташка не может даже ходить в школу.

— Я же для вас всё делал, — нерешительно оправдывался Захар. — Ты сама не работала. Мне на заводе не платили. Ты ведь догадывалась, чем я занимаюсь. Ведь таких денег, которые я приносил, на заводе не платили.

— Лучше бы ты нас перерезал! Как нам теперь с таким позором жить? — зарыдала жена. — Ты настоящий зверь! От тебя даже сейчас кровью пахнет! Как я могла только жить с тобой? Сколько бы тебе ни дали, я ждать тебя не буду. Разведусь и уеду в другой город. Нас никогда не ищи.

Так она и поступила.

За три дня до освобождения Захара вызвал к себе начальник тюрьмы. «Кума» уважала вся тюрьма. Правильный был мужик. Ключарёв знал полковника хорошо. И не только его одного, а всю его семью. Несколько раз ремонтировал им квартиру, а потом и дачу строил.

— Ну что, Ключарёв, скоро на свободу с чистой совестью? — встретил его полковник. — Да ты садись! — и он жестом пригласил его сесть.

— Да что-то нет особой радости, — опустившись на табуретку, отозвался Захар. — Ума не приложу, куда мне идти, где жить, как зарабатывать на жизнь. У меня нет даже вольной одежды. И шансов не попасть сюда назад тоже практически нет. Может, не к вам, так в другую тюрьму? У нас их по стране ого-го сколько! В тюрьме всё проще. Накормят, оденут... Наша свобода — это как отмена крепостного права. Не помню, при каком царе она была. Вроде бы ты на воле, но что делать с ней — не знаешь. Никому ты не нужен, все от тебя шарахаются...

Захару было стыдно своей словарной нищеты, его угловатых слов. Но когда вот так запросто можно поговорить по душам с самим начальником тюрьмы?

Ключарёв был невысокого роста, седоголовый, с круглым лицом, с крупными ладонями и с серыми грустными глазами.

— Ты по какой статье-то сидел? — перебил его полковник.

— По 105-й, за убийство...

— Ну вот видишь. Убил человека и хочешь, чтобы тебя на воле встретили с оркестром? Нет, брат, теперь тебе нести этот крест всю жизнь...

— Да ничего я не хочу! — откровенно признался Захар. — Я вообще жить устал. Люди возвращаются домой, а у меня какой дом? Ни кола, ни двора. Да и страна стала совсем другой. Не будет мне в ней места...

— Ну, это ты зря, — успокоил его полковник. — Человеку всегда место найдётся. А ты оставайся при церкви, — осенило вдруг начальника тюрьмы. Ведь она, в сущности, твоя. Если бы не ты, так не быть бы ей. Сколько труда ты в неё вложил! Небось, каждое брёвнышко обласкано твоими руками. Отправим тебя учиться на звонаря, и будешь при церкви всю жизнь. Чем плохо? Да с твоей фамилией сам Бог велел тебе тут быть. В старину эту должность давали сыновьям церковных сторожей. Ну как?

— Надо тут подумать, — нерешительно отозвался Захар, хотя предложение полковника ему понравилось.

— Ну думай, думай... А я вот для чего тебя вызвал, — продолжил разговор полковник. Встал, размял спину и несколько раз прошёлся к окну. — Не задержишься ли ты у нас на пару недель? Всё-таки надо довести дело до конца. Во-первых, привезти с завода колокол и установить его. Завтра мы тебе выпишем какие полагаются документы, ну, а временно поживёшь в прапорской комнате.

— Я с удовольствием! — просиял лицом Ключарёв. — Я только и думаю о том, как это произойдёт. Хотелось бы довести это дело до самого конца.

— Значит, по рукам?

— По рукам, — смутился Захар. — Для меня это очень важно. И для других. Вчера мой сокамерник прочитал перед сном молитву «Господи, помилуй». И я понял, что он не просто читал молитву, а просил Бога о помиловании. Это его самая надёжная инстанция. Он верит не в суд, а в молитву.

— Простить... — вслух произнёс полковник. — Ведь за каждым из вас столько горя тянется. И сколько бы вы ни отсидели, вы не в состоянии искупить своей вины. Вот ты убил человека, отсидел и на волю — покойненько доживать свои дни, а справедливо бы было, чтобы ты каждый день видел скорбные глаза его родственников. Чтобы всё твоё нутро переворачивалось.

— А кто и как может измерить мои муки? — не выдержал Ключарёв. — Я несколько раз уже здесь умер. Меня прежнего уже давно не существует. Я просто тень того Ключарёва. Вообще весь мир состоит из преступников, — добавил Захар.

— Прямо так и весь? — переспросил полковник.

— Да неужели вы, гражданин начальник, не понимаете, что на самом деле настоящие преступники находятся не за решёткой? И до них у вас руки короткие. Они спокойненько ходят на воле, воруют миллионами, у них есть своя иерархия, свои правила. Они правят всем миром.

Такие разговоры у них не были редкостью. Полковник любил эти беседы. Однажды во время такого разговора Захар выложил перед полковником несколько пустых спичечных коробок с нарисованными от руки церковными куполами. А перед другой встречей он вырезал миниатюрные детали из медной фольги и сложил из них верхушки хоругвей.

— А почему бы в нашей тюрьме не построить церковь? — мирно спросил Ключарёв.

— А может, детский сад лучше? — невозмутимо ответил начальник тюрьмы с улыбкой.

— Почему-то многие считают, что преступник должен мучиться в тюрьме, — проговорил задумчиво Захар.

— Именно так, дорогой ты мой! — не выдержав, выкрикнул полковник.

— Но ведь даже Христа судили! — не сдавался Захар.

В конце концов разговор закончился тем, что полковник обещал подумать. И эту идею «эзка», к его великому удивлению, там, в «верхах», поддержали.

Первой проблемой, конечно, были деньги. Набрать начальную сумму, достаточную хотя бы для приобретения деревянного сруба, казалось делом фантастическим. Серьёзная проблема возникла даже при поиске подходящего проекта храма. В ответ на многочисленные письма с просьбами о помощи в различные организации и ведомства в основном приходили лишь советы, обещания и рекомендации. Было время, хоть руки опускай. Но Ключарёв не сдавался. Внутри тюрьмы он организовал сбор средств на будущий храм. Вносили деньги заключённые, тюремщики, родственники заключённых. Вся тюрьма обращалась через молитвы за помощью к Богу. И лёд постепенно тронулся.

Многие обратили внимание на то, что все значительные события, связанные с храмом, выпадали на четверг. На месте намеченного фундамента именно в этот день читал акафист святителю Николаю Чудотворцу прихожий священник. И будущий храм было решено освятить в честь этого особо почитаемого на Руси святого.

Верующий человек в случайности не верит. Не верили в совпадения и заключённые... Но это чудо обнаружил на себе Захар. После рытья котлована под фундамент у него каким-то неожиданным образом исчезла с ладоней экзема, которая прицепилась к нему ещё с детства. Слух об этом быстро пролетел по всей тюрьме, и заключённые стали верить каждому его слову... Они полагались на него, как на святого. И если бы он повёл народ на какой-нибудь бунт, они, не задумываясь, пошли бы за ним.

Начали рассылать письма по другим тюрьмам. Написали даже обращение во Всероссийский воровской общак. И через месяц у себя во дворе заключённые уже разгружали готовый деревянный сруб пятикупольного храма со звонницей.

Не откладывая дела в долгий ящик, начали воздвигать основную часть храма — шестиметровой высоты крестообразный сруб. К зиме внешняя работа была готова. Над крышей храма каждое утро привольно поднималось солнце, опуская свои первые лучи на окна тюрьмы. Ранние лучи были тёплыми, как мысли о родительском доме.

Предстояло ещё оформление стен. Но своих иконописцев не было. Такие в тюрьмы не попадали. Захар украсил своё скромное жильё иконами, раздобыл лампадку, и она горела у него целыми вечерами.

И всё-таки нашлись такие таланты! В каждой камере находились свои мастера татуировок. Был и в их камере такой мастер-тату. Настоящий мужик, художник своего дела. Захар в этом убедился, когда он наколол на его груди святителя Николая Чудотворца. Захар высказал свою мысль полковнику, и вскоре в тюрьме была создана целая бригада мастеров-тату. Усилиями таких художников и был расписан иконостас и стены всего храма.

Теперь осталось дело за колоколом, который будет на весь окрест разносить бронзовым звоном молитву без слов.

Соседний металлургический завод принял у них заказ. Его уже давно отлили, осталось дело за малым: доставить на место. Полковник сам отобрал для этого заключённых. Теперь они все были для него не заключённые, а пробуждённые от греховного сна... Конечно, среди них был Ключарёв.

В поездку за колоколом подготовили две машины. Одна — для перевозки заключённых, другая — жёлтый КамАЗ — для самого колокола. Накидали в него верёвок, досок и выехали за территорию тюрьмы. За воротами машины остановились, пока водители оформляли путевые листы. Захар повернулся к окну, оглядывая стены тюрьмы со стороны улицы. И вдруг отпрянул. Прямо перед их машиной был припаркован синий Форд, а рядом с ним проминались два парня. Одного из них Захар скорее почувствовал, чем узнал. Это был тот рыженький паренёк с чёрной родинкой над левой бровью. Теперь это были уже не подростки, а настоящие мужчины. Не было никаких сомнений, что они ждали его. Но откуда им знать день его освобождения? Впрочем, это его уже больше не интересовало, пугало другое: пригодились убить? Кровавая месть? Лёгкая испарина покрыла его лоб... Стоило ли мучиться все эти двадцать лет, чтобы вот так легко получить пулю в лоб? Он отвернулся от окна, прикрыв его спиной. Вскоре машина тронулась. Захар облегчённо вздохнул. Мужики о чём-то громко переговаривались, и только один Ключарёв всю дорогу молчал. Молчали и охранники. «Значит, вот так дело оборачивается», — размышлял Захар. Как ни странно, эта встреча не испугала его. Он уже давно её ждал. Значит, так сыновья решили. Ну что ж, мужское решение. Но только за этот поступок и им предстоит нести ответ. Но уже перед законом. Не ведают, что творят. И Ключарёву стало жаль парней. Ведь им предстояло пройти такой же тюремный путь, который прошёл он сам. Не стоит он этого. Может, повеситься самому ночью в камере? Пусть пацаны живут спокойно.

И вдруг ему нестерпимо захотелось увидеть свою дочь. Сколько ей сейчас лет? Уже давно взрослая. Хоть одним бы глазком взглянуть. Увидеть и умереть. Интересно, как сложилась её судьба? Думала ли она когда-нибудь о нём? Скорее всего, нет. А то бы хоть раз навестила его. Наверное, уже давно стала женой и матерью. Растёт где-то без него внучка. Он почему-то был уверен, что у его дочери родилась девочка. Захар глубоко и тихо вздохнул. И мысль повеситься как-то отошла сама собой.

До завода доехали часа через три. В цехе, куда их завели, стояло два ряда колоколов. От них нельзя было отвести взгляда. Их подвели к одному из них и сняли с него фанерную табличку. Было это, как в родильном доме, когда на малыша вешают клеёнчатый номерок с именем. Вместе с рабочими цеха подняли колокол и опустили его в кузов КамАЗа. В другом месте загрузили язык.

Директор завода пригласил всех в столовую и накормил вкусным обедом. Выслушал их историю. И когда прощались, сказал:

— Мы строим храм Господу на земле, а Господь помогает нам создать храм Свой в наших душах. Это чувство труднообъяснимое. Впрочем, как не передаваемо словами и многое в вере.

Возвращались в тюрьму к вечеру. Почти из всех окон выглядывали заключённые. Опустили колокол по доскам на песок и сели вокруг него кружком. И каждый чувствовал, как висает в синем небе мелодия его колокольного звона.

В эту ночь Захар долго не мог уснуть. Через открытое окно проникал приятный сквозняк. Он обнюхивал лицо Захару, как служебная овчарка. Скоро всего этого не будет. Он навсегда перешагнёт порог тюрьмы, и наконец закончатся его мучительные дни. И он как-то совсем забыл, что завтра могут закончиться не только его тюремные дни, но и вся его жизнь. Он ясно увидел перед глазами синий Форд и двух этих рыжих парней. И он вдруг подумал: иногда человеку так надо в грязи извляться, столько горя людям принести, да и свою жизнь так искалечить, что только оказавшись в неволе, он очнётся, ужаснётся от содеянного и впервые произнесёт: «Господи, помилуй». Захар вскочил и перекрестился. И в последний миг он успел заметить, как высоко в небе погасла одинокая звезда. Была — и не стало её. Так гаснет слабая свеча, охваченная сквозняком.

Утром следующего дня поднимали колокол. Майский день был тихий и безоблачный. Для этого дела пригласили настоящих профессионалов. Помогали и заключённые. Где верёвками, где досками, где плечом, волокли колокол вверх. И вот последняя ступенька. И солнце польхнуло в глаза, ударило жаркими лучами по бронзе, и, казалось, что весь двор тюрьмы осветился каким-то сказочным светом.

Захар погладил своей тяжёлой рукой крепкую спину колокола и засобирился вниз. Полковник ждал его около церкви.

— Ну что, не передумал? — продолжил он их старый разговор.

— Да нет, гражданин начальник, — отозвался Захар. — У меня на воле ещё много недоделанных дел. Хочу пожить по-человечески. А может, и семью удастся отыскать.

— Ну смотри, — не стал спорить начальник тюрьмы. — Вот твои документы. Не дури больше. Живи, как человек.

Они пожали друг другу руки, и каждый пошёл своей дорогой.

Захара в проходной долго не задержали. Выдали джинсовые брюки, рубашку двадцатилетней давности. В ведомости на его счёт денег тоже было — одни крохи. Все заработанные рубли он перечислял на строительство храма. Захар перешагнул порог тюрьмы и остановился. Над его головой колыхался купол дня.

— Хорошо-то как! — громко воскликнул Ключарёв и раскинул в стороны руки.

Фрод стоял на своём прежнем месте, а рядом с ним — знакомые Захару два рыжих парня. Захар с прищуром взглянул на них и, чуть не коснувшись их, прошёл мимо. Он слышал, как за спиной хлопнули дверцы машины, как она развернулась и, шурша колёсами, медленно последовала за ним. Захар ждал каждую минуту. «Собьют или стрелять будут? — строил догадки Ключарёв. В таком напряжении он дошёл до магистральной дороги и шагнул налево, в сторону города. Рубашка его давно уже взмокла, и он расстегнул её ворот, обнажив наколку Николая Чудотворца.

Машина обогнала его и за несколько метров остановилась перед ним. Стрелять из неё начали, когда он почти вплотную подошёл к ней. Чёрное дуло автомата затряслось, оглушая воздух выстрелами.

— Торопитесь, мальчики... Он хотел ещё что-то сказать, но слова словно застряли в горле, и он повалился на обочину.

Машина с сумасшедшей скоростью сорвалась с места и, вилля по дороге, рванула к городу.

Выстрелы услышали тюремщики на проходной. Два солдата побежали на этот шум. Ещё издали они увидели лежащего на дороге мужчину. Одна его рука была подмята под себя, другая — вытянута вперёд.

Солдаты подошли ближе.

— Слушай, так это же Ключарёв! — узнал один из тюремщиков. — Неужели снова кровная месть? Прямо заколдованное место! А ведь мужик неплохой был. Церковь построил...

— Кто-то долго копил обиду, — высказал догадку второй охранник. Нагнулся и пощупал пульс. — Слушай, так он жив! Всю наколку изрешетили! Видать, спас его Николай Чудотворец! Чего стоишь, беги за врачом!

Молодой солдат живо кинулся к проходной. Другой остался стоять около Захара. Вытащил сигарету и дрожащими пальцами прикурил её только со второго раза.

Через несколько минут к ним от проходной уже бежали люди. Санитары несли носилки. А тем временем Захар проваливался в глубокую пустоту, где ему было всё знакомо, как в детском сне. Он смыкал глаза и временами уже не чувствовал этот суетливый шум вокруг него. Кто-то хлопал его по щекам, прикладывал к носу ваточку с нашатырным спиртом. Небо качалось над ним и, как облака, плыли носилки с его телом...

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В ГОНЧАРНОЙ СЛОБОДЕ

В исторической части города Коломна, на древней земле Гончарной слободы, словно сказочная птица Феникс, возродился из небытия музей с необычным названием «Бабья доля». Прежде он находился в Кузнецкой слободе, но по ряду причин, главным образом из-за отсутствия собственного помещения, на несколько лет экспозиция оставалась законсервированной «до лучших времен». И вот эти времена настали! Коллекция, собранная энтузиастами русской истории, наконец-то обрела собственный дом, который широко открывает свои двери перед каждым желающим совершить своеобразное путешествие во времени.

Дорога к музею «Бабья доля» идёт от Кремля через весь Коломенский Посад, полный чудесного очарования подлинной старины, исподволь готовя человека к тому, что откроется перед ним, едва он переступит порог музея, за которым сразу попадёт в мир русского дома.

Богатое собрание костюмов, инструментов, предметов быта и домашнего обихода даёт возможность глубокого погружения в мир наших предков. Тот самый русский мир, в котором особая роль отводилась женщине — хозяйке, хранительнице традиций, мастерицы на все руки.

У музея есть строгий принцип — выставляются только подлинники. Никаких «новоделов под старину», «реплик», «точных копий» и прочего в таком роде. Все вещи, предметы, фотографии подлинны и уникальны. Среди них нет ничего одинакового, фабричной, поточной выработки. Всё, что носили люди, во что обувались, чем пользовались в быту и хозяйстве, создавалось ими дома своими руками, из того, что добывалось, выращивалось, обреталось в природе. Поэтому песенное присловье «пряла, ткала, вышивала» стало своеобразным девизом музея «Бабья доля».

Именно в этом музее вы узнаете, что рубаха — это не просто одежда. Вам раскроют тайну их подоплёк. Объяснят, что зашифровано в узоре вышивки, расположении пуговиц, форме ворота. Не меньше волнующих загадок хранят различные фасоны русских сарафанов. Рисунки, покрывающие прялки, приковывают внимание не меньше иконописи и тоже хранят свои секреты, рассказ о которых волнует воображение и пробуждает интерес к своему роду, прошлому семьи. Именно так и познаётся для нас важная истина — мы звенья великой цепи, соединяющие сейчас то, что было с нашими предками, с тем, что будет после нас с нашими потомками.

Татьяна Ивановна Кондратова живёт в Коломне с 1978 года. Окончила филологический факультет Коломенского педагогического института, позже аспирантуру при нём, защитила диссертацию по теме «Поэтический мир Константина Фофанова». Работала учителем в школе № 17 г. Коломны, более двадцати лет преподавала на коломенском филфаке. В настоящее время доцент МГПУ, преподаёт русскую и китайскую литературы.

Пишет стихи, песни и прозу, занимается переводами. Печаталась в различных российских изданиях. Автор научных статей по истории русской и китайской литературы, учебных пособий и двух художественных книг «Три рода жизни» и «Море Лаптевых». Член Союза писателей России.

Рассказ

ПОД НЕБОМ АУСТЕРЛИЦА

Есть такие минуты в жизни, когда истина начинает светить из самых незначительных вещей, мелочей каких-то глупых. И в такие минуты ты вдруг переоцениваешь многое, переосмысливаешь в каком-то озарении то, что раньше казалось просто незыблемым.

Расскажу один случай. Вообще-то всё это не со мной произошло, но я во всём этом сама была почти свидетелем.

Я с китайскими студентами работаю: преподаю им курс истории русской литературы. В общем, от «Слова о полку Игореве» и до... ну, это когда как получается. Но только до современности добираться. Только времени, конечно, на всё не хватает: обычные лекции, они ведь не очень-то понятны будут иностранцам. Из-за языкового барьера приходится всё начинать со словарной работы: и фонетика тут вам, и лексика, и грамматика. Но на материале русской литературы. Конечно, даже самые трудолюбивые китайские студенты на русском языке на третьем курсе «Войну и мир» Толстого не прочитают. Как и наши русские китаисты-третьекурсники самую великую книгу Поднебесной — «Сон в красном тереме» — тоже на русском читают. Ну, хоть бы уж на русском.

Поэтому обычно я читаю лекцию уже после словарной работы, чтобы было на что опираться. А потом из наших великих книг мы читаем с ними только отрывки, анализируем их, пытаюсь увидеть связь конкретного эпизода с общей идеей. Вот как-то так.

Ну и что выбрать из Толстого, если на всё про всё две пары получается? Вот и рассказываю на одной про самого Толстого — надо же китайцам знать, что именно Толстой был одним из первых русских поклонников китайской философии, сам читал и Конфуция, и Лаоцзы, да ещё и пытался сделать краткие переложения их учений. Конечно, это отдельная тема, но Кутузов у Толстого на самом деле показан настоящим идеалом даосского мудреца: сила в слабости, лучшее действие — это бездействие, ну и так далее. Откуда растут ноги теории непротivления злу насилием? Только ли из христианства? Даосы точно не согласятся. Сами убедитесь, если «Дао дэ цзин» Лаоцзы прочитаете. Но это я уже отвлеклась как-то. Так вот, для анализа я обычно предлагаю студентам эпизод — «Андрей Болконский на поле Аустерлица». А что — очень благодатный материал: сколько нравственных проблем узлом здесь завязаны и одним махом разрублены.

Слово «честолюбие» мои китайцы знают — через буквы «И» и «А» точно не напишут. Самым первым-то честолюбцем в русской литературе был князь Игорь — а мы именно со «Слова...» разговор о русской литературе и начинаем. Короче, объясняю ребятам, что значит слово «Тулон», и речь естественно заходит о Наполеоне. Ну, вот не считал Толстой его великим, поскольку «простоты, добра и правды», на взгляд писателя, не хватало французскому императору. Каждый имеет право написать свой роман. Не согласен с оценкой Толстого — пиши свою «Войну и мир», где Наполеон предстанет не ничтожным, а великим.

И вот обо всём этом мы и должны были уже на практическом занятии поговорить. А в тот год группа одна у нас была очень интересная. Третья группа — значит, вроде самая слабая. По языку, конечно. Приезжают ребята из разных университетов с разными, соответственно, уровнями знаний. Но иногда случается так, что через пару месяцев именно третья группа становится самой активной, самой заинтересованной что ли. В тот год как раз так и было. Самые интересные занятия — это всегда в третьей группе. Там тайваньцы занимались, ну может, были ещё китайцы материковые и японцы — но в основном студенты с Тайваня. Они, мне кажется, отличались от материковых не только уровнем языка — открытостью, свободой какой-то. Всё им было интересно, всегда после занятий куча вопросов. И у меня там были два любимых студента. Точнее, больше всех любимых, потому что дети ведь. Да какие хорошие дети! Так вот, самыми активными в группе были Сергей и Андрей. Это их русские имена, потому что у нас обычно иностранцы приезжают с уже выбранными на родине русскими именами. Так и китайцы делают, и тайваньцы. Только японцы оставляют собственные. Поэтому, когда читаешь список студентов, получается так: Саша, Миша, Вася, Оля, Поля, Седзе, Косукэ. Раз русские имена — значит Китай или Тайвань.

Так вот: подходит ко мне после лекции Андрюша и предупреждает, что следующее занятие он вынужден пропустить: уезжает на Байкал! Вот это да! Я всю жизнь в России прожила, а до Байкала так и не добралась. Вот ведь молодец какой: приехал на год и Европу зимой успел посмотреть, и на майские на Байкал собрался. Говорю ему: Байкал же ближе от вас, чем от Москвы... Теперь уже привыкла, что приехавшие с востока студенты на восток путешествовать отправляются, но тогда точно удивилась.

— Но у нас же практическое занятие по Толстому — материал на экзамен пойдёт.

— Вот я и подошёл задание взять, буду ехать в поезде и читать «Войну и мир», — успокоил меня Андрей.

Отскерокопировали нужные страницы: не везти же с собой толстенный том. Пожелала я Андрюше интересной поездки, хороших попутчиков — слово «попутчики» заодно выучили.

— Я писать Вам буду с дороги, — пообещал Андрей.

У них уже тогда были крутые гаджеты, телефоны со всякими наворотами. У наших студентов, наверное, тоже были. Это я только в этом году старенький самсунг на леново поменяла. В общем, что было с Андреем дальше, я расскажу с его слов. Что-то он кратко мне в контакте писал, что-то потом уже по приезду в Москву рассказывал.

В общем, попутчики ему попались прекрасные. Он сам тогда так и написал — прекрасные! Конечно, думаю, им тоже было интересно: тайваньский юноша, а по-русски прилично говорит. Дело было в мае, как раз на майские выходные, к этому времени третья группа, как правило, всегда добивается успехов. Ну, во всяком случае, лучшие её представители. А Андрей как раз был из лучших.

Так в чём проявилась прекрасность нашей загадочной русской души? Конечно, в щедрости! И молодая семья, разместившаяся на верхних полках, и дама пенсионного возраста в меховой душегрейке, что занимала полку напротив, — все от души угощали Андрея домашними припасами, которые обязательно надо съесть в течение суток — холодильников-то в поезде нет. А что обычно берут с собой в дальнюю дорогу? Не знаю, я на Байкал не ездила. Но вот раньше для поездки обязательно и курицу жарили, и яйца вкрутую варили, ну и сало, конечно, а к нему солёные огурчики-помидорчики. А ко всей этой снеди, естественно, водочка.

Студент наш уже совершенно совершеннолетний был — двадцать один год, так что всё имел право попробовать: даже водочку под ломоть чёрного хлеба с салом принял. И пошли задушевные разговоры: и про дом, и про родителей, братьев, сестёр, погоду, природу. Да мало ли о чём мурлычат попутчики под стук колёс! И тут Андрей вспомнил про Толстого, про Андрея, собственно, Болконского на поле Аустерлица. Ну и предложил попутчикам: я почитаю, а вы слушаете. Это же Толстой, ваш Толстой, ваш великий Толстой...

— Наверное, уже разбираться пора, устала, — первой нарушила дорожную идиллию молодая жена.

— Спать-спать! — подхватил предложение её супруг, хотя спать-то им не в обнимку — на соседних верхних полках.

— Завтра, всё завтра, и так засиделись, — поднялась и меховая душегрейка.

Достали с верхних полок матрацы, застелились, и уже минут через десять можно было слушать оркестр из сопелок и храпелок всех тембров. До свидания, Москва, до скорого! Он, Андрей, достигнет своего Тулона, он, как и его тёзка Андрей Болконский, тоже хочет сделать что-то хорошее, важное для людей, чтобы о нём узнали все. И ещё он... но сон уже заволакивал сознание... И средневековый китайский Наполеон, воин и поэт Цао Цао, делал смотр своих войск, готовясь к главному сраже-

нию — битве у Красной Скалы. То есть это он, Андрей Ли, смотрел сверху вниз на свой флот, который вот-вот начнёт атаку и разнесёт в щепки силы двух неприятельских армий. Вот он — его Тулон, если представление об истории можно повернуть вспять. Тулон Цао Цао — самого великого и самого известного честолюбца китайской истории.

Утро было туманным, и Андрей, приподнимаясь к окну, несколько раз видел белые силуэты цветущих деревьев, но из-за тумана всё было далёким, размытым. Да и исчезали картинки за окном стремительно: поезд нёсся на всех парах.

Потом, конечно, завтрак — лапша быстрого приготовления, чай с предложенными попутчиками печеньками. И каждый занялся своим делом: читать, играть в игрушки (раньше это только к детям относилось), да и просто смотреть в окно. Только ближе к вечеру Андрей опять решился предложить попутчикам сеанс классики — к этому времени он уже и слова в тексте незнакомые перевёл, и общий смысл первых трёх абзацев вроде бы понял. Но читать вслух! Иностранным студентам надо обязательно читать вслух! Наивный человек, он искренне думал сделать людям приятное:

— А давайте я вам Толстого почитаю, спать всё равно ещё рано!

Взгляды трёх пар глаз сфокусировались на несчастном любителе Толстого.

— Знаешь, брат, я тебе честно скажу, — немного со смущением начал парень с верхней левой полки, — не люблю Толстого, понимаешь?

Но Андрей не понимал, почему этот симпатичный человек, в сущности его ровесник, так не любит Толстого, которого даже у них на Тайване считают мировым классиком.

— А почему, почему не любите?

— Да, если честно, я и не читал его. В школе что-то там проходили про Наташу Ростову. А из книг детективы люблю.

— Да, скуотища, скуотища, — подхватила его молодая жена, совсем в сущности девчонка. — Я вот начинала читать. Честно — начинала. Только там по-французски что ли всё начинается. Я дальше про мир читала, про войну пропускала.

— И в наше время так было, — это уже дама в меховой душегрейке подхватила тему. — Но мы-то раньше читали. Правда, про войну больше мальчишки, а мы про мир. Но фильм смотрели все. Помню, смеялись ещё, что Штирлиц на балу с Наташей Ростовой танцевал. А страницы какие, не про первый бал Наташи?

— Нет, здесь Андрей Болконский на поле Аустерлица.

— Вот это не помню. Болконского помню, конечно, а про поле не помню. Я тоже про войну не очень.

Через два дня Андрей познакомился с девушками из соседнего купе. И тоже был стол, и московские гостинцы с азиатскими сухофруктами под зелёный тайваньский чай. И разговоры: кто где учится, кто где живёт в Москве, кто кем будет, кто что любит... И уже часа через два, когда обо всём, кажется, было переговорено, Андрей с надеждой предложил: а может, я Толстого вам почитаю?

— Ну, ты сказал! Толстого! Если честно, мне до литературы этой как-то фиолетово, я и в школе не читала.

— Нет, ну, я читала немного. Но тоже не хочется сейчас.

И две студентки экономического вуза распрошались с Андреем, даже не успевшим сходить за страницами «Войны и мира».

На четвёртый день Андрей написал мне в контакте: «Всё хорошо. Читаю «Войну и мир». Меня слушает проводница». Потом уже он рассказал, как нашёл-таки благодарную слушательницу. Женщина средних лет, строго следуя графику движения, объявляла остановки, высаживала и принимала пассажиров, носила по заказам чай в купе. Но прогоны в Сибири долгие, поэтому коротала время за вязанием. Разноцветные круглые салфетки, вывязанные крючком в этих долгих перегонах, в конце концов превращались в экзотические скатерти ручной работы. Да ещё и с набором салфеток. Тоже разноцветных.

Такая вот была идиллия. Андрей читал, а женщина, не поднимая глаз, слушала: «Князь Андрей понял, что это было сказано о нём и что говорит это Наполеон... Он знал, что это был Наполеон — его герой, но в эту минуту Наполеон казался ему столь маленьким, столь ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило между его душой и этим высоким бесконечным небом с бегущими по нему облаками...» Может быть, и не думала она о том, что в эти минуты у героя Толстого идёт переоценка всех жизненных ценностей. Что именно в этот миг раненый Болконский понимает, что слава, известность — это чепуха, о которой всерьёз и говорить не стоит. Что жить нужно не для славы, а для людей — близких, родных людей. И ещё думала женщина, что надо не забыть сказать мальчику, что «о нём» с буквой «ё» читается, что в слове «бегущими» ударение неправильное. Но не перебивала, слушала, потому что видела, как важно это молодому человеку, который зачем-то попёрся на Байкал, да ещё с «Войной и миром» Толстого, которого она, конечно, когда-то читала и, конечно, смутно помнила. Так под страницы Толстого две салфетки и связала. И Андрею на память отдала — он сам мне потом показывал.

Когда уже через несколько лет Андрей опять приехал в Россию учиться в магистратуре МГУ, я напомнила ему об этом эпизоде. Но он как-то засмутился — говорить об этом ему не хотелось. Да и много воды утекло, и сам он внешне изменился. Из забавного двадцатилетнего тайваньского мальчика он превратился в настоящего красавца. Ну, прямо герой Вонга Карвая. Сейчас он опять на Тайване, у него там свои война и мир — Андрей служит в тайваньской армии, а у них это всеобщая и почётная обязанность.

Вот и пришла мне тогда мысль: может, все беды нашего общества в целом и нашего общения в частности потому происходят, что перестали мы читать и перечитывать нужные книги, «Войну и мир», например. И очень захотелось рассказать об этом. Я и сейчас часто представляю себе такую картину: по бескрайним просторам нашей России сквозь яблоневый весенний цвет мчит скорый поезд, а в нём сидит тайваньский студент Андрей Ли и читает роман Толстого «Война и мир». И я думаю, это его Тулон. Его первый Тулон.

ЧЕСТНОСТЬ, СОВЕСТЛИВОСТЬ, СОСТРАДАНИЕ

Коломенская земля подарила всем нам настоящего русского поэта — Олега Кочеткова. Поэтому мы так радуемся выходу в московском издательстве «Российский писатель» большой его новой книги избранных стихов «ПРОЩАНЬЕ. ПРОЩЕНЬЕ».

Олег Кочетков — поэт обострённого мироощущения. Благодарность и грусть — чувства, которыми дышит в этой книге каждое его стихотворение.

Стихам Олега Кочеткова присущи пристальный взгляд на нравственные проблемы современности и живое ощущение исторического прошлого родного народа.

Черты характера русского человека — мужество, любовь к отчей земле, честность, совесть, сострадание — воспринимаются поэтом как великое наследие, переходящее от поколения к поколению.

Боль утрат, сомнения и тревога — в стихах Олега Кочеткова поднимаются до высот гражданской ответственности и осознания своей личной ответственности за судьбу Отечества.

Чувства в его стихах предельно обнажены. Стихи о любви проникнуты безудержной, неистовой страстью, чувственностью и целомудрием одновременно, в них — щемящее биение горячего сердца и преклонение перед величием женщины.

В поэзии Олега Кочеткова — мглистые дали русской истории и сегодняшнее наше нелёгкое, непростое время.

Новая книга — драгоценный подарок всем ценителям самобытной русской поэзии. Пожелаем ей доброго пути к сердцу читателей!

Коломенская земля гордится своим земляком и желает ему крепкого здоровья, творческого долголетия и дальнейшего верного служения родному слову.

Максим Викторович Харлов родился в 1979 году в Вятке в семье художников Виктора Харлова и Веры Ушаковой. Окончил Вятское художественное училище, МГАХИ им. В.И. Сурикова, Творческие мастерские Российской Академии Художеств по специальности «Монументальная живопись». Член Союза художников России, Московского союза художников. Член-корреспондент Российской Академии Художеств. С 2005 года связал свою жизнь с подмосковной Коломной, женившись на Василине Королёвой. Мы публикуем рассказ из первой книги Максима Викторовича, вышедшей в 2021 году в Московском издательстве «Виртуальная галерея».

Рассказ

«ОДНАЖДЫ»

Носопырь огляделся. Вверху, ... **Н**а горе, десятками высоченных дымов исходила к небу родная Шибаниха. Дымились вокруг все окрестные деревеньки, словно скрученные морозом. И Носопырь подумал: «Вишь оно... Русь печи топит. Надо и мне»...

«Василий Белов. Кануны» — прочитал на обложке книги Коля Голова. Нет более увлекательного момента, чем первые страницы большой книги или первые кадры кино. Коля потому и Голова, что считался в деревне умником, он действительно вырос в библиотеке, где работала его мама, книжки были его первыми игрушками. Однако он никогда не относился к ним как к «кладезю знаний» — скорее, это были странные коробочки с секретами. Только он знал, где спрятаны интересные фразы, страшные или просто смешные слова. Это он напридумывал прозвища всем своим соседям — не по злобе, просто играл в «свою» книжку. Не дочитав и второй страницы Белова, Коля захопнул книжку и вышел на улицу. Взмахнув всеми четырьмя руками, гулко ударила тяжелая дверь, обитая снаружи старыми фуфайками. Звякнула замочная петля, и этот тонкий звук абсолютно чисто отразился от соседнего холма, опоздав на полминуты. День был невероятно ясным, ярким и холодным. Зима ещё не собиралась уступать мартовскому солнцу ни одного градуса по Цельсию, как бы высоко оно ни поднималось над лесным горизонтом. Надо сказать, в зимнее время солнце — нечастый гость в этих местах: поднимается невысоко и ненадолго, последний раз его видели месяц тому назад. И вот его

свет щедро пролился на забытую богом и губернатором долину. Сразу залаяли оттаявшие собаки, по делам куда-то пошли свалывшиеся на печи коты. Растерянно озираясь, вышли люди, кое-кто сразу же ушёл обратно, но оставшиеся решили, что надо что-то делать, не лежать же в спячке до лета.

Решили заняться дровами: март — сезон заготовки дров. Кто-то отправился чинить бензопилу, кто-то взял лопату и стал откапывать трактор, но откопался прошлогодний стог сена. «Ну, ничего, тоже пригодится!» — сказал Иван Чёрный, старый ударник-механизатор, вспоминая, где же он осенью оставил трактор. Подходящих по размеру снежных сугробов было много.

«Это старая баня, это бочка солярки, это вообще не знаю что. Точно, вот он!» — ткнул vareжкой Иван по направлению к снежной Годзилле, слепленной его внуками, приезжавшими на осенних каникулах. «Годзилла, выдумают тоже! Вот мы лепили Горыныча из председательского «Газика» — страшно вспомнить, что потом было!»

Бережно закутанную в штаны, прикатил на санках бензопилу Вася Светой. Что за странное прозвище? Всё очень логично — он электрик. Когда тёмным зимним вечером ворона, устраиваясь на ночлег, обрывает старые провода, то вся деревня крестным ходом со свечами идёт его будить. «Вася, Богом молим, почини нам свет!» — вот потому и Светой! И ещё он всегда носил очки в толстой роговой оправе, заклеенной изолентой. Без очков его никто никогда не видел, а увидел бы — не узнал. Кажется, он даже моргал поверх очков.

Можно было бы опустить историю о том, как эта тройца ездил в лес за дровами, как трактор застрял между деревьями из-за того, что лось отказался уступить дорогу, и о том, как Коля подстрелил из кривого ружья тетерева. Но нет, об этом всё же стоит рассказать.

Трактор бодро, как леодол, преодолевал большую снежную поляну, но вдруг внезапно остановился. «Вот он, собака! Крупный какой, жирный!» — сказал Иван, показывая чёрным пальцем в угол лобового стекла. Дело в том, что лобовое стекло, да и все остальные, были покрыты толстым слоем инея, и лишь отбитый краешек давал представление об окружающей действительности. Поочередно весь экипаж трактора посмотрел одним глазом в эту щель. «Вот бы ружьё сейчас, был бы пирог!» — «Будет вам пирог!» — Иван, потеснив друзей, по частям достал из-под сиденья ружьё. Злоумышленники замерли с горящими глазами. Там, в сияющем снежном мареве, на тонких ветках сидел крупный тетерев. Эти птицы за столетия жизни рядом с людьми научились улетать, едва их завидев, но грохочущего трактора они ещё не научились бояться.

Коптящая чёрным дымом машина подползла под самую берёзу, открылась дверь, из неё выскочил Коля с ружьём наготове, взвёл курки и выстрелил дуплетом. Промых, оба заряда ушли высоко вверх, сломав ветки, одна из них, падая торцом вниз, ударила тетерева по голове, и скоро весь этот бурелом исчез в облаке искрящегося снега. Из кабины выскочили все остальные и бросились в глубокий снег ловить тетерева ... Его быстро нашли, он оказался деревянным, подсадным.

«Досадно!» — сказал Иван.

«Смотри, какой тяжёлый, в нём полкило дрови!» — сказал Вася.

«Да, и ни одной нашей дробины!» — грустно констатировал Коля. Но Ивана это даже обрадовало: «Ну не одни мы такие дураки!»

Вечер застал трудяг за колкой дров, все берёзовые стволы были уже распилены, заслоняя дом, росла гора ярких, ровных, как спички, поленьев. Звонко лопались под тяжёлыми колунами берёзовые кругляши.

Наконец усталость вместе с чувством голода загнала их домой. Однако в избе оказалось холодно, суп в кастрюле, оставленной в печи, остыл. Хозяйка Ивана с попутной машиной уехала в город, позаботиться о доме было некому.

Как назло, печь не разгоралась, дым валил в комнату, сколько друзья ни хлопали заслонкой.

«Иван, ты давно трубу чистил?» — «Не помню!»

Вася Светой взял веник, пытаясь привязать к нему какую-то длинную палку.

«Глупости!» — махнул чёрной рукой Иван. — «Щас покажу, как мы это раньше делали! Плещешь на шесток бензин, прикрываешь дверку, чиркаешь спичкой, бах — и вся сажа на улице!»

Вслушав всё это, Вася Светой сказал, что это не технологично, и полез на крышу со своей модернизированной метлой. Иван открутил пробку бака бензопилы, а Коля сразу побежал за огнетушителем.

Если Ивана называли Чёрным вполне очевидно, то его супругу следовало бы назвать Белой. Именно так она видела своё хозяйство — ярко белые печи, белые занавески и скатерти, всегда сияющая белая посуда. Она иногда делала исключение для разных цветочков на клеёнках и фаянсовых чашках, но они быстро стирались в её заботливых руках. Дом был их коллективным автопортретом — белый изнутри (внутри?) и чёрный, обожжённый солнцем и обвешанный ржавыми деталями от комбайнов снаружи. Хозяйка зорко следила, чтобы ни одна железяка не пересекла крашенный порог.

Иван плеснул в печку бензин из бензопилы, попутно пролив на пол, но спичка почему-то тухла, он плеснул ещё раз, закрыл дверцу, навалился на неё плечом и ещё раз чиркнул спичкой...

В это время Вася Светой орудовал метлой, стоя, как памятник, на трубе. Внезапно он почувствовал резкий запах бензина, инстинктивно отпустил черенок метлы и отпрянул в сторону, недоумевая и оглядываясь.

С горы весело бежал Коля с огнетушителем и нормальным ёршиком на тросе, давно припасённом для такого случая.

Беззвучно в окнах Иванова дома сверкнула яркая вспышка, разом хлопнули все форточки, из трубы в клубах чёрной копоти вылетела метла, оставляя дымящийся след в закатном небе.

Коля остановился заворожённый, выронив огнетушитель: «Вот, блин, ракету без меня запустили! ...Ракета преодолевает звуковой барьер, вот отделяется первая ступень (это отпал черенок), вот вторая ступень сгорает в плотных слоях атмосферы (догорая в воздухе, веник упал где-то на соседском огороде)». Прекратив комментировать, Коля рысцой побежал к дому Ивана, навстречу ему с крыши скатился Вася Светой — вся физиономия в саже, только белые круги вокруг глаз вместо очков.

Они ворвались в избу, перепрыгнув слетевшую с петель дверь. В углу в куче белых кастрюль, попадавших с полок, лежал Чёрный Иван с чёрной

дверцей в одной руке и дымящейся бензопилой в другой. На белоснежный интерьер медленно оседало облако чёрной сажи. Коля на всякий случай окатил пострадавшего из огнетушителя, пострадавший страшно выругался и, гремя посудой, поднялся на ноги, оглядываясь на разруху.

«Хиросима!» — посочувствовал Вася Светой.

«Не-ет, вот щас хозяйка придёт, тогда и будет «Хиросима». Надо всё мигом прибрать!»

Короткий день медленно догорал, огромное пылающее солнце полого заходило на посадку, задевая колючий забор бескрайних еловых лесов, окружающих маленькую обитаемую долину. Раскалённый шар ещё сиял, но из-за деревьев уже, нагло озираясь, вышли лисы, а на небе воровато выглянули первые звёзды.

Злоумышленники не видели великолепного мартовского заката, они отмывали всё, что можно отмыть, в том числе собственные физиономии. За этим занятием их и застала вернувшаяся из города хозяйка, это её страшно обрадовало. Печь на удивление хорошо растопилась, и вся весёлая компания, гремя ложками и наперебой рассказывая новости дня, уселась хлебать разогретый суп. Потом они все вместе вышли к дровам посмотреть на ночное небо. Было на что взглянуть: среди густой звёздной каши мигали лампочками многочисленные самолёты и вертолёты, они чертили небо во всех направлениях, крест на крест.

«Будто потеряли чего и ищут. Отродясь такого не видел!» — недоумевал Иван.

«Сегодня был запуск ракеты с «Плесеца» — по радио в новостях общали», — прояснил ситуацию Коля.

Вася Светой ничего необычного не видел, так как потерял очки: «Но у нас лучше получилось!»

На следующий день вертолётов стало ещё больше, и на «Уазике» приехал какой-то растрёпанный военный, всех расспрашивал, не видели ли чего необычного, падающего с неба, а то запуск был неудачный, ракета сгорела, китайские спутники потеряли.

«Да-да, что-то упало вот там, за Митричевым огородом, небольшое такое, горящее!» — хором ответили завсегдагаи сельского магазина, только Вася Светой сказал, что ничего не видел: «Очки потерял!»

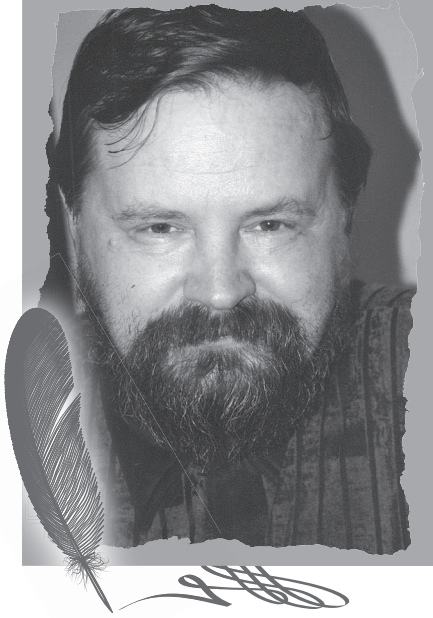
Поэзия

Графика Василины Королёвой

КЛ

Роман Вадимович Славацкий родился 15 сентября 1957 года. Потомственный коломенец. Поэт, прозаик, переводчик, церковный историк и краевед, теоретик сонета. В Союзе писателей РФ с 1999 года.

Автор двух десятков поэтических книг, опубликованных отдельными изданиями или в антологиях, а также повестей, рассказов и множества исторических очерков. Руководил Коломенским отделением Международного научно-творческого семинара «Школа сонета». Работая заместителем главного редактора «Коломенского альманаха», заместителем председателя Творческого объединения профессиональных писателей Коломны, внёс неоценимый вклад в дело развития литературы в Коломне.

Удостоен многих церковных, светских и литературных наград.

САМАЙН

ИРЛАНДСКИЙ КРЕСТ

Екатерине Устиновой

В небе рассыпался звёздный порох,
колкой селитрой сверкает мрак;
время пришло заклинанью мёртвых —
вычертить каменный кельтский знак.

«Вы, силы Ада, что дышат близко, —
прочь убирайтесь за грани Стикса!

Ты же, кто прежде причислен праху,
чья оболочка теперь пуста,
вспыхни крылатым пролётом, взмахом,
тайною птахой в тени креста!

Так ли тяжёл Персефоны полог?[?]
Что за волною во тьме найдёшь?[?]
Примет ли разум посмертный холод?[?]
Примет ли память загробный дождь?»[?]

ВЕРЕСКОВАЯ ПУСТОШЬ

Наталье Красюковой

Дыханье прибо́я, прибрежный вереск,
да ветра извечный гул;
и в княжеском зале закрыты двери,
и замок в ночи уснул.

Но пламя горит — лишь в одной бойнице,
и старому замку сказанье снится:

дрожит огонёк на обрыве скал,
и музыкой дышат струны;
волшебный сказочник их ласкал
под говор седых бурунов.

Всё тот же сон в потайном затворе,
в гербах и в мерцанье лат:
таинственный Старец на грани моря
и пламя его баллад.

ПАМЯТИ МЕЩАНОВА

Странный художник, знаток потаённых нор,
где охраняет порталы седое Время,
где Зодиак затаил неземной узор,
где по углам клубится видений темень:

книжник и шут, заколдованы грозным Роком,
связаны ветром в коломенское барокко.

Это Двенадцать месяцев — череда,
сомкнутая плетёнкой — от ветки вешней
к знойкой позёмке, где царствуют холода
и серебрится февраль пеленой нездешней.

Странный художник, создатель иной страны,
что разорвал и спутал земные неги!
...В хижине опустелой шаги слышны,
и задевает ставни холодный ветер.

ПРИЗЫВАНИЕ

Я снова соберу своих друзей...

Евгений Захарченко

О милые мои!.. Не напоказ
в старинную минуту мы встречались...
И грустно мне, и горестно без вас,
когда в урочный час по вам скучаю!..

И не с кем разделить свои пути,
и не с кем — ни вздохнуть, ни пошутить.

И не пьянит постылое вино,
и не смешит чужая эпиграмма,
когда идёшь, забыт и одинок,
среди толпы, среди пустого гама.

И вот, зову — за скрытыми Дверьми,
и кличу непонятные виденья,
чтоб отзывы услышать — хоть на миг,
и вновь увидеть вас, родные тени...

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Михалу Долгашёву

Мне до сих пор в ночи, бывает, снится
вагон извечный, будто наяву,
как мы с тобою кутались в столицу —
в имперский ворох, Старую Москву.

И вновь встают священные обличья:
Покров на Рву, Донской, Новодевичий...

Златых крестов узорные мониста,
колонны и нарядная резьба,
кондитерские, лавки букинистов,
Столешников, Варварка и Арбат...

А рядом — «нехорошая квартира»,
где стынет Мрак, молчание храня,
где веял хмель булгаковского мира
и где, бывало, ты водил меня.

СТЕКЛЯННЫЙ МИР

Михалу

Террариум... Загадочный мирок —
уменьшенная копия Вселенной!
И ты следишь, как некий полубог,
за жизнью в тишине стеклянных стенок;

и ладишь этот мир волшебным принцем,
и строишь земноводные зверинцы...

Лежат пейзажи: мхи и валуны,
и лампы их ласкают вечным летом;
и этой красотой обрамлены
твоих зверей живые самоцветы...

Хотелось бы мне верить, что и днешь
ты смотришь в эти призрачные призмы
и ловишь их загадочную весть
за пеплом бытия, за гранью жизни!

ЗИНАИДЕ ЛЕОНИДОВНЕ КОЛОСОВОЙ

ad memoriam

Сказочные ночи Новогодья,
дивный мир на пятом этаже:
славного учителя угодя,
шариков стеклянные драже.

на стекле заснеженные ризы,
стол, и «Огонёк», и телевизор...

раковины, редкости и книги,
россыпи кораллов и монет,
гладь оклада на Архистратиге,
и цветы, которых больше нет...

Как Вы двух оболтусов терпели,
умудрясь по жизни их вести!..
...Отшумели прежние метели,
и на Окский — не к кому идти.

ПАМЯТИ БОРИСА АРХИПЦЕВА

Где твои шутки, друже?
где твой смешливый взгляд?
Там, где созвездья выюжат
и серебром пылят?

Или твой дух болезный
просто развеян в бездну?

В сердце саднит иголка —
как мне тоску лечить?
Ни помолиться толком,
ни принести свечи...

Разве что зыбкой ранью
дрогнет родная тень...
...Грустное расставанье,
грустный Девятый день...

РАЗГОВОР

Борису Архипцеву

Откуда на лице твоём, Борис,
немое горе длится тенью тёмной?
Мой друг, кончай печалиться, очнись,
вставай — пошли, пройдемся по Коломне!

Отправимся с тобою налегке
в потусторонний рай — к *Москвареке!*

Смотри — туман слоится, словно дым,
и зыбью отраженья наши рушит,
и выются, точно Прошлого следы,
коломенцев затерянные души;

и дремлет кремль — седая старина,
готическая звёздчатая сказка!..
Пошли пешком! На Стиксе — не нужна
пустая инвалидная коляска.

АКАДЕМИЯ

Почтенный Председатель, я напомню...

Пушкин

Я помню блеск насмешливой игры,
когда вино игристое открыто,
и славлю те «лукулловы пиры»
в стране «борьбы за мир» и «дефицита»!

Благословенный брежневский «застой»,
когда бокал светился налитой!..

Какая ностальгия, Боже мой! —
сплетенье рока, рифм и тайных знаков!
И мы болели пушкинской «Чумой»,
а нас лечили Бродский и Булгаков.

И грозно раздавался каждый залп
за новую державную могилу...
...Но дерзкий Смех спасал нас и держал
среди предсмертной пошлости унылой.

ПЛУТАРХ: ПОМПЕЙ МАГН

Наталье Красюковой

Октябрьский снег и царственная сырость —
из питерской Коломны милый гость...
...А на моём столе едва вместились
резных ракушек эллинская горсть,

и камешков цветных шершавый бархат,
и рядом — тени старого Плутарха...

— Позор Фарсала... Прочь от грешной тверди,
под грозный шёпот греческих морей!
Плывёт Помпей — плывёт навстречу смерти
у берега — на египетской заре!

...Я камни уложу на дно шкатулки,
закрою том и спрячу горький лист.
И средиземноморской соли говор гулкий
напомнит Петербург и снежный Стикс.

КРОВЬ И СЕРЕБРО. МАНДЕЛЬШТАМ

Михаилу Кукулевичу

Колхида вязнет шкурой златорунной,
Эвксинский Понт полощет пенный след,
и золотом наполненный кисет
хранит Орфей, ещё живой и юный.

Пушай поют серебряные струны
и песенки плетёт хмельной поэт,
пока донос уже наскрёб сосед
под сильное дыхание бурунов!

Смыкай, Сатурн, Элладу с Кольмою,
повей на лавры стылою зимою,
укрой колючкой сложенный Покров!

И точно зной под зыбким снежным фоном
слышнее будут песни Персефоны,
мешая в чаше кровь и серебро!..

НИЦШЕ: ДЕТСКОЕ ВИДЕНИЕ

В ночи ему явился тёмный сон...
Отец безумный вышел из могилы
и в храм к себе вошёл стопой остылой,
где прежде проповедовал Закон.

И, жуткой грозной тенью напоён,
он взял дитя... И ясно видно было,
как шёл назад и как Луна светила,
и как во гроб младенца бросил он!

Так сумасшедший взял с собою сына;
и сыпались в могилу комья глины...
И Страх оледенил всё существо!

Горел светляк лучинкой путеводной;
очнулся отрок, весь в поту холодном.
...Назавтра умер младший брат его.

ШЕКСПИР

А. Ф.

Как ветер по кровле соломенной,
пронизав затворы насквозь,
ночную Коломную ломится
неведомый аглицкий гость.

И что ему, бедному, надобно
во мраке и мороке адовом?!
Ужели наскучила патока
и приторный слог толмачей?
...И галькою валится прямо к нам
картавая правда речей,
и портером пепельным пенится,
и ноты срывает с листа,
и староанглийским шипением
струится и тает в устах!

ПЕРСТЕНЬ ВОЛКОНСКОЙ

*Ты был отрыт в могиле пыльной,
Любви глашатай вековой,
И снова пыли ты могильной
Завещан будешь, перстень мой...*
Веневитинов

От ней, недостижимой и желанной,
поэту заповедан странный дар —
тот символ, что сожжённый Геркуланум
укрыл во прахе в давние года.

Так — юному поэту отдан перстень,
искателем украденный из персти...

О, дивный Веневитинов! Виденье
инога мира в песенной Судьбе!..
...Твои друзья в посмертные мгновенья
тот перстень вновь доверили тебе.

— А в день, когда твой прах переносили,
кольцо опять из мрака извлекли...
И до сих пор струятся римской пылью
напевы нашей горестной земли!

ПРОЩАНИЕ. 1837

Печальное начало февраля —
увозят гроб дорогою застылой...
Немеет опустелая земля
и старый храм над снежною могилой.

И высится немислимое горе
над мёртвою страной, над Святогорьем...

...Горит лампы тёмное стекло,
и колокол охрипший — строит голос:
как будто скрип морозных кандалов
овеял небосвод, и скит, и волость.

Прости, убитый вождь!.. Прости, Поэт!..
Грядёт заря сквозь облачные клочья,
и теплится немеркнувший рассвет
за первой «после»-пушкинскою ночью.

ВЛАДЕНЬЯ МАГИСТРА

«Бедный Павел...»

Тайну позорной драмы,
морок недоброй славы
помнят — печальный Замок,
Гатчина или Павловск...

Бродит последний Рыцарь —
всё-то царю не спится...

...Призрак дворцов и замков,
бросивший на прощанье
сердце в алмазной рамке
Даме прекрасной — Анне.

Речи любви брэнной —
под золотой печаткой.
...Вечер ласкает стены
цвета её перчаток.

ДВОРЦОВЫЙ ПРИЗРАК

Всё мне видится Павловск холмистый...

Ахматова

Когда ты в Павловском дворце...

Кушнер

Холмы, дворец... И холод анфилад,
легендой и забвением заклтый...
И «русский Гамлет» — бедный император,
всё кутается в шёлковый халат.

Фарфор витрины старые таят...
Но изредка зеркальною палатой
проходит тень седой карги — Гекаты,
из-под чепца бросая жадный взгляд.

Скорей бежим от страха и отравы!
...И ты, прекрасна, как Праматерь Хавва,
бросаешь мне надкушенный ранет.

Дворцы, пруды, аллеи, павильоны...
И выпорхнувший вдруг из-за колонны
случайно обнаруженный сонет.

ПРОЩАНИЕ С ВЕНЕРОЙ (Дрезденская выставка, 1955)

Жемчуг руки уронив на лоно,
дремлет богиня, свежа, как воздух...
...Девочка спряталась за колонной,
а на глазах накапливают слёзы.

Тайный рассказ о Нездешнем начат —
но отчего же ребёнок плачет?

То ли о том, что пора прощаться?
то ли о ней — Красоте бесценной,
той, что превьше границ и наций,
той, что по праву равна Вселенной?

Дремлет богиня прелестной ранью,
и не разбудит её денница...
— Но приближается расставанье.
И у девчушки мокры ресницы.

ПАМЯТИ ЮРИЯ ЛИННИКА

Огромный камень пал среди долины,
срывая космы трав, осколки скал:
как будто воин ратного полка —
стрелой калёной выбитый дружинник.

Обрушился небесной глыбой — Линник,
и рвутся эхом камни и века:
и мрамора гранёная река,
и клинописи глиняные клинья.

Грохочут от Шумера до Эллады
раскаты заколдованного лада,
и вторят грому хоры облаков,

и венами стихов пронизан воздух!
...Когда поэт ушёл — нисходит отзвук —
таинственный санскрит его венков.

ЗОЛОТЫЕ ДНИ ЛЕТА

Борису и Джону

Море, плесни на песок бессмертья,
Солнце — теплом повеи!
...Эту шалунью назвали Герти —
девочку Чаттэвей.

Ей посвящает смешные перлы
гений чудачества — Льюис Кэрролл.

Снова плывёт за вечерним чаем
сказочный зоопарк...
Там, где слетаются стаи чаек,
там и таится Снарк!

Мечутся тени, танцуют птицы,
судно заходит в порт,
где переводит стихи — Архипцев,
и где рисует — Лорд!

ПАМЯТИ ДЭВИДА ХЭМИЛТОНА

Сена струится посмертной Летой,
рябью ноябрьской в ночную пору.
...Сны пробуждаются тенью лета —
девочкой нежной — Лаурой, Лорой?

Юных купальщиц веселый сторож,
ветхий силен, повелитель света! —
в сердце всё реже стучат повторы,
на пол рассылалась горсть таблеток...

Плещутся в речке нагие нимфы,
а поэтесса слагает рифмы,
в косы вплетая тугие розы.

Лето уходит, покой пророча;
и остаётся лишь призрак Ночи,
в тёмной воде рассыпая звёзды.

КАМЕННЫЙ КОСМОС. ПЕТРОГЛИФЫ

Алине Чадаевой

Вселенная мерно дышит,
как чёрный огромный тур;
посёлок топорщит крыши
шатрами звериных шкур,

и грезят среди тумана
художники и шаманы...

Они проведут скребками
поэмы по лбу скалы:
навек запомнит камень
тяжёлые речи глыб.

Заря, точно белый лебедь,
над морем взлетит легко...
Природа выводит в небе
петроглифы облаков.

ВЕТЕР ВСЕЛЕННОЙ

...Вы верите в такой небесный разум?

Александр Кушнер

И мы, и мир — всё то же Существо;
что ж странного, что Ягве с нами связан?
Но вот: воскрес четверодневный Лазарь,
а шлёт Синедрион: «Убить его!»

Так новый день срывает клочья ночи;
но человек о чуде знать не хочет.

Единый взор вмещает целый мир,
но дух не ищет вырваться из плена.
И тратят время сонмища транжир,
не думая о нежности Вселенной.

Какое-то смешное мотовство:
не знать Пути, что свыше нам указан!..
...Но вихрем нас пронизывает Разум,
а значит всё, что видим — не мертво!

ХОЗЯИН ДОЛИНЫ

Гудит морской прибой, и стелется Абрау,
и высятся вокруг хребты пологих гор,
и вьются у тропы таинственные травы,
и Временем гудит распахнутый простор.

А рядом — валуны, уложенные кругом,
и каменные лбы теснятся друг за другом...

Сияет ясный день... А в центре лабиринта
зияет немотой подобье алтаря.
Но вдруг — воздушный Столп, восстав, себя явил там,
как некий древний бог, взвиваясь и вихря!

...Есть грузный смутный Ум дольменов и менгиров,
есть каменный Закон тысячелетних плит —
неодолимый зов невидимого мира,
что говором немым — и манит, и страшит!

ФОТОГРАФ

Авдеев Лёва улыбнётся
на звонкий розовый восход,
и вместе с ним — кусочек солнца
в любую комнату войдёт.

И длится жизнь — какое счастье! —
фотографическим щелчком,
чтоб на закате возвращаться
домой — немножко под хмельком.

Но снимков — отлетела стая...
— Коломне, Лёва, не хватает
тепла в озябшем ноябре.

Лишь иногда — сквозь морок зыбкий,
блеснёт лучом твоей улыбки
кусочек солнца на заре.

ПАМЯТИ АУЭРА

Тяжко на душе — и что за груз-то? —
друг ушёл, да так, что не найти.
Александр Петрович, как же грустно
расставаться посреди пути —

споры и открытия оставя
на глухой неведомой заставе!..

Что же будет? Встретимся ли снова?
Сердцу непонятное пока
рвётся беззвучное слово
где-то возле Дома Пильняка.

И апрель идёт, с печальным взглядом,
панихиду грустную верша.
...Облачком весенним вьётся ладан,
точно отлетевшая душа.

ЛИВАДИЯ

Алине Чадаевой

Прекрасный парк... А в нём — свечой живою,
пронзая экзотический просвет,
вздывает крону юная секвойя,
которой и всего-то — двести лет.

И вот — Дворец из мрамора резного —
творение коломенца — Краснова,

мерцает, словно груда светлых роз...

И вот — струится медленное лето
игрою моря, мрамора и света
сквозь неба ярко-синий купорос...

И лишь под вечер — трепетным плетеньем
продолжится молитвенная нить:
в тиши аллей пройдут святые тени,
чтоб снова этот мир благословить.

АЛАПАЕВСКАЯ НЕЗАБУДКА

Как хорош монастырь Ипатьевский —
да вернуться туда нельзя!..
От Ипатия к Алапаевску
заповедана их стезя —

бесконечной кровавой пахотой
и последнею страшною шахтою...

— Но склоняется зло бессильное
перед верой Твоих рабов:
совершается над Россиею
крестный ход из восьми гробов!

И небесною незабудкою
ставит ангел свою печать,
и сияет молитвой чуткою
Ерусалимская Свеча!

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

памяти матери

Прощай, покой, каникулы и лето!
И вновь звенит звонок, как в первый раз,
И вновь: волнение, встречи, и букеты —
нарядное пыланье пышных астр!

Ах, мама, этот шлягер вечно с нами,
по радио — о «чайках над волнами»!..

С каким теплом, до сладкой слёзной рези
я вспоминаю голос твой родной!
Благословляю детские болезни,
когда ты оставалась тут — со мной!..

...Но вечно — в ночь на Первое — уснула,
опять меня оставив одного...
И вновь звенел звонок весёлым гулом,
но ты уже не слышала его.

БАБУШКИ

*Платок старый бабушкин в клетку...
Татьяна Кондратова*

Эх, знал бы ты, глупый ребёнок,
какие святые слова
скрывает в углу за иконой
табличка: «Вагонная 2»!

Что помнили там о Коломне
они: Евдокия и Домна!..

Развеялись в прошлом былины:
«Театр», паровозов гудки,
и Замок твой из пластилина,
подзоры, подушки, платки...

и книжки, чудные такие,
и чайника сказочный пар,
«капельница Евдокия»
и ветром овсянный март...

ДОМ

Неведомой бревенчатой Вселенной,
где грезятся столетья чередом,
таится потемнелый пятистенок —
медовая колода — древний Дом.

И сказки в нём роятся, словно пчёлы,
и шепчут печи говором весёлым...

Сверкнёт икона золотом оклада,
и взор часов, как сторож — строг и хмур,
зажжётся самоцветная лампада,
цветным узором вспыхнет абажур,

очнутся фотографии на стенах,
дом оживёт от призрачной молвы;
взобьёт заварку чайник белопенный,
зовя к столу — ушедших и живых...

ПРАЗДНИК ПРЕДКОВ

Смерти ведь нет? Что ж вздыхать понуро?
Смотрит в Коломну иная даль:
это престол короля Артура,
это священный Христов Грааль.

Эхом ирландским, валлийской тишью
вьётся коломенское двустишьё...

Слышно, как в раковине-рапане
море шумит... Паруса взбодрим! —
видно, не зря азиатской ранью
славится тризнами Третий Рим.

Тучи собрались небесным стадом...
Слышишь, Коломна? Смотри, внимай:
это грохочет над русским градом
кельтская Радоница — САМАЙН!

Невосполнимую утрату понесла литературная Коломна и её «Коломенский альманах». 21 июля 2021 года перестало биться горячее сердце нашего соратника и друга — Романа Вадимовича Славацкого — непревзойдённого мастера сонета, певца своего города, знатока его истории, мифов и преданий.

Роман Славацкий вмещал в себя целый мир, полный гармонии и звуков. Он слушал и слышал тысячелетия...И умел вдохновенно рассказать нам о том, что слышит, своим высоким поэтическим словом.

Угас огонь человека большого дарования, труженика: поэта, писателя, литературного переводчика, историка, краеведа, посвятившего всю свою жизнь делу литературы и приложившего все свои силы для культурного расцвета любимого города.

Роман Славацкий был заместителем главного редактора «Коломенского альманаха». За четверть века через его пылкий взгляд прошло огромное количество материала, приходившего для публикации в ежегоднике. Кроме того, он работал заведующим отделом газеты «Благовестник» и был одним из редакторов портала «Коломенский текст». Вёл большую просветительскую работу, принимал участие в организации и проведении Международного научно-творческого семинара «Школа сонета».

Автор двух десятков поэтических книг, повестей, рассказов, исторических очерков — Роман Славацкий — оставил городу богатое литературное наследие. Примечательно, что каждому человеку, так или иначе соприкоснувшемуся с ним и нашедшего отклик в душе поэта, он щедро посвящал свои с любовью написанные сонеты, по ним можно представить круг друзей поэта и широту его интересов.

Ушёл наш друг, прожив достойную жизнь, до последних дней работая не покладая рук. В этом году мы готовились отметить его 65-летие, но судьба распорядилась иначе.

Теперь нам очень не хватает Романа, его мудрости, объективности, рассудительности, его знаний, его горячего сердца и света его души. Но этот свет остался в нашей памяти и в музыке его сонетов, и он всегда с нами.

Любим, всегда помним, скорбим... Вечная память и наша великая благодарность Роману Славацкому, нашему дорогому другу, светочу высокой поэзии коломенского сонета.

Коллектив редакции

Валерий Хатюшин

Хатюшин Валерий Васильевич родился в 1948 году в г. Ногинске (Богородске) Московской обл. Служил в ракетных войсках в Сибири. Работал на строительстве газопровода «Север — Центр», строил КАМАЗ. Закончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. Более тридцати лет жизни отдал работе в журнале «Молодая гвардия». Автор многих книг и публикаций, в том числе шеститомного собрания сочинений. Лауреат литературных премий им. Сергея Есенина, Марины Цветаевой и Афанасия Фета, а также международных литературных премий им. М.А. Шолохова и А.П. Платонова.

С 1986 г. член Союза писателей СССР и России.

ТРИ СВЕЧИ

ВОДА БАЙКАЛА

Я по нему опять тоскую...
Как долго я спешил туда!..
Была подобна поцелую
Байкала чистая вода.

Вошли в меня сердечной новью
и Ангара, и Усть-Уда...
Как свет небесный Подмосковья —
Байкала синяя вода.

Но если в воздухе кружилось
ненастье хмурое, тогда
в стальном дыханье шевелилась
Байкала серая вода.

Теперь в сибирской ностальгии
душа пребудет навсегда.
Скрывает столько тайн России
Байкала чёрная вода...

* * *

Одинокое облако в небе ночном,
одинокая рядом звезда...
Не жалеть ни о чём, не грустить ни о ком
я, увы, не умел никогда.

И жалел, и грустил, и любил, и желал...
Не хватало и слёз, и вина...
Столько сердца истратил и слов расплескал,
что теперь на душе — тишина.

Но как прежде, как прежде грустят обо мне
уходящие вдаль поезда
и белёсое облако в тёмном окне,
и манящая эта звезда...

* * *

Август, август, зачем же так скоро?..
Ведь ещё не настала пора...
Сонной тенью немого укора
загустели твои вечера.

Август, август, озёрная свежесть,
дрожь листвы на опавших цветах...
Мы, мой друг, замечаем всё реже
прежний блеск в приземлённых глазах.

То ль с тобой мы своё отлетали,
хоть в душевных порывах — легки,
то ль полей поседевшие дали
слишком стали для нас далеки...

И не манит спокойного взора
золотая заката игра...
Август, август, зачем же так скоро?..
Ведь ещё не подходит пора...

* * *

Ничего, что глубокая осень,
ничего, что опала листва...
Дождевая закатная просинь
мне чуть слышные шепчет слова:

«Не взыскуй, не кручинься, не сетуй...»
Столько раз это было со мной!..
Гроздья красные яркой приметой
мне бессонный сулят непокой.

«Не зови, не жалея, не прощайся...»
В серых тучах померк небосвод.
Мимо с шумом, как поезд, промчался
леденящий семнадцатый год.

Нескончаемый лиственный ветер.
Зябко в парке от лиственных слёз.
Под ногами в искусственном свете
истлевают убранство берёз.

Дуб качает седой головою,
синь закатную мглой занесло...
Ничего, что не будет покоя,
ничего, что иссякло тепло...

НАПОСЛЕДОК

Посвящается Дмитрию Хворостовскому

Как молоды мы были, как молоды мы были...
Хмельные наши кони летели в небеса...
Мы ожидаем жили, мы Родину любили,
мы слышали в эфире родные голоса.

Пленительные песни, живительные звуки
ласкали нашу юность, бодрили нашу плоть.
Не знали мы ни скуки, ни той сердечной муки,
что сможем со слезами в судьбе перебороть...

Как искренни мы были... По мощным волнам плыли...
Казались неземными заморскому уму...
В заоблачных юдолях, в сиянье лунной пыли
мы ярко проходили сквозь золотую тьму.

...Блестит еще неброский ноябрьский снег московский...
...Затихших губ усталость и щёк запавших мел...
Остыли наши кони... Но Дима Хворостовский
во мгле рекламных пауз нам напоследок спел...

КАВКАЗ

Когда ещё увижусь я с Кавказом
и встречу снова эту вечность гор?..
Кавказ к себе влечёт своим рассказом
и зимним солнцем мой ласкает взор.

Что позабыто — перескажет снова,
что не избыто — он напомним вновь.
Поэтов русских пламенное слово
Кавказ впитал, как высшую любовь.

И Пятигорск к подножию Бештау
принёс Руси величие как дар.
Я напоследок тихо помечтаю
зари эльбрусской разглядеть пожар.

Мы в чистом сердце носим горечь эту...
И горькой тайны не прольётся свет...
Под Машуком есть памятник поэту,
но нет следов, где был убит поэт.

Кавказ, когда увижусь я с тобою,
у скал чегемских молча постою...
Судьбу мою представляю я иному,
с крутых вершин взглянув на жизнь свою...

* * *

Дышат снегом тучи низкие,
мглою скрывая даль и высь.
Две дороги наши близкие
вместе шли и разошлись.

Шар земной спокойно вертится...
Мчатся порознь два авто...
Нам в пути никто не встретится,
и не нужен нам никто.

Наши судьбы разделённые
не сведём ни я, ни ты,
как навеки разведённые
петербургские мосты...

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Последняя любовь — души живая тайна,
сокрытая от всех, безмолвна и грустна.
Я помню этот день. Мы встретились случайно,
когда в дождях цвела московская весна.

Подвальное кафе писательского дома...
И терпкое вино за столиком в углу...
— Как странно, до сих пор я с вами не знакома, —
сказала и, чутьём недремлющим влекома,
глазами отдалась неясному теплу...

Как странно... Было всё необычайно странно...
Взаимное тепло и глаз, и рук, и губ...
— Нам будет нелегко, — я ей сказал туманно.
И в чувствах, и в словах я был несносно скуп.

Уж столько лет прошло. Безмерная разлука
хранит тепло любви в своих мечтах и снах...
И пишет мне она с тоской: «Какая мука...»
Я отвечаю ей: «До встречи в небесах...»

* * *

Запах жасмина в маленьком сквере,
нежных соцветий белый туман...
Сон или явь — в этом я не уверен.
То ли не трезв я, то ли не пьян...

Запах жасмина, запах жасмина!..
Летние ночи так коротки,
так мимолётны... В чём же причина
этой внезапной сладкой тоски?

...Светлые ночи, первые встречи,
юные губы, алый рассвет...
Солнце июня, ласковый вечер...
Ранний на сердце горечи след...

Словно ненастье, стихла кручина.
Благодатью лета взгляд напоён.
В маленьком сквере запах жасмина —
жизни минувшей явленный сон...

ТО ЛИ ГОДЫ, ТО ЛИ ДАТЫ...

То ли годы, то ли даты...
Всё смешалось и ушло...
Помню, я любил когда-то
непокорное тепло
глаз печальных, глаз глубоких
(их не в силах скрыть лета),
одиноких, чернооких —
в днях далёких, как мечта...

Всё смешалось — годы, даты:
тридцать, сорок, пятьдесят...
Эти вехи, как солдаты,
на своем посту стоят.

И мою волнуют память,
знают всё, что я забыл...
Мы легко теряли сами
тех, кто слишком нас любил...

То ли зрелость, то ли старость...
Всплески счастья, слёз, обид...
Что-то важное, хоть малость,
сердце всё же сохранит.
Годы, даты — всё смешалось...
Ясных дней душа не ждёт...
Но осталось в ней, осталось
то, что в вечность с ней уйдёт...

ТРЕТИЙ СНЕГ

Первый снег — словно юность,
он растает как дым.
Вспомню в зимнюю лунность
то, что был молодым...
Так в оставшем вагоне
свет чуть брезжит во мгле...
Первый снег не догонит
никого на земле.

Снег второй, словно годы, —
то пуржит, то парит...
От ненастной погоды
он виски серебрит.

Снег второй, не стихая,
будет долго мести,
день за днём засыпая
все следы и пути.

Третий снег безобманно
сыщёт нас всё равно,
беспричинно, неожиданно
постучится в окно.
К нам напрорчится в гости:
мол, пришли холода...
...У креста на погосте
ляжет он навсегда.

МОЯ ЗВЕЗДА

Сияла мне в снегах Сибири
и в жёстких северных снегах,
светила мне с небесной шири
звезда на дальних берегах...

И где б моя ни шла дорога,
вела меня звезда одна —
неугасима, ясноока,
при всех ненастьях мне видна.

Я шёл за ней не понапрасну...
В удуше нервной маяты
не позволяла сердцу гаснуть
звезда любви, звезда мечты...

Пусть жизнь глаза мои остудит,
пусть суждено стихам истлеть...
Но здесь, когда меня не будет,
она останется гореть.

И в мире горнем, может стать, —
всё так же будет мне светить...
Лишь только с ней мне не расстаться.
Друг другу нам — не изменить.

Тоске любви, мечте безумной
останусь верен навсегда.
В полях ночных, во мгле безлунной
сияй, гори, моя звезда...

МАТЬ

Жизнь прожила не крещена,
к труду причастна с малолетства.
По детству пронеслась война
и, растоптав, сгубила детство.
Скорбей хлебнувшая сполна,
познала все земные грозы.
И без крещенья — прощена.
Её крещеньем были слёзы.

ТРИ ДНЯ

Как часто высший промысел сокрыт
на много лет для нашего сознания...
На Чёрной речке Пушкин не убит.
Бог дал ему три дня для покаянья.

Три долгих дня дарованы ему —
спасительных, мучительно-высоких...
И чтоб душа не сорвалась во тьму, —
духовнику открыл он своему
и в боли сжёг отвратные уму
грехи свои за все земные сроки.

Чтоб мог исполнить он завет царя:
«Прошу, мой друг, умри как христианин»,
когда ещё пытались лекаря
утишить боль его на смертной грани.

Счастливый жребий, нет, его не спас.
Не спас и перстень Лизы Воронцовой...
Ему спасеньем стал пустынный глас:
«Моей исполнись волею суровой!»

В немой тоске, собрав остаток сил,
он внял, сражённый, неземному гласу.
И в мыслях месть таившему Данзасу
сказал: «Не надо мстить. Я всех простил».

И вот уже из близких никого
не узнавал он, что-то где-то слыша...
И на словах последних: «Выше, выше...»
душа, чиста, оставила его...

* * *

Остывшего лета последняя зелень
застыла безмолвно в последнем тепле.
И мы, будто листья, живём на пределе
сердечного света на грешной земле.

Последняя зелень остывшего лета
играет на солнце, блестит, как слюда...
Без горнего в сердце, без вышнего света
мы тоже, как листья, сгорим без следа.

Сжимается август, сгущаются ночи,
на клумбах седых опадают цветы...
Без света надежды и мы, между прочим,
с тоской опадаем во мрак пустоты.

Но в заданной свыше земной круговерти
любовь и молитва завеяны нам
и, смертным, даровано всё же бессмертье,
как зелени вечной и вечным цветам.

УБИТЫЕ ПОЭТЫ

...и с просьбой о любви.

Марина Цветаева

Где правда? Что делать? Как быть?.. —
Не сыщем на свете ответов.
Но будем всем сердцем любить
России убитых поэтов.

В печали их сладостных строк
небесные звуки звучали.
И Пушкин, и Лермонтов знали,
что будет коротким их срок.

Под плиты безвестных могил
в нерусском злосчастном засилье
ушли Гумилёв и Васильев
в расцвете сияющих сил.

Пусть кто-то своё голосит
и множит в ответ истерию,
мы знаем: Есенин убит
в бездонной войне за Россию.

Воспевшие отчий наш кров
с такой нерастраченной силой
Цветаева, Кедрин, Рубцов...
О Боже, прости и помилуй!

Сердечным согреем огнём
их душ непогибших порывы —
пусть дышат и светятся в нём,
покуда на свете мы живы.

ТРИ СВЕЧИ

Три свечи у меня на стене,
три огня неразрывно-священных.
В них сияют загадочно мне
три горящих души незабвенных.

Три поэта родимой земли,
несравненных, порой сумасбродных, —
и спасали меня, и вели,
как три ярких звезды путеводных.

С ними шёл я по грустной стране,
знал бездомье, нужду и скитанье...
...Три свечи у меня на стене,
три волшебных огня в мирозданье...

НАВАЖДЕНЬЕ

Незнакомка вчера позвонила:
мол, стихи мои где-то прочла.
И о встрече она попросила.
Я ответил: «Заели дела...»

А сегодня с утра усмехнулся
и сказал с лёгким вздохом себе:
«Ну а вдруг ты с Судьбой разминулся
и опять не поверил Судьбе».

Видишь, быстро истаяло лето,
слышишь, птицы уже не поют...
Может, кто-то мне скажет на это:
наважденье сердечных причуд...

Я взгрустну от вчерашней промашки.
К близкой старости я не готов.
...На поляне белеют ромашки
в окруженье опавших цветов...

* * *

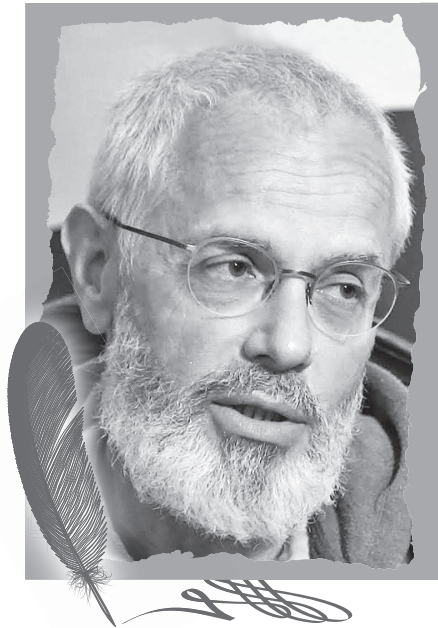
Дождь шуршит в полусне предрассветном,
в полумгле предосенних ночей.
Дни, как листья, срываются ветром.
Август — месяц сезонных дождей.

Всё казалось: так много, так много
ясных дней у меня впереди!..
Глядь — туманит сентябрь у порога,
шевели сожаленье в груди.

Ах, сентябрь, то ли сердца усталость,
то ль остывшая чувственность глаз
навевают щемящую жалость
ко всему, что мне мило сейчас:

к дождевому шуршанью рассвета,
к шелестенью зелёных ветвей,
к нежной хрупкости музыки лета
в этот месяц сезонных дождей...

Алексей Ивантер

Алексей Ильич Ивантер родился в 1961 году в Москве. Учился в педагогическом институте. Был рабочим в геологической партии на Верхоянском хребте, строил на Алтае линии электропередачи, жил сезонным сбором яблок под Россошью и никогда не придавал значения фактам своей биографии.

Его главное дело — поэзия.

АРХИВ

ПУШКИН

Черёмушки или Битца;
черёмуха, тополя,
понятные сердцу лица,
родная моя земля.
Черемухой город дышит,
дворы заросли травой,
и весь голубями вышит
пейзаж с заводской трубой.
Мне воздуха что-то мало,
а бронхи, как крючья рвут.
И вспомнить не может мама,
как внука её зовут,
но днём и бессонной ночью
из путаной головы
ведь каждую помнит строчку
любой назови — главы.
Очков поправляя дужки, —
без них уж совсем беда —
вдруг скажет: «А всё же Пушкин,
вот Пушкин — он всё же, да!»
И в голос добавит звука,
как сына зовя домой...
Ведь Пушкин важнее внука
и жизни давно самой.

* * *

Двери хлопают в той коммуналке,
От которой давно только память.
И три бабки мои — коммунарки,
Хором всплёскивают руками.
Ленинград допотопного года,
Пять Углов за окном и «Победы»,
Бесконечно — сырая погода,
Бесконечные сборы к обеду.
Двери хлопают в той коммуналке,
Где на кухне — сплошная морока,
И та бабка, которая Амма,
Ту ругает, которая Роха.
И, конечно, сгорает пирог мой —
Именинная сладкая хала...
Вместе бабки — и Амма и Роха —
Ту ругают, которая Хана.
А звонок коммунальный — трезвонит,
А на кухне — воруют обмылки,
И гвоздит оттрубившая в зоне
За неё отбывавшую в ссылке!
Двери хлопают в той коммуналке,
Из которой сундук и стаканы.
В коммунальном раю — коммунарки,
Нету места в нём только для Ханы.
Будет место. И хлеб поминальный —
Он и смолот уже и замешан.
...и шумит Ленинград коммунальный
Из пяти коммунальных скворешен.
Снег летит над Невою и тает,
До утра не хватает заварки,
Три сестры надо мной пролетают —
Коммунарки летят, коммунарки.

* * *

Писк мышей в недосушенном сене, подвывание бензопилы.
Дождь осенний и ложь во спасенье одинаково мне тяжелы.
Сквозь прорехи на крыше из дранки, из еловой прогнившей щепы —
Что увидят глаза иностранки незадолго до белой крупы?
Но задев потаённые струны, там, где хлад возле сердца и зной —
Та душа, что казалась мне юной, оказалась Царицей Земной.
Ветви груш воспарили над крышей, раскричались гусей табуны,
И её я не слушал, я слышал древний голос лесной стороны.
Знать, пора посидеть на дорожку на широком Петровом дворе,
Где отсыпят в лукошко морошку, провожая по ранней поре.

Лёгкок шаг по холодной погоде, вот пойдём и вдвоём воспоём!
Лишь, как принято в нашем народе, посидим перед дальним путём.
Не придышишься к белому свету, где поэтов — небитая рать!
...От того я и помню про это, что пока не готов умирать.

ОСКОЛОК

Там пахло суточными щами
И смазкой крашенных дверей.
Зачем я ночью пил с врачами
В медпункте возле Снегирей?

Дешёвой водкой разогреты,
Мы, кроме баб и чепухи,
Вдруг обсудили два портрета
Врачей, печатавших стихи.

Их книги, изданные плохо,
На стеллажах библиотек
Отторгла новая эпоха,
Как Блока двадцать первый век.

Они мертвы и позабыты,
Их нету в памяти людской:
Врачи, любители-пииты
Из дальней местности Тверской,

Они лежат в земле, как ляжем
И мы в назначенные дни,
Но, как они — уже не спляшем.
И не напишем, как они.

Там нет стихов и нет искусства,
И строчка каждая крива,

Но в них бомбёжки, дым, капуста,
Судьба и русские слова.

Пусть криво всё и косовато
И всюду хлорка, гной и йод,
И госпитальная палата
Смеётся, стонет и блюёт,

Но беспокойными ночами
От матерей и жён вдали
Стихи написаны врачами —
Небесным воинством Земли.

И наплевать на все красоты,
Размер и нормы ремесла,
Когда войдёт в бедро комроты
Хирурга узкая пила.

Но предназначены к списанию,
В намокшей стопке у дверей
Лежат брошюрные издания
В медпункте возле Снегирей,

Как пассажиры третьих полок,
Чьих лиц не вспомнить на бегу...
«Прости, солдат, в груди осколок
Никак извлечь я не могу...»

СНОВА ПРО ТО ЖЕ

И от поветрий моровых
Не зарекайся, и от глада,
Живых в повозках гужевых
Везут, а мёртвому — не надо:

И хоронили во дворах,
И жгли дворы для очищенья,
И прах потрескивал в кострах
На страх стрельцам и населенью.

Их тени в выпуклом стекле.
Их храм парит на крутояре,
Но неотпетыми, в земле
Лежат холопы и бояре.

Настанет чёрная зима,
И повелят, чтоб крепла вера
Царицы Оспа и Чума,
Княгини Язва и Холера.

Молчи, скрывайся и неси
Под зипуном свои скрижали,
Иди бродягой по Руси
И пой, пока не задержали.

ПО ГРИБЫ

Году, в примерно... Нет, не помню, но гнулись яблони в садах, и корчевали сосен комли — был снег в двухтысячных годах такой, что в рост пеньки торчали на зимней вырубке в бору, а в Пнёве яблони дичали — роняли ветви и кору. Где бор был прежде — в волглый ельник тропинка шла сквозь дух грибной. А день я помню — по-недельник, мы с кумом пили в выходной. И мимо вырубки лесхозной шли за грибами спохмела к деревне вымершей, бесхозной, где церковь некогда была.

А кум ворчал, мол, зря и пили и вспоминал себе под нос, как гать иконами крепили красноармейцы, чтоб обоз прошёл на Тюхтово по топи (кум, не умешь, так не пей!). И принесли штыки Европе освобождение от цепей, а дядя Витя — малолетка — схватил Христа и — рвать штаны, а в лесе в глаз попала ветка, зато и спасся от войны...

Все деревенские рассказы во мне лежат таким пластом, что не добудешь их ни сразу, ни с горной техникой потом. А тут, во время карантина, как снег в апрельской ендове, вдруг за картиною картина зашевелилась в голове.

Мы с кумом шли к деревне прежней, где возле меленькой реки покрай дороги непроезжей уже пошли боровики. Неся заплечные корзины, а по-тверскому — короба, их одолжив у бабы Зины за мзду из белого гриба, и возле плосковской развилки, к Лунёву влево повернув, пошли по чистой лесопилке, лесного чёрта помянув. И продирались на Лунёво в гниющих ветках и дровах, чтобы вернуться кругом в Пнёво с грибами в полных кузовах. И вдруг, ещё не веря слуху: откуда тут Благая Весть? На пне увидели старуху, туда как влезшую невесть.

Она читала от Матфея чуть нараспев, вблизи — слышней, и стебли дикого шалфея не доставали до ступней. Стояло сухонькое тело на сером пне, как храм лесной... И стая бабочек висела над ней и красной бузиной. Звучал Завет необоримый и, застывая на весу, сам воздух пел, как хор незримый, на тайном клиросе в лесу.

— Зачем рассказывать всё это? Свидетель суетный мирской — я видел луч Христова света на летней вырубке тверской. Придя с пустыми коробами, тайком пробрались по двору... Так мы сходили за грибами с похмельным кумом поутру.

КАРАНТИН

В карантине, но не в заточенье:
Речка, поле, сажёный лесок,
Со старою в общем злоключенье
Потираю щёку и висок.

Расскажи мне про метель степную,
Про траншеи танковых колёй,
Всю донскую летопись земную,
В кружку спирта дымного налей.

В карантине — значит, в карантине.
Погоди чуток, не выходи.
Посиди России посредине,
Посредине мира посиди.

ФРЕСКА

В одном селе, что на Урале,
На Пасху церковь обокрали,
Вино и утварь унесли,
Да вора к вечеру нашли.
Пенькой крученой повязали,
Слова суровые сказали,
Но местный поп, в миру в чинах,
Сказал: «Пустите его нах».
Поимщики перекрестились,
У судей руки опустились,
И, положив воришку в грязь,
Ушли, негромко матерясь.
А вор — проспался под берёзой
И встал: помятый, но тверёзый,
И, разгрызя лесной орех,
Решил заглаживать свой грех.
В приделе северном со Святок
На ржавых подмостях, внизу,
Лежали кисти и остаток
Пигментов в сплюсненном тазу.
И, укрепя пустое чрево
Яйцом с пасхального стола,
Он написал Марию Деву,
Волхвов, младенца и вола
Не по церковному канону,
Не ремеслом, зато теплом,

Как помнил старую икону
В избе у бабки над столом.
И, завершив работу к ночи,
Такого задал храпака,
Как может выпивший рабочий
В цеху холодном у станка.
Наутро изгнанный из храма
Ворчаньем собственной сестры,
Он буркнул и ушёл от срама
За три уральские горы.
С тех пор ни трезвым и ни пьяным,
Ни бритым и ни в бороде,
Ни с пузырьём и ни с баяном
Его не видели нигде.
А ближе к маю понемногу
Кто были слабы и больны
Вдруг стали чувствовать подмогу
Вблизи расписанной стены.
Слепые — там не прозревали,
И оживали там навряд,
Но исцелённые — бывали,
Как наши бабы говорят.
Я там гостил. С попом сидели
И доедали соли пуд;
Спросил: «Ну, что там, в самом деле?»
Сказал: «Идут».

ЮНКЕР

Мальчик в матроске на фото в позе героя войны, и в сапоги «плач пехоты» вдеты большие штаны. Тянется время и рвётся, кажется — было вчера, сипло с пластинки поётся: «...там залегли юнкера». Сгнили кресты на погостах, в ровный построены ряд, вот они вместе — по росту, молча и просто стоят. Где-то у мамы в альбоме в позе примерно такой — маленький я на пароме, вечер, село за Окой, кепка, ремень, душегрейка, брёвна на мокром песке, в яблонях старых скамейка с куклой на серой доске.

ПОБИРУШКА

Где в каждой щели жило по умельцу,
Легко чинить любую дребедень,
Ходили по парадным погорельцы
И нищенки из дальних деревень.
В обуви сбитой, вида никакого,
Как беженцы в минувшую войну.
Но из такого люда городского
Я с детства помню нищенку одну.
Она ходила, денег не просила,
Как божьи люди ходят по Руси.
Когда еду ей мама выносила,
Она шептала: «Господи, спаси».
И посреди ночного Ленинграда
Спустя полвека, зримо вижу сам —
Всё пять детей, погибшие в блокаду,
За ней идут по русским небесам.

ВЕЛОСИПЕДИК ТРЁХКОЛЁСНЫЙ

Велосипедик трёхколёсный
Ещё без шин, на ободах.
И нет шоссе многополосных
В малоэтажных городах.
О, чудо ветхих отпечатков
В косых заламах и трухе,
Где дамы в лайковых перчатках,
А дети в кофтах из пике...
Там всё понятно и знакомо
И вспышкой освещено,
Немецкой линзы глаукома
Рисует мутно и темно

Рукой француза-эмигранта —
Как много времени примет —
Пять лет до смерти Фердинанда
И до гражданской восемь лет.
Гармошка фотоаппарата...
Накрыт фотограф с головой...
А дальше — дым; и брат на брата
До смерти на передовой,
Когда, наверное, напрасно
Стакан под вечер накатив,
Всё видишь резко и контрастно
Сквозь сердца телеобъектив.

ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Старик — ладони на коленях, тарелка пшёнки на столе. Кровать, над ней ковёр в оленях; а день — последний на Земле. Он смерть работать не торопит, но ждёт, как гостью, с утречка. Он печку русскую затопит, на хлеб покрошит чесночка, ушедших вспомнит понемножку, поймает вошь на гребешок и выпьет горькой на дорожку, как пьют у нас — на посошок. Он сало — вынесет сорокам, гвоздём прихватит возле слег; и ляжет тихо, одиноко — последний русский человек.

А ЖИЗНЬ...

А жизнь кончается, кончается,
Ну, ничего, ну ничего...
Диванчик вдавленный качается —
Батутик детства моего.
И тихо комнатка возвращается,
И давит память на виски,
И мама каждый раз прощается,
Как могут только старики.
Как будто раз последний виделась,
Листали в клеточку тетрадь...
В альбоме дед в парадном кителе
Даёт приказ не умирать.

А мама плохо защищается,
Уже трещат и фронт, и тыл.
А мама так со мной прощается,
Что отвечать — ни слов, ни сил.
И что-то в воздухе давнишнее,
Как ноты речи дорогой,
Как в том саду под старой вишнею
Из жизни прошлой и другой,
Где каждый вечер возвращаешься,
Как гардеробный номерок...
А тут прощаешься, прощаешься,
Никак не выйдешь за порог.

ОН В ДЕТСТВЕ...

Он в детстве пускал поезда под откос,
А в старости в скупку медали отнёс,
По снегу упрямо хромая.
И умер в канун Первомая.

Он мог бы, пожалуй, ещё и пожить,
Но в гроб себя к маю решил уложить,
Сказав: «Наломались и будя,
Пусть мучатся новые люди».

А новые люди растут, как трава,
Рожают детей и качают права,
Христу на соседей кивают,
По новой войну затевают.

БОЛЬШАК

Выросший недавно из пелёнок
(кто сказал, что память коротка?)
на большак выходит пацанёнок
встретить проходящие войска.
Тут его родители родили,
здесь ему и спрашивать кого:
— Далеко вы ездили, ходили,
не видали папку моего?
Тормозите всеми тормозами,
некому нам выйти на жнитво!
Вижу это детскими глазами
ищущими папку своего.

Дети умещаются в охапки,
в люльку, в деревянную кровать.
Воевать не уходите, папки,
не ходите больше воевать.
Дому не показывайте спину,
не берите штурмом города.
Ни в Афганистан, ни в Украину
не ходите больше никуда.
Починяйте изгородь и крышу,
празднуйте Покров и Рождество!
...слышу я, глаза закрою — слышу:
— Не видали ль папку моего?

ВИЙ

Не поднимайте Вию веки. Не подымайте, вашу мать! Родные люди-человеки, не надо веки подымать. Коломны наши и Рязани, леса и пашни, и луга он встретит чёрными глазами, и грянет общая туга. А он лежит в стене кирпичной и шарит высохшей рукой под кладкой крепкой и яичной над протекающей рекой, не успокоенный поныне и мёртвый — страшный, как живой, и Вий другой на Украине встаёт из глины вековой. Пошли, Господь, нам крепкой силы, пошли сияющую рать. Уже готовы, чую, вилы, чтоб Вию веки подымать. Таращит налитые зенки прислужник виевый чумной на скорбной родине Шевченки, многострадальной и больной. Уже подбулькивает ближе, и путь короче до беды, кипит коричневая жижа на родине Сквороды. Видали всякие мы виды, читали толстые тома, глотали старые обиды, на смерть ходили задарма, в бараний рог кого согнули, тот гнут остался и горбат, а мы мигнули, помянули набат, комбата и штрафбат. Сегодня выпьем не по-детски, для сердца надо, для ума. От нашей Родины советской в нас арматура в два лома. Пошли, Господь, нам светлой силы, любви и отведи беду! Цветы на братскую могилу кладу под красную звезду.

ЭХО

Принадлежащая живым
И охраняющая павших
Земля под снегом голубым
Лежит на пастбищах и пашнях —
Переделённая в клоки
И возделенная вовеки...
Разжав худые кулаки,
В ней спят родные человеки.
За этот крохотный надел,
Подравшись в жаркую погоду,
Сосед три года отсидел
И отсидел ещё б три года.

А тут — не стоит ни рубля,
За частоколом поределым
Лежит ничейная земля —
Пустые русские уделы.
А много надо ли земли,
Покосов, леса у криницы?
А столько, чтобы журавли,
Летя, не видели границы.
А столько, чтобы, прокричав,
Вернуться эхом берегущим,
Когда давно друзья молчат
И сам не числишься живущим.

АРХИВ

Не разобрать семейного архива. Не то, чтоб пачки были велики — да вот они — надписанные криво, в них лица, как над морем огоньки. В галантерее куплена тесёмка, над булочной на верхнем этаже, где ножницы, резинки и клеёнка, и мелочь, позабытая уже. Их письма длань незримая листает, неслышный голос шепчет их слова, а снег идёт и дом мой замечает, и подступает к выселкам Москва. И, как пенёк от ивы, росшей криво, себе судьбу найдя не по плечу, и сам я — часть семейного архива, а всё никак в тесёмки не хочу.

ФАМИЛИЯ

По дорогам, высохшим и мокрым, по стерне и снежной целине, верховыми — на груди с биноклем, пешими — с винтовкой на спине, с тазом и стиральной доскою, с Пушкиным, свекольною ботвой, лесом и станицею донскою, Питером, Тавдою и Москвой, по болотам, наледям, просёлкам, Невскому, Ильинке и тайге, Павлодару, Минску, Новосёлкам — в сапогах чужих не по ноге, семьями, вдвоём, поодиночке... С метками посконное бельё... Вы входили в жизнь мою и строчки, как в своё законное жильё. Правдолюбцы. Вруши записные. Русские обжившие края. Милье. Далёкие. Родные. Павшая фамилия моя!

* * *

Умирают соседи мои деревенские,
Не дождавшись врача, не позвавши священника,
В огороде, в постели, в сберкассе за пенсией...
А живые работать идут с понедельника.
Да, чего говорить — деревенька кончается,
Кузнецовы умрут — никого не останется,
А берёзы стоят у колодца, качаются,
Всё, что помнят они — в голове не вмещается.
И стоят на краю избы, окна забитые,
И поют над обрывом качели забытые,
И зияют стропила, никем не покрытые,
И лежат за деревней соседи зарытые.
А налево посмотришь — хоромы княжецкия,
А направо посмотришь — окопы заросшие,
А вокруг себя глянешь — всё тяготы женские,
А у клуба слоняются дети подростки.
Из бетона отлита ажурная звонница,
Разбирают по камушку фермы советские,
А мне чудится: рубится красная конница,
А мне слышится — танки скрежещут немецкие...
Это жизнь за забором: не званская, званная,
Не того ли хотела душа изнурённая?
Что же память моя непонятная, странная
В деревеньке застряла стрелой зазубрённою?

БАТЯ

За листвою порыжелой облупившийся хором, где в горячке батя в белой с финским бегал топором, где топтал пиджак с изнанки, падал в мокрую траву и кричал: «Введите танки, танки русские в Москву!» Знали батю, уважали, не побил его народ, извинились, повязали, покурили у ворот и не в Лондон или Ниццу, не в посёлок Звездюли — в городскую психбольницу с уважением отвезли. И привязанный к кровати в психбольничной тишине, он лежал в худом халате, как на танковой броне. Но без злобы и подлянки из небесных лагерей он кричит: «Введите танки, танки русские скорей!» Я башкой ему киваю, не бросаю одного, понимаю, понимаю батю бедного мово.

МАМА

В стороне от митингов и гама, не чураясь пятого угла, обитает маленькая мама в комнате, где бабушка жила. Долго сохраняющие годность, на руинах выбитой семьи, соблюдая строго очерёдность, убывают близкие мои. Хорошо, что дети в самой силе, хорошо, что внуки гнёзда вьют, значит можно думать о могиле, не спеша в кладбищенский уют.

Если жизнь на слово переплавить, отковать медлительную речь, воссияет старческая память, чтобы тени милые сберечь, полетит над Шкиперским каналом, над холодной парящей Невой хриплой песней, ангельским хоралом, боевой стрельбою пулевой.

...не грустит, а жмётся ближе к веку, к нашей правде — голой, без затей; казни помнит, верит в человека, не ворчит на Бога и детей.

ПЛАН ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВСКОЙ ЛАВРЫ В ДИВЕЕВО

Где веером пальцы раскинул на грядке последний укроп —
В Дивеево, как в субмарину, в порядке моления об ...
От Лавры и звонкой и сладкой, с утра растопорщив крыло,
Туда, где на латке заплатка, но как расцветает светло!
Пейзажами с жёлтой иглою зашью подребёрный разор —
Так трещины лечит смолою морозом растресканный бор,
Но как пораскинешь умишком — делишки-то наши — беда,
И спилен мой бор на дровишки воришкой, лишённым стыда.
Что снегу на лыжи нальнуло — налипло на сердце тоски,
И скрипка моя потонула, как прошлой весной мужики.
И тело качает неровно, и живчикам я неровня,
Как лес превращается в брёвна — в слова переплавит меня,
В дощечки и дыма колечки, в следы от лосиных копыт,
В словца-дорогие-словечки, которыми пьян, да и сыт,
В морозного утра сутёмки, в сенях ледяное ведро,
И в то долото, что негромко стучит под шестое ребро.

* * *

Не пора ль пережитое-нажитое разобрать?
Выйти во поле чистое, посбирать лихую рать?

Пусть набьёт чересседельник толстый мельник барахлом,
Ты, брательник, рак-отшельник, восшевеливай крылом!

Что скопил словес в кубышке — все потрачу одна.
Молод был — писал я книжки, а теперь пою слова.

Не бывать озолочённым, не ходить бузить во власть,
Только словом приручённым всё бы баловаться всласть.

Как у тела — горловина, у грузина — да винцо —
Речи русской сердцевина — это певчее словцо.

Как точильщик, как лудильщик, как мостильщик мостовой,
Я за труд свой — слов удильщик — поручаюсь головой.

Не невежа, чтоб понеже, а два добрых молодца
Понесли по первоснежью да с дубового крыльца.

Но судьба не белшвейка, шьёт и порет не оттуль.
Уплыла моя ладейка; а поди — укарауль...

ЭТА ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ ЛИШЬ ОДНА

Стихи Надежды Лисогорской продолжают лучшие традиции русской и советской лирики. Её можно назвать поэтом чистого природного голоса. Природного потому, что у поэта с природой — одна душа. Автор тонко чувствует токи от рождения листьев до печально-красивого их увядания. Наверное, поэтому после прочтения новой её книги стихов возникает ощущение того, что прозвучала музыка «Времена года» П.И. Чайковского.

В своих стихах автор признаёт себя частицей природы и соотносит её жизнь с человеческой: «К зиме угасаем, а летом цветём». И далее — глубокая мысль — чувство: «И всё ещё мнится, что ВЕЧНО ЖИВЁМ». В подтексте — интуитивное понимание бессмертия нашего Духа.

В поэзии Надежды Лисогорской постоянна тема сплетенья корней и побегов, оттого так часто автор с благодарностью поминает родительский дом, который не может опустеть, потому что вот она — «Милая девочка в платьице скромном, / Ты мне на смену уже рождена».

Книга — своего рода автопортрет автора, и в каждом стихотворении ощущается охранительная сила женского начала. Читаешь, и возникает желание сказать: «входит осень, СВЕТ даря». Да, стихи поэта светоносны. В них есть некое «шестое чувство» — неизбывная РАДОСТЬ, даже «на подносе у монстр-городов», где и «яблони подрублены временем, а дички, созревая, горчат», но осталось неизменным голубое блюдецко с золотой каёмочкой, и на нём — спелое хрустящее яблочко — «каплей радости». Книга дарит читателю тот оптимизм, который столь необходим в наше сложное время.

Каждое стихотворение — это безграничная любовь, которая даётся поэту свыше, наверное, поэтому она так открыта, искренна, по-девчоночьи чиста и безоглядна.

Дай Бог, чтобы и далее путь автора был столь же божественно музыкален!

Юрий Дмитриевич Стеволин родился в селе Городня Тверской области в 1980 году. Закончил МГИМО.

В 2003-2008 годах возглавлял Русскую Галерею Искусств. В 2008 возродил Союз русских художников, председателем которого является в настоящее время. Организатор выставок Союза русских художников в Коломне в Доме Озерова. Соорганизатор Всероссийских колומненских пленэров им. М.Г. Абакумова. Постоянный участник абакумовских чтений.

Литературой начал заниматься ещё в юношеские годы. Широкую известность автору принесли стихи: «Ты для меня красивая от Бога», «Как мне не хочется стареть», «Я — Русский», «Мне кажется, что в жизни много горя», «Стояла ночь».

ТЫ ДЛЯ МЕНЯ КРАСИВАЯ ОТ БОГА

* * *

Я так люблю... Я больше, чем люблю
Смотреть, как вечер вслед за рыбаками
Садится в лодку к длинному веслу
И на простор затихший выплывает.

А складки волн хранят ещё тепло
Былого дня и с ним бывшее чувство.
И всё, что за день ветром нанесло,
За поворот уносит тихо русло.

Напротив лес ступает в берега,
И тени ниже опускают ели.
Ведунья старая по имени Яга
В лесу глухом живёт на самом деле.

Как станет ночь, серебряным ковшом
Она с реки вычерпывает воду
И, ступы вокруг махая помелом,
Над лесом сводит тучи в непогоду.

От речки дым, как будто бы со дна
Сто тысяч изб затапливают печи.
И мне смотреть до самого темна, —
Так хорошо в обычный русский вечер.

* * *

Месяц парусом выплыл далече.
Мгла раскинула синий покров.
И церквушки жгут белые свечи
В отраженьи своих куполов.

В пряжу дней у подножья восхода
Солнце вдело лучистую нить.
Парус сыплет с краёв позолоту,
Больше часа ему и не быть.

Хорошо мне сейчас. Мне уютно.
Месяц тает в рассветной тоске.
Белым странником тихое утро
Вышло рано к туманной реке.

Хорошо мне. И сердцу уютно.
Странный парус далече уплыл.
Снится сон мне рассветный, что будто
Этот парус за мной приходил.

* * *

Дайте самые долгие свечи, —
Я хочу попросить за народ,
Чьи сутулые стёртые плечи
Тянут воз бесконечных невзгод.

Колокольчик привязан на шее.
Ах, как сладок его голосок.
Вы хотели идей посвежее?
Вот вам — зрелищ и пошла глоток!

Подведите к той нужной иконе,
Покажите, кому говорить.
Я готов в самом низком поклоне
Боль души тихим словом излить.

Поразвяжем вам руки забавы,
Превратим в обезличенный сброд.
Мы без ратных боёв поубавим
Так давно ненавистный нам род.

Встану я перед ней на колени:
Ну, доколе нести этот крест?
Как же вышло, что нас одолели
Люди с дальних встревоженных мест?

Что ж ты смотришь безмолвно, икона?
Глаз смиренных бездонная цвель.
Ты скажи мне, святая Матрона,
Как же душам заблудшим прозреть?

Кто они в этом странном обличье
Разгулявшихся диких свобод?
Не под их ли рожок по привычке
Стадо робкое в поле бредёт?

Или всё по удобной привычке
В нас покорность уютно живёт?
Златокосые церкви-сестрички,
Лет на двести молитесь вперёд!

* * *

Мне кажется, что в жизни много горя.
Не мне ведь вам рассказывать о том.
И каждому случилось поневоле
Пускать его однажды в низкий дом.

Я часто слышу: «Будет вам по вере!»
Молящихся услышит голос Бог!
Но как мне горе матери измерить,
Чьих он детей от бед не уберёт?

Бывая часто в дальнем тихом месте,
Где по ушедшим с неба льётся свет,
Я между датами рождения и смерти
В испуге вижу десять, двадцать лет.

Но почему?! Они ведь на ладони,
Как все, читали линию судьбы.
И линия бежала в чистом поле,
Вплетаясь лентой в солнечные дни.

Ах, ну ведь да — забыл я, Боже правый,
Что кто-то там в полночной синей мгле
Взял на себя решать, кого избавить
От брэнной жизни раньше на земле!

Мне доводилось слышать, что там лучше,
Но мне в глаза тому бы посмотреть,
Спросить его всей силой простодушья,
Готов ли он земной свой скинуть крест?!

Себе ярлык предвидя богохульства,
Смирняя сердце, вам хочу сказать,
Что просто мне впервые очень грустно
Вот это всё безвольно принимать.

И, может, мне хотелось бы не верить
И ни о чём у Неба не просить,
Но, зная многих ранние потери,
Тянусь рукой себя перекрестить...

* * *

Наступит день, в изнеженном досуге
От избавленья лености оков
Один из вас возьмёт небрежно в руки
И плод моих сомнительных трудов.

Как водится, откроет с середины,
Начнёт читать, но больше между строк,
И, посчитав труды мои пустыми,
Вернёт на полку смятый корешок.

Я не обижусь. Я ведь буду выше.
Нет, не его, а всех земных забот.
Но станет день, однажды я услышу,
Как гордый стих читает мой народ.

Я улыбнусь, скрещу над вами руки
И погружусь в небесный свой покой
До той поры, пока и ваши внуки
Не зададутся истиной простой.

Кто мы? Зачем? В чём русское начало?
В чём смысл русских праведных идей?
Кто нам пророк? И почему их мало
В раздолье русских северных полей?

И вот тогда... в часы душевной боли
Возьмите с полки смятый корешок,
Где под обложкой с надписью: «Стеволин»
Я вам оставляю россыпь светлых строк

О том, кто мы... и что с Россией стало?
В чём тайна наших мимолётных дней?
И отчего строка моя звучала
Во благо русских праведных людей?!

* * *

Как мне не хочется... Не хочется стареть.
Да и другим таким же миллионам,
Кто видел, как зари лучистый свет
В долину дня спускается по склонам,

Как день, пройдя, садится в тишине
Вечерних дум у рожицы опавшей,
И вслед за ним на маленькой земле
Всё незаметно делается старше.

Ах, это всё! Как много в нём тепла,
Тоски немой и тайны человечей.
Ведь мать моя здесь юною была,
Здесь молодость отцу казалась вечной.

Изгиб реки. Село. Чуть с краю дом.
У деревянной с обручем калитки
Теперь о них, как и о всём былом,
Склоняет вишня голову в молитве.

Ты, вечер, ты... Чего так молчалив?
Что мне сокрыто в этой дивной тайне?
Где лунный свет вдоль облака разлит,
Быть может, там, за звёздным полем дальним,

Вот точно так стоит моё село,
От церкви мать идёт вдоль тихой речки.
Я полпути за ней уже прошёл,
Но мне ещё так верится, что вечно

Я буду жить, смотреть, как от костра
Вечерних зорь разносит ветер пепел,
И неба краешек до самого утра
Над нашим домом остаётся светел!

* * *

Стояла ночь. Печаль закутав в плед,
Стояла ты, смотря за окна в темень,
И думала под слабый лунный свет,
Что этот год, как прежние, разменен.

Шёл тихо дождь... И жизнь тихонько шла.
Дождь до утра, а жизнь куда-то дальше.
Нет, ты ещё замужней не была,
Но вот уж тех, кто нравится, ты старше.

Молчала ночь. И ты молчала с ней.
И в сотни окон — схожие раздумья.
Кто выдумал весь этот ход вещей?
Какой колдун, а, может быть, колдунья?

В глуши лесной, за топиями озёр,
В сплетенье рек, в тиши уединенья
Какой всеильный вечный фантазёр
Гадает нам душевные сомненья?

Спадала боль. Закутавшись в рассвет,
Спадала ночь, зари ссыпая пепел
Тебе под окна. Нет, и всё же нет
Того, кто бы на это всё ответил.

* * *

Ты для меня — красивая от Бога!
Пусть к чувствам стал намного больше строг,
Но в моём сердце прежняя тревога,
Как будто вновь любви приходит срок.

Любви земной. Обычной. Мне словами
Её не высказать. Но лишь к тебе одной
Храню я то, что с долгими годами
Не отгорит вечернею зарёй.

И где-то там, у зимнего порога,
Весёлый шум молоденьких берёз
Напомнит, что красивою от Бога
Мне знать тебя на свете привелось.

* * *

Уже не тридцать, но ещё не сорок.
Смотрю легко за очертанья дней.
И те края, где я не буду молод,
Всё ж не пугают близостью своей.

Я побыл здесь счастливым и несчастным.
Высоких дум не рослый человек.
И потому вы, ивушки, напрасно
По мне глядите грустно в сини рек.

Что будет там? Ах, эти мысли, мысли
Во мне немало выпили чернил!
Но всех познаний узкие границы
Ведут не дальше дедовских могил.

В ладонях ветра мнущиеся травы,
Раскинутый по небу жёлтый стог —
Ах, как же были всё-таки не правы
Кто допустил нас к этому на срок.

К чему скрывать: я тоже, тоже, тоже,
Наступит день, познаю высоту,
Где горизонт под смятою рогожей
От двух начал ведёт одну черту.

Что будет там? Наверно, буду молод.
Ведь старых нет в божественном краю.
Но всё же я подольше бы за сорок
Остался с вами в суетном раю.

Геннадий Максимович Ёмкин родился 8 февраля 1961 года в г. Арзамас-75 (ныне Саров). Окончил Лукояновское педагогическое училище, а позже — Арзамасский педагогический институт. За время трудовой деятельности сменил несколько специальностей: педагог в школе, лаборант, техник, инженер, оператор котельной, таксист, плиточник. Был частным предпринимателем.

Автор пяти сборников стихов, автор публикаций в региональных и центральных изданиях.

Победитель XXVIII Международного литературного конкурса имени Андрея Платонова «Умное сердце». Лауреат премии имени М.Ю. Лермонтова.

Член Союза писателей России.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ХОРОШИЕ МОИ!

* * *

*Два холода в мае у нас.
К одному из них черёмуха зацветает.
А соловьи-то, соловьи в эту пору...*

Где в шиповниках птицы хлопчут
И черёмухой пахнет сильней,
Ближе к вечеру, к сумеркам, к ночи
Как ударит внахлёт соловей!
Вот —
Прошёлся лешачею дудкой,
Обождал.
Видно, склюнул росы.
Распушив оперенье на грудке,
Вполудара проверил басы.
Шейку выгнул —
Прошёл отголочкой.
Остальным и не сват, и не брат.
После каждой серебряной точки
То юленье, то дробь, то раскат!

Ох...
Стозвонкий какой соловьище!
Там, где гуще шиповник и злей,
Уж так свищет!
Так свищет, так свищет —
Знать, отчасти разбойных кровей!
Так поёт!
Что заслушался месяц,
Что волна за волной не бежит,
Что вздыхают черёмухи, свесясь,
И звезда на воде не дрожит!

Да, такие стозвонкие редки
Что в садах, что в овражной глуши.
Остальные ему для подпевки,

Остальные — не так хороши.
 Вот опять —
 То вздохнёт, то забредит,
 То засвищет, как свищут ножи.
 Соловьиха,
 Наверно, ответит...
 Ты такому поди, откажи!..

Утром новость сорочия быстро
 Полетит по окрестным лесам:
 — Наш-то, наш!
 То вздохнёт серебристо,
 То по самым пройдётся низам!
 Уж так ночью вздыхал серебристо!
 Чем такой неугоден да плох?
 То пройдётся разбойничьим свистом,
 То алмазный рассыплет горох!

А по чести ему и достанется
 За стозвонкий гремучий распев.

Из красавиц такая красавица —
 Королевна из всех королев!
 Да,
 Сороки уж новостью верной
 Поделиться скорей норовят:
 — Наш-то, наш!
 Со своей королевной
 Всё про гнёздышко, про соловьят...

Пой, стозвонкий!
 Сорочья услуга
 Пусть соперников дразнит ужю —
 Что под крылышком милого друга
 Соловьихе уж так хорошо!

Схолодало...
 Ништо... распогодится...
 Вот — черёмухи цвет обметут,
 Соловьята у милых народятся —
 Враз шиповники все зацветут!

* * *

Печально смотрит родина моя...
 И мне не надо знать истоков боли,
 Чтобы любить вот эти тополя,
 Чтобы любить заснеженное поле.

Пусть деревень далёкие огни
 Мне вечной тайны зимней не откроют,
 Но пусть горят, полночные, они
 Глухою снежной русской порою!

И пусть душа на радостную весть
 Всегда ответит искренне и просто.
 И пусть мерцают звёзды над погостом,
 И будет вечной святость этих мест.

* * *

О, виды русские ночные
 Укрытых снегом деревень!
 Дымы высокие печные.
 И небо всклень, и звёзды взвень!

Ничто души вот так не тронет,
Как этот вид, как этот лад.
И месяц в облако утонет,
Как в печку русскую ухват.

Там в звёздах-угольях пошарит,
Как тот ухват.
Да зазвенит,
Да чугунок достанет с жару,
А в нём картошечка парит!..

О, счастье русское!..
Эпоха!
Ты счастье русское не тронь!
Когда с ладони на ладонь
И скачет, и парит картоха!

Обшелушу мундирчик ей..
Макну заместо соли в звёзды..
Ещё бы в подполе груздей
Достать,
Да ладно,
Нынче поздно...

Замкну плотнее на ночь дверь,
Да в печь полешечков подброшу,
И стану думать о хорошем...
О чём же думать мне теперь...

Когда январь!
И небо всклень!
И звёзды взвень!
И месяц пляшет!
О, виды русских деревень!
Покой небесный и домашний...

ЯБЛОНЕВЫЙ САД

Старый сад сегодня тих и болен,
Доверяет мысли мне о том,
Что с высоких льётся колоколен
Весть о светлом, тайном, неземном.
Где-то птица крикнула лесная,
И тревожно стало на душе
Оттого, что осень расписная,
Может быть, последняя уже...
Видел я, что сад ночами плачет
И по небу ветками скребёт.

Только это, милые, не значит,
Что к нему цветенье не придёт.
Потому, любимые, живите
Так, чтоб я за вас всегда был рад,
А весной в гости приходите
В этот старый яблоневый сад.
Приходите в мае. Свет небесный
Хлынет вдруг. И грянут соловьи —
Это я вас встречу бестелесный:
— Здравствуйте, хорошие мои!

* * *

Дай мне, Господи, Слово
Всех времён и сторон,
Что ложится в основу,
Словно в колокол звон.

Сокровенным помилуй
Из Небесной Горсти —
Дай мне, Господи, силу —
В Слове силу нести.

Чтобы, слыша то Слово,
Зашептались века:
— Слышишь,
брат, из какого
Донеслось далека...

БРОНЗОВЫЙ ЖУК

Вот и в наши края добралось
Травяное славянское лето.
Все леса и озёра насквозь
Нисходящим пронизаны светом.

Смолянистый, душистый, густой
Дух летает на каждой поляне.
Жук из бронзы гудит надо мной:
— Тут молились и пели славяне!

Древний житель из прошлого дня,
К смене лиц и наречий привычный!
Ты запомни теперь и меня,
И ладони в соку земляничном.

Может быть, через тысячу лет,
Прилетая на детские крики,
Прогудишь: — Тут когда-то поэт
Перепачкался весь в землянике!

Будешь древнею бронзой гореть.
Будут травы дышать чудесами.
Будут дети на это смотреть
Голубыми моими глазами.

ТЁТЬ АГАША

Светлане Супруновой

Тёть Агаша была глуховата.
Не наследное стало виной.
Тёть Агашу, сестру медсанбата,
Так ушибло Второй мировой!

Только в чём и осталась живое?
Подчистую списали — не тронь!
Вот и ходит, трясёт головою,
Да, корабликом, к уху ладонь.

Деток не было. Та же кручина —
Холод, слякоть, окопная грязь.
И ушёл Тёть Агашин мужчина
От её постоянного: — Ась?

Вот и думай-гадай: не война бы,
Может быть, по-другому жила...
Тёть Агаша — не «абы да кабы» —
Двоюродною бабкой была.

По субботам я ей растопляю
Печку-прачку, хотя и малец.
Из колонки воды натаскаю
За ватрушки и за леденец.

И пекла она — необычайно!
А ещё — угощала халвой!
Сядет.
Смо-отрит...
Но как-то печально...
— Кушай досыта! Кушай, Милой!

.....

Девять дней над могилкой мело...
На поминки родня собралась.
Мне послышалось что ли?
— Милой!
И её виноватое:
— Ась?

Огляжусь и с надеждой считаю,
Палец к пальцу сжимая в кулак:
— Я! Дядь Саша! Баб Ньюра! Тётъ Тая...
А последний не гнётся никак.

ПАСХА

Ах, как колокольни пели — плакали,
И качался колокол небес,
Оттого что под святыми знаками
Мне сказали: Боженька воскрес!

Я, одетый к празднику «прилично»,
Как бабуся любит говорить,
Красное красивое яичко
Отправляюсь Боженьке дарить.

Он возьмёт красивое яичко,
Улыбнётся, малого обняв,
И, как мама делает обычно,
Поцелует в маковку меня.

Я приду домой и милой маме
Расскажу: — Яичко я отдал!
А меня тот Боженька во храме
Словно ты, скажу, поцеловал!

Я запомнил, всё тогда лучилось!
Звонко птица пела: «Динь-ди-лень!»
Чтобы дальше в жизни ни случилось,
Буду помнить синий-синий день,

То, как колокольни пели — плакали,
И качали колокол небес!
От того, что под святыми знаками
Боженька воистину воскрес!

* * *

Как прожить без боли, я не знаю.
Сердце я не пробовал беречь...
Вот — ступает Родина по краю.
Вот — родная пропадает речь.

Журавли опять же...
Или в мае —
Робкие, из первых, соловьи...
Или та, как рана ножевая,
Память о потерянной любви.

Слава Богу! Верного не знаю
Из рецептов — сердце убережь.
«На живую» нитками латаю,
А оно даёт за течью течь...

МУЖИК

Когда набатный колокол гудел,
Тогда, крестясь на хаты и иконы,
Он брал топор.
Раскачивались троны,
Когда мужик вставал за свой удел!

Гудела Русь.
За правду шёл народ.
И поднимались красные туманы,
Когда гуляли степью атаманы
И подпирали дымом небосвод.

— Крещённые!
Имайте — приказной!
Везёт указ опричь мужицкой воли! —
И покати́лась шапочка соболья
С кудрявой приказного головой.

И дым, и лязг, и ржание коней!
По хатам вой и плач, и шёпот бабий.
Сошлись правды.
Царская — сильней,
Мужицкая — правее и кровавей...

О том набатный колокол гудел,
Когда, рванув исподнюю рубаху,
Мужик за правду восходил на плаху,
За волю, за землю, за удел.

И, кланяясь последний раз кресту,
Калеченный уже, кричал народу:
— Мужик — Рассеи царь и воевода! —
И ближе был, чем оные, Христу.

СЛУЧАЙ НА ПЕРЕГОНЕ

Горит у каждой станции фонарь.
А где-то — между, поезд мой грохочет.
И темнота. И словно кто хохочет,
Качая вьюгу, поезд и фонарь.

Как будто всё скопившееся зло
Обрушилось на поезд. Даже друга
Не слышно. И куда нас занесло,
Что впереди и сзади только вьюга?

Сквозь тамбуры угрюмый и зловещий
Зашёл сквозняк, открыв за дверью дверь.
И веет тем, что никогда теперь
Не будет больше станции конечной...

Напрасно в ночь сигналият машинисты:
Нет ни огня.
И мглою скрыт разъезд.
Исчезло всё — и небеса, и смыслы,
Исчезли все.
И поезд наш исчез.

Лишь где-то там — за тридевять земель —
Динамик всем объявит безучастно:
— На перегоне сильная метель!
Не ждите больше, граждане, напрасно!

Но поезд мчит.
А как ему не мчать?!
В стальной груди живые, верю, кони!
А значит, мы уходим от погони
И сможем всех родных своих обнять!

Вон там — блеснуло!
Я к окну приник.
Огонь! Огонь!
Он так неподражаем!
...Трясёт плечо пройдоха проводник:
— Давай вставай! К конечной подъезжаем.

— Ах, милый мой!
За все твои грехи —
Некрепкий чай и прочие услуги,
Я напишу такие, брат, стихи,
Что никогда не будет больше вьюги!

Сойду.
Морозным воздухом дыша,
Хрипит динамик, кашляя, качаясь:
— Ошибка ночью вдруг произошла.
Прошу прощенья, граждане!
Встречайтесь!

Пусть вам не знать;
Зверела и крутила
Шальная сила.
Близок был откос.
Но есть над ней ещё сильнее сила!
И поезд всех до станции довёз!

ЗВЕЗДА

Милые!
Мне рассказать охота
О саровских наших чудесах —
Свет закатный тёмной позолотой
В синих затеряется лесах,
Высоко на бархатно-глубоком,
Первыми лучами не остра,
Чуть дрожа, прекрасна, одинока
Дивная рождается звезда,
Тихая свидетельница чуда —
Проведеньем Божиим храним,
Свой пустынный подвиг многотрудный
Совершает старец Серафим...

Свет закатный...
К пустыньке дорогу
Боровые сосны сторожат.
А на стрелке Сатис и Саровка
Затянули в омуты закат.
Птица крикнет в пойме заполошно.
Птица крикнет
И опять уснёт.
Тишина густая...
Тронуть можно...
Лишь к вечерней колокол зовёт.

Тихо так...
Торжественно-печально
Над уснувшей Родиной моей.
И звезды высокое молчанье
Сердцем понимаю я полней —
Ничего рассказывать не надо!
Просто слушай!
Слушай и молчи!
Слушай, там, на пустыньке на дальней,
Снова кто-то молится в ночи.

Охлади сердечный пыл и ропот.
Верь душе! Ей дан особый слух —
В шуме листьев тихий слышать шёпот:
«Милые, стяжите мирен дух!»
Верь душе! Она — всему основа.
Пусть душа ведёт тебя всегда!

И опять сгорает над Саровым
Свет закатный,
И встаёт звезда.

Небывалый какой листопад, —
Скоро рощи совсем обнажатся.
Ветер дунет, — и листья летят.
Ветер стихнет, — и листья кружатся.
Знаешь, ветер! Я тоже, как ты,
Разметал всё, что было, на листья.
А теперь вот стою у черты,
За которой неясно и мглисто.
Но давай в этот день золотой
Всех обманем — печалиться нечем!
Это позже ты, резкий и злой,
Надо мною подуешь на свечи.
А пока ты шуршишь без конца
В этих листьях и носишь их мимо
Палисадника, окон, лица...
Притворимся, что всё поправимо!

Константин Лунёв

Константин Анатольевич Лунёв родился 4 января 1965 года в Москве («в просторной мастерской роддома»). Детство и юность провёл в посёлке Заветы Ильича Пушкинского района Московской области. В настоящее время проживает в Одинцове.

В 1992 году закончил филологический факультет Коломенского пединститута, преподавал в родном вузе.

Стихи начал писать с 14 лет. Автор трёх поэтических сборников, печатался в различных периодических изданиях и альманахах. Участник ЛИТО «Резонанс» (г. Одинцово).

РЕДКИЕ РАДОСТИ

* * *

Я связал свои редкие радости
с расписанием электричек —
это когда одиноко
в продрогшем вагоне
и поезд мчит тебя не на Колыму,
а всего лишь в Коломну —
в дальнюю ссылку
Московского порубежья.

ПАСХА 1989 ГОДА

Эта ночь никогда не забудется.
Воздух ладаном тёплым пропах.
Помолись о нас, Матерь-Заступница,
Помяните нас в Небесах.
В этой жизни таинственной, горестной,
Где дорога привольная в ад,
Не оставь нас Прощением, Господи,
Виноградарь, храни виноград.

Даже если увидеть осталось нам
 Скорбь, разлуку и горечь потерь,
 Не лиши нас приюта и жалости,
 Отвори Покаяния дверь.
 И когда путь-дорогой тернистою
 Мы, смиряясь, безмолвно пойдём, —
 Ты пошли нам кого-нибудь близкого,
 Чтобы он проводил в Отчий дом.

* * *

Ирине Языковой

Самое важное на свете —
 Любовь, присевшая у колодца.
 Самое чистое небо
 Сияет над горизонтом.
 Если бы взять у камня
 Его огневую природу,
 То кто бы смог объяснить нам,
 Что такое любовь?
 Когда нет надежды на чудо —
 Чудо преображает,
 А душа остаётся птицей,
 Летящей навстречу Любви.

МЕДЖУГОРЬЕ¹

Любовь тиха, и кроткий это знает.
 Нескромных шоу избегает глаз.
 Любовь свята, и если умирает,
 То это в первый и в последний раз.
 Не отделий любимой моей Мати
 За стёклами безумных городов
 От поцелуев, нежности, объятий
 И от всего того, что сам готов
 Нести другому, в сердце робко пряча
 Всю искренность болезненной судьбы,
 Задумчивость любви и горечь плача,
 Все радости, печали, все мольбы...
 О, сердце, любящее бесконечно!
 Расширь границы своего Креста!
 Что временным казалось, станет вечным,
 И из-за туч проглянет Красота.

¹ Меджугорье — местечко в Герцеговине, где на протяжении вот уже сорока лет является Божья Матерь.

Мы все идём к Небесному Пределу.
Так нелегко разлуку пережить.
Скрывая за молитвой неумелой
Посланье радости, обетованье — быть.
И в строгости, сияющей у трона,
В Её глазах — напутствие святым:
Вы — дети малые Великого Закона,
И каждый — Вышней Волею храним!

* * *

*Россия, моя Россия,
Зачем так ярко горюшь?*

Марина Цветаева

*В России святого можно встретить
чаще, чем порядочного человека.*

Николай Лесков

Пропадать мне в России,
Мне в ней век горевать.
Ослепительно синей
И кровавой, как тать.
Белым цветом цветёт
Альча за забором.
Ветер скверну метёт.
Пахнет гладом и мором.
Все мы бражники тут, —
Вальсингамова эра...
Начинается суд,
Проверяется вера.
Жизнь в стихи перелить
Можно? — Может быть, можно.

Размножается снись
Даже в яме острожной.
Сублимация чувств...
Плоти пляска кривая...
Но терновый тот куст
Всё горит, не сгорая.
Я когда-то умру.
Над страной пролетаю,
Прошепчу, проору:
— Русь, исполнись, святая!
Пусть юродство твоё
Долгих зим, поздних вёсен
Порастёт, как былё,
Между пашен и сосен.

* * *

Когда сомнительное жало
Терзает сердце, метит ум,
К Кому бы ты ещё взывала,
Душа, уставшая от дум
Гадательных?..

DISPERATO²

С. Кьеркегору

Когда гордыня обуяла,
Тогда и в «малых сих» погашен свет.
Тогда извечного скандала
Уже взошло глухое «нет».
А чем же лирика и звёзды виноваты?
Чем объяснить пугающий раскат
Тоски, всей тяжестью заката
Обрушенной на Гефсиманский сад?..
Как жжёт удар пилатьей плети,
Горит на плоскогорье лба, —
В какое ни войди столетье,
Сияет беглого раба
Улыбка. Ни потоп, ни ветер
Не шелохнут твердыни сна...
Как сладко сирая весна
Свои поляны чёрным метит.
Но слёзы разобьют гранит,
И мглу, и смерть, и скорбь, и муку.
Какая выпала разлука!
Какая Встреча предстоит!

152

МАСЛИНА

С. А.

*А я, как зеленеющая маслина
в доме Божиим...*

Пс. 51,10.

Ты растёшь, поднимаясь по склонам
Вечереющей тихой звезды
Каждой веточкой вечнозелёной
Невозможной твоей красоты.
Если б знала ты, чья ты, маслина,
Что отнять у тебя не дано;
И корней твоих тяжесть и силу,
И плодов полное дно.
Их могучая нежность обильней
В пору зрелости и невзгод.

Ты прости меня, Боже Всесильный,
За постыдный мой недород.
Я к Тебе припадать не умею,
Я ещё так несмело цвету.
Ты дождём, как священным елеем,
Ороси и отмой черноту.
Боже, Боже! Трава так багряна
От заката, зажжённого склон...
Ты идёшь одиноко и прямо
На возлюбленный свой Елеон.

² Отчаянно — муз. термин.

Евгений Захарченко

Евгений Владимирович Захарченко родился в г. Курске в 1960 году. В соловьином, песенном крае прошли его детство и ранняя юность. Окончил военный инженерный вуз в Ленинграде. Ветеран военной службы.

Член Союза писателей России. Печатался в российской и местной периодике. Автор трех поэтических сборников. Победитель, лауреат и дипломант литературных конкурсов, в том числе всероссийских. Удостоин дипломов: «За литературное мастерство» от Литературной газеты и Академии поэзии; «За вклад в литературу России», «За верность отечественной литературе» МГО СПР и др. В 2019 году его стихи включены в «Антологию русской поэзии».

Награжден многими общественными и литературными медалями.

СТИХАМИ ШЕПЧЕТСЯ ВОЛНА

ПЕХОТА

Пехота, русская пехота!..
Бредём ухабами войны...
Мозоли, раны, кровь и рвота —
Что за «награды» нам даны!..

Не удивляемся распутью
Родных просёлочных дорог,
И мы дойдём до жуткой сути,
Когда настанет смертный срок.

Но с нами Бог, и с нами Сталин,
И смерть, летящая в глаза,
И скорбь дымящихся развалин,
И шляхом сбитая кирза.

И мы, отбросив тонны смысла,
Шагаем снова в эту хлябь,
Нас ждут бои и Буг, и Висла,
И Шпрее пепельная рябь.

Всё будет: взрывы и потери,
Земля, объятая огнём.
И бой, в который мы, зверея,
Хлебнув «наркомовских», пойдём.

...Пехота, русская пехота!..
Преодолев и кровь, и страх,
Мы сделаем свою работу,
Не думая об орденах.

МОРПЕХ

*Полковнику В. Коновалову
и его соратникам*

Морпех идёт сквозь смерч огня,
За кров и Родину в ответе;
Бушлат, как чёрная броня,
Тельняшку жжёт солёный ветер.

Корабль в ночи замедлил ход
И затаился, словно призрак.
Опасен враг и страшен дот,
Но ты на бой Судьбою избран.

Глаза слепят прожектора,
Десант залёг плашмя на камень;

Но час настал врага карать
И смерть ему нести штыками.

Его мы выбьем с рубежа
И не откатимся обратно.
Живут в нас русская душа
И наших предков подвиг ратный!

Морпех прошёл сквозь смерч огня,
За кров и Родину в ответе.
...Бушлат, как чёрная броня,
И душу жжёт победный ветер.

КРЫМСКАЯ ВЕСНА

Отчизна жива Херсонесской купелью,
И тянутся тропы античного Крыма
Бессмертным напевом, священной капелью —
К потомкам великого Третьего Рима.

Корнилов, Нахимов, Тотлебен и Кошка,
И тысячи павших безвестных героев...
Стоят бастионы под страшной бомбёжкой,
И дымом окутана Русская Троя.

И снова Россия грохочет набатом:
Герой-Севастополь пожаром охвачен,
Матросы бесстрашные в чёрных бушлатах
Забрызганы вражеской кровью горячей.

Никто не отнимет немеркнувшей славы...
...Но Киев окован нацистской коростой.
И пробуют снова на прочность Державу,
Чтоб сдвинуть Россию с морского форпоста.

Но ливнем бушующим, крымской весной
Смывается напрочь убогая нечисть,
И Крым побратался с родною страной,
И Крейсером стал у границы навечно.

И вот уже Мост фантастической птицей
Раскрыл над проливом орлиные крылья!
И Время листает седые страницы,
И смотрит, как сказка становится былью!

ПОСЛЕДНЯЯ ПОБЫВКА

В ситцевом платье, овеянном ветром,
Через пшеничное знойное поле —
Мать пробивается утром рассветным,
Сердце трепещет от радостной боли.

Счастье пришло: необычно, неожиданно,
Лик озарился сияющим взглядом.
Вот он, сыночек, — родимый, желанный,
Вот он, кровинушка, с матерью рядом!

С орденом ярким, со взрослой душою
Сын — в гимнастёрке, пропахшей боями,
Горькою пылью, военной судьбою,
На руки мать подхватил над хлебами.

Встретились взглядом — и надо прощаться!..
Сельский просёлок, мгновенная встреча...
В памяти всплыло цветенье акаций,
Первое слово мальчишеской речи...

Вот уж водитель торопит в дорогу!..
...Матери машет боец из машины.
Вот уже слышится вечное: «Трогай!»
И отдалённое: «Жди из Берлина!..»

ДУЭЛЬ

Михаилу Лермонтову

Жестокою тропой вела его дорога
В бушующий Кавказ на вызов роковой...
И вот они стоят у горного отрога
На грани вечера, наполненной бедой.

Ирония его — на грани безрассудства;
Насмешка едкая ударила, как хлыст,
И каплею свинца униженное чувство,
Не зная жалости, пронзит и жизнь, и смысл.

И в клочья облака разорваны над ними,
Закат над Машуком тревожен и багров,
И эхо отдалось повторами глухими,
И глянула гора на хлынувшую кровь.

Судьба всегда разит с немислимою силой.
Губительница-Смерть ударила сплеча.
И *солнце русское* навеки закатилось,
И горе разлилось, как тёмная парча...

...Потоком грозовым столетья пролетели,
И дым пороховой развеялся вдали.
И что мне в том краю? И что мне в той дуэли?
Но вспомнится о них — и сердце заболит...

В САДУ

Роману Славацкому

Вселенная — мерцающее пламя —
Глядит в сердца сквозь кроны облаков,
Парят созвездья сочными кистями,
И вечный мир пленителен и нов.

Но как вместить в предельности сердечной
Загадочную эту бесконечность?

Струится время звёздным водопадом
В притихший сад чрез кружево ветвей...
И огненных комет косые взгляды
Кострами промелькнут в душе моей!

И вот непостижимое блаженство:
Сложить весь мир в корзину звонких строк
И выразить восторг единым жестом
Пред Тайною, что нам дарует Бог!

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Солёный привкус на губах;
Над морем спит вечерний Питер...
И солнце прячется в ветвах,
Чтобы к утру на выси выйти.

И разведённые мосты
Зарю встречают над Невою.
И снова рядом — только ты,
И нас под небом — только двое.

Играет ветер в волосах...
Колонны — словно мачты сосен...
Ищу себя в твоих глазах,
Листвой багряно смотрит осень.

Огромным жемчугом Луна
Зажгла маяк над кораблями...
Стихами шепчется волна,
В устах удваивая пламя.

ДОБРОТА

Чем спасаемся мы? Добротой,
Заключённой в незримых страницах
В Книге Жизни с такой простотой,
Что ни с чем на Земле не сравнится.

Милосердие вяжет мосты
Над бездонною пропастью мрака;
И вдали проступают черты
Озаренья загадочным знаком.

И светлеет в ослепшей душе,
И сметён искушающий демон;
И стоишь на нетленной меже,
Разделяющей правду и темень.

Доброта нас ведёт в небеса!
И, раскинув незримые крылья,
Мы заглянем в Христовы глаза
И останемся в будущем — былью.

«ПОЕХАЛИ!»

Космонавтам

Ночь расправила звёздные плечи,
Замерцала огнями галактик.
Вечность ждёт с человечеством встречи
На открытом космическом тракте.

Час настанет — и звонким рассветом
Среди грома, сверканья и гари
Устремится навстречу планетам
Наш герой, наш посланец — Гагарин!

В это светлое утро апреля,
В этой дымке, прозрачной и зыбкой,
Вдохновлённый высокою целью,
Мир согреется нашей улыбкой.

...На орбитах космических будней
Много новых героев, поверьте.
И открытий, и подвигов будет,
Но бессмертный Гагарин был — первым!

ЗАРУБЕЖЬЕ

Памяти Александра Алёхина

Былой России снег
Пути и судьбы числит...
О, чуждый горький брег! —
Влачится жизнь без смысла.

Хрустящий белый снег
Припомнится неволью,
И время гонит век
Студёной колкой болью.

Ложится бранный снег
Лебяжьем белым пухом...
И видится во сне
Моя Отчизна Духа.

Застынет в сердце снег,
И не найти покоя.
А рядом — кружит Смерть
За шахматной доскою.

НОВАЯ КНИГА ПОЭТА

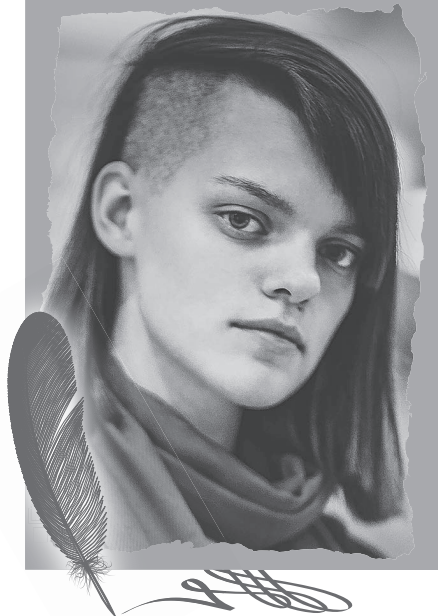

Издательство «У Никитских ворот» города Москвы выпустило в свет книгу: «ВЕРА, СЛОВО И ПОЭТ» в серии «101 поэт XXI века» со стихами коломенского поэта Евгения Захарченко.

Поэзия автора мужественна и патриотична. Здесь и героика сражений, и романтика морских походов. В его стихах воспевается духовное величие Родины, опирающееся на фундамент тысячелетней культуры. Не чужда его творчеству философская, пейзажная и любовная лирика. В стихах пульсирует нерв боли о безвременно ушедших друзьях, павших защитниках Отечества. Тонкая

пейзажная лирика не ограничивается лишь описанием — в ней всегда присутствует размышление о жизни, стремление передать гармонию бытия окружающего нас мира. Поэт воспевает женщину земли русской, хранительницу очага и семейного счастья. В его поэзии ощущаются мощные духовные корни, живёт та идея, которая составляет душу России.

Книга вносит в литературное многоголосие столь необходимую сегодня ноту мужественности и романтизма.

Марта Сергеевна Ломако родилась в Москве в 1999 году, но детские годы провела в Воскресенске. Сегодня живёт в Коломне.

Пишет стихи и прозу с семи лет. Её произведения печатались в различных литературных сборниках. Лауреат премии губернатора Московской области «Наше Подмосковье» по итогам 2017 года. В настоящее время учится на четвёртом курсе филфака Московского социально-гуманитарного университета (ГСГУ).

Постоянный автор «Коломенского альманаха»; пишет в стиле неосимволизма. В серии «Коломенский книгочей» опубликована её книга стихов «Дневник чудака».

ГАМАЮН

ДАЛЁКОМУ КРЫМУ

Кто из камня вытесал Эдем,
Кто ушёл, неузнанный, затем —
Ты знаешь сам.

И глядит Таврида-белоцвет
В край морской, на скаловый браслет
И в небеса.

Камню моря дань принесена,
А взамен бессменная весна
Пьянит зрачки.

Но молчит цветущий исполин,
Какова цена его земли,
Всегда молчит.

Мрамор знает след зелёных слёз;
Кровью изумрудной в прядь волос
Вплелась печаль:

Сколько билось в том краю племён,
Где красую каждый был пленён
Его начал...

И молчат базилики столбы,
И молчат зелёные горбы,
Впитавши боль.

Вновь зовёт таврическая степь
Всех своих возлюбленных и тех,
Кто вступит в бой.

ГЕНУЭЗСКАЯ КРЕПОСТЬ

Ветер на берег приносит ласку;
Как домино, городок распластан.
Вьются огнями на диких склонах
Дамы-плясуньи и ветрогоны.

Скоро чуть пьяно уйдут по парам —
Жажда к утру обратится паром.
Я выбираю свою котомку;
Молча на крепость гляжу в потёмках.

Жёлтых закатов густые краски
Мне не напомнят о южных плясках;
Пьяной не ведают теплоты
Крепости вздыбленные хребты.

...Я не сваяю ей каменный дивный эпос —
Я не настолько, как скалы, велик и мудр;
Только и сам я, быть может, такая крепость,
Внутри которой нет доступа никому.

«ДОРА»

Бога мечется забытое дитя:
Землю рвут четыре танка колесом;
Эта женщина шагает по путям,
Кровь кипящей оставляя полосой...

Дева-птица пала с неба на дорогу;
Птичье горло сжато вражеской рукой...
Эта женщина, что послана не Богом,
Тянет скрежетом мотив заупокой...

Где-то
вещая,
страдая
от потерь,
Гамаюн забилась, боль в себе храня...

Эта женщина рождает
не детей,
А кричащую химеру из огня.

Не спасёт своим ковчегом призрак Ноя —
Небеса сокрыл снарядовый обвал.
И за что моё живое и родное
Судный день в петле железной раскачал?

Не потухла лишь свеча
у аналоя.

...Пепел танков скорбным ветром разметало;
Вместо города — развалины в огне;
То, что выжжено утробой из металла,
Севастополю является во сне.

СОФИЯ

*Я родилась, когда ещё не существова-
ли бездны, когда ещё не было источников,
обильных водою. Я родилась прежде, неже-
ли были водружены горы, прежде холмов,
когда ещё Он не сотворил ни земли, ни по-
лей, ни начальных пылинок вселенной.*

Притчи Соломоновы, 8, 24-26

Знаешь, я видел, как ты родилась под солнцем,
Как опустилась на травы у крымских гор;
Помню, как позже прозвали тебя Ассолью
Те, кто мечтал повзрослевшим наперекор.

Помню немецкий вагон, незнакомый адрес,
Тёплые руки, измазанные в углях...
Где же теперь твой весёлый надёжный парус?
И выживают ли сказки в концлагерях?

Ты была всюду, и каждый тебя запомнил;
В каменоломнях не всякий остался цел;
Сколько воды — во спасение — в катакомбы
Ты приносила оттуда, где ждал расстрел?

Только никто не посмел навести прицел.

Помнил тебя Севастополь в иные годы;
К мёртвым ногам восковая текла слеза;
Те, кто остался, из рук твоих пили воду,
И не один на войне про тебя сказал:

«Где-то я видел однажды вон те глаза»...

Феникс не ведает, сколько веков минуло —
Просто, являясь, исполнит земной обет.
Знаю, София, что снова умрёшь под пулей,
Знаю, что снова родишься на этот свет.

НЕ РАССКАЗЫВАЙ

Не рассказывай городу
Думы ночей,
Не сплетай для него молодые слова:

Говорящие головы
Скажут, зачем
Тебе руки и ноги, душа, голова.

Не расти в себе жажду
Найти оберег
В виде книги, что истину явит для нас,

Потому что однажды
Такой человек
За бутылку (без джина) находку отдаст.

Не гони своё племя:
Сквозь тернии лет
Будет кто-то из них — постоянный твой гость.

Только знай, что в последний
Твой час на Земле
Ключ заветный найдёшь у себя самого.

В ДРЕВНЕЙ ЧАЩЕ ЛЕСНОЙ...

В древней чаще лесной, большинству из людей незнакомой,
Ветерком-куролесом за сотни стремительных лет
Разбросало под дубом раскидистым домики гномов.
Каждый зверь осторожно ступает по этой земле.

С утра до заката работа в их сёлах вскипает:
Всей гурьбой они ищут орехи, растят огород
И бокалы росы выпивают за маму и папу —
Этот тост, как молитва, из рода кочует в род.

А на праздник домишки листвою украсят богато,
Созовут на него и животных, и сказочный люд.
Если встретишься с ними, они тебя примут, как брата,
В желудёвые шляпки наваристый суп разольют.

В круглых окнах под вечер возня светлячков беспокойных
Разрешится прогулкой — гирляндой ручных фонарей.
Гномы вместе выходят на старые тропы из комнат,
Чтобы новое чудо на них отыскать поскорей.

Чудеса те не больше иголки. Цветными пучками,
Будто травы, хранятся в кладовках у гномов они,
И большая семья, собираясь на кухне, пускает
Тёплый чай травяной по сосудам в осенние дни.

Я — лесной великан. Я больной. За полгода едва ли
Я хоть раз покидал свою хату — камней колыбель.
И из вечера в вечер мне гномы приносят отвары,
Чтоб я вспомнил вкус жизни и не замыкался в себе.

ДОЛЖНИК

От квадрата к квадрату по серенькой плитке
Покатилась фигура Шалтая-Болтая,
Перетянута галстуком посерединке,
С каждым часом бледнея, старея и тая...

Он когда-то был прытким, румяным, влюблённым,
И не круглым совсем, а обычным мальчишкой.
На десятки вопросов, подобно учёным,
Он по сотне ответов выискивал в книжках.

Быть бы шаром ему, да воздушным, над крышей,
Только цепь из долгов неминуемо тащит:
Научиться стрельбе по неправым и лишним,
Лить елей на бумагу для вышестоящих,

Производство людей непременно продолжить,
Если надо — растечься яйцом по асфальту,
Если надо, то слово короткое — «должен» —
Нацарапать над небом, испугом объятым...

Через год он наденет солдатские берцы,
Скорлупою покроются тело и сердце.

И закончатся сказки бесследно и быстро:
Он привит от глубокой настойчивой мысли,
Облысел от забот и лишь серое носит,
С круглым выводком шествует в чахлую осень.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СУДЬБЫ

Был на свете причудливый мальй,
Был, да жить не нашёл в себе сил.
Всё, что в жизни его занимало,
Он в поклажах усердно хранил.

Для приезжего старого кума
Он истории их бережёт,
И, согнувшись, любовно воркует
Над тревожным своим багажом:

«В том отделе — обидное слово,
Что прохожий прикрикнул мне вслед;
А вот в этом — домашняя ссора,
Что храню я одиннадцать лет».
Каждый с детства запомненный случай
Сортирован, изучен, измучен.

Где бы люди его ни видали,
Он загруженный в обе руки.
Все гадали: беда ли, года ли
Так скрутили его позвонки...

В волосах — седины отпечатки.
Было малому двадцать с остатком.

И опять шебуршат переулки,
Чемоданы стучат по ногам,
И до плеч почерневшие руки
Отмирают, сжимая багаж.

Но судьба завершилась пожаром:
Загорелись архивы бумаг.

Все жильцы из подъезда сбежали,
Лишь один не выходит никак.

Кто-то храбрый сквозь запах угарный
Устремился соседа спасать.
Что же он? Волочит чемоданы,
И баклажки, и сумки, и кладь!

И спаситель глядит, огорошен,
И кричит: «Ты не видишь? Беда!
Дай мне руку, бросай свою ношу,
Пропадёшь, дуралей, без следа!»

«Не пушу», — как чугунную точку
Выдаёт он ответ на вопрос,
Потому что его позвоночник
Пропитался тревогой насквозь,

Потому что давно онемели
Эти руки под тяжестью масс.
Просто в боль он влюбился сильнее,
Чем в любого живого из нас.

ЖЕНЩИНЫ (СОНЕТ)

Свой сон престранный не возьму я в толк:
Мне виделась равнина полевая,
Где я — цветок, а в племени цветов
Боготворили руки, что срывают
Их всех с земли. Уродливых из нас
Никто не рвал, тем самым обрекая
На жизнь изгоев. Девушка-весна
Не грела их, сочувствуя, руками.
А в книгах тех, кто плёл из нас венки,
Нам был завет: носить плоды во чреве.
И днём плоды казались всем легки,
Но стон стоял, как в поле полночь реяла.

И каждый жнец, кто к нам являлся там,
Неплодоносных с блёклыми топтал;
И в вазе обрывалась жизни нить;
Лишь я одна пыталась
говорить.

Вадим Квашнин

Вадим Николаевич Квашнин живёт в селе Лукерьине Коломенского района Московской области. Работал трактористом, затем агрономом. Участник VI Общественного совещания молодых писателей (1988). Печатался в литературных газетах, альманахах, журналах России.

Книги стихов: «Русское поле» (1991), «Доставшийся путь» (2001), «Я — бродяга» (2006), «Русь за окном» (2009), «Личное дело» (2013), «Куликово поле» (2019), «Открытый урок» (2020).

Дипломант литературного конкурса, посвящённого памяти поэта Ильи Тюринина (2001), лауреат премии им. Сергея Есенина (2003).

Член Союза писателей России.

МНЕ ЖИЗНИ ПРОШЕДШЕЙ НЕ ЖАЛЬ

* * *

Олегу Кочеткову

За короткую жизнь передумаем многие думы.
И в пустых разговорах
ответим не раз невпопад.
По дороге домой от весёлых забот и угрюмых
На одной из развилок
посмотрим вперёд и назад.
Остановимся здесь, у огромного вещего дуба,
Что один и веками взирает на нашу юдоль,
И вбирает листвою, и корнями,
и мякотью луба,
Вот уж сколько веков накапливая
и радость, и боль.
И ему средь дорог необъятного отчего края
Почитаем за честь, неизменно встречая в пути,
Поклониться за то, что умеет хранить, отдавая,
Поклониться на всё...
и к родимому дому пройти.

НОЧЬ ПЕРЕД ДУЭЛЬЮ

Михаилу Лермонтову

Господь един, и мир — огромен.
И ночь темна и велика.
Мрак переливами стозвонен
Над грозной высью Машука.
Ты в ад смотрел и в бездны рая.
В объятых связей, как оков,
Друзей усмешкой унижая
И превращая во врагов.
В бою не струсивший ни разу,
Ты дрался яростней и злей.
Стал непокорному Кавказу
Одним из лучших сыновей.
А ночь темней, мрачней и глуше.
Чтоб тьму и злобу превозмочь,
Мы все посмотрим в наши души,
Как он смотрелся в эту ночь!

* * *

Родился я в шестидесятом,
Сейчас — у жизни на краю,
Восторгом осени объятый,
Я в шестьдесят ещё пою.
Пишу стихи, пишу поэмы,
Живу в родимой стороне
Вдали от чопорной богемы,
Которую судить не мне.
В лесу листвою горит осинник
Волной холодного огня.

И за границей, и в России
Ещё печатают меня.

ВЕСНА

А. С. Пушкину

Весны я не люблю, весной я болен.
В груди озноб, успокоенья нет.
Вдали кресты высоких колоколен.
И бьёт в глаза и режет яркий свет.
Под белым снегом талая вода,
Проталины у сосен и рябин.

Зачем весной приехал я сюда?
Зачем сюда приехал я один?
Здесь ночи холодны, а сердце — камень,
Лежит в груди и бьётся нервным сном.
И холодно от незакрытых ставен,
И дует от двери и от окон.
Здесь невозможно жить, но я остался
И утром выхожу я погулять.
Рассвет над полем заревом поднялся
Весь день бездонно золотом сиять.
Уже над лесом розовые дали,
На свете счастье, воля и покой.
Ступаю в след, исполненный печали,
Ступаю в след, оставленный тобой...

* * *

Памяти брата Игоря Хрулёва

Растворись в глубину мироздания
Навсегда необъятной душой.
Разделённой незримою гранью
Бытие переходит в покой.
Не обыденно и не случайно
Преходя в немерцающий день,
Обернись в необъятную тайну
И иные одежды одень.
Горний свет нестерпимо высоко
Распалившимся маревом ал.
Насмотришь всепрощающим оком
В немоту отражённых зеркал.
Растворяясь дорогой нетленной,
Набежавшие слёзы утри.
В купола отражённых Вселенных
Как в своё отражение смотри.

* * *

Иринка сказала, что я хулиган.
Ну это ты слишком, Иринка!
С тобой по соседству играет баян
И крутится жизни пластинка.
Иринка сказала, а мне всё равно,
Пою вечера я и ночи.
Блеснула глазами, закрыла окно,
Горят её карие очи!
А воздух густой, его кружками пей,

Как терпкую, горькую брагу.
Вовсю над домами поёт соловей,
Во всю молодую отвагу.
Мой голос сорвался, и голос глухой,
Но я соловью подыграю,
А только стемнеет, тропинкой пустой
Пройду по дороге к сараю.
Иринка сказала, что я хулиган,
Она это слишком, Иринка.
Всю ночь на позадях играет баян
И хрипло рыдает пластинка.

* * *

Наверное, в классе четвёртом
Проснулся в горячем поту.
Мне мама таблетками, мёдом
Лечила в костях ломоту.
Я скоро пошёл на поправку.
— Лежи, тебе доктор сказал,
Поеду я в книжную лавку,
А после зайду на базар.
Уснул до девятого класса.
А в комнате запаха висел.
Мне мама нажарила мяса.
Такого я в жизни не ел!

Мы бедно, но в радости жили.
Как будто бы так, невзначай
Мне мама открыла три книги —
Болеешь? Лежи и читай!
И радость сдавила мне горло.
— Ты пей, пока чай не остыл.
Вот первая, помню, был Гоголь
И Лермонтов Михаил.
Читал и читал я запоем
До вновь наступившего дня.
А третью я книгу не помню.
Была эта книга — моя...

ОТКРЫТЫЙ УРОК

1

Свет погас, и экран заклебился
Внезапно в назначенный срок.
Мне в душу вошёл, как вонзился
Под сердце открытый урок.
Мы замерли перед экраном
Застывшими масками лиц.
Для нас в отстоянии странном
Листались военных страниц
И кадров суровые были —
В жестоких разрывах страна,
И вены от ужаса стыли,
И надвигалась война.
Такое вовек не приснится.
Она надвигалась на нас.
Не двинуться, не раствориться
В четвёртый подавленный класс.

Готовили нас в пионеры
И примут потом, а пока
Всмотрись в фотографии серые
На принятых на века.

2

И столько в них решимости и веры,
А я, балбес, в их возрасте люблю.
И в школе жду, когда же пионеры
Под горны отстоят в своём строю.
Когда у них закончится линейка,
Дождусь девчонку, ей открою дверь.
И вместе с нею улицей, аллеей
Пойдём, я понесу её портфель.
От самой школы длинною дорогой,
Вокруг как будто никого, и мы идём
Одни, плечом к плечу касаясь строго,
И говорим о нашем, о своём.
Дойдём до дома, на пороге кошка.
Цветы пожаром в солнечном окне.
Отдам портфель ей в тёплую ладошку,
Она смеётся, радостная, мне.

* * *

Вот школа лично мне казалась домом,
Учителя — родными, и народ.
Я случай помню ближе к выпускному,
Немного забегая наперёд.
Фотограф говорил своё про птичку,
Ну, чтобы все мы фоткались не зря.
Здесь подошла ко мне математичка,
Интеллигентно, тихо говоря:
«Сейчас послушай, никому об этом,
Об этом никому не говори.
Ошиблась я, по своему предмету
Поставила «четыре» вместо «три».
Не ей, а мне бы стоило смутиться.
«Ошиблась и не стану исправлять.
Тебе же это может пригодиться,
А вдруг надумаешь куда-то поступать?»
Я вспомнил, мы когда-то были в ссоре.
Вот, как зовут, теперь уже забыл.
«Спасибо», — выдохнул в широком коридоре,
Глаза в глаза её благодарил.

ОСЕНЬЮ

Я осенью шёл с первого свиданья.
Дождём в лицо накрапывал рассвет.
А губы в поцелуях расстаивая.
А я домой. А мне пятнадцать лет.
Стоит мужик, нетрезво напевая,
Держась рукой упорно за забор:
«Отговорила роща золотая...»
Слова насквозь пронзят меня в упор.
Наказывала мама — бойся пьяных.
Но я к нему без страха подойду.
Не дам упасть в крапиву и канаву,
С трудами, но до дома доведу.
А он поёт в слезах, что счастье было,
Но кончилось, ушло, отговорило,
Пропало, истончилось тропкой тощей,
Исчезло в поле всполохом, а рощу
Дождями истерзала твердь нагая.
Он упадёт. С земли беззубым ртом
Поёт о том, что роща золотая
«От-го-во-ри-ла ми-лым я-зы-коом».
Поднял его. Он не поёт, а стонет.
Подвёл к крыльцу уже в начале дня.
Подумал я, как быстро жизнь проходит,
И слёзы навернулись у меня.
Не знаю, может быть, от этой песни
Сдавило горло, сердце, ну и пусть.
Вот так открылся мне Сергей Есенин.
Печаль в душе и вековая грусть.

ИРИНКЕ

А помнишь, всё небо сияло
И шли мы с тобой босиком
Дорогой, в глаза наплывало
Высокое солнце. Вдвоём,
Одни, перед Богом разуты,
Забьгты и совесть, и честь.
Нам сладостны эти минуты,
Которые не перечесть.
И ягодки в губы с ладони —
Все сладкие! нежно сказала,
Все слаще любви и любви
И терпче конца и начала.
И шли мы одни перед Богом,
Одни перед миром едины,
Просёлочною дорогой
Как две, не разлей, половины...

СВИДАНИЕ

Тот вечер морозный и синий
К озябшему телу приник.
С деревьев серебряный иней
Сыпался на воротник.
Блестел от фонарного света
Узор на замёрзшем окне.
Ладони в ладонях согреты,
И ты прижималась ко мне.
Вошли, и в террасе холодной,
Полутёмной и чуть таинственной
Тихо так и влюблённо
Тебя назвал единственной.

И словно счастливый сон
Боясь испугать, затих.
Блаженствовал, опьянённый
Свежестью губ твоих.
Мы счастливы были друг другом
И верили, что навсегда.
Но освирепели вьюги,
Закончились холода.
И нас разбудили как будто.
Из наших неласковых мест
Настойчиво и неудобно
Нам грянуло громом — отъезд...

ОТЪЕЗД

С перрона жёлтого вокзала
Стекала талая вода.
А ты не просто уезжала,
А уезжала навсегда.
Туманом всё пространство плыло,
Катились слёзы по лицу.
Ты, обернувшись, уходила
На поезд к маме и отцу.
Колёса стукнули вначале
И покатались в глубине.
Тебе махали и кричали,
А ты рукой махала мне.
И поднялась, и всё пропало
В вагонной двери навсегда.
С перрона чёрного вокзала
Стекала талая вода.
По кромке выдоха и вдоха
Удушье горлом поднялось,
И в первый раз мне стало плохо,
И будто что оборвалось.
По кромке чёрного перрона
Навеки поезд отъезжал
Со свистом, грохотом и стоном,
И плыл, и плавился вокзал.

В тот год не знаю, как я выжил
Себя не помня, не пойму...
Но в жизнь из школы с классом вышел
И — разошлись по одному.

* * *

Ну что, запоздалый поэт,
Свершил своё главное дело?
Стоишь на обочине лет,
А жизнь стороной отзвенела.
— Мне жизни прошедшей не жаль,
Что старость надвинулась грозно,
И радость сменила печаль,
И всё оказалось серьёзно.
Не страшно за гибель свою,
Стареет и рушится тело,
Страшнее — на самом краю
Душа одиноко просела.
Аукнулась — дочка и сын
Отпрянули, канули в вечность.
Остался под старость один.
— Вот стой и смотри в бесконечность.

НАШИ УТРАТЫ

ПРОЩАЙ, ДОРОГОЙ ВАДИМ...

На 62-ом году жизни ушёл в последний путь талантливый коломенский поэт Вадим Квашнин. Родом он из старинного села Лукерьино. Поэт на деле познал тяжесть крестьянского труда и мудрость сельской науки. Его связь с русской землёй кровная, неразрывная, и это чувствуется в его стихах, написанных тугими строчками с яростным жизнелюбием.

Стихи его выросли близ сельской дороги: свежие, со своим неповторимым терпким ароматом, они чуть горчат. Как у каждого большого поэта в них чувствуется боль за Россию, любовь к родной земле.

Умер поэт коломенской деревни...Прощай, дорогой Вадим! Тебя взрастила коломенская земля, поддержали на пути становления коломенские мастера поэзии, в том числе Олег Кочетков, мы помним твои всегда ожидаемые публикации в «Коломенском альманахе». Чем дальше ты будешь уходить от нас, тем выше ростом будешь становиться в нашей памяти...

Редколлегия

Евгений Александрович Кирсанов родился в декабре 1947 года в Коломне. Окончил аспирантуру по физике жидких кристаллов. Кандидат физико-математических наук, доцент кафедры химии и экологии Государственного социально-гуманитарного университета (бывшего КГПИ).

Руководит поэтической мастерской «У Грановитой» при коломенской библиотеке имени И.И. Лажечникова. Автор одиннадцати сборников стихов.

Поэзии Евгения Кирсанова чужда внешняя красивость. Его слово верно, ёмко, современно. Награждён медалями имени М.Ю. Лермонтова и имени И.А. Бунина.

Член Союза писателей России.

И НЕОКОНЧЕННЫЙ СЮЖЕТ ЗАСНЕЖЕННЫХ СТРАНИЦ...

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА

Туман над протаявшей речкой,
Румяный,
Смущённый,
Зажжённый
От высохшей свечки.

И церкви, церкви, церквушки...
Как по полозьям веры
В небо катятся души.
Оно их мерит.
Лечит.

И мера в руке — чуткая,
Как градусник за окошком.
Я отдышался шуткою,
Я отдохнул немножко.
Сразу увидел — услышал
Скрип и следы сквозные.
Так размечает с крыши
Капель

начинанье строчек,

Так снег размечает,
мечтая,

поле вешних пророчеств.
Так март
оглашает стаёй

червонное небо России...

Ты шёлковой нитью рассвета
Сшить небеса не пытайся.
Пробовали и это.
Их не простили.

Родительская суббота.
Холмики по-над снегом.
Каждой душе — работа
Думать про это.
Думать кого нету,
Думать — а что было?

Пусть вспоминает Небо
 Как оно Землю сшило
 Шёлковой нитью веры
 С тем, что над небесами...

Мы понимаем сами,
 Мы принимаем меры,
 Мы в простоте усталой
 Верим, что не забыты...

Шёлковой нитью мама
 Канву прошивает светом,

Цвѣтами, расцвѣтшими к чуду,
 Царевичем с беглым волком,
 Девчонкой, той, что с испугу
 Грозой обозналась, и только,
 Сбежала с маленьким братом,
 Тоже невиноватым...

Не уроните слѣзы
 В Алѣнушкин омут тѣмный.
 Родительская суббота
 Ждѣт Воскресенья прощѣного.

* * *

Что может быть естественнее детства,
 Первичной важности обыденных вещей,
 Открытий — в зеркале,
 За дверцей за запретной —
 Коллекция непознанных страстей.

Что может быть естественнее детства,
 Когда привычны сладость и любовь,
 И странные слова «права наследства»
 Без пониманья проникают в кровь.

Что может быть?
 А может быть взросление,
 Борьба с непрошеной обязанностью жить
 И трудное, но верное движенье,
 Которое обязан завершить.

И говорить когда-нибудь и где-то
 В неведомости взрослой и простой,
 Что мы мечтали не совсем про это,
 Что мы мечтали о судьбе иной,
 Той, что хранится в глубине секрета,
 В изнанке мира
 За голубизной.

* * *

Дым застилает сады
 туманом сухим и низким,
 видным издалека
 и незаметным вблизи.
 Совсем немного костров

нужно для похорон лета.
Жадные до плодов,
ветви сжигаем мы.

Ненужные до весны,
дожившие до морозов,
корчатся листья в огне,
делаясь всё красней.
И рассыпаясь в чернь,
листья уходят тоже
в чистую синеву,
чтобы остаться в ней.

* * *

Одиночество качелей,
что качаются под ветром...
И скрипят, скрипят
суставы
Их железных ржавых рук.
Сколько, сколько укачало,
да и сбросило с дощечки
прямо в белый,
слишком ясный,
беспощадно взрослый свет.
Укачало, но сначала
понесло и взвеселило.

Видно, детства было мало.
Видно, детство было мило.
Одиночество качелей,
что скучным дождём промыты,
обернулось пьяной тенью,
задохнулось позабытым.
И мала, мала дощечка.
И скрипуча непогода.
Но летит,
летит сердечко
прямо в небо
через годы.

ПОЧТИ НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ

*Все мы родом из детства
Антуан де Сент-Экзюпери*

Были винтовки из деревяшки,
Звёзды репейные на рубашке.
Были погоны из ленты алой,
Было детство, которого мало.
Мало — но это сейчас ощущаю,
Новое время всей грудью встречаю.

Помню, лопух был, как щит могучим,
Нас защищал он от пуль колючих.
Был он зелёным, как все мы были —
Сквозь голубиный цикорий пыли,
Смело дышали польнью серой,
Палками бились за правое дело.

От комиссаров до мушкетёров
Мы проходили походкой весёлой,
Ножик бросали и джинсы носили,
Но отвечали за то, кем были.

Нас научили думать словами,
Нас приучили не бегать к маме.
Нам говорили, кем мы будем —
Всё, что добудем, достанется людям,
Значит, достанется папе и маме.

Всё остальное сумеем мы сами.

Помню, скрываясь в крапивной чаще,
Путали будущее с настоящим.
Помню, читали остервенело,
Мыслью сражаясь за правое дело.

Время покажет, правы ли были?
Мать не накажет. Мы пережили,
Переболели наши утраты.
Толстая кожа — надёжные латы.

Толстая кожа — взрослая кожа.

Прошлое наше будет дороже
С каждой секундой, прожитой в излишек,
Но не засушенной между книжек,
Между страничек листом пожелтелым.

Давнее слово становится делом,
Дальнее детство под сердцем хранится,
Чтоб иногда, как подарок, присниться.

* * *

О двадцать первый век,
Попасть в очко такое
Нетрудно, но слегка
Обидно и смешно.
О двадцать первый век,
Прикрой окно сквозное,
Чтоб ветром перемен
Меня не унесло.
Встречай, грядущий век,
Обманутых мальчишек,
Незрячих матерей,
Взыскующих судьбу.

И дай своим годам
Зелёный свет, чтоб лихо
Катились те года
К закату своему.
Чтоб уходили в ночь
Великие державы,
Чтоб падала трава
В объятия косы,
И мне вольготно петь,
Не дожидаясь славы,
И мысли, и дела
Роняя на весы.

Измерь, грядущий век,
Всё сделанное нами.
Оплаты не прошу,
Всё получил сполна.
Минувший век прости
С его дурными снами.
Он попусту мечтал,
И в том его вина.

Прощай, двадцатый век,
Я о тебе поплачу,
А после посмеюсь
Над слабостью своей.
И буду долго жить,
Надеясь на удачу
И на зелёный свет
Домашних фонарей.

* * *

Снег падает наискосок,
Как много лет назад.
И белый времени песок
Уходит вниз, наискосок,
И засыпает сад.
Так завязалась связь времён
В заснеженном окне,
Что путь, как ветви, разветвлён
Снаружи и во мне.
И снегопада мерный путь,
И чёрных веток вязь
Запомни и не забудь,
Над временем смеясь.
Запомни новогодний снег,
И чёрный почерк птиц,
И неоконченный сюжет
Заснеженных страниц.

ЛЕДЯНОЙ ДОМ

Слепи из льдинок кирпичи
И Дом ледовый получи
Из этих кирпичей.
Полупрозрачен этот дом,
И прошлое тает в нём
И светится в ночи.
Истории российской бег
По скользкому по льду на снег,
Из бани — да в сугроб.
Добро и зло в одном снежке,
Снежок тот в царственной руке,
Летит — и прямо в лоб.
А мы глядим издалека:

Потеха русская легка,
Да прошибает пот.
Так извлекается урок,
Векам подводится итог,
Звенит небесный свод,
Как колокол, но ледяной.
Звук рассыпается хмельной
На сотни вёрст окрест,
Уходит звук под облака.

Тверда писателя рука,
Тяжёл нагрудный крест.

ГРОЗА

А гроза прям в глаза
Угодить старается.
Божий гром Божий дом
Развалить пыгается.

Посмотри, пузыри
Одевают лужи.
Под грозой, Боже мой,
Жить с тобой не хуже.

В лужах — твист, воздух чист,
Небо крыто матом.
Дождик мой, проливной,
Смоет нас когда-то.

Смоет грязь, не боясь,
И дела лихие.
Будь ты грязь, будь ты князь —
Всё равно — Россия.

КРЫМСКОЕ СОЛНЦЕ

Солнце Юга утюгом горячим
Осторожно гладит ткань небес,
Мушкетёрский плащ, и не иначе,
Занавес над сценою чудес.
Свет стекает с каменистых склонов,
Впитывает зелень светлый сок.
И деревьев шумные поклоны
Двигутся по ветру на восток.
Бабочки отчаянно садятся
На горячий шифер белых крыш.
Зреет персик, яблоки лоснятся,
Крики птиц размешивают тишь
В чаще сада. Тёплый воздух пьётся
Как вино. Беседку виноград
Обвивает. И легко живётся
Тем, кто счастьем маленькому рад.

ДНЕВНИК ОТЦА

На усталой цепочке
из святого колодца
свежей влаги ведёрко —
и мне достаётся.
Из усталой из стали,
что когда-то отлита,
нам цепочки сковали
для души и для быта.
И цепочка из дней
и ночей без устатку
тянет жизнь, тянет смерть
и ложится в тетрадку.
В довоенный дневник.
И в военный дневник...
Ну, а после войны
разучился, отвык.
Много разных других
писанин для руки.
Подвернулись тут под руку
песни, стихи...

Писем мало написано,
много открыток,
то есть мыслей открытых
для непрощенных читок.
Кто женился, родился...
Умер кто — телеграмма!
И повторно женился,
и уход мой — не драма.
Но, почти повторенье
и открытая дверь.
Пишем стихотворенье
навсегда и теперь.
Прочитайте меня,
пока жив карандаш.
Я писал для себя,
но я всё-таки ваш.
Ничего тут такого —
просто жизнь на войне.
Загляните за слово,
ведь оно обо мне.

ВЕЧЕРНИЙ ДОЖДЬ

Дождь покатился по траве
И в капли превратился,
И в капиллярной глубине
Под корни трав спустился.

И смысл пылинок робкий слой
С листвы зелёной и густой.

Отрывистой своей струной
Сыграл он песню встречи.
За здравье, не за упокой
Дождь лился в добрый вечер.

Творил он лужи для ребят,
Пусть шлёпают куда хотят.

Дождь промочил немало ног,
Ну, кто его осудит?
Сказало солнце: Хорошо!
Жаль, радуги не будет.

* * *

Подходит назначенный срок,
Спираль завершается в круг.
Уменье читать между строк
К тебе возвращается, друг.

Уменье сквозь кадр посмотреть
И шорох услышать меж слов.
Прекрасная русская речь —
Основа всех прочих основ.

Умение жить не по лжи
Нам стало ненужным, мой друг.
Ты в карточный домик сложи
Слова, что сказать недосуг.

Открытую дверь затвори
И сквозь слюдяное окно
Смотри, как горят фонари,
Не верь, что ночами темно.

Захлопни парадную дверь,
Смени на воротах замок,
Тебе пригодится, поверь,
Уменье читать между строк.

Уменье читать между строк —
Уменье важнейшее, друг.
Подходит назначенный срок,
Спираль завершается в круг.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ЕВГЕНИЮ КИРСАНОВУ — 75!

Бодрый, подтянутый, всегда в приподнятом настроении духа, Евгений Кирсанов радуется всех нас своим жизнелюбием, своим искрящимся юмором и неиссякаемым оптимизмом.

Как из рога изобилия, льются его озорные строчки. Точно бьют в цель поэтические заметки на события сегодняшнего дня. Своим поэтическим словом он откликается на всё, что его окружает, что его волнует и не даёт покоя. Не перестаёт делиться с молодыми поэтами своими знаниями.

С днём твоего рождения, наш дорогой друг, верный соратник, сподвижник, светлый открытый человек! Творческого тебе вдохновения, крепкого здоровья, новых книг, новых тёплых встреч!

Коллектив редакции

Наталья Красюкова

Наталья Николаевна Красюкова родилась в Коломне. Окончила филологический факультет Коломенского государственного педагогического института. Поэт, бард, путешественник, участник многих литературных конкурсов, фестивалей, концертов и вечеров.

Член жюри и участник оргкомитета многих региональных и всероссийских конкурсов и фестивалей авторской песни, поэзии и прозы. Лидер музыкального проекта «Эдда», литературного проекта «Арт-сквозняк». Публиковалась в журналах «Москва», «Студенческий меридиан» и других. Постоянный автор «Коломенского альманаха».

В 2017 году в серии «Коломенский книгочей» издана первая книга поэта «Высокая вода».

КАСЬЯНОВ ДЕНЬ

* * *

Выбирая дорогу вслепую, под стрёкот цикад,
Задевая коленом полынные сумерки лета,
Мы выходим к осенней воде, и глухая река
Проливает сырое молчание вместо ответа.

Светлоглазые боги кладут на траву рюкзаки,
Расправляя затёкшие плечи под пальцами ветра,
И холодные руки слетаются, как мотыльки,
И ярится огонь, и гудит, как в ногах километры.

Не скупы на слова, но сегодня так странно молчат
Все предчувствия горьких, лихих, неизбежных событий.
И шершавое небо спадает, как шкура, с плеча,
За которым у каждого тихо стоит Прародитель.

* * *

На кухне битый час играет Стинг.
Уже хрипит дешёвая колонка,
А ты меня не хочешь отпустить
Убавить звук, хотя соседям громко.

Сплетая пальцы в зимней полутьме,
Мы щуримся на свет, идущий с кухни.
Стучат по батарее. Стингу? Мне?
И ты встаёшь, хоть знаешь: мир не рухнет.

* * *

От околицы до околесицы —
лишь тревожное «Ты куда?»
Он всегда от вопросов бесится.
И уходит он тоже всегда.

Поначалу шибало в голову,
куролесили, как в чаду.
А потом потянуло холодом:
«Ты ложись, я уже не приду».

За метелями и листопадами
каменела и дыбилась боль,
повторяя: «А надо ли? Надо ли,
чтобы он оставался с тобой?»

И ничем, кроме слов, не связанный,
закосивший под дурачка,
ты иди и другим рассказывай
эту сказочку про бычка.

* * *

Живёт чешуйница под ванной,
скользит хитином по углам,
и в темноте, кривой и рваной,
не делит мир напополам
ни с кем. На кафельном раздолье
такая благостная тишь,
что электрической звездой
укромный мир не всполошишь.
Частичка кожи, тонкий волос —
ей всё сгодится для стола.

Я тоже скоро успокоюсь,
что идеала не нашла.

* * *

Как хорошо бывает днём,
Когда, чекушку допивая,
Соседи падают втроем
И наконец-то засыпают.

Уже не веря в тишину
Отгрохотавшей перебранки,
И я на часик прикорну,
Как будто тоже после пьянки.

Взрвёт тухмановский припев
Из чьей-то одуревшей глотки
И затихает, прохрипев,
Что мало трёх бутылок водки.

Простые люди, что с них взять?
Торчат из ящичка платёжки.
Лишь одного простить нельзя —
Голодный плач соседской кошки.

* * *

Стынет роса в травянистой улиточной мгле.
Лето идёт на убыль, луна — на рост.
Синие тени стелются по земле,
Смотрят на звёзды Сирин и Алконост.
Птичье перо застревает в осоке и клевере.
Путник подходит к ночлегу и пахнет Севером.

Ветер встаёт, распрямляясь, ныряет в щель,
Из приоткрытой двери — к печной трубе.
Если тебя сквозь ельник пустил Кощей,
Духом ты крепок и сердцем не огрубел.
Ближе к огню проходи, вот краюха с похлёбкою.
Я постелю тебе, путник, и сны будут лёгкими.

Птицы встают на крыло и срываются ввысь.
Я кочергой выгребаю ночную золу.
Ты, не назвавший имени, отзовись!
Снова пустует лавка в красном углу.
К худу, к добру ли в дом на дороге захаживать?
Я ведь живым отпускаю вовсе не каждого...

* * *

Бороду брил аккурат на Касьянов день.
Память сметает сор, но хранит пылинки.
Ходит юродивый между богов и людей,
Рыхлую глубь загребая мыском ботинка.

Облако снизу растёт, как большой чернослив,
Так переспело, что скоро от ветра сорвётся.
Ты не хотел, чтобы тело твоё спасли,
И перебрался к остроконечному солнцу.

Видно ли сверху, как в окнах включают свет?
Как на Касьянов день выпадает вторник?
Как в человеческом долгом твоём родстве
Новый побег продолжает уснувшие корни?

Где половинками бедренной кости срослось
Некалендарной зимы золотое сечение,
Помни о нас как о тех, кто ещё не дорос
Ни до тепла, ни до мудрости, ни до прощенья.

* * *

Когда мне говорят,
что я выражаюсь, как сапожник,
я не спорю. Только уточняю,
что не как сапожник,
а как правнучка сапожника,
потому что мой прадед
был мастером по изготовлению обуви.

Он жил на хуторе
и тачал сапоги белогвардейцам.
Но однажды пришли красные.
Первым делом они расстреляли белых офицеров.
А потом поставили к стенке всех,
кто помогал антисоветскому движению.
По шершавой побелке
ползали жуки-пожарники.
Несколько хуторских мужиков
следили за ними глазами
и, может быть, думали:
вот последнее, что я вижу.

И тогда вступила в игру великая сила —
человеческое любопытство.

Красноармеец опустил винтовку
и, прихлопнув на рукаве жирного слепня,
решил спросить у крестьян
кто они и чем занимаются.
— Звати мене Кузьма. Я чеботарь, — сказал мой прадед.
— Так ты сапо-ожник! — обрадовался красный
и стал шептаться с товарищами.
— А сапоги со скрипом стачать сумеешь?
— Можно и со скрыпом.
Секрет скрипа —
в подложенном под пятку
куске бересты.
Подмастерью эту хитрость
доверяли только спустя десять лет обучения —
куда именно подложить, в какой момент, какого размера.

Так и я, выбрав профессию,
связанную с литературой и языком,
знаю, какие именно слова нужны
и в какой момент.
А лексикон сапожника — часть инструментария.
Ведь мастер должен одинаково хорошо
владеть всеми средствами,
даже если они
могут понадобиться всего один раз.
Даже если они
могут не понадобиться никогда.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ГОЛОС КРАСЮКОВОЙ

Среди молодого поколения поэтов, авторов «Коломенского альманаха», особенно выделяется голос Натальи Красюковой. Её лирика всегда неожиданна: то по-филологически глубока, то по-девичьи легка и воздушна. Многоликость и многомерность в данном случае — это не маски, которые надевает поэт в ролевой лирике, а разные грани одной глубокой и сложной поэтической натуры. Ведь умение посмотреть на мир с разных точек зрения — это особое свойство талантливых художников. Наталья часто в одном поэтическом тексте совмещает эти разные ракурсы: часто серьёзный и ироничный, что даёт возможность создать объёмный мир души её лирической героини и пространства, в котором она живёт.

Редакция «Коломенского альманаха» поздравляет Наталью с её ещё совсем молодым юбилеем и желает новых творческих удач!

Коллектив редакции

ХРОНИКА

ПАМЯТНАЯ СТЕЛА

В честь присвоения Коломне звания «Город трудовой доблести» в Мемориальном парке состоялось открытие Мемориального комплекса. В центре композиции размещена 17-метровая стела, вокруг неё — шесть гранитных плит, запечатлевших жизнь города в военные годы.

Это событие — знак памяти и уважения тем коломенцам, которые, как и наши воины на линии фронта, ковали победу в тылу. Несмотря на все трудности военного положения, в Коломне в короткие сроки предприятия города были перестроены на производство вооружения, ракетно-зенитных снарядов, установок «Катюша», танков и многого другого, что позволяло нашей армии добиться Великой Победы.

Память о боевых и трудовых свершениях коломенцев в годы Отечественной войны навсегда останется в скрижалях российской истории.

Владимир Валерьевич Семенюк родился в 1972 году в городе Коломна, в Щурове, на месте слияния двух рек — Москвы и Оки, где и провёл детство и юность. Тогда же начал писать стихи.

Учился на историческом факультете КГПИ. Затем — армия, жизнь и работа в Москве. В 2001 году вернулся в Коломну. За время сознательной деятельности, в силу своей любознательности, сменил множество профессий — от бармена, менеджера и коммерческого директора до куратора группы милосердия при Троицком храме в Щурове.

Я ВЕРЮ, ЧТО ВСЁ НЕ СЛУЧАЙНО

ПУТНИК

Эх, непогода! Дождь и ветер.
Скользит раскисшая дорога...
Был на исходе мрачный вечер,
Каких весной не так уж много.

И путник тот прошёл немало;
И было уж почти темно,
Когда, промокший и усталый,
Он постучал в одно окно.

Всего-то только и хотел он
Спросить: «Куда же мне теперь?»
Но девушка с кудрями белыми
Тихонько приоткрыла дверь.

Лицо — с картины Рафаэля!
Глаза ясны, как неба синь.
И если бы тогда посмел он,
То небеса бы спросил:

«О, где ж то счастье, чтоб веками
Я ею любоваться мог?!»
Поэтом был бы он, — стихами
Сумел свой выразить восторг.

Но робости стряхнув оковы,
Смог только выдавить с трудом:
— Не здесь живут ли Ивановы?
— Нет, они — дальше! Через дом...

Дни проносились оголтелые,
С собою унося покой.
Искал в толпе он кудри белые,
Глаза с небесной синевой.

Минули годы, годы, годы...
Он снова здесь. Вот — этот сад.
И вроде, в этот раз погода
Не та, что много лет назад:

Не видно туч. Напротив, — солнце,
Хоть и апрель, печёт уже.
Но почему так сердце бьётся
И так мятежно на душе?

Он постучал в окно несмело.
Ах, если б раньше; что — теперь?!
Девчушка с локонами белыми
Тихонько приоткрыла дверь:

Черты, что часто видел ночью,
И те ж глаза, что неба синь,
Ясны, чисты и непорочны...
Кто б время вспять повернул!

Слеза предательская... Снова
Он смог лишь вымолвить с трудом:
— Не здесь живут ли Ивановы?
— Нет, они — дальше! Через дом.

РАСКАЯНЬЕ

Неведомый кто-то всё чаще ночами
Отчаяньем разум скребёт и сверлит,
Его обряжая дрянными вещами,
Что память скупая зачем-то хранит.

Её тайники не измерить и взглядом:
В них — пепел растроченных попусту сил;
Проедены времени медленным ядом,
Гниют там останки обломанных крыл.

В хранилище это — минувшего повесть —
Всегда приоткрыта тяжёлая дверь;
И душу мне когтем коварная совесть, —
Нет-нет, — да царапнет сквозь узкую щель.

И хочется прочь убежать от сомнений;
И сделав привал на коротком пути,
Смердящий тот склеп темноты и падений
Закрывать на замок, и ключа не найти.

Но вновь отворяя скрипучие врата,
С тоскою гляжу за высокий порог:
И больно, и стыдно за всё, что когда-то
Я сделал не так или сделать не смог.

* * *

Созвездий странных очертанья
На небе сумрачном повисли.
Подобен лунному сиянью
В моих сомненьях проблеск мысли.

Небес безмолвие и тайна
Манят в неведомую даль,
Где звёзды холодно-печальны.
Тревожно, и былого жаль.

И думы мчат меня подальше
От этой брэнной суеты,
От сладкой лжи и подлой фальши,
От скал, где рушатся мечты.

Но ветер шепчет мне с востока:
Оставь свой призрачный полёт,
Не торопись туда до срока, —
Придёт, увы, и твой черёд.

Когда безудержно лавина
С земли сорвёт тебя, мой друг,
Когда неведомая сила
Над миром вознесёт твой дух,

Быть может, ты увидишь ясно
 При свете мертвенных лучей,
 Как были сказочно прекрасны
 Сомнений тьма и грусть ночей?

И понимаешь в одночасье,
 Что лучше мест не встретить впредь,
 Чем та земля, где знал ты счастье
 Родиться, жить и умереть!

* * *

Унеслись, отгрохотали
 Лета озорные грозы;
 Позолотой сыпать стали
 Белоствольные берёзы.

Тучка мечется по небу
 В беспокойствии своём:
 То укроет солнце плодом,
 То заплачет вдруг дождём.

Вспыхнули огнём багровым
 Клёнов пышные макушки;
 Затаились в тёмных норах
 Беспокойные зверушки.

Застилает лес постели
 Опадающей листвой
 И, качая колыбели,
 Сам уходит на покой.

Пожелтели буйны травы,
 Пали ниц они под ветром.
 Дней закончились забавы —
 Всё осталось в лете щедром.

Замирает вся природа
 В ожидании зимы.
 Только сосны смотрят гордо —
 Величавы и прямы.

Посерела хмуро речка,
 Лижет отмели волной;
 Задымилась где-то печка
 Над старушкою-избой.

Спите, травы, лес и звери;
 Пусть привидятся вам сны
 Про весёлые капли
 В буйной юности весны!

* * *

О чём шумит осенняя листва,
 Ложась на тротуары мокрых улиц?
 О том, чтобы ступив на путь едва,
 Мы с самым важным здесь не разминулись.

О чём скрипит тугой крещенский снег,
 Ложась покровом слюдяным под ноги?
 О том, что наш по жизни бранный бег
 Не вечный след оставит на дороге.

О чём звенит весенняя капель,
Разбуженная солнца поцелуем?
О том, что снова наступил апрель,
Ожившее по-новому волнуя.

Что грезится в рассветные часы
Траве, пред небом откровенной,
Где в каждой капле девственной росы
Вся глубина неведомой Вселенной?

Что всякий, кому жизнь Земля дала,
Судьбы осознавая неизбежность,
Не вправе даже толикою зла
Здесь нарушать покой и безмятежность.

НЕ ГОНИ

Как мелочны были все наши невзгоды,
Что сеяла беса сухая рука —
Они породили унылые всходы —
И вот мы не вместе... Зима и тоска.

Реши для себя, но без злобы, без фальши,
И если иной поворот дашь судьбе —
Приму без обид, но хранить буду дальше
Всю страсть, обожанье и нежность к тебе.

Прости, что не все исполнялись желанья,
Что не о тебе сочинял я стихи,
Что где-то обидел непониманьем —
Прости мне невольные эти грехи!

Я лиры скупой обнажённые звуки
Оставлю тебе... ты мне только позволь.
Себе же оставлю отчаянья муки,
Скупую слезу и щемящую боль.

Реши для себя... Всё пойму и не струшу,
Ничуть не озлоблюсь — ведь я не такой!
Верни лишь мою исхудалую душу
И где-то оброненный ею покой.

Всё это я бережно спрячу под сердцем
И буду хранить, как бесценный алмаз.
Твой образ в душе, за невидимой дверцей,
Лелеять, любить... и молиться о нас.

СЛУЧАЙНОСТЬ

Судьба хохотала, и тешился Бог,
Когда я в обыденный вечер,
Кого-то к душе допустив на порог,
Подумал: случайная встреча.

На случай любому удобно списать
Ошибки, утраты, измены.
И чей-то успех, чью-то гордую статью
И кровь из разрезанной вены.

Так созданы мы: что неведомо — бред,
Действительность ближе, чем тайны.
Но глядя годам убегающим вслед,
Я верю, что всё не случайно!

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР ВЛАДИМИРА СЕМЕНЮКА

Каждый из нас познаёт мир в отведённом ему фрагменте пространства и времени. И каждый должен пройти этот путь сам и до самого конца.

Владимир Семенюк как-то быстро вошёл в коломенскую поэзию. Первое его стихотворение «Бродячая собака» читатели помнят до сих пор. Он автор тонкий, правдивый и современный. Его поэзия отличается прежде всего требовательностью к себе и к тому материалу, о котором он пишет.

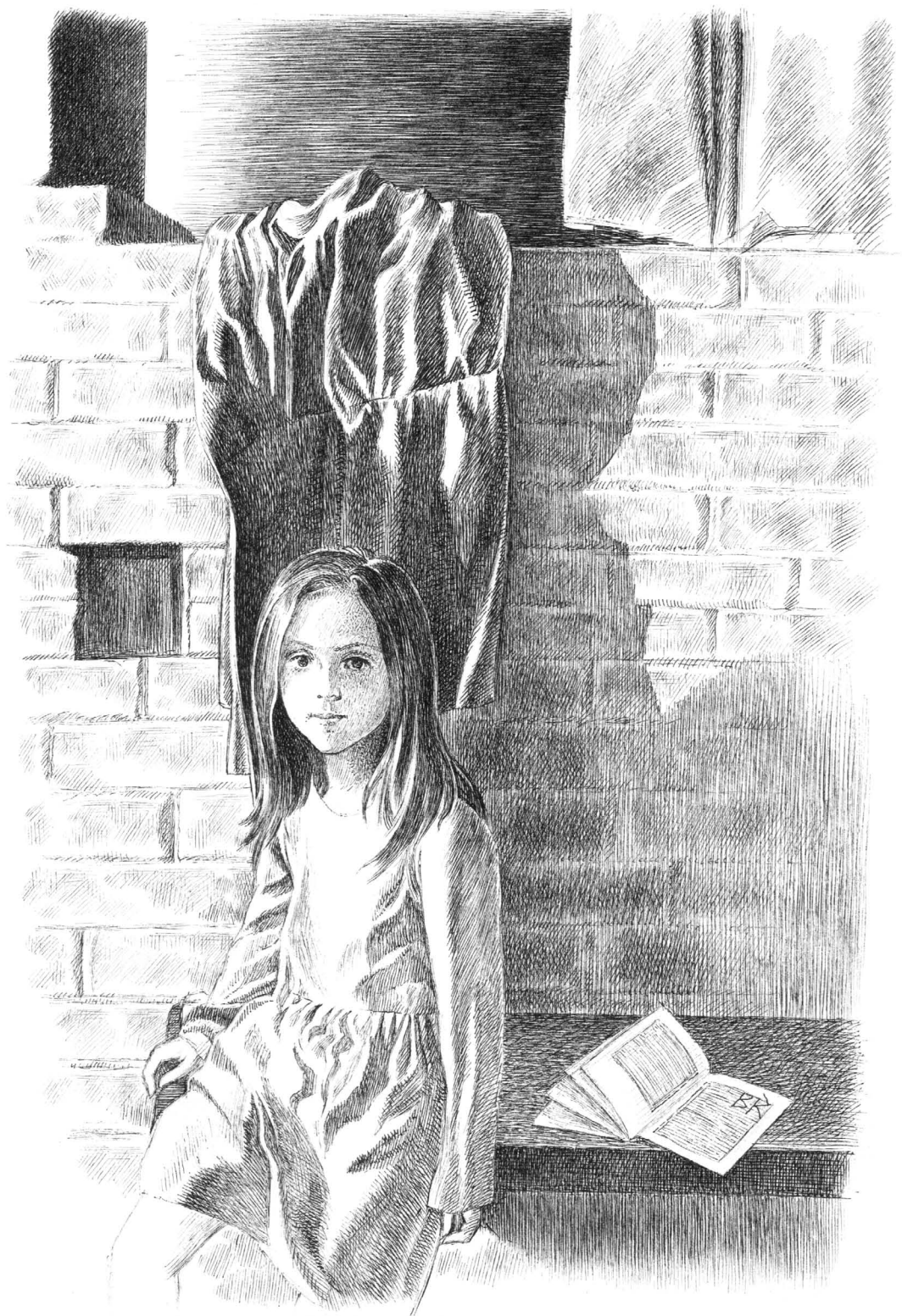
Владимир! Твои друзья по поэтическому цеху от всей души поздравляют тебя с юбилеем и от всего сердца желают пройти свой путь достойно, не сбросив и не потеряв ту ношу, которая досталась тебе в жизни. Крепкого здоровья, творческого горения и доброго пути!

Коллектив редакции

Беседы
о литературе

Графика Василины Королёвой

Галина Константиновна Горчакова родилась в Ленинграде. Затем переехала в Горький. Окончила историко-филологический факультет Горьковского государственного университета им. Лобачевского.

Свой профессиональный путь начинала на Горьковской областной студии телевидения. В Коломне работала в газете «Коломенская правда» — заведовала отделом культуры, была заместителем директора — главного редактора Коломенского информационного агентства.

Автор книги «Вы не забыты, пока живы мы». Как редактор подготовила к изданию несколько книг. В содружестве с известной коломенской журналисткой Г.Н. Матвеевой работала над изданием ряда книг о Коломне. Заслуженный работник печати Московской области. Награждена памятной медалью и дипломом Московской городской организации Союза писателей России.

КАЖДЫЙ ВЫБИРАЕТ ДЛЯ СЕБЯ

(Беседа с писателем Сергеем Малицким)

— **Г**удя по отчеству, у вас польские корни. Как семья попала в Иркутскую область? Дед был интернирован? В 90-е годы это обстоятельство как-то отозвалось в душе?

— В 90-е в душе отозвалось многое. Я, как и многие соотечественники, страдал невежеством, романтизмом и наивностью, пусть даже некий диссонанс в общественном пространстве ощущал. Поэтому, когда подлинная история моей страны начала вырисовываться из тумана замалчивания и прямой лжи — испытал шок. Но прошлое моего рода для меня все ещё скрыто в безвестности. Я многое знаю о предках по материнской линии, но очень мало о них же — по отцовской. Когда пытался выяснить историю своей фамилии, то понял, что много моих однофамильцев в известное время было репрессировано и переселено — их следы заметны до сих пор в Ярославле, Владимире, Омске и так далее, но с Иркутском я никак не связан. Мое появление на свет в Сибири — это стечение обстоятельств. Мама закончила кулинарный техникум и отправилась по распределению (или по комсомольской путёвке) под Братск. (Фильм «Девчата» почти про неё). Там она познакомилась с моим отцом и вышла замуж. Там я и появился. Потом отца забрали в армию, а за мамой приехала бабушка, которая повезла её и меня (грудного)

на мою настоящую родину, которая располагалась и располагается на севере Московской области в окрестностях Иосифо-Волоцкого монастыря. К сожалению, её союз с моим отцом оказался недолгим. Поэтому, в связи с собственным младенчеством, я ничего не успел узнать о своих родных по отцовской линии, которые все поголовно происходят из-под Винницы. (Там я был всего лишь раз в глубоком детстве). Могу лишь сказать, что тогда в тех краях всех, независимо от отчества и фамилии, записывали ради безопасности украинцами и что моя бабушка по отцу в детстве оказалась сиротой. (Скорее всего, тоже из-за репрессий). И воспитывалась она в польской семье, которая её приютила. И, кстати, у поляков, насколько мне известно, нет отчества.

— В интернете опубликована ваша биография, весьма мизерная, да к тому же и не вполне серьёзная. Фразочка про множество занятий, которые вы сменили и среди которых есть такие, что «неудобно упомянуть в приличном обществе». Пиар-ход? Я вас помню в милицейской форме.

— Эту фразу я однажды обронил (написал) по глупости, из-за кокетства и, отчасти, ради привлечения внимания. Ничего такого, чего я должен был бы стыдиться, я не совершал, если не считать, конечно, бизнес-проекты, которые были начаты при моём участии и закончились ничем или провалом. Вот это саднит во мне всерьёз. Но это объясняется, думаю, моей непригодностью к подобной деятельности. Или, как говорят, — «не судьба». Если откровенно, я всегда мечтал не иметь ни одного начальника и ни одного подчинённого. Да и из армии пришёл рядовым. Что касается формы, какое-то время я работал в милиции (стечение обстоятельств), затем перешёл в горком комсомола (тогда это было единственным легальным способом уйти из милиции). Короткое время был в партии, но ушёл из неё сразу, как только более или менее трезво осознал себя во времени и пространстве. Ещё до ГКЧП и всего соответствующего. Собственно, объяснением может послужить ответ на ваш первый вопрос.

— Вы тогда, похоже, активно строили карьеру? Ничего плохого не имею в виду — мужчине и надо строить карьеру.

— И опять хочется начать с коннотаций. Если карьера — это успешное продвижение в бизнесе, то я с трудом представляю себе бизнес, в котором я мог бы чего-нибудь добиться. Если же вы имеете в виду государственную и тем более «партийную» карьеру, то это и вовсе не про меня. Думаю, это связано с моей неспособностью к подобному способу саморазвития. Помню, как я впервые надел форму и столкнулся на улице со своим тогдашним командиром. Он спросил меня, как я себя чувствую в форме? Я честно ответил: «Как чучело». Разве так строят карьеру? Да и поздно уже говорить о какой-либо карьере, «возвращаясь с ярмарки». Если же рассуждать отвлечённо, то мне представляется, что в сегодняшней реальности построение карьеры того же чиновника довольно затруднительно. И в первую очередь потому, что слишком велик риск, что оно вступит в противоречие с представлениями о порядочности, чести и достоинстве. Если угодно — речь идёт о банальном соблюдении заповедей — не убий, не укради, не лжесвидетельствуй и тому подобное. Значит ли это, что во власти или среди работников силовых структур нет достойных людей? Конечно, не значит. Но в любом случае они постоянно находятся в напряжении, в состоянии когнитивного диссонанса, в поиске того же

компромисса и самооправдания. Они с чем-то должны мириться. На что-то — закрывать глаза. К тому же эффект «солёного огурца» тоже никто не отменял.

— **И ещё помню вас на сцене: Малицкий — солист рок-группы, весь в чёрном, поёт про то, что «все вопросы будем решать мы». (Меня тогда резануло это канцелярское «все вопросы». А впоследствии оказалось, что автор — хороший писатель, тонко чувствующий язык.) Был период увлечения Цоем? («Дальше действовать будем мы», «Перемен! Мы ждём перемен!») Или была уверенность, что молодым всё по силам?**

— Это, наверное, какая-то ложная память. Да, я был связан с Коломенским рок-клубом и даже выходил один раз на сцену Шавыринского, но никогда ничего похожего не пел. В этом я абсолютно уверен. Честно говоря, подобные рескрипты для меня несвойственны. Те две песни, что мне удалось спеть публично, не содержат таких слов.

— **А интересно было бы узнать, про что эти песни?**

— Я слишком требователен ныне к виршам, чтобы их транслировать. И я никогда не думал, что молодым всё по силам. С другой стороны, всегда думал, что возможный протест происходит со стороны молодых. Остальное — сложно.

— **А про Цоя? Это фигура до сих пор знаковая...**

— Всему своё время. Рассуждать о знаках и знаковости сложно. Знаки видит тот, кто их хочет увидеть. Зачастую знаковостью какие-то события наделяются впоследствии. Как известно, Сальвадор Дали переименовал одну из своих картин в «Предчувствие гражданской войны» уже после того, как гражданская война состоялась. Я отдаю дань Виктору Цою как поэту и музыканту, он представляется мне актуальным до сегодняшнего дня, но мессией он не был точно. Как и никто другой.

— **Однако русский рок был катализатором перемен в нашем обществе. Не возникла мысль, что ответственность за то, какую общественную жизнь мы сейчас имеем, несут в том числе и эти бунтари? Впрочем, они ведь были людьми, воспитанными в советском обществе, а значит, имели те же прекраснородушные заблуждения, что и мы все, включая Ельцина (человек человеку — друг, товарищ и брат; за граница нам поможет...).**

— Я не считаю, что русский рок был катализатором перемен в обществе. Одним из их симптомов — возможно. Я убеждён, что все общественные перемены в нашем обществе были продиктованы экономическими обстоятельствами и проблемами нравственности. К сожалению, перемены не состоялись или оборвались. Думаю, иначе и быть не могло. Такое прошлое, которое нам досталось, не изживается по мановению волшебной палочки. Особенно если основой государственного строительства является ложь. И у меня вполне категорические соображения по поводу ответственности. На мой взгляд, бунтари (в основном — равнодушные люди, совпавшие с важными общественно-политическими событиями во времени и пространстве) если и ответственны, то лишь за то, что не довели начатое до логического завершения. Другой вопрос, возможно ли это было? Можно ещё вспомнить хрущёвскую оттепель. Вы же не будете возлагать ответственность за её прекращение на тех, для кого она стала глотком свободы? И чтобы не было иллюзий, — я не могу разочароваться в связи с какими-то политическими идеями и персонами, поскольку никем

не был очарован. А те, кто вызывал и вызывает у меня уважение, — ныне или убиты, или поражены в правах. Нынешняя ситуация представляется мне вполне определённой, и меньше всего я готов винить в ней Ельцина или Горбачёва, хотя без них не обошлось. Другой вопрос, что распад империи и не мог происходить по-другому. Могли ведь быть и худшие варианты. И где-то они случались. И всё-таки не могу не добавить, что человек человеку по-прежнему друг, товарищ и брат, даже если он не подзревает об этом. И что за граница и не должна нам помогать. У них полно собственных проблем.

— **Давайте о вас. В 37 лет вы наконец выбрали путь — писательский. (Было, кстати, гуманитарное образование?) Ваш первый, дебютный, сборник «Легко», который вышел в 2000 году, произвёл на меня большое впечатление. Хотя там явно был поиск своего почерка. Но оттуда растёт, на мой взгляд, ваше последующее творчество. А как вы сами относитесь к этому сборнику? Да и был ли это дебют? В столе уже много чего лежало?**

— К великому сожалению, я не сумел получить никакого образования. Закончил школу, отслужил в армии, потом сменил место жительства, сразу создал семью и отложил возможное получение диплома на какое-то время. А с начала девяностых пришлось думать о выживании, хотя отсутствие образования — это единственное обстоятельство, о котором я сожалею. В молодости мне пришлось поучиться в средней школе милиции, которую я не закончил, протренившись с МВД, а в высшую школу милиции направить меня не сочли возможным (и слава богу). Так что, если я что-то и знаю, то всё это нанесено в мою голову случайным ветром.

Теперь что касается первой книжки. Я не писал в стол и не выбирал писательский путь. А в 37 у меня появился компьютер. И оказалось, что можно набирать текст и править, а не перепечатывать раз за разом, как я делал, поскольку отношусь к тем авторам, которые могут править свои тексты бесконечно. Хотя ничего написанного у меня не было, дело не продвигалось дальше пары листов. Возраст, компьютер, немного свободного времени — всё сошлось. К тому же, по ощущениям, «поезд уходил». И я стал писать. Стал писать, ориентируясь на прочитанное в детстве и на ощущение, что это я точно смогу.

— **Любопытно, какие книжки вы читали? Чему отдавали предпочтение? Помните, у Высоцкого: «Значит, нужные книжки ты в детстве читал...»**

— В детстве я читал то же, что и все. Обязательный набор. Жюль Верн, Лем, Стругацкие, Кларк, Бронте, Войнич и другие. Прочёл массу случайных книг лишь потому, что они оказались рядом. В 90-х — те книги, что начали появляться на книжных развалах. Фаулз, Моэм, Гари и одновременно Дик, Саймак, Толкиен, Льюис, Желязны и так далее.

— **А как вы думаете, на чём строит своё мировоззрение новейшее поколение, которое не читает, которое несёт книги, доставшиеся в наследство от родителей, в лучшем случае в библиотеку, в худшем — на помойку? Невежество было во все времена, но если раньше его стеснялись, то сегодня оно стало агрессивным. Как, например, обсуждают что-либо в социальных сетях: про обсуждаемое ничего не знаю, но мнение имею. И, как правило, негативное. Вероятно, новый способ самоутвердиться безнаказанно.**

— Я не думаю, что новейшее поколение не читает. Мне так кажется, что оно читает куда как больше, чем моё поколение, тем более что я убе-

жден, что СССР — как самая читающая страна — это миф. Да, часть этого чтения — посты в социальных сетях, но оно читает, читает много, пишет само, обменивается мнениями в сети о прочитанном.

— **Но от постов в соцсетях умнее не станешь... Блогерские посты — это чаще всего информация. А я про литературу, которая — информация плюс: развитие ума, души, вкуса. И многие ли сейчас способны прочесть то, что вы читали?**

— Обмен информацией — уже немало. На кухне всё это уже не заго-нишь. Что касается способности к чтению, она никуда не делась. Я убежден, что нельзя «выродить» народ. В каждом следующем поколении появляются и умные, и самостоятельные, и стремящиеся к образованию, пусть даже среда не способствует их реализации. В потенции — они есть. И уж точно среди молодого поколения не стало меньше читающих, чем было в конце прошлого века. И не только потому, что и тогда их было мало. Ко всему прочему, сложно оценивать что-то в статике, когда мир динамично изменяется. Да, книга уже не только пачка бумаги в твёрдой или мягкой обложке. Да, невежество никуда не делось. Но агрессивность — не появилась. Она всего лишь стала заметной. Как стало заметным всё. Что касается того, что «ничего не знаю, но мнение имею» — это, во-первых, не средняя температура по больнице, а во-вторых, не из нашего ли прошлого? «Я Пастернака не читал, но...»

Да, мы присутствуем при формировании нового общественного пространства, мы находимся в процессе. Пройдет ещё какое-то время, и он примет другие формы. И тут нельзя забывать, на каком фоне всё это происходит. Во всяком случае, не на фоне проповедей о мире, человеколюбии, честности, нестяжательстве и ценности человеческой жизни. Каков поп, таков и приход. Но всё это, в итоге, будет дуто ветром истории, надеюсь, не вместе с нами.

— **Вернёмся к вашей первой книжке.**

— Когда я начинал писать, всё ещё можно было абстрагироваться от происходящего вокруг. Или относиться к этому с юмором, сочтя болезнью роста. Всё ранее прочитанное создавало внутри меня нечто вроде литературной облачности. Но никакого дождя из неё не происходило. Я начал писать «от столба». То есть стал «производить» тексты, в которых сублимировал какие-то собственные воспоминания или ощущения и сначала отнёс их к заведующему кафедрой литературы коломенского пединститута Константину Григорьевичу Петросову. Он принял меня в прихожей своей квартиры на первом этаже пятиэтажки за «Шанхаем», «поругал», как я мог дать ему — старому больному человеку — читать такой рассказ, как «Рвущаяся нить», и спросил сколько мне лет. Я ответил. Он сказал странное: «Может быть, вы успеете». На этом наш единственный разговор закончился. Затем я дал эти рассказы Светлане Борисовне Волковой, и она настояла, чтобы я их издал. (До сих пор думаю, что она отнеслась к ним без придыхания, что отрезвляюще подействовало на мою самооценку). Она их расставила в определённом порядке и предложила название для книги, за что я ей благодарен, хотя и считаю, что поторопился с изданием. На тот момент я ещё не был способен довести тексты до удовлетворительного состояния. В настоящее время все те рассказы переписаны, некоторые кардинально.

— По поводу «Рвущейся нити» могу сказать, что перечитала рассказ недавно и продолжаю считать его очень сильным. При этом не понимаю, как вы, 37-летний, не побывавший в шкуре человека, стоящего одной ногой в могиле, сумели так описать его состояние... Состояние, которое старый профессор воспринял столь эмоционально.

— Этот ваш вопрос сродни вопросу, как архитектор может построить дворец, если он никогда не жил во дворце. А как я могу писать тексты, в которых главная героиня женщина? Всё это — реконструкция. Погружаешься в предполагаемые обстоятельства, натягиваешь на себя личину персонажа, прислушиваешься и описываешь ощущения, которые при этом возникают. В случае с пожилым человеком это не так уж сложно. Умножаешь доступную тебе данность на предполагаемый износ «механизма» и проецируешь полученное. Другой вопрос, будет ли результат иметь какую-то ценность.

— Один мой знакомый, не сказать, чтобы книголюб, вернув мне ваш первый роман «Миссия для чужеземца», перечитал все остальные романы, которые у меня были. Этот фантастический боевик, как его окрестили в издательстве «Альфа-книга», свет увидел в 2006 году, вы за него получили две литературные премии: «Меч без имени» и «Золотой кадуцей». Как случился поворот к фантастике — к фэнтези, к фантастическому реализму?

— Наверное, это в какой-то степени эскапизм.

— Бегство от реальности? В этом слове вы усматриваете некий не прямой, не терминологический смысл?

— Не бегство от реальности, а поиск её совершенства неподалёку. Совершенства (или яркого несовершенства), созданного собственными руками. Поиск ощущения, что испытывал бы, вероятно, создатель голема, который в финале творения действительно оказался бы похожим на человека. К тому же, если быть серьёзным, я никуда не уходил. Для того чтобы уйти в жанровую литературу из серьёзной литературы, надо сначала оказаться в серьёзной литературе. С другой стороны, если углубиться в эту тему, то легко обнаружить, что под ярлыками скрывается устоявшееся мнение о хорошем и плохом. О полноценном и легковесном. О серьёзном и мусорном. Я сейчас не говорю о позиции интервьюера. Это зачастую общее место. Я думаю, что лёгких жанров, презренных и несерьёзных направлений не бывает. Есть просто литература, просто музыка, просто живопись. Время всё расставит по местам. Хотя, скорее всего, свалит в кучу и завалит чем-то тяжёлым. В худшем варианте — ещё и нагадит сверху. Сегодня — всё это вроде возни на пяточке. Те две премии, которые у меня есть, — случайны. Это стечение обстоятельств. К тому же их абсолютная ценность ничтожна.

— Да ведь любое событие в жизни — стечение обстоятельств. Во всяком случае, даже название одной из премий — «Золотой кадуцей» — говорящее, тем более для автора-фантаста. Кадуцей как символ тайного знания — есть и такое понимание... А что значит «абсолютная ценность», по-вашему?

— В премиях и титулах нет и не может быть какой-то безусловности, которая устойчива к изменению вкусов и времени. Но сам магический реализм как инструмент — стал для меня важным, поскольку именно с помощью этого инструмента были созданы знаменитые книги, которые не оставили меня равнодушным. Здесь я уж точно не буду оригиналь-

ным. «Сто лет одиночества» Маркеса, «Улитка на склоне» Стругацких, «Солярис» Лема и так далее. Имён сотни, и я могу лишь сожалеть, что не тысячи. Как раз из-за отсутствия времени на чтение теперь я страдаю больше всего. И, кстати, где Чехов и где магический реализм, но и его хочется вставить в этот же список. Где-то неподалеку от Грина.

— В одном интервью вы как-то сказали, что для вас важно найти первую фразу будущего произведения и привели пример такой фразы: «Мой принтер пачкает бумагу по краям». В ней и правда есть какой-то побуждающий ритм... Если честно, то мне всегда хотелось задать писателям-фантастам детский вопрос: вы сначала придумываете свой мир — географию, названия, имена и т.д.? Или сначала разрабатываете фабулу? (Пушкин: «И даль свободного романа/ Я сквозь магический кристалл/ Ещё неясно различал».)

— Когда я читаю: «в каком-то интервью», я прекрасно отдаю себе отчёт в том, что таких интервью у меня было одно или два. И в том, что я только с некоторым напряжением улавливаю разницу между фабулой и сюжетом. И в том, что нет никаких правил, наработанных методик и чего-то такого похожего. Я не знаю, откуда что берётся. Просто в какой-то момент вырывает или замысел, или состояние, или краска. Слово или звук. Характеристика или воспоминание. А потом автор пересиливает состояние беспомощности, бездарности, безрукости, слепоты и слабоумия (кажущегося изнутри очевидным) и начинает работать. А там уже получается то, что получается. Единственное, что я могу сказать, — что никогда не пишу по плану и никогда не пишу как бог на душу положит. Текст растёт, как дерево. И в высоту (в длину), и в толщину одновременно. И я знаю точно, чем всё должно закончиться. (Иногда — ошибаюсь). Многие считают это глупостью, но мои герои нередко сами приходят к каким-то поступкам. (Мне так кажется.) Хотя некоторые знаменитые писатели, отвечая на такой вопрос, недоумённо хмурятся — вы что? Это просто буквы на бумаге! Не думаю, что они лукавят. Впрочем, об этом можно говорить бесконечно.

— Не знаю, известно ли вам мнение Романа Славяцкого, вашего коллеги по писательскому цеху и, кстати, по жанру фантастическому: «Его перу принадлежат не только превосходные новеллы, опубликованные на страницах «Коломенского альманаха» («Палыч», «Каждый охотник» и другие). Он сочинил уже десятка полтора романов, которые блестяще написаны — не только в смысле интриги, но и в детализовке, когда пейзаж, портрет или речь персонажа становятся осязаемыми, обретают плоть и звук». Полностью присоединяюсь. Это проявилось уже в рассказе «Рвущаяся нить» из сборника «Легко», рассказе традиционном, без мистики, без магии... Складывается впечатление, что традиционная проза как-то меньше стала вас интересовать.

— Нет, конечно. Хотя я и не знаю, что такое традиционная проза. Границы размыты. Для меня все мои фантазии — это традиционная проза. С некоторыми особенностями. Речь идёт всего лишь о выборе красок. Или даже нет. О материале, из которого изготовлен холст. В моём больше синтетики. Или же холста нет вовсе, и краски распыляются в воздухе.

— И всё-таки, герой (персонаж) в традиционной прозе (уж буду так называть), в магическом реализме и в фэнтези по сути своей, по «структуре» разный. И если старик Зуев в «Рвущейся нити» и художник Роман Суворов в «Палыче» — люди, так сказать, одной крови с нами, то Саша Арбанов в цикле «Арбан Саеш» уже совсем другой. Из другого мира.

— Знаете, он абсолютно не другой. Он самый обычный, помещённый в необычные обстоятельства. И все мои герои, даже наделённые автором некоторыми особыми возможностями, принципиально описываются мною как обычные люди. Конечно, с учётом каких-то сюжетных проекций. Знаете, есть ощущение, что не нужно ничего придумывать. К примеру, не нужно придумывать ужасы и всякие «мрачности», чтобы создавать такой жанр, как тёмное фэнтези. (Условный готический роман с кровавыми подробностями, с магией и тому подобным). Надо просто описывать всё, как «было на самом деле». И тогда всё будет. И ужасы, и всё подобное. Собственно, реальность как раз об этом.

— **В 2020 году вы опубликовали в интернете четыре книги. Как вы сами определили бы ваше профессиональное движение: рост, мужание?.. Изменился ли ваш герой? Он стал старше, мудрее?**

— Никакого роста или мужания я не фиксирую. Наверное, появился некоторый цинизм. Способность реализовывать замысел с меньшим количеством усилий и с большей точностью. Мои герои как были, так и остались разными. Возможно, они стали чуть менее суетливы. И их стало больше.

— **Несколько толстых романов за год. Как говаривал Тригорин в «Чайке»: «День и ночь одолевает меня одна неотвязная мысль: я должен писать, я должен писать, я должен... Едва кончил повесть, как уже почему-то должен писать другую, потом третью, после третьей четвёртую... Пишу непрерывно, как на перекладных, и иначе не могу.» Живёте, не отрываясь от компьютера?**

— Я мог бы ответить, что ощущаю собственную конечность. Не в смысле частей тела, а в смысле ограниченности во времени. Что должен закончить тексты, которые начал. Которые должны состояться. Но это будет только часть правды. Вся заключается в том, что я не могу писать столько, сколько хочу. Обстоятельства вынуждают заниматься какой-то иной деятельностью. Речь идёт о глубокой редакции чужих текстов и даже о написании текстов для других людей.

— **Признаться, я-то подозревала, что вы скажете, будто работаете кем-то вроде менеджера по продажам. Есть у меня знакомый автор, который именно этим занимается, вечно занятый, вечно в разъездах, и пишет только в редкие свободные часы... И в чужие тексты вы вкладываете душу? Или только интеллект, ремесло?**

— Автор, который хочет писать, должен «купить» себе время, чтобы иметь возможность работать дальше. Когда я написал четыре книги за год, я просто пытался это сделать — купить время, непрерывно производя тексты. Мне это не удалось. Поэтому теперь я с трудом выкраиваю время на собственные тексты. Или не выкраиваю вовсе. Так вышло. А пишу что-то другое. Не всегда под собственным именем. Хотя и в этом случае выкладываюсь по полной.

— **Наверное, над вами довлеют сроки сдачи «заказа»? Этот писательский невроз...**

— Никакого невроза, просто работа. Не всегда лёгкая, часто — любопытная, почти всегда — поучительная. Неизменно огорчающая, поскольку она забирает время, которое я мог бы употребить с большей пользой. И если возникает такой вопрос, то, когда я писал только свои тексты, я не гнал книгу за книгой. Они писались параллельно, поскольку каждую

книгу надо пережить и передумать. Прочувствовать и разглядеть. Не знаю, как у других, но я никогда не ловил себя на ощущении, что я что-то придумал. Для меня всё выглядит иначе: ах вот как это было на самом деле.

— **Интернет — палочка-выручалочка для пишущих? Каковы, на ваш взгляд, его преимущества и недостатки? Для вас равноценны книга, которую можно взять в руки, и текст в планшете?**

— И там, и там — текст. Интернет — это возможность. Средство коммуникации. Возможно, палочка-выручалочка. Для того, кто сумеет ею воспользоваться. Попадёт в струю. Окажется востребован. У интернета не может быть недостатков, как их нет у машины, телевизора или телефона. Разве что недостаточная скорость и сумасбродные государственные блокировки. Речь идёт о цензуре ресурсов и страниц в интернете.

— **Вы пишете сценарии для компьютерных игр: пробуете силы в ЛитРПГ — относительно новом, как поясняет Википедия, «поджанре фантастической литературы, основанном на субкультуре ролевых компьютерных игр». Это естественный интерес человека XXI века или писательское профессиональное стремление быть в мейнстриме?**

— Я уже не пишу сценарии для компьютерных игр. Более того, я не играю в компьютерные игры. Это увлекательно, но на это уходит слишком много времени, дороже которого ничего нет. Для написания сценариев необходимо, чтобы кто-то снова предложил мне эту работу, чего пока не происходит.

— **Ваши книги в жанре фэнтези появились именно так — по чьему-то предложению?**

— Нет ни одной книги, которую я написал по чьему-то предложению, исключая ту, которая связана с конкретной игрой. Она писалась параллельно с написанием сценария к игре, к которой я имею отношение. Но даже в её случае была задана только тональность и представлен перечень желаемых нот, которые было бы неплохо использовать. То есть всё, что я написал и, смею надеяться, напишу, было продиктовано только историями, которые я сам хотел зафиксировать. И я уже не пробую силы в ЛитРПГ. Для написания текстов в стиле ЛитРПГ (повествования, в котором герой оказывается внутри компьютерной игры) необходимо, чтобы автор «несло» на этой теме или книги в этом жанре из него вымогала публика. Мне эта тема не слишком интересна. Обозначение — ЛитРПГ — могло промелькнуть в аннотации или в тэгах к публикациям конкретного текста. И тут всегда нужно иметь в виду, что аннотации к книгам пишутся автором, но иногда, если речь идёт о каких-то серьёзных интернет-ресурсах или больших издательствах — редактируются. (Случается, «редакторы» даже меняют названия текстов или ставят обложки без согласования с автором. И не всегда это бывает удачно, и даже не всегда соответствует содержанию книги.) Собственно, если говорить о книге «Extensio» (расширение, пространство — латинское слово), которую я написал в прошлом году, — это единственный текст, что по формальным признакам может быть отнесён к этому жанру. Но он был продиктован определённым сюжетом и по существу не вписывается в понятие «ЛитРПГ». Это просто книга. Возможно, необычная. Её герой не попадает в игру. Он в ней создан. И это не совсем игра. И он не может смириться с тем, что его нет в физическом смысле. Он пытается доказать, что это не так. И так далее.

— О как! Самоидентификация человека в цифровом мире. Тема серьезнее, чем можно себе представить... Герой терпит фиаско? Впрочем, лучше скажите, где и как эту книгу можно найти.

— Найти этот текст легко. Для этого нужно набрать в поисковике её название и фамилию автора, и жаждущий сразу обнаружит несколько ссылок, где её можно приобрести. Но только в виде файла. Можно заказать бумажную по принципу — Print-on-demand, POD — но мне это представляется неподъёмным в смысле цены.

— Лев Додин, театральный режиссёр, заявил как-то, что ни в коем случае не ставит спектакли для зрителя. Исключительно для удовлетворения собственных творческих амбиций... Вы имеете в виду своего читателя? Если да, то кто он, по-вашему?

— Возможно, такой читатель есть. В таком случае я его всегда ставлю перед необходимостью принимать что-то непривычное. Иначе говоря, очень редко пишу то, что похоже на мои предыдущие тексты. То есть, чаще всего обманываю его ожидания. Мы все склонны к привычному. Заметьте, даже в поисковиках есть сервис — найти фильм, похожий на... В моих сюжетах есть некие общие черты, но все книги разные. Они даже в разном жанре внутри самого понятия — жанровой книги. Я пишу для себя, руководствуясь единственным по существу доступным для меня критерием: для того, чтобы было интересно читателю, должно быть интересно автору. Хотя и отдаю себе отчёт, что по уверениям некоторых литераторов это один из признаков завязтого графомана.

— Надеюсь, автора «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых» эти литераторы не упрекают в завязотом графоманстве... На обложках ваших книг в последнее время видим работы Андрея Мещанова. Он был вашим другом, единомышленником, судя по всему, вас связывала общность мироощущения — метафоричность, философичность, инфернальность... Наверняка было и творческое взаимовлияние. Что вас связывало по жизни?

— Андрей Мещанов был моим другом, крёстным моей дочери. Не могу с абсолютной уверенностью судить об общности мироощущений, но на принципиальные вещи мы смотрели одинаково. Иногда — с разной степенью категоричности. Его работы кажутся мне значительным явлением. То есть, он был настоящим художником, который не должен забыться. Его отношение к моим текстам было сложным. Он ими не зачитывался, если и прочитал что-то — то немного. В этом нет ничего ужасного. Я никогда не навязывал свои тексты никому. На праздные вопросы всегда отвечаю правду: о чём твои книги? — О любви. — Что посоветуешь прочитать? — Ничего. Не нужно себя мучить. Если кого-то мои тексты интересуют, его эта отповедь не остановит. Если нет — на нет и суда нет. Картины Андрея я брал для своих виртуальных книжек сначала с его разрешения, потом с разрешения его вдовы.

— Раз брали, значит, понимаете и чувствуете символы и метафоры его картин так же, как он?

— Для этого вовсе не обязательно понимать и чувствовать символы и метафоры художника так же, как он. Достаточно почувствовать хоть что-то. Когда картина оказывается на обложке, изображение приобретает какое-то дополнительное качество. А если человек прочитает книгу с такой обложкой, то, возможно, восприятие картины художника изме-

нится ещё раз. Одно знаю точно, если книга плохая, никакая обложка её не спасёт.

— Вероятно, и вам как автору, пишущему в жанре магического реализма, важно чувственное, эмоциональное восприятие? Вы же не можете рассчитывать на полное понимание читателем вашего замысла? Толкование ваших метафор и символов? Скажем, «перекат», «аномалию» в рассказе «Кегля и Циркуль» не все воспримут одинаково с вами. У каждого ведь свой жизненный и культурный опыт. Добиться аутентичного понимания невозможно. Чувственного восприятия достаточно писателю?

— Мне довольно часто приходится разбирать чужие тексты, и я всегда стараюсь добиться от их авторов ясности повествования. Того же я добиваюсь и в своих работах. Другой вопрос, что иногда ясность оказывается недоступной мне самому.

— И всё-таки, мне кажется, взаимовлияние у вас с Андреем Мещановым было. Основанное именно на чувственном восприятии. Читайте ваш рассказ «Кегля и Циркуль», фантасмагорическое описание «переката», постигшего деревню, и вижу... картину Мещанова: «Циркуль осторожно подошёл к краю и едва сам не скovyрнулся. Окаймлённая чёрной каймой почвы и жёлтой полосой суглинка, где-то внизу плыла другая деревня. Можно было различить путаницу улиц, красную крышу деревенской школы, пуговицу водокачки, овраг, речку, лавку Маньки и яму возле неё, в которую пялился кто-то крохотный. Циркуль вздрогнул, осторожно поднял голову и посмотрел наверх. Показалось или в белёсом небе над головой точно блеснули его же глаза?» Или это моё субъективное ощущение?

— Мне сложно об этом судить. Об одном я могу сказать точно, мне всегда было о чём с ним поговорить. Но никогда темой этих разговоров не были картины Андрея или мои тексты.

— Есть у вас свободное время? Как его проводите? Андрей Мещанов, например, был художник и стрелок из лука, он и делал луки.

— У меня нет свободного времени. Если вдруг появятся ещё мои тексты, значит, оно случилось.

— Несколько слов о вашей семье.

— У меня трое детей. Два сына и дочь. Один уже взрослый, двое только начинают взрослую жизнь. Есть жена — заложница выбранного мною пути, ей очень нелегко. Всех их я очень люблю. Перед всеми ними чувствую себя виноватым. Потому что занимаюсь тем, чем занимаюсь.

— Они вас понимают? Одобряют?

— Возможно, они с этим смирились. В любом случае, они это терпят, что уже больше, чем я мог бы рассчитывать.

— Создаётся образ отшельника, человека, занятого главным делом своей жизни, у которого теперь, по уходе А. Мещанова, даже круга общения нет... Это верное впечатление? Но откуда тогда у вас знание жизни? Откуда такое владение бытовой речью? Раскройте створки своей раковины. Я понимаю, что вы человек, не склонный пускать в свой мир всех подряд, но хотя бы до возможных границ...

— Я не могу ответить на этот вопрос. Это как спросить у человека — откуда у вас абсолютный слух (которого у меня, кстати, нет). Мало того, это ведь всё оценочные категории, которые могут в какой-то степени совпадать с ощущениями субъекта, но уж точно должны поступать к нему

извне. Что касается общения — оно есть, но оно связано лишь с какими-то виртуальными знакомствами. И в этом общении речевые навыки точно не натренируешь. В любом случае на свете довольно много людей, которые говорят на одном со мной языке, видят в том же самом спектре и слышат в том же регистре. Или в схожем. И это никакая не тусовка, это просто круг общения, который формируется сам собой.

— **Вы как-то обмолвились о себе, о своей писательской судьбе: печальная история... Что имели в виду? Вроде бы возраст первоначального подведения итогов, когда мужчины пребывают в смятённом состоянии, прошёл...**

— Я ничего не могу сказать ни об итогах, ни о печальной писательской судьбе. Возможно, я обмолвился о чём-то подобном, не подумав. Или посетовал на что-то, не претендуя на фиксацию трендов. Пожалуй, всё, что с нами происходит, это банальные обстоятельства бытия. Да, они могут послужить поводом к разговору о смятении, завышенных ожиданиях, недореализации, гнусном текущем моменте, рефлексии или поисках чего-то там. А могут послужить триггером к написанию каких-то текстов. Наша реальность неотделима от той ситуации, в которой оказалась наша страна. В связи с этим или даже без связи с чем-то конкретным у меня нет никаких планов, но есть намерения. Есть тексты, которые я обязан написать. Обязан в соответствии с внутренним ощущением ответственности за героев, которым я дал жизнь, даже если это звучит пафосно и с претензией. Истории должны быть завершены. Превратиться в книги. Пусть — в виртуальные. Число таких книг достигает нескольких десятков. Для того чтобы они появились, я должен оказаться сильнее обстоятельств. Пока это не представляется возможным. Но я пытаюсь.

Знаете, в 2006 году вышла в издательстве моя первая книга. («Миссия для чужеземца» — Прим. ред.) Не изданная за мой счёт, а так, как и должны выходить книги. Так вот, я отнёсся к этому спокойно. Не испытал ни эйфории, ни особой радости, ничего. И при выходе второй книги. И третьей. И так далее. И теперь, когда они выходят уже только в интернете. Не потому, что я относился и отношусь к этому как к должному. Нет. Уж у кого-кого, а у меня к самому себе масса претензий. Просто как-то странно устраивать празднество, отмечая день, неделю, месяц, год жизни. Отмечать сам факт, что ты живёшь, дышишь, думаешь и пишешь. Не вижу повода.

— **Может, вы вообще человек малоэмоциональный? А что способно доставить вам радость? Сам процесс творчества — если не результат? Вдохновение? Звучит, я понимаю, пафосно, но тем не менее...**

— Я не могу сказать, что я человек малоэмоциональный. Напротив. Я сентиментален до невозможности. И среди моих возможных радостей с книгами связаны два момента. Первый — с тем, когда я заканчиваю очередную правку и ловлю себя на ощущении, что история состоялась. Второй — когда я начинаю новую книгу.

Александр Нефёдов

ЗНАЙТЕ: РОМАН ВАС ОЧЕНЬ ЛЮБИЛ

Александр Викторович Нефёдов родился в 1962 году в селе Малое Алексеевское (Ступинский район Московской области). Имеет два высших образования — в области информационных технологий и юриспруденции.

Работает в медиаотрасли уже более тридцати лет. Начиная спецкором газеты «Ленинское знамя», был заместителем главного редактора «Новой газеты», исполнительным директором газеты Правительства Москвы «Тверская, 13». В настоящее время — первый заместитель главного редактора Издательского дома «Чудеса и приключения».

Автор книг «Силуэты. Прошлое Подмоскovie в лицах», «Самый. Самое. Самая. Подмоскovie книга рекордов», «Жемчужное ожерелье Подмоскovie», трилогии о книгоиздательстве и просветителе XVIII века Н.И. Новикове. Публиковался во многих периодических изданиях.

Имеет ряд государственных и общественных наград, лауреат различных литературных конкурсов общероссийского масштаба.

Член Союза писателей России.

Изначально вся эта история задумывалась в совершенно иной стилистике изложения, и начинаться она должна была за щедрым банкетным столом в тесной редакции толстого журнала «Москва», куда судьба занесла меня по самому неожиданному поводу. Пролог должен, да нет — просто обязан был, плавно перейти в хитросплетение подземелий коломенского Тихвинского храма, где мы с героем повествования испуганно разглядываем настоящие человеческие черепа и как-то неожиданно для нас обоих произносим вдруг практически в унисон имя шекспировского героя. Затем красной линией вырисовывалась тема мастерских переводов сонетов, и, опять же по законам жанра, рассказ плавно перетекал к не менее любопытным страницам историко-прозаических штудий моего заветного друга. Венцом очерка виделась наша table-talk в дни празднования его юбилея, лукавая усмешка и, возможно, да нет, — наверняка, — очередное стихотворение-посвящение в копилку автора этих строк.

Всё к этому и шло... Мы встречались последнее время раз-другой в год, редко созванивались, но постоянно переписывались по электронке. Но на этот раз он мне позвонил в середине лета 2021 года и прямолинейно, без особых предисловий попросил: «Мне в следующем году исполнится 65 лет, редколлегия «Коломенского альманаха», зная нашу с тобой дружбу, просит тебя написать обо мне

небольшую заметку, ладно?». Я тогда отшутился: «А обо мне ты напишешь? У меня тоже ведь юбилей в следующем году, помнишь? В мае будет 60. Вроде недавно мой «полтинник» на берегах Северки отмечали, а уже...». Как нам не помнить. Тогда, у меня в гостях, во время посещения усадьбы книгоиздателя и просветителя Н.И. Новикова Авдотьино он вдохновился на цикл великолепных сонетов, один из которых затем открыл мою очередную книгу «Торжество слова и дела. Книгоиздатель Николай Новиков: возвращение из небытия» (Подольск, «Академия-XXI», 2015). Эту книгу я посвятил своему многолетнему мудрому наставнику — академику Сигурду Оттовичу Шмидту, написавшему предисловие к первой книге «новиковской трилогии». Теперь я знаю, нет — уверен, кому я посвящу грядущую книгу...

Следующий летний звонок прошлого года был из Коломны, но не от него, а от нашего общего друга-товарища по литературному цеху. Тот спросил о ходе работы над юбилейным текстом и между прочим сообщил, что герой моего повествования попал в больницу. Прошла ещё неделя. И когда раздался этот звонок, ещё не нажав на кнопку ответа, я уже догадывался, что услышу. Сердце подсказывало: «весть роковая». Да, сердце не обманешь... Так несколько часов работы и десяток тысяч знаков весёлого текста о моей более чем тридцатилетней дружбе с Романом Славацким потеряли свой смысл.

Нет, в камин рукопись не полетела. Всё прозаичнее — текст отправился в «корзинные» недра компа. А из недр, вернее — из дремучих буреломов моей памяти, начали всплывать совсем другие истории нашего удивительного знакомства, трансформировавшегося в проверенную временем дружбу двух совершенно разных по мировоззрению людей: сангвиника и холерика, истинного христианина и гностика, гения места и космополита, рьяного апологета русской классики и поклонника современной западной литературы, знатока поэзии Шекспира и любителя незатейливых рифм Шевчука... Мы так отличались друг от друга, даже внешне, что, будучи людьми практически одного поколения, словно и жили в разном мире. Он — в неспешном ритме провинциального города, я — в бешеной круговерти столицы. Он редактировал в тоненьком коломенском «Благовестнике» и толстеньком альманахе, выходящем раз в год. Мне же приходилось руководить ежедневными правительственными газетами и порой «дневать и ночевать» в редакции. Тем, наверное, и ценнее были наши, по большому счету, — довольно редкие встречи. И если уж они складывались, то превращались в долгие беседы, в череду откровений и открытий. Об этом, пожалуй, теперь важнее написать, нежели о наших совместных путешествиях по подмосковным городам и весям.

Мы говорили о главном и вечном. О поэзии и литературе. О загадках творческого процесса. О религии. Ничего друг другу не навязывали во мнениях и, как-то трудно в это поверить, — никогда не спорили. Никогда! И наши увлекательные беседы, порой продолжающиеся часами, уносили нас за грани бытия. Мы были уже не «здесь и сейчас», а где-то на просторах Древней Руси, у подножия языческого капища, приставали на галере к берегам Эллады или вставали лагерем у стен легендарной Трои. Только через четверть века нашей дружбы, и в это тоже трудно поверить, я узнал имя его супруги — Маргарита. А он познакомился с моими детьми,

да ещё сразу, в одночасье, что было для меня самого впервые — со всеми детьми разом от всех моих жён: я тогда их собрал вместе, чтобы показать место, где необходимо развеять мой кремированный прах. Единственным участником этого полумистического действия на берегу реки Северки был, помимо моих детей, Роман Славацкий!

Если эти строки читают сейчас сыновья Романа и его Маргарита — знайте: Роман вас очень и очень любил. Присылал мне фото шествия с детьми в составе «Бессмертного полка» с очень трогательными комментариями. А Маргарите посвящал неподобные стихи. Настолько они были хороши, что дали мне повод неплохо попить за столом в редакции журнала «Москва». В юбилейный год первой публикации романа «Мастер и Маргарита» этот журнал, где нетленное произведение М.А. Булгакова в сокращённом варианте публиковалось в 1966 году, объявил тематический поэтический конкурс. В нём приняли участие сотни поэтов со всей России и даже зарубежные авторы. В итоге, одним из призёров стал Роман Вадимович Славацкий, которому причиталась некоторая денежная сумма, диплом в золочёной раме и ещё не помню какие награды. К тому времени друг мой стал отчасти «тяжёл на подъём» и в столицу ехать заленился. В итоге получать награды лауреата, говорить тёплые слова в адрес редакции журнала и в адрес славного поэта, посвятившего на самом деле стихи не булгаковской Маргарите, а своей супруге, о чём мне Роман поведал в самый последний момент, пришлось мне. И попить, конечно, за одним столом со славной поэтической и прозаической братией.

Говорить о поэтическом даре Романа — дело благородное, но вряд ли благодатное, особенно на страницах «Коломенского альманаха» — здесь это не новость. В моём кабинете среди многочисленных книжных полок есть и заветная, где пёстрым рядом теснятся поэтические сборники Романа, в том числе увидевшие свет стараниями Издательского дома «Лига». Их отличают изящество оформления, великолепные иллюстрации. В год 400-летия памяти Уильяма Шекспира Роман перевёл целую серию его сонетов. Отдельным томиком под эгидой историко-литературного общества «Илион» вышел сборник Славацкого «Тёмная леди». В него вошли 28 сонетов Шекспира, посвящённых загадочной Тёмной Леди в обрамлении пяти сонетов самого переводчика. И завершает его — посвящение Маргарите... Не мне судить о качестве превращения русскоязычного подстрочника шекспировских строф в сонеты в интерпретации Романа Славацкого. Есть более авторитетные коллеги. К примеру, Борис Архипцев — знакомством с этим удивительным и талантливейшим виртуозом слова я также обязан Роману.

К Роману необычайно точно подходит поговорка «Где родился — там и пригодился». Он, потомственный коломенец, очень многое сделал за свою жизнь для изучения и прославления родного города. В Коломне есть даже мемориальная доска — она посвящена пребыванию здесь Анны Ахматовой — на которой запечатлены навечно стихи... Романа Славацкого. А как много он написал о Коломне краеведческих статей! С моей подачи и при моём непосредственном редакторстве он публиковал их, в том числе и в «Народной газете» Московского региона. В последние годы я «вытягивал» из него очерки для журнала «Чудеса и приключения». И мне было очень радостно за друга, когда после выхода его теперь уже

последнего очерка о башнях Коломенского кремля строгая редколлегия Издательского дома «Чудеса и приключения», среди которой есть суровые кандидаты и доктора наук, нахваливали этот его труд — плод многолетних исследований.

Он воспевал коломенский край и в прозе, и в стихах. Мне запомнился его цикл «Черкизовский Парнас», где он собрал всех, кто нам с Романом был «близок» по духу — Иванчина-Писарева, Брюсова, Шервинских, Лозинского...

* * *

На волнах памяти «приплываю» к отправной точке нашего знакомства. Произошло оно неожиданно и благодаря моему тогдашнему неуёмному желанию как можно больше писать для газеты. Меня, тогда спецкора главной областной газеты «Ленинское знамя», на самом изломе перестройки послали в Коломну на партийную конференцию. Старшие редакционные товарищи по компартии, умудрённые жизненным опытом и уже прекрасно понимающие, что дни «руководящей и направляющей» сочтены, решили «наградить» меня, недавнего делегата (как вскоре оказалось, последнего в истории) XXVIII съезда КПСС, ещё и этим «партсборищем». На исходе второго дня областной партконференции я, наконец, вырвался из актового зала Дворца культуры и... отправился в музей. Кроме репортажа с конференции мне хотелось привезти из командировки и что-то более интересное для читателей. В написании корреспонденций из краеведческих музеев я тогда уже поднаторел. Да и музеи, никого не хочу задеть и обидеть, в ту пору были похожи и находились чаще всего — в церковных зданиях или в монастырских обителях. В храмах располагались краеведческие музеи Зарайска, Волоколамска, ряда других городов, Звенигородский музей-заповедник базировался в Саввино-Сторожевском монастыре, а главный областной — в Новоиерусалимском под Истрой. В Коломне тогда музей был в величественном храме Михаила Архангела. Под сводами этого музея, вернее храма, в археологическом отделе и произошла моя встреча с сотрудником, который оказался Романом Славацким. Что он мне тогда «понарассказывал»? Голова кружилась от восторга, а факты и даты в ней, в голове, смешались в грандиозную кучу. Но это всё как раз и было находкой для падкого на сенсации молодого журналиста. В итоге я написал, по оценке старших товарищей по партии и перу, скучный репортаж с конференции и развесистую клюкву про Либерию Ивана Грозного и ушедший под землю храм, колокольный звон с которого не даёт покоя коломенцам и по сей день. Позднее мы эту историю с Романом не раз вспоминали. Как и тот факт, что в пору нашего знакомства он увлекался язычеством и работал над «Мемориалом». К этому произведению мы ещё вернёмся, а вопрос религиозной трансформации Романа стоит, хотя и пунктирно, но затронуть именно в этой части моего повествования.

Как эта трансформация происходила внутренне, какой путь от увлечения язычеством и мистицизмом к истинной православной христианской вере он прошёл — тайна за семью печатями, и мне суждено было лишь к нескольким из этих печатей прикоснуться, а уж запечатывал их сам Роман. Важно только сказать, что с середины 1990-х годов наши встречи,

чаще всего мимолётные, происходили именно в храмах. Конечно, в коломенских. Сложилось так, что мне в буквальном смысле слова повезло быть одним из немногих российских журналистов, кому выпала доля стоять у истоков информационного освещения в светских, более того — в общественно-политических государственных СМИ, деятельности Русской Православной Церкви, получившей после 1991 года множество свобод. «Россия и православие» — так называлась еженедельная тематическая подборка, которую мне поручили вести в «Народной газете» Московского региона, где я работал сначала заведующим отделом гуманитарных проблем, а затем и заместителем главного редактора. Несколько лет в середине 1990-х годов я работал на МТК — областном телеканале, где также освещал деятельность РПЦ и, в частности, Московской епархии. В итоге я оказался единственным на тот момент журналистом, которого приглашал на все значимые богослужения тогдашний управляющий Московской епархией, постоянный член Священного Синода РПЦ митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Что этот неординарный человек значит для возрождения духовности коломенского края здесь, на страницах альманаха, объяснять не нужно. Стоит только сказать, что по приглашению владыки я приезжал в Коломну порой по несколько раз в месяц, отстаивал иногда многочасовые богослужения, на которых нередко примечал... Романа Славацкого. Так я и выяснил в ходе коротких с ним встреч и недолгих разговоров, что он от язычества в его очень широком контексте отрекается. Затем началась его эпопея с коломенским «Благовестником», он стал серьёзно разрабатывать тему церковного краеведения и наряду с этим оказался одним из зачинателей такого литературного феномена, как «коломенский текст».

Где лежат истоки «коломенского текста»? В так понравившемся мне «Мемориале» или в других, например, «подземельных» историях Романа Славацкого — судить не берусь. Наверняка найдутся охотники разобрататься в этом вопросе во всех отношениях досконально, тем более что, насколько мне известно, полемика вокруг этого литературного явления ведётся уже давно и довольно ревностно. Есть апологеты направления, есть и развенчивающие его противники. Но... Но хочу внести и свои скромные суждения, основанные на пристальном внимании к трендам современной англоязычной литературы. Дело в том, что прозаические произведения Романа Славацкого, позиционируемые как «коломенский текст», очень изящно вписываются в литературный мейнстрим США и Великобритании. Если обратиться к творчеству эссеиста и мыслителя, яркого представителя направления «новая искренность» американца Уоллеса Фостера (1962-2008), то в его текстах, порой провокационных, но всегда очень новаторских, можно отыскать немало параллелей с текстами Славацкого. То же во многом относится и к сюрреалистичным произведениям британца Стива Айлетта (род. 1967). Герои его «Шаманского космоса» — антропоморфные и зооморфные литературные трикстеры. На первый взгляд «подземные» трикстеры в произведениях Славацкого своими архетипическими ростками выходят из романа «Мастер и Маргарита». Но этот взгляд обманчив. М.А. Булгаков, в отличие от Славацкого, не проникал так глубоко в дебри аналитической психологии К.Г. Юнга. А именно там, нисколько не умаляя значение и влияние на всеобщий

литературный процесс Ф. Ницше, и можно усмотреть корни сюжетных линий в текстах Славацкого, имеющих порой хитроумно скрытый, доступный лишь посвящённым философский подтекст. Не могу с уверенностью сказать — был или не был знаком Роман Славацкий с двумя упомянутыми писателями-современниками — эти параллели или совпадения мы обсудить как-то не удосужились. Хотя они наши ровесники, но произведения их, написанные как раз в пору создания Романом того же «Мемориала» — тридцать-двадцать лет назад, только теперь переведены на русский язык (далеко не все) и среди читателей «нон-фикшн» имеют ошеломительный успех. Что ж — у нас, в России, как всегда, нет своего пророка. Мы продолжаем угодливо оглядываться на Запад даже в литературном процессе...

Когда задумывался первоначальный текст, посвящаемый грядущему 65-летию Романа Славацкого, автор этих строк тешил себя надеждой, что перед его публикацией сам герой прочитает опус о себе и внесёт в него лепту уточняющей правды и правки. Не судьба. Пусть всё остаётся так, как есть. Как есть в моей памяти, в моей душе, в моём сердце. Благодаря моему гностическому восприятию *mira*, Роман останется со мною до тех пор, пока продолжается мой жизненный путь. Наши диалоги, наши теперь умозрительные путешествия обретают новые формы. И разве появление на свет этого текста и факт того, что вы его сейчас читаете — не яркое тому подтверждение?

ХРОНИКА

СЛОВАРЬ — ЛЕГЕНДА

Коллекция музея-заповедника «Царское Село» пополнилась предметами XIX - XX веков, изъятыми в ходе пресечения различных правонарушений и признанными культурными ценностями.

Наиболее значимым из них можно назвать энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона из 84 полутомов — редкое издание 1892 года. Раньше такой же словарь принадлежал Царскосельской императорской библиотеке, но был утрачен в военные годы.

Олег Владимирович Кочетков родился в Коломне в 1947 году. Поэт, член Союза писателей СССР. Долгое время работал в аппарате Московской организации Союза писателей России, ведя работу с молодыми поэтами. Создал в Коломне творческое объединение «Зелёные цветы», названного так в честь его любимого поэта — Николая Рубцова. На протяжении многих лет руководил им. Автор десяти поэтических книг, публикации его стихов в периодике не поддаются подсчёту.

Лауреат Всероссийской литературной премии Союза писателей России «Традиция», Есенинской — Московской городской организации СП России. Награждён литературной медалью им. И.И. Лажечникова.

И СКОЛЬКО НАМ ЕЩЁ ТАК ЕХАТЬ?

Та зима была суровой и вдобавок голодной. Январская метель днём и ночью кружила над нашим городком. Молочная мгла прилипала к низеньким оконцам. Вот в такой день — 5 января 1947 года — и раздался мой первый крик. Я родился в древней Коломне, взлелеянной тремя реками: Коломенкой, Москвой и Окой. По рассказам родителей, тогда, в голодный 1947 год, отец только и мог позволить себе принести в палату матери чугунок варёной картошки.

Моя семья состояла из рабочих. Отец, Владимир Николаевич Кочетков, всю жизнь слесарил на паровозостроительном заводе. Мама, Прасковья Григорьевна (в девичестве Аблазова), трудилась воспитателем в доме ребёнка. Корни моих родителей шли от Рязанской области, Рязского района, деревень Шереметьево и Дулов Луг. Сейчас этих деревень нет и в помине!

Отец родился 9 мая 1922 года. Для нашей семьи это всегда был двойной праздник, благодаря которому мне удавалось хоть что-нибудь узнать из его фронтовой жизни. Всю войну прошагал разведчиком, имел пять ранений и награждён многими солдатскими медалями. Вернулся отец в своё родное Шереметьево глубокой осенью 1945 года из далёкого госпиталя в Венгрии. Тяжёлое выдалось ранение, дошло до гангрены, хотели даже отрезать ногу. Но женщина-хирург не дала, воскликнув: «Как же он, такой молоденький, и без ноги!» И выходила!

Как он шёл, весь от жизни хмельной,
В кирзачах, в порыжевшей шинели,
С полустанка ночного домой.
И медали при шаге звенели. / Балалайка /

Кстати о медалях... В конце восьмидесятых я написал стихотворение «Бита», оно вошло в книгу «Надеждою ранят», вышедшую в издательстве «Советский писатель»:

И считалось особенным шиком —
Приспособить под биту — медаль.
(Жили в счастье и горе великом,
Что́ живущим тогда было жаль?)
Потому и забуду едва ли,
Как отец, перерыв весь комод,
Протянул мне из пасмурной стали
«За отвагу» и выдохнул: «Вот...»

И в конце стихотворения...

Что теперь запоздалый мой лепет,
Был соплив, мол, чего понимал!
(Проиграл я медаль, проиграл!)
Смысл не в том, что её не нацепит
В День Победы отец на пиджак —
Смысл в другом — что-то вышло не так!..

Он брал в плен «языков», форсировал Днепр. На его руках на берегу реки скончался смертельно раненный фронтовой друг — двухметровый богатырь старший сержант Ковешников. Всё это и многое другое удавалось узнавать раз в году после одной-второй его чарки: «За Победу!..»

Мама в войну пятнадцатилетней девчужкой рыла противотанковые рвы — жаль, в своё время не удосужился спросить: где? — и работала почтальоном в деревне Калинино.

Жили мы в подвале огромной пятиэтажки, построенной основателем Коломенского паровозостроительного завода немцем Струве. Она находилась в двадцати метрах от заводского забора и в семидесяти метрах от станции Голутвин. Это было, наверное, самое высокое здание в ту пору в городе: высота потолка на каждом этаже была 4,5 метра. Позже, когда мы переехали уже на четвёртый этаж этого дома, я катался на трёхколёсном велосипеде вокруг стола в комнате этой коммунальной квартиры, площадь нашей комнаты была 44 метра. Когда отец вешал оконную штору, он ставил табурет на высокий и широкий подоконник и как-то с трудом управлялся. А на подоконнике, особенно в пасмурные дождливые дни, я любил лежать-спать, глядя в окно на шумевший завод и слушая заводской гудок, перекликающийся с пароходными на реке Москве, которая протекала сразу за заводскими стенами. А дальше расстилался широкий Парфентьевский луг, и вдалеке — совхоз «Сергиевский»: всё это было хорошо видно с четвёртого этажа. Мама стелила мне какое-нибудь тряпье,

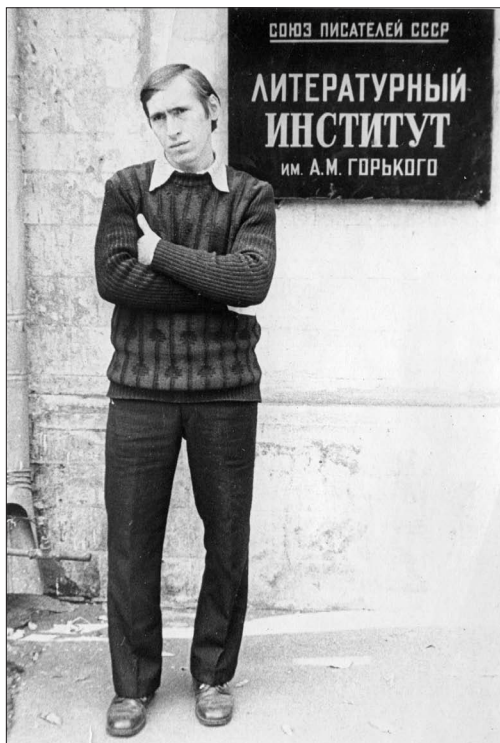

2001 год. Юбилейный вечер к 60-летию Юрия Кузнецова в Центральном доме литераторов. Стоит Ю. Кузнецов. Сидят (слева направо): Олег Кочетков, Владимир Крупин, Владимир Бондаренко, Вадим Кожин, Игорь Шафаревич, Владимир Гусев

и я лежал, слушал, смотрел, а по стеклу барабанили, струились дождевые капли...

После восьми классов, с 15 лет, я пошёл работать на тепловозостроительный завод учеником токаря и продолжил учёбу в вечерней школе. Брали на завод только с 16 лет, но у отца в отделе кадров был какой-то знакомый, и меня взяли в связи с тяжёлым материальным положением нашей семьи. До армии успел поработать и токарем, и слесарем-сборщиком непосредственно в тепловозосборочном цехе: ставил полы, крышу, карданный вал, реже — стёкла на тепловозах ТЭП-60.

В армию забрали в августе 1966-го. Служил в группе Советских войск в Германии, в Тюрингии, в городке Рудольштадте, был старшим радиотелефонистом в оперативно-тактическом ракетном дивизионе. До армии я активно занимался лёгкой атлетикой, имел второй разряд по бегу на средние дистанции и ещё один второй разряд в тройном прыжке. Все три года был чемпионом дивизии и армии в тройном прыжке с лучшим результатом — 13 м 86 см. На чемпионате Группы войск занимал 5-6 места; побил рекорды части по всем дисциплинам (кроме метания гранаты), включая полосу препятствий и марш-бросок с полной выкладкой, который выполнял за 23 минуты 46 секунд при оценке на отлично — 30 минут. До этого, «на гражданке», был чемпионом Московской области среди юношей до 18 лет в тройном прыжке. В Москве в манеже в Сокольниках на зимнем первенстве области по лёгкой атлетике видел «вживую» рядом тренировавшегося Валерия Брумеля — тогдашнего рекордсмена мира по прыжкам в высоту — 2 м 28 см, и двукратного бронзового призёра в тройном прыжке Витольда Креера, чей рекорд страны в ту пору — 16 м 71 см — продержался более десяти лет. Вообще, благодаря лёгкой атлетике

О. Кочетков возле Литинститута в год вступления, 1975 г.

я много поездил по Германии. Соревнования проходили в Веймаре, Йене, Потсдаме.

Поэзия приходила ночами, когда в казарме горел дежурный свет, а я впервые пытался что-то корябать на бумаге. В 1969 году произошли события на острове Даманском, и тогда, помню, написал: «Сопки, сопки, снег в глаза, но такой — впервые!.. Тихо катится слеза по щеке России...» и т.д. Стихи появились впервые в дивизионной газете, и там же было напечатано: «Помнишь, мама, как меня учила, в первый раз как в школу повела?..» Конечно, ничего из того «творчества» не вошло ни в одну мою книгу.

216

ОЛЕГ КОЧЕТКОВ

С раннего детства я много читал. И в армии тоже, благо в части была прекрасная библиотека. Взял ежегодник «День поэзии» за 1968 год. В конце оказалась опубликована анкета, обращённая к самым известным литературным критикам: «Кого Вы считаете самым значительным талантливым поэтом современности? На кого возлагаете самые большие надежды?» Каково же было удивление, когда мои собственные пристрастия — а я тогда много читал поэзии в сборниках и в различных альманахах — почти полностью совпали с мнением мэтров. В. Соколов, Ст. Куняев, Н. Рубцов, Н. Тряпкин, А. Передреев, А. Жигулин, Б. Примеров — вот эти имена назывались чаще всего! Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулиной, Окуджавы не было, и они тоже все «прошли мимо меня». Я, что называется, сразу попал «в десятку». Ведал ли тогда, что всего через девять лет Станислав Куняев напишет предисловие к моей первой книжке, а других, кроме Рубцова (его похоронили в Вологде в 1971 году), мне придётся провожать в последний путь по долгу службы, когда я почти десять лет проработаю в Московской писательской организации ответственным секретарём творческого объединения поэтов.

Отслужив, вернулся в Коломну и снова пошёл на тепловозостроительный завод. Работал слесарем, бетонщиком. Дважды в месяц ездил в Москву на заседания литературного объединения «Высота» при журнале «Советские профсоюзы», которым руководил бывший выпускник Литинститута Ростислав Александрович Артамонов. Возвращался во втором часу ночи с последней электричкой. Моя первая публикация на всесоюзном уровне произошла именно в этом журнале в 1971 году. Позднее стихи появились в первом номере «Юности» за 1972 год. А через три года

я стал участником шестого Всесоюзного совещания молодых писателей и в том же 1975-м поступил на заочное отделение Литературного института.

В Литинституте попал в семинар Дмитрия Ковалёва, поэта фронтового поколения. Что-то сразу у нас с ним, почти у всех семинаристов — а было нас на курсе семнадцать, — не заладилось. На занятиях скучновато, неинтересно, в одном из писем с очередным заданием он грозился меня отчислить, если дело «так пойдёт». Дмитрий Михайлович много болел, и вскоре его не стало... Наш семинар «подхватил» Николай Старшинов. Тут как раз наоборот — дело пошло. Начались обстоятельные, серьёзные, глубокие разборы стихов, профессиональные разговоры о поэзии...

Перед поступлением в институт мне посчастливилось быть участником Шестого всесоюзного совещания молодых писателей в семинаре Михаила Дудина и Станислава Куняева. Много полезных, необходимых слов тогда услышал и от того, и от другого... Позже Станислав Юрьевич напишет напутственные слова к большой моей подборке в журнале «Смена» и предисловие к первой книге стихов «Время настало», изданной в 1977 году в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Молодые голоса» немислимым по нынешним меркам тиражом 30 тысяч экземпляров! Он и дальше будет меня опекать, познакомив с Игорем Шкляревским, который в свою очередь, напишет предисловие ко второй книжке — «Травяная дорога» (1978 год, издательство «Современник»). Кстати, именно Шкляревский попросит Андрея Дементьева написать мне рекомендацию в члены Союза писателей СССР. Вторую даст Михаил Дудин. В 1980 году вступил в Союз писателей, и в этом же году состоялась защита диплома. Отзывы писали Н. Старшинов и В. Цыбин. Ходили слухи, что они друг друга видеть не могут! Но обошлось. Оценки обоих были — отлично!

После выхода моей первой книги в журнале «Новый мир» появилась статья Льва Озерова, где он не оставил от моего творчества камня на камне. Я — в отчаянии! Ещё бы, ведь это «Новый мир», и — такое! Звоню Куняеву, Шкляревскому — ни того, ни другого нет в Москве. На свой страх и риск кинулся в издательство «Молодая гвардия» к Юрию Селезнёву. Доводилось мне читать в журналах некоторые его статьи о литературе, в частности, о Достоевском. Его мысли и рассуждения были близки.

Первое, что сказал Селезнёв, дошло до меня гораздо позже, когда я достаточно «пообтёрся» в писательском мире: «Из пушки по воробьям они не стреляют!.. Вот Вознесенский, например, это — нейлоновая ёлочка, стоящая на асфальте, а ты — хрупкая маленькая веточка, но с живыми листочками, а ну как разрастёшься!» И повторил: «Из пушки по воробьям они не стреляют!»

Эти «они» дали о себе знать гораздо позже и очень больно... В 1991 году в издательстве «Московский рабочий» выходило моё избранное «Прощанье — прощение» — более 250 стихотворений! На руках уже была вёрстка книги с прекрасным рисунком на обложке: контурно обозначены обнажённые юноша и девушка — на коленях друг перед другом, оба до трагиваются до цветка, который между ними... Указан тираж — 10 тысяч экземпляров, и я уже получил 25 процентов авторского гонорара. И — вдруг! В последний момент книгу «убили», изъяв из производства, Кирилл Ковальджи и Татьяна Кузовлёва, якобы за слишком «почвенное» настроение автора, слишком противоречащее либерально-демократическим ве-

яньям в настроении современности... Они тогда занимали в издательстве какие-то немалые посты. Сыграло, я думаю, значительную роль и то, что я — ученик Станислава Куняева, известного в литературной среде как раз именно этими своими «почвенническими» взглядами... Потом был суд — я его выиграл, — издательство выплатило мне оставшуюся часть гонорара, но книга так и не вышла!

Возвращаюсь к детству... Каждый год на всё лето меня отвозили в деревню, вернее, в деревни: Шереметьево, Дулов луг и Калинино (Поповку). В последней жила родная сестра моей бабушки Алёны — баба Феня. Вот где было раздолье! Необъятная даль и степная ширь, саманные мазанки под соломенными крышами, по вечерам сидели с керосиновыми лампами — электричество появилось позже.

Сейчас часто вспоминаю Дулов луг, себя — трёхлетнего сорванца, катящего деревянное колесо от старой самопряхи по тёплой пыли деревенской дороги, и деда Григория, худого, в белой рубаше (он пришёл с войны с простреленной, незаживающей раной на ноге!), смотрящего на меня, заслоняясь от солнца «козырьком» смуглой ладони... Деда мы хоронили в 1951-м. Стояла поздняя осень, в избе — полно народа: дед был председателем колхоза. Мама говорит: «Сынок, подойди к дедушке, потрогай его лобик». Гроб — на столе, посредине избы. Я подошёл, протянул ладошку — ощутил ледяной холод... Рыдал я тогда впервые по-настоящему...

После смерти деда Григория и переезда бабушки Алёны в Коломну я чаще гостил в Шереметьево у деда Николая и бабушки Анисьи (на родине отца). По лестнице в сенцах с дедом забирались «на потолок» — на чердак, там ночевали на пахучем сене. Чтобы мне было удобнее улечься, дедушка светил трофейным «Даймоном», а я думал (ловил себя на мысли!): «Смотри, смотри, запоминай всё, люби, этого уже никогда не будет, не повторится...» Вот эти по сути совершенно взрослые мысли странным делом очень остро тогда откладывались в моей детской головёнке...

Сразу после армии я начал печататься в районной газете «Коломенская правда», задумывал создать литературное объединение «Зелёные цветы» — в память о своём любимом Николае Рубцове. Это, правда, случилось гораздо позже, когда уже стал членом Союза писателей. В этом начинании очень помогли тогдашние сотрудники газеты Галина Матвеева и Анатолий Кузовкин — и финансово, и с помещением. Великое им спасибо! Литобъединение просуществовало девять лет. Занимались два раза в месяц. Двое участников стали членами Союза писателей России: Вадим Квашнин и Татьяна Башкирова — говорю не без гордости!

После Коломзавода, так у нас называют тепловозостроительный, успел три месяца поработать корреспондентом в заводской многотиражке «Куйбышевец» и опубликовать в ней в нескольких номерах подряд, с продолжением, поэму «Кровинка России» о коломенской героине Клаве Дарзимановой, погибшей в конце войны в девятнадцатилетнем возрасте... Большой отрывок из неё напечатала «Коломенская правда». Ни в одну из своих книг эту поэму я не включил. Может, и зря. Боялся, что это — мой ранний поэтический опыт. В поэме много глав, и каждая предваряется эпиграфом из воспоминаний учителей Клавы и из разговора с её мамой, с которой я встречался, беседовал. Надо бы сейчас взглянуть на эту вещь, спустя полстолетия...

Во время службы в армии в Группе Советских войск в Германии, 1967 г.

По рекомендации Станислава Юрьевича Куняева меня взяли на работу в Московскую писательскую организацию на должность секретаря творческого объединения поэтов. А неизменным председателем был Владимир Дмитриевич Цыбин. Вот тут-то я окунулся в настоящую московскую литературную жизнь! В самое, что называется, её пекло! Творческое объединение насчитывало 600-700 человек (плюс-минус: кто-то умирал, кого-то принимали в Союз). В мои обязанности, кроме жилищных вопросов и организации похорон, хотя я в них по долгу службы должен был постоянно участвовать, входило всё, что касается жизни поэтической секции. Организация самых различных встреч и поэтических вечеров, составление наградных листов к юбилеям и поздравлениям, приём документов на вступление в СП и подготовка, очередность к слушанию на бюро, непосредственно приём в Союз, а также подготовка, очередность абитуриента к обсуждению на Приёмную комиссию и т.д., и т.п. И эдак без малого 10 лет! Писать удавалось только раз в году, в отпуск, осенью. Брал в Литфонде путёвки в Малеевку, Пицунду, чаще — в Голицыно, и все 26 дней (срок путёвки) работал как проклятый, зная, что ещё целый год не будет такой возможности. Приезжал в Дом творчества с кипой бумаги — ни одной мысли, заготовки в голове — и заставлял себя писать по 2-3 стихотворения ежедневно! Выхода не было!

С Куняевым наше сближение произошло не случайно... Уже позже я узнал, что он был самым близким другом моего любимого Рубцова и во многом открыл, определил его судьбу, работая заведующим поэтическим отделом в журнале «Знамя». Ещё при жизни поэта он писал в своей книге «Метель заходит в город»:

Если жизнь начать сначала —
В тот же день уеду я
С Ярославского вокзала
В Вологодские края.
Перееду через реку,
Через тысячу мостов
Прямо в гости к человеку
По фамилии Рубцов...

Чемпионат ГСВГ по легкой атлетике в 1968 г. Соревнование по тройному прыжку, где я занял 5-е место

Потом, после смерти поэта, он напишет:

Мы были с ним знакомы, как друзья,
Не раз в обнимку шли и спотыкались...
Его дорога и моя стезя
В земной судьбе не раз пересекались...

Так что всё неслучайно...

Однажды Станислав Юрьевич позвонил мне и попросил поучаствовать в беседе с фанатами Высоцкого. До этого он напечатал несколько статей о барде в «Литературной газете», где обстоятельно разобрал творчество «кумира» и критически о нём отозвался. Фанатов было четверо: три парня и девушка. Все — со значками Высоцкого на груди (наподобие октябрятских звездочек с ребёнком Лениным). К нам присоединился прозаик Юрий Доброскокин и детский писатель Игорь Мазнин. Разговор проходил за угловым столиком в нижнем буфете ЦДЛ. Куняев принёс со стойки несколько бутылок «Ркацители». И началось... На все наши разъяснения и возражения мы слышали только одно: «Он — гений, он — гений, он — гений!» Больше часа, используя всю свою колоссальную эрудицию, Куняев пытался им что-то объяснить, хоть как-то их вразумить, всё — тщетно! И тут меня осенило... Дождавшись паузы, я начал проникновенно: «Тихая моя Родина! Ива, река, соловьи... Мать моя здесь похоронена в детские годы мои». И так — до конца! Сразу возникла мёртвая тишина... И вдруг — первые слова: «Кто это?» Я расхохотался: «Стас, о чём с ними говорить — они о Рубцове даже не слышали!» Я оставил свой телефон

девушке, сказав, что вот выйдет первая книга Владимира Семёновича «Нерв» (она была уже в производстве в издательстве «Современник», редактором — мой старый приятель поэт Виталий Мухин), и вы увидите, что строки на белом листе бумаги беспомощны без гитары, без хриплого исполнения и всего харизматического облика барда... А до этого Мухин мне много рассказывал, как они вместе с Мариной Влади долго, тщательно отбирали стихи для «Нерва». Месяца через два-три раздаётся телефонный звонок, робкий голос: «Олег Владимирович, а вы оказались совершенно правы. Я достала с большим трудом книгу, прочитала и просто совершенно подавлена: поэзии нет совершенно, пустота...» Не скрою, пусть поклонники «гения» на меня обижаются — мне эти слова легли на сердце! А тут ещё совсем недавно певец Григорий Лепс ляпнул по телевизору: «Высоцкий — это Пушкин сегодня!» Докатились, что называется...

Оказался я как-то (а оказаться было нетрудно, мой кабинет — под ним!) в ресторане ЦДЛ за одним столиком с прекрасным актёром Сергеем Никоненко и талантливым кинорежиссёром Руستمом Хандамовым. И за рюмкой прочитал только что написанное стихотворение «Белогвардеец». Оно довольно длинное... И вдруг Никоненко просит, чтобы я прочёл его ещё раз... Недели через три встречаю Хандамова в переходе буфета ЦДЛ, и он говорит: «А знаешь, Никоненко, выступая на своих творческих вечерах, читает твоего «Белогвардейца!» Я удивляюсь: «Так оно же нигде не напечатано ещё, откуда он его знает?» — «А помнишь, ты его два раза прочёл? Он его запомнил, ему этого достаточно...»

Ещё раз об актёрах... Только-только вышел фильм «Лермонтов», режиссёром которого был народный артист СССР замечательный актёр Николай Бурляев. Фильм практически ещё никто не видел (по-настоящему, на широкий экран он так и не вышел), а на него буквально обрушилась вся наша либеральная — а другой, кроме Прохановского «Завтра», у нас нет — пресса! На это, кстати, сразу указал Вадим Валерьянович Кожинов, уже успевший издать книгу о Николае Рубцове. Я нашёл единственный в Москве кинотеатр, где-то на шоссе Энтузиастов, где шёл этот фильм, посмотрел его в пустом зале и... написал стихотворение «Мои братья и сёстры стоят у станка», посвятив Бурляеву. Позже это стихотворение появилось в «Дне поэзии» — 1986 г. Николай Петрович приехал в ЦДЛ, закупил целую пачку ежегодника, и мы более часа проговорили о многом в кабинете секции поэзии.

Вадим Валерьянович вообще был очень увлекающейся натурой. Однажды он устроил в ЦДЛ вечер феноме-

Николай Бурляев на съемках фильма «Лермонтов», где он и режиссер, и в главной роли Лермонтова, 1985 г.

*Дорогому Олегу Коже-
вичу! Сердечно, братьям, Бурляев*

нального гитариста-виртуоза — Сергея Орехова. После его изумительного исполнения «Чардаша» В. Монти весь зал, просто ошалевший, стоя аплодировал! Говорили, что где-то в Латинской Америке проходил большой международный фестиваль «семиструнников» и к Орехову подходили все мировые гитарные звёзды, чтобы хоть как-то дотронуться до него! К счастью, мне довелось его близко видеть, пожать руку...

В том же 1986 году я был одним из организаторов вечера к 50-летию Николая Михайловича Рубцова в Большом зале ЦДЛ. Снимало Центральное телевидение, народ стоял в проходах. Тем вечером познакомился с выдающимся русским скульптором Вячеславом Клыковым. Он к тому времени открыл первый (сейчас их четыре в стране) памятник поэту в Тотьме, на речке Сухонь, где Рубцов — на высоком берегу, в пальтишке, накинутом на плечи, с поднятым воротником, сидит на лавочке, положив ногу на ногу и сцепив пальцы на колене, «ушедший в себя», а за его спиной — пристань, и течёт Сухонь... Потом мы вместе открывали надгробие Пересвету и Осябье в Симоновом монастыре, памятник Сергию Радонежскому в Радонеже, близ Сергиева Посада. В мастерской у Клыкова на Большой Ордынке, где я часто бывал, приходилось видеть Савелия Ямщикова, Василия Белова, Юрия Кузнецова, Анатолия Заболоцкого (оператора фильмов В. Шукшина «Печки-лавочки», «Калина Красная»), Дмитрия Жукова, Сергея Никоненко, Сергея Бондарчука, Владимира Меньшова, Виктора Каратаева, Дмитрия Золотухина (актёра, исполнившего роль Петра I в фильме о юности императора), циркового артиста-акробата, знаменитого тем, что он сделал «арабское сальто» (это когда человек делает стойку и, сгибаясь, кладёт себе ноги на голову, образуя «кольцо») на вершине Эйфелевой башни, на парапете — снимок появился в журнале «Огонёк» (чуть не написал — «обошёл все глянцево-журналы»: их тогда просто не было).

Впрочем, с нашим великим поэтом Юрием Кузнецовым я познакомился гораздо раньше, даже раньше того, как стал председателем бюро творческого объединения поэтов после Цыбина. С Юрием Кузнецовым мы ездили в Польшу, на «Дни Варшавской осени», и в Воронеж на «Никитино-Кольцовские чтения», всегда селились вместе в двухместных номерах. Помнится, в Варшаве на одном из выступлений его спросили, что он думает о соотношении литературы Польши и мировой? На что Юрий чётко ответил: «Только у великого народа может быть великая литература!» К немалому неудовольствию наших хозяев... Он был честнейший, прямой, но очень деликатный... Он точно определял место многих своих собратьев по литературе, написав однажды: «Как пауза, возникнул Соколов, возникнул, ничего не обещая...», «И Передреев хмуро улыбнулся...». И это он мог себе позволить, сказав так про Соколова, одного из тончайших современных лириков. Снимать посмертную маску Передреева приезжал в морг Вячеслав Клыков... Анатолий тоже мало кого, и справедливо, видел перед собой, разве что Рубцова, Прасолова, Куняева, того же Кузнецова. Характера он был вспыльчивого, дерзкого, но отходчивого... Известно рубцовское: «Ты — Передреев, я — Рубцов! Давай дружить в конце-концов!» И дружили два прекрасных русских поэта.

И ещё об актёрах... В 1983 году в «Советском писателе» у меня выходит книга «Родное лицо». Я — ликую! Уже отметил в ЦДЛ это событие:

Я от Герцена шёл к Маяковке,
Нёс в руке своей книги сигнал.
Мы столкнулись на стынувшей бровке
Тротуара — и я вас узнал!
Как-то сразу мы разговорились
(Был с грустинкою глаз ваших свет),
И вы сразу ранимо открылись,
Что Рубцов — ваш любимый поэт!
/Памяти Анатолия Папанова/

Всё так и было... После...

Подписал я вам новый свой сборник,
Вы оставили свой телефон,
Я шагал проходными дворами,
Нашу встречу с собой уносил...
Так, наверно, бывает лишь с нами —
Собирался. Не позвонил!

Так всё и произошло. Анатолий Дмитриевич тогда спросил: «Лирика?»

Я кивнул... Он указал на верхний этаж стоящего рядом дома и сказал: «Сейчас буду читать!» Уже много позже, подходя к «Театру Сатиры», я увидел знакомые черты обогнавшего меня человека... Поднимаясь по ступенькам служебного входа в свой театр, он обернулся, посмотрел на меня, видимо, стараясь убедиться, что это именно я, тот случайный его знакомый... «Надо же, помнил про меня», — только я и подумал... Композитор Вадим Орловецкий вскоре напишет музыку на эти стихи, и получится песня, которую проникновенно исполнит Вениамин Никулин на большой пластинке «Памяти артиста», посвящённой Анатолию Папанову, вышедшей в 1991 году.

Несколько слов о Борисе Примерове... В Литинституте мы изучали его творчество, критики тогда о нём писали. Был он весь как бы не от мира сего. Нередко при встрече с какой-то вопрошающей, виноватой улыбкой роняющий мне: «Твоя «Овца...» Ну, твоя «Овца»». Он очень мучительно, болезненно воспринял реставрацию капитализма в России, незадолго до смерти выдохнув молитвенно: «Боже, Советскую власть нам верни!» У него были строчки: «Я в рубашке родился, без рубашки умру...» Они оказались пророческими: он повесился в Переделкине в рубашке с чужого плеча...

На «вольных хлебах» мне приходилось много рецензировать в журнале «Смена», в издательствах «Современник», «Молодая гвардия», «Советская Россия». Из многолетнего огромного потока, к своей радости, удалось «выудить» по-настоящему талантливого поэта Николая Коновского, написав положительный отзыв на его рукопись в «Молодой гвардии». Вскоре эта первая книжка вышла, и я поспособствовал его приёму в Союз писателей.

Анатолий Васильевич Преловский как-то предложил мне перевести якутского поэта Михаила Тимофеева. Вскоре книга «Ледостав» вышла в издательстве «Современник» с моими переводами.

За эти годы я стал лауреатом Есенинской премии Московской писательской организации и Всероссийской премии «Традиция» Союза писателей России. В моей родной Коломне литературная жизнь пошла в рост.

Уже третье десятилетие выходит — благодаря огромной инициативе его создателя и главного редактора Виктора Мельникова — ежегодный внушительный «Коломенский альманах». Я тоже принимаю в нём посильное участие, являясь членом редколлегии.

Часто вспоминаю: слезаем с поезда — электричек тогда не было — мама, папа и я на полустанке «Александр Невский», у платформы нас встречает бывший кавалерист, георгиевский кавалер дедушка Николай, нервно затягиваясь «козьей ножкой», с молчаливой лошадкой, запряжённой в повывающую виды телегу. Мы обнимаемся, целуемся, усаживаемся в душистое сено и катим в родное Шереметьево. А по обеим сторонам разбитой дороги, куда ни кинешь взгляд, высокие золотистые волны ржи, пшеницы... Телега покачивается, дедушка даёт мне в руки вожжи, лошадка, встряхивая гривой и отмахиваясь хвостом от назойливых слепней, везёт нас вдаль... Мы едем, едем, и сколько нам ещё так ехать...

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

УДАЛЕЦ МОЛОДОЙ

Юбилей коломенского поэта

Олегу Кочеткову исполняется 75 лет! Поверить невозможно, но это факт.

Стихи Олега Кочеткова органично гармонируют с его внешним обликом: они такие же молодые, свежие, стройные. В них отчётливо отразилась как его личная биография (крестьянские корни, рабочая юность, учёба в Литературном институте, жизненные университеты, активное участие в литературном процессе), так и судьба нашего Отечества с его прошлым, настоящим и будущим, с его противостояниями, сражениями и великими победами.

Гражданственная тема всегда находилась в центре внимания поэта. Горячая любовь к родине, большой и малой, самый искренний патриотизм, преклонение перед великой русской культурой, боль за утраты и потрясения буквально пронизывают творчество поэта. Всё это в строках его стихотворений не напускное, не дежурное, а идёт из сокровенных глубин души.

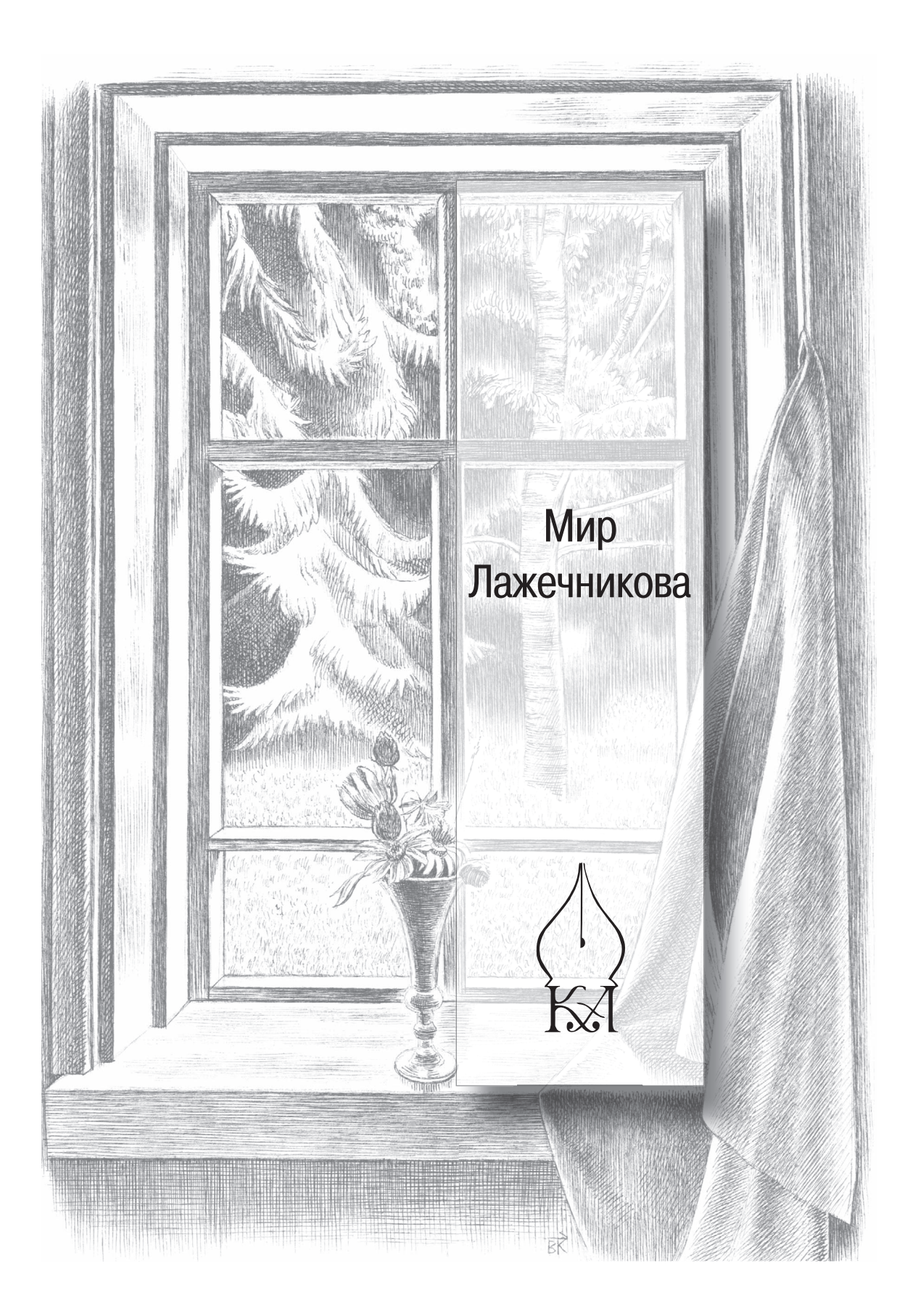
Ещё одна тема, без которой немислимо представить поэзию Олега Кочеткова — любовь к Женщине. Его любовная лирика, страстная и темпераментная, наглядно демонстрирует живительную сущность человеческого характера. Он много любил, ему отвечали взаимностью, и это тоже — традиция нашей литературы.

В дни празднования знаменательной даты хочется пожелать Олегу Владимировичу бодрости духа, неиссякаемого вдохновения, новых книг и публикаций.

Многая лета, дорогой Олег!

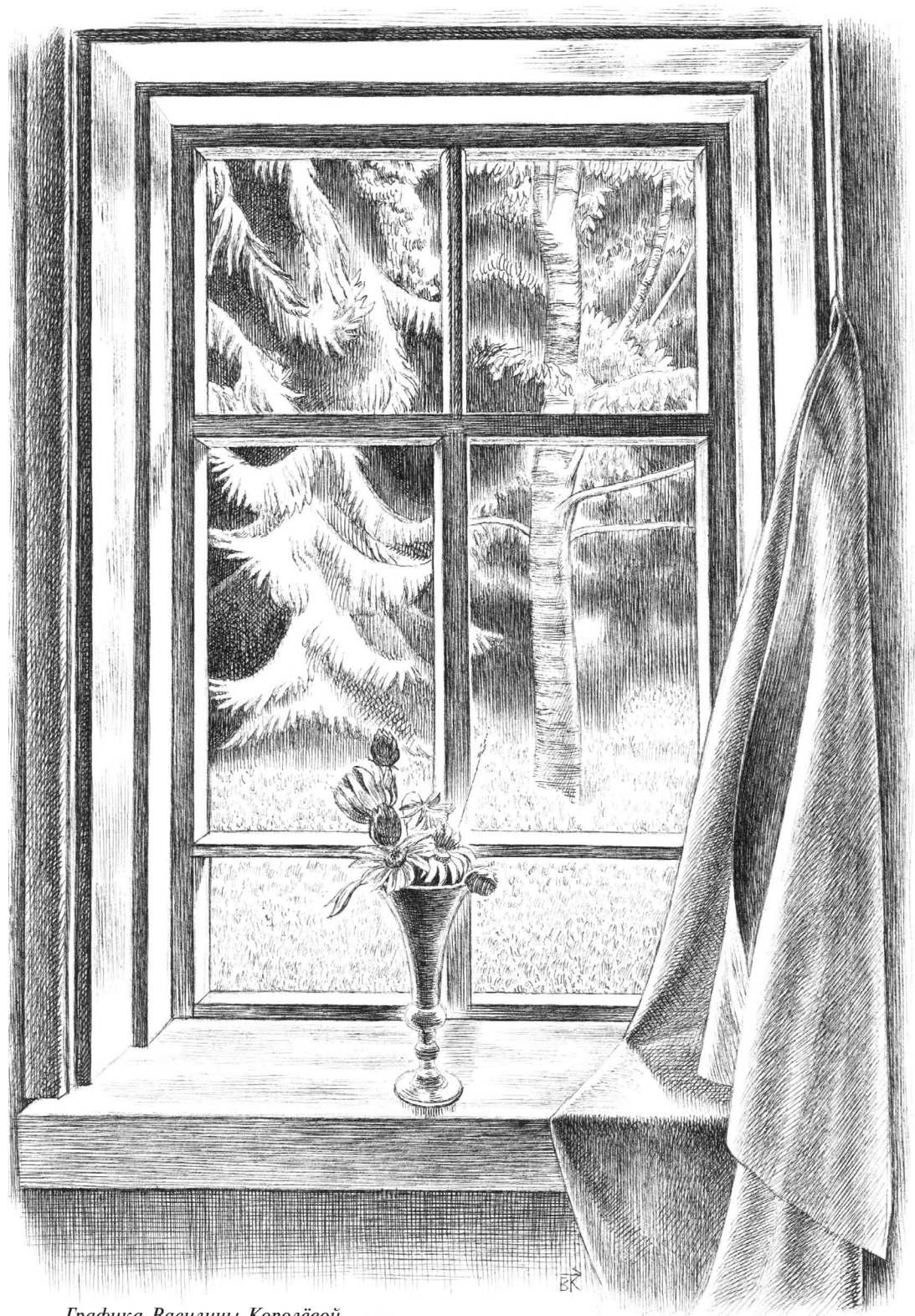
Сергей Казначеев

Коллектив редакции «Коломенского альманаха» присоединяется к тёплым поздравлениям нашего друга Сергея Казначеева и желает Олегу Кочеткову крепкого здоровья, творческой силы, вдохновения и высоты духа!

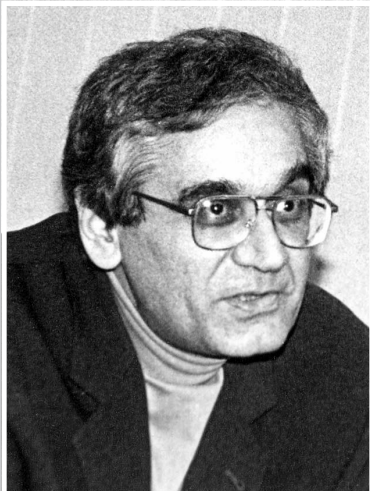
Мир
Лажечникова

Графика Василины Королёвой

Владимир Викторович

Владимир Александрович Викторович родился в 1950 году в городе Горьком (Нижегнем Новгороде), где окончил филологический факультет университета.

Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна), в котором трудится с 1979 года.

Автор многих работ по истории русской литературы и журналистики. Член редколлегии биографического словаря «Русские писатели. 1800-1917» (издательство «Большая российская энциклопедия»). Вице-президент Российского общества Ф.М. Достоевского. Руководитель проекта «Коломенский текст», включающего одноимённый сайт, книжную серию, научные сборники, статьи, конференции. Постоянный автор «Коломенского альманаха». Как лучший автор этого издания в 2018 году награждён Золотым дипломом и премией им. И.И. Лажечникова.

«ПОЧИТАЮ ПРИЯТНЫМ ДОЛГОМ ПОБЕСЕДОВАТЬ С ВАМИ»

(И.И. Лажечников в его переписке)

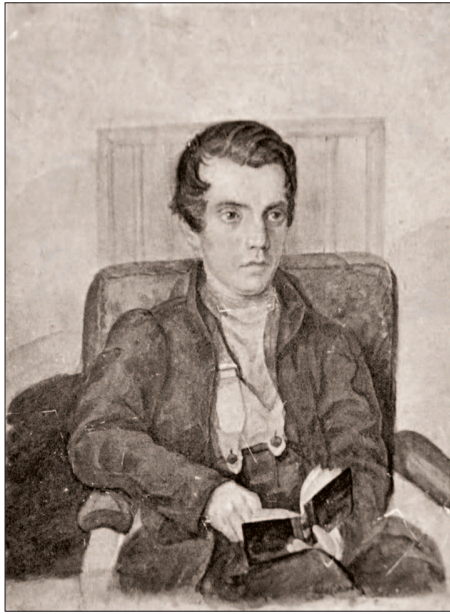
В. Г. БЕЛИНСКИЙ

От семейства, давшего России знаменитого столпа самодержавия К.П. Победоносцева¹, мы переходим к не менее знаменитому разрушителю существующего строя Виссариону Григорьевичу Белинскому (1811-1848). Диапазон дружеских связей И.И. Лажечникова может удивить, но надо разобраться в деталях.

1

Судьбе было угодно свести 33-летнего Лажечникова с 12-летним сыном уездного лекаря Бельнским — такова была отцовская фамилия Виссариона. В студенческие годы он поменял в ней одну букву, затерев своё происхождение от деда-священника в селе Бельнь (давняя традиция именованя духовенства по месту служения). Что-то в этом поступке напоминает нам молодого офицера Ивана Лажечникова, таким же способом в подредактированной фамилии (Лажечников) замаскировавшего

¹ См. первую публикацию настоящего цикла: Коломенский альманах. Вып. 24. 2020 год.

*Портрет В. Г. Белинского в юности.
Акварель работы Н. Мартынова (1838)*

купеческий след. Стремление избавиться от «неблагородного» сословного статуса сыграло существенную роль в формировании личности обоих наших героев, долго добивавшихся закрепления за ними потомственного дворянства, в творчестве же их сблизило наследие Руссо с его одержимостью социальным равенством как спасением от ущемлённости человеческого достоинства.

Через десятилетие после смерти Белинского, в эпоху подготовки реформ, когда был снят запрет с опального имени критика, Лажечников написал о нём воспоминания.

Приведём отсюда соображения о детстве «неистового Виссариона», объясняющие происхождение его оппозиционности и в то же время опирающиеся на знания и жизненный опыт самого мемуариста до такой степени, что многие детали можно признать плодом его творческой фантазии²:

«Общество, которое дитя встречало у отца, были городские чиновники, большею частью члены полиции, с которыми уездный лекарь имел дело по своей должности (от которой ничего не наживал). Общество это видел он нараспашку, часто за ерофеичем и пуншем, слышал речи, вращавшиеся более всего около частных интересов, приправленные цинизмом взяточничества и мерзких проделок, видел воочию неправду и черноту, замаскированные боязнь гласности, не закрашенные лоском образованности, видел и купленное за ведёрку крестное целование понятых и свидетельствование разного рода побоев и пр. и пр... Душа его, в которую пала с малолетства искра Божия, не могла не возмущаться при слушании этих речей, при виде разного рода отвратительных сцен. С ранних лет накопилась в ней ненависть к обскурантизму, ко всякой неправде, ко всему ложному, в чём бы они ни проявлялись, в обществе или в литературе. Оттого-то его убеждения перешли в его плоть и кровь, слились с его жизнью. Только с жизнью он и покинул их. Прибавьте к безотрадному зрелищу гнилого общества, которое окружало его в малолетстве, домашнее горе, бедность, нужды, вечно его преследовавшие, вечную борьбу с ними, и вы поймете, отчего произведения его иногда переполнялись желчью, отчего, в откровенной беседе с ним, из наболевшей груди его вырывались грознообличительные речи, которые, казалось, душили его. Он действовал на общество и лите-

² Близко знавший Виссариона и его семью Д.П. Иванов упрекал Лажечникова в том, что он дал «слишком широкий простор вымыслу» (В.Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977. С 55. Далее воспоминания о Белинском цитируются по этому изданию).

ратуру, как врач на больного, у которого прижигает и вырезывает язвы; можно ли сказать, что этот врач не любит человечество?.. Менее страстная и энергичная натура уступила бы обстоятельствам и не совершила бы того, что он совершил в такую короткую жизнь»³.

Эти горячие, хотя скорее всего и ушедшие от конкретных биографических обстоятельств⁴ слова написаны автором «Ледяного дома», возможно, самого яркого в XIX веке протеста против деспотизма неправой власти и против унижения человека. Таково было общее состояние духа, питавшее творчество романиста и критика-публициста. «По духу времени и вкусу он ненавидел слово “раб”», как сказано было Грибоедовым о таких людях.

Но вернёмся к первой их встрече. Директор училищ Пензенской губернии И.И. Лажечников приезжает в Чембар для ревизии местного уездного училища и экзаменует учащихся.

«...выступил передо мною, между прочими учениками, мальчик лет 12, которого наружность с первого взгляда привлекла моё внимание. Лоб его был прекрасно развит, в глазах светился разум не по летам; худенький и маленький, он, между тем, на лицо казался старше, чем показывал его рост. Смотрел он очень серьёзно. Таким вообразил бы я себе учёного доктора между позднейшими нашими потомками, когда, по предсказаниям науки, измельчает род человеческий. На все делаемые ему вопросы он отвечал так скоро, легко, с такою уверенностью, будто налетал на них, как ястреб на свою добычу (отчего я тут же прозвал его ястребком), и отвечал, большею частью, своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже в казённом руководстве, — доказательство, что он читал и книги, не положенные в классах».

Этот шупленький посланец из будущего был Виссарион Белинский. И ещё удивило экзаменатора, что награждённый им ученик «принял <...> книгу без особенного радостного увлечения, как должную себе дань, без низких поклонов, которым учат бедняков с малолетства». Мемуаристы обычно хорошо замечают то, что близко и знакомо им самим.

Настоящее сближение писателя и будущего критика началось, очевидно, после поступления Белинского на словесное отделение философского факультета Московского университета.

По дороге в Москву Белинский посетил родной город Лажечникова и поделился своими впечатлениями в письме от 21-31 декабря 1829 г. к А. П. и Е. П. Ивановым: «Коломна хуже Рязани, но лучше Пензы, и вся состоит из двух- и трёхэтажных домов. В ней живёт по большей части купечество. Мы только проезжали чрез этот город. Он имеет порядочную крепость, но услужливые господа французы разорили оную, и теперь она

³ Лажечников И. Заметки для биографии Белинского // Лажечников И.И. Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. М., 1980. С. 429-430. Далее мемуары Лажечникова цитируются по этому изданию, подготовленному Н.Г. Ильинской.

⁴ Упомянутый выше Д.П. Иванов опровергал самую возможность описанных сцен с участием отца Белинского, да и бедность семьи полагал преувеличенной мемуаристом. Лажечников, как мы полагаем, исходил из неких общих закономерностей русской жизни, так он писал и свои романы.

находится в самом жалком положении». Выпад в сторону французских разорителей показывает неосведомлённость восемнадцатилетнего автора в исторических подробностях: в 1812 году французы до Коломны не дошли и своему «жалкому положению» местный кремль был обязан исключительно «заботам» соотечественников. Впоследствии Виссарион несколько основательнее познакомится с русской историей.

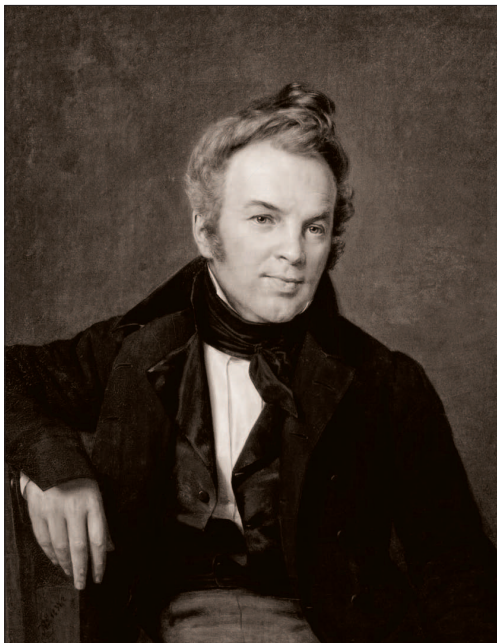
По просьбе учителя пензенской гимназии (где учился Белинский) М.М. Попова Лажечников замолвил слово за «ястребка» перед знакомыми профессорами (среди коих был и уже знакомый нам П.В. Победоносцев), но «блат» не потребовался, поскольку вступительный экзамен принимали другие профессора. Об этой второй встрече наших героев мы находим несколько строк в письме новоиспечённого студента к М.М. Попову от 30 апреля 1830 г.:

«Вы доставили мне случай видеть человека, которого я всегда любил, уважал, видеть и говорить с ним. Он принял меня очень ласково и, исполняя Ваше желание, просил обо мне некоторых из гг. профессоров, но просьбы его и намерение оказать мне одолжение не имели успеха, ибо я по стечению некоторых неблагоприятных для меня обстоятельств не мог ими пользоваться. *Я не из числа тех низких людей, которые тогда только чувствуют благодарность за прилагаемые об них старания, когда оные бывают не тщетны.* Хотя моим поступлением в университет я никому не обязан, однако навсегда останусь благодарным Вам и Ивану Ивановичу».

Где Иван Иванович «принял» юного провинциала? Судя по всему, эта встреча произошла в известном доме-усадьбе генерала А.И. Остермана-Толстого на Божедомке, у него Лажечников был когда-то адъютантом, а теперь, после переезда из Казани в Москву (1826), служил управляющим имением, разбирал семейную библиотеку и архив Остерманов (хозяин дома в том же году навсегда оставил Россию). Здесь был задуман и писался первый исторический роман Лажечникова «Последний Новик». В 1830 году он вместе с М.М. Поповым планирует также альманах «Пожинки», куда приглашается и Белинский. Замысел не был реализован, памятником ему осталось цитированное выше письмо Белинского Попову, из него мы узнаём, что будущий критик оставил занятия стихотворством, честно признав себя неспособным к нему (впрочем, поэтическая струна продолжала потом звучать в его критических статьях).

В марте 1831 года Лажечников отбыл из Москвы, получив должность директора училищ Тверской губернии. Белинский в том же году пытается напечатать свою антикрепостническую драму «Дмитрий Калинин», решительно запрещённую цензурой, а в сентябре 1832 года его исключают из университета: он так и не продвинулся дальше первого курса. Университетом для него стал кружок удивительного Николая Станкевича, в котором сошлись и заспорили о судьбах человечества ставшие потом знаменитыми писатели, мыслители, общественные деятели. Один из его участников К.С. Аксаков вспоминал:

«В этом кружке выработалось уже общее воззрение на Россию, на жизнь, на литературу, на мир — воззрение большею частью отрицательное. Искусственность российского классического патриотизма, претензии, наполнявшие нашу литературу, усилившаяся фабрикация сти-

хов, неискренность печатного лиризма, всё это породило справедливое желание простоты и искренности, породило сильное нападение на всякую фразу и эффект; и то и другое высказалось в кружке Станкевича, быть может, впервые, как мнение целого общества людей. <...> кружок этот, будучи свободомыслен, не любил ни фрондерства, ни либеральничанья, боясь, вероятно, той же неискренности, той же претензии, которые были ему ненавистнее всего; даже вообще политическая сторона занимала его мало».

Это было время увлечения немецкой философией, прежде всего Гегелем, идеи которого «неистовый Виссарион» (так его прозвали в кружке) схватывал на лету благодаря общению с одарёнными кружковцами: сам он немецким языком не владел. Мы не знаем, когда именно кружок стал посещать и Лажечников во время своих приездов в Москву. Замечательна в своём роде характеристика, которую дал Станкевич Лажечникову в одном из писем: «Человек не молодой, за 40, седой ещё с молодости, приятной наружности, небольшого роста, тихий, добрый, умный, но какой-то нерешительный в мнениях. Последнее понятно: начав жить в 18 веке и упитанный его началами, он подался однако за молодёжью, хоть совершенно сравняться с нею ему было трудно»⁵.

Белинский после исключения из университета впал в бедность, добывая средства к существованию случайными заработками: репетиторством, переводами, мелкой журнальной работой, однако отказываясь от предложений стать учителем в провинции, не решаясь оставить Москву с её столь необходимым кругом общения. В трудное время ему вновь попытался помочь Лажечников. Вот как он сам описал это в своих воспоминаниях:

«Приехав однажды в первых тридцатых годах из Твери в Москву, я хотел посетить Белинского и узнать его домашнее житьё-бытьё. Он квартировал в бельэтаже (слово было подчеркнуто в его адресе), в каком-то переулке между Трубой и Петровкой. Красив же был его бельэтаж! Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться к нему надо было по грязной лестнице; рядом с его каморкой была прачешная, из которой беспрестанно неслись к нему испарения мокрого белья и вонючего мыла. Каково было дышать этим воздухом, особенно ему, с слабой грудью! Каково было слышать за дверьми упоительную беседу прачек и под собой стукотню

⁵ Станкевич Н.В. Избранное. М., 1982. С. 129.

М.В. Белинская (слева) с дочерью
О.В. Белинской и сестрой
А.В. Орловой. Фотография

от молотов русских циклопов, если не подземных, то подпольных! Не говорю о беднейшей обстановке его комнаты, не запертой (хотя я не застал хозяина дома), потому что в ней нечего было украсть. Прислуги никакой; он ел, вероятно, то, что ели его соседки. Сердце мое облилось кровью... я спешил бежать от смрада испарений, обхвативших меня и пропитавших в несколько минут моё платье; скорей, скорей на чистый воздух, чтобы хоть несколько облегчить грудь от всего, что я видел, что

я прочувствовал в этом убогом жилище литератора, заявившего России уже своё имя!

Между разными средствами, которые мы отыскивали с Белинским, чтобы вывести его из этого ужасного положения, придуман был один и одобрен нами: идти ему в домашние секретари к одному богатому аристократу, страшному охотнику писать и печататься. Он известен в литературе под именем, помнится, Прутикова⁶. Обязанности секретаря состояли так же, как и прачек, в том, чтобы чистить, штопать и выглаживать чёрное литературное бельё его превосходительства. Зато стол, квартира, прислуга в богатом доме и небольшое жалованье, чего же лучше!»

В связи с этим обстоятельством и написано было первое из дошедших до нас писем Лажечникова к Белинскому⁷.

26 ноября 1834.

Тверь.

Я рекомендовал вас, любезный Виссарион Григорьевич, одному почтенному старичку, Александру Марковичу Полторацкому, 4-го класса, то есть превосходительному. Ему хочется напечатать свои юмористические статьи. Есть в них вещи порядочные, есть и много мусору, но грамматики ни на волос; иногда едва доберёшься до смысла. Возьмитесь переписать, переправить ему, вычистить годное и выкинуть негодное; словом, вымойте ему почище бельё литер. За труды он будет признателен. Что вы поделяваете? Что

⁶ Под именем Дормидона Васильевича Прутикова писал графоман А.М. Полторацкий.

⁷ Письма И.И. Лажечникова печатаются по изд.: В.Г. Белинский и его корреспонденты / Под. ред. Н.Л. Бродского. М., 1948.

Ник<олай> Ив<анович>⁸ исполнил ли своё обещание? Чьи это у него такие бойкие умные мечтанья (Литературные)? Описание царствования Екатерины нас восхищает. Уведомьте с первую почтою, кто автор их, также нет ли ещё литературных тайн?

Вас истинно любящий Ив. Лажечников.

*Р. С. Я было — забыл вам сказать, что г. Полторацкий ждёт вас к себе в Москве, в собственном доме у Покрова в Лёвшине⁹. Что ваше сердце?.. Летает ли в **Божий дом**? Об этом напишите ко мне по-французски.*

Белинский воспользовался предложением Лажечникова и некоторое время прожил в аристократическом доме Полторацкого в качестве литературного секретаря, однако синекура длилась недолго, и начинающий критик сбежал от благодетеля, как пишет Лажечников, «с своим добром, завязанным в носовой платок, и с сокровищем, которое он носил в груди своей». И далее по этому поводу: «Голова его высоко поднята, глаза его смело смотрят в небо: ни разу они, так же, как и сердце, не обратились назад к великолепным палатам, им оставленным». Высокий слог предопределён знакомым уже нам мотивом, сродным пушкинскому «самостоянье человека — залог величия его».

Лажечникова восхитили «бойкие умные мечтанья (Литературные)», и он жаждет узнать «мечтателя», скрывшего своё имя, не догадываясь, что вопрошает самого автора. Имелись в виду «Литературные мечтания», печатавшиеся в «Молве» в сентябре — декабре 1834 года. Это был яркий, эффектный дебют Белинского, и раскрытие этой «тайны», надо думать, ошастливило его старшего друга: Лажечников умел от души радоваться чужим заслуженным победам, что-то пушкинское было в нём в этом смысле.

«*Описание царствования Екатерины нас восхищает*». Подразумевалась оценка века Екатерины II, данная критиком в шестом фельетоне «Литературных мечтаний» («Молва», 1834, № 46, цензурное разрешение 16 ноября). Это место читается едва ли не как предисловие к будущему роману Лажечникова «Ледяной дом» (уже подошедшему к завершению), так независимо друг от друга думали в одном направлении два русских литератора:

«Тогда, в первый ещё раз после царя Алексия, проявился дух русский во всей своей богатырской силе, во всём своём удалом разгулье и, как говорится, пошёл писать. Тогда-то народ русский, наконец освоившийся кое-как с тесными и не свойственными ему формами новой жизни, притерпевшийся к ним и почти помирившийся с ними, как бы покорясь приговору судьбы неизбежной и непреборимой — воле Петра, в первый раз вздохнул свободно, улыбнулся весело, взглянул гордо — ибо его уже не гнали к великой цели, а вели с его спросу и согласия, ибо умолкло грозное слово и дело, и вместо его раздаётся с трона голос, говоривший: “Лучше прощу десять

⁸ Н. И. Надеждин, профессор Московского университета (его лекции слушал Белинский), критик, издавал в Москве с 1831 по 1836 г. журнал «Телескоп» и приложение к нему — газету «Молва». К их изданию Надеждин привлёк Белинского, в журнале изредка печатался и Лажечников.

⁹ То есть в Большом Лёвшинском переулке (дом сохранился и отмечен мемориальной доской). Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, что в Лёвшине — порушенный в советские годы православный храм.

виновных, нежели накажу одного невинного; мы думаем и за славу себе вменяем сказать, что мы живём для нашего народа...».

«Что ваше сердце?.. Летает ли в *Божий дом*?» Как понять эти строки? Божий дом — конечно же, московская *Божедомка* (вновь она является на нашем горизонте). Какие сердечные привязанности влекли туда молодого журналиста и почему об этом надо было писать по-французски? Комментаторы и биографы Белинского обходят стороной намёки Лажечникова. Сохраним и мы интригу до письма, отправленного из Твери через год.

За этот год произошли важные события в жизни обоих, послужившие ещё большему сближению. Белинский завоевал литературную известность своими публикациями в «Молве» и «Телескопе» (во время долгих отъездов Надеждина он даже становится на место редактора обоих изданий). Лажечников, к тому времени автор «Последнего Новика», высоко оценённого критиком ещё в «Литературных мечтаниях»¹⁰, дописывает свой главный роман «Ледяной дом». «Телескоп» дважды печатает отрывки из него. Белинский по дружбе участвует и в корректуре отдельного издания романа, о чём свидетельствует письмо Лажечникова к нему от 27 апреля 1835 г. Когда в конце июня того же года выходит роман из печати, критик по просьбе автора сообщает в «Молве» о «важных опечатках».

2

Заговорив о «Ледяном доме», мы подошли к следующему письму.

12 ноября 1835.

Тверь.

Вашему письму¹¹ обрадовался я так, что спешу тотчас отвечать на него: примите это как знак, что я люблю Вас не как журналиста, а как Белинского, просто — человека с душою благородною. Вспомните только наши отношения, когда мы с Вами гуливали на Божедомку и Вы ещё не писывали ничего для печати! Верьте также, что я не обижусь Вашею критикою, лишь бы она была добросовестна. Я сам знаю, что в моём романе много недостатков; чувствую, что характер второстепенных лиц я мало развил и не совсем выдержал. Брань «Наблюдателя»¹² меня не потревожит: у нас даже в провинции его не разре-

¹⁰ Не обошлось без недоразумений. Автор «Литературных мечтаний» неловко приписал Мерзлякову песню «Сладко пел душа соловушка» (из романа «Последний Новик»). Лажечников публично протестовал, и критику пришлось также публично извиняться. Но чёрная кошка меж ними не смогла пробежать.

¹¹ Письмо Белинского неизвестно.

¹² Журнал «Московский наблюдатель» выходил в Москве в 1835-1839 гг. и поначалу издавался группой московских литераторов (Е.А. Боратынский, И.В. Киреевский, Н.А. Мельгунов, Н.Ф. Павлов, М.П. Погодин, Д.Н. Свербеев, А.С. Хомяков, С.П. Шевырёв, Н.М. Языков и др.). Лажечникова задел насмешливый отзыв о его ранних произведениях в августовском номере журнала 1835 г. Писатель желал, чтобы его судили по его более зрелым произведениям. Поначалу он даже написал отповедь, но затем мудро решил: «глупости не оскорбляют меня» (письма Белинскому от 29 и 30 ноября 1835 г.).

А.В. Наумов. Некрасов и Панаев у больного Белинского (справа, очевидно, жена критика)

зывают¹³. Недавно в доме здеш<него> губернатора гр<афа> Толстого*¹⁴ все считают, что «Наблюдатель» имеет **неоспоримое** достоинство, каким доселе не обладал ещё ни один журналист: усыплять с первой страницы. А Шевырёва октавы?¹⁵. Narcotique, какого не бывало! Можно дать лавровый венец тому, кто будет иметь терпение прочесть хоть 5 октав не зевая. Не умолчу, что я, грешный человек, несколько самолюбив; но самолюбие моё не ослепляет меня до того, чтобы беситься за указание моих погрешностей, лишь бы это было сделано добросовестно, не оскорбляя моей личности. Впрочем, скажу Вам как человеку, который меня любит — я в этом уверен — что в Петербурге мой «Ледяной дом» имел успех, какого ещё не имел на Руси ни один роман: у Самсоньевского кладбища, где похоронен Волынский¹⁶, был постоянный съезд карет; памятник над могилой Волынского весь исписан стихами — к счастью, как пишут, не пошлыми — и молодые люди, разбив мраморную вазу (из этого памятника), уносят кусочки как святыню. Вообразите изумление кладбищенского сторожа, с тех пор, что существует кладбище, не бывало на нём

235

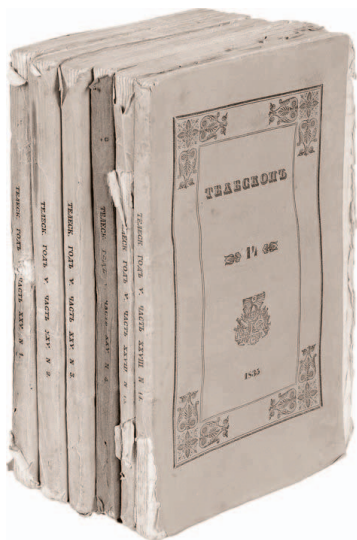
«ПОЧИТАЮ ПРИЯТНЫМ ДОЛГОМ ПОБЕСЕДОВАТЬ С ВАМИ»

¹³ Прежде чтения книги и журналы необходимо было разрезать по местам сгиба страниц.

¹⁴ А.П. Толстой с апреля 1834 по декабрь 1837 гг. был гражданским губернатором в Твери.

¹⁵ С.П. Шевырёв перевёл октавами (строфа из восьми стихов со специфической рифмовкой) седьмую песню поэмы «Освобождённый Иерусалим» Т. Тассо; отрывок перевода со вступительной статьёй Шевырёва были опубликованы в «Московском наблюдателе» (1835, кн. 9-10, июль).

¹⁶ Артемий Петрович Волынский (1689-1740), кабинет-министр в царствование Анны Иоанновны, казнённый по навету её фаворита Бирона. Главный герой романа «Ледяной дом», где он выведен пламенным патриотом, протестующим против засилия «бионовщины». Похоронен на Выборгской стороне у ворот церковной ограды Самсоньевского кладбища.

такой тревоги!.. Письмами, исполненными похвал, я завален. Я доволен, я достигнул своей цели: **благородство, патриотизм наши отзывы в сердце Русских.** Слухи есть, что книгу хотят запретить¹⁷; но я этому не верю: в ней любовь к отечеству соединена с уважением к властям законным.

Ещё скажу Вам о моих успехах: «Новик» переведён в Париже какою-то *Madame Sophie Conrad*¹⁸. Но что более меня радует, так это разбор «Новика» в журнале «*Revue du Nord*»*: кажется, пошлою книжкою не стали бы заниматься в журнале, где занимаются судьбами целого севера. Жаль, что журнал запрещён и его нельзя иметь¹⁹.

Посылаю Вам для курьёзности письмо ко мне Воейкова; панегирик в сторуону — панегирик, обыкновенно вырубаемый при посылке нескольких билетов к «Лит<ературным> приб<авлениям>» — письмо это для Вас должна быть интересно: оно обнажает петербургских журналистов²⁰. Только не пустите этого письма в ход.

Вы выдаёте *Pauline*...? О! это должно быть Сирена²¹ приамская²²: сама осмелая в любви, она ищет, кажется, отомстить своему бывшему другу на всех мужчинах. *N'avez-vous pas vu Marioritz?* *A-t-elle lu mon roman?* *Qu'en dit-elle?*²³

¹⁷ «Ледяной дом» вышел вторым изданием в 1838 г., а затем действительно попал под запрет вместе с двумя другими романами Лажечникова, продержавшийся до 1858 года.

¹⁸ Этот перевод пока не установлен.

¹⁹ Журнал «*Revue du Nord*» («Северное обозрение») издавался в Париже с 1835 по 1838 гг. Во втором томе за август 1835 г. (с. 387-410) напечатаны отрывки из романа Лажечникова «Последний Новик», в примечании переводчика говорится, что произведение может быть поставлено в ряд лучших романов эпохи. Цензурой журнал не был разрешён к перевозке через российскую границу.

²⁰ Поэт и критик А.Ф. Воейков прославился язвительным изображением современных литературных нравов в эпиграммах, составивших сатиру «Дом сумасшедших» (писалась с 1815 по 1838 гг. и распространялась автором в рукописном виде). Его письмо к Лажечникову неизвестно. «Билеты к «Лит<ературным> приб<авлениям>»» — приглашения подписаться на газету «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду»», которую в 1831-1836 гг. редактировал Воейков.

²¹ Согласно античным мифам, Сирены чарующими песнями заманивали плывущих мимо путников, которые, забыв всё на свете, подплывали к волшебному острову и погибали на рифах.

²² Вероятно, по имени троянского царя Приама, у которого, по утверждению Вергилия, было сто дочерей и невесток.

²³ Не видели ли Мариорицы? Читала ли она мой роман? Что говорит о нём? (франц.)

К маю 1836 года, вероятно, пойдёт «Телескоп» на нынешний год²⁴. Не думаю, чтобы на него были подписчики в будущем году: он так тянулся полгода, что не дадут себя более в обман. Вы будете свободнее — тогда приезжайте в моё Коноплино, на берега Волги²⁵. Какая природа!.. в объятиях её забудете все глупости человеческие, куда Вас обнимаю от души.

Ваш И. Лажечников.

* были тут и путешественник русский Норов²⁶ и несколько дельных людей.

** Месяц август, 6-ме livreson²⁷.

«...я не обижусь Вашей критикою, лишь бы она была добросовестна». Отношение критики к первому роману Лажечникова «Последний Новик» было достаточно доброжелательно. Орест Сомов в «Северной пчеле» даже назвал его «лучшим из русских исторических романов, донныне появившихся», Николай Полевой нашёл в нём «великие достоинства». «Телескоп» Надеждина заявил, что роман «художественною организациею напоминает лучшие современные европейские романы». Правда, и Полевой, и Надеждин видели в произведении серьёзные недостатки. Очевидно, Лажечников опасался, что его второй роман «Ледяной дом» навлечёт ещё больше нареканий. Белинский, как уже говорилось, приветствовал «Новика» в «Литературных мечтаниях». На «Ледяной дом» он собирался писать рецензию, но не мог справиться с раздиравшими его противоречиями: роман и восхищал, и удручал одновременно. Очевидно, Лажечников об этом знал, поскольку критик был по натуре человек чрезвычайно открытый, не умевший дипломатничать. Белинский впоследствии, четырежды перечитав роман, по выходе второго издания признавался:

«Помню, как мучил меня этот “Ледяной дом”, как какая-то неразгаданная загадка, как сбирался я тогда написать о нём огромную статью, а в ней тепло, живо и увлекательно раскрыть все его красоты, и как — не мог написать ни строки... Тяжесть подвига подавляла силы... По крайней мере так казалось мне тогда... Помню, что больше всего меня затрудняла и мучила двойственность романа: то представлялся он мне выше всего, что можно себе представить в этом роде, то я не видел в нём почти ничего... Первое ощущение оправдывалось моим сознанием, которому я не верил, как дьявольскому наваждению, и упрекал себя в нём, как в грехе... Странно, а понятно: только тогда можно вполне насладиться литературным произведением, когда поставишь его на своё место и не будешь требовать от него ни больше, ни меньше того, что оно может дать; так точно можно ужиться со всяким человеком, если только поймёшь

²⁴ Журнал опаздывал с выходом на целый год.

²⁵ Усадьба И.И. Лажечникова Коноплино в Старицком уезде Тверской губернии (ныне резиденция губернатора Тверской области). Богатая архитектура, парк, высокий берег реки — всё напоминает усадьбу детства писателя Кривякино под Коломною. Возможно, по этой причине Коноплино «соблазнило» Лажечникова на дорогу (не по средствам) по купку, состоявшуюся незадолго до письма Белинскому.

²⁶ А.С. Норов, поэт и переводчик, к тому времени автор опубликованных записок о поездках по Европе и уже побывавший в Палестине и Египте (о чём напишет позднее). Участник войны 1812 года.

²⁷ 6-я книга.

его на его месте и будешь требовать от него ни больше, ни меньше того, что можно и должно от него требовать. Какая истинная и в то же время простая мысль, а между тем как трудно и как не скоро понимается она!..».

Эта истинная и простая мысль, открывшаяся критику, как мы понимаем, немало способствовала в эстетическом плане прозорливости его суждений о литературе, формируя качество *историзма* в надвигающемся периоде так называемого примирения с действительностью. В плане житейском это качество можно было бы назвать жизненной мудростью. И тот, и другой план Белинский выдерживал далеко не всегда (после «примирения» сорвавшись в крайность «отрицания», но это уже другая история, в которой Лажечников не участвовал).

В суждении о «Ледяном доме» нам видится, впрочем, и некая *личная* затронутость критика.

«*Вы выдаете Pauline...? О! это должно быть Сирена приамская: сама осмеянная в любви, она ищет, кажется, отомстить своему бывшему другу на всех мужчинах*». О ком это Лажечников? Скорее всего, имеется в виду, судя по воспоминанию И.С. Тургенева, «довольно странная и грустная история с девушкой из простого звания». О ней Белинский так рассказывает в письме к В.П. Боткину от 10-16 февраля 1839 г. (используя, заметим, то же слово «сирена», что и Лажечников): «К самым резким воспоминаниям этой истории принадлежат два факта — первый: когда, увлеченная страстию, чувством или чувственностью, она отдавалась мне вся, — я, при всей моей чувственности и животности, так хорошо известных некоторым философам²⁸, нашёл в себе довольно силы, чтобы не опрофанировать наслаждением того, что я почитал в себе святым чувством, и я вырвался из обаятельных объятий сирены и почти вытолкнул её от себя (в эту минуту я без ненависти вспоминаю об этом прекраснородушном поступке). Второй: когда я прощался с моей родственницею, бывшею свидетельницею этой истории, я шутил, смеялся, паясничал — и вдруг, упавши на стул, громко зарыдал... Это для меня служит еще убедительнейшим доказательством, что моя душа жаждет от женщины чего-то другого, нежели чувственность и животность». По утверждению упомянутой родственницы (Н.Н. Щетининой), Белинский «взялся было за её («сирены» — *В. В.*) умственное развитие, — с помощью чтения избранных поэтических произведений, но она скоро разбила созданный им идеал».

Судя по реплике в письме Лажечникова, он был посвящён в эту трагикомичную историю, однако, что интересно, ни словом не проговорился в своих воспоминаниях о Белинском. Другие мемуаристы, даже менее компетентные, не удержались от предположений об интимной жизни великого критика, а Лажечников почему-то упорно молчал на этот счёт. Правда, остались письма...

«*Не видали ли Мариорицы? Читала ли она мой роман? Что говорит о нём?*» Кто эта особа, которую Лажечников называет по имени очаровательной и прекраснородушной героини «Ледяного дома»? В отличие от «сирены» она, что очень важно, способна прочитать большой роман и даже иметь своё мнение о нём. Лажечников называет её Мариорицей, очевидно, имея в виду, что с неё он писал одарённую красотой, умом

²⁸ Вероятно, намёк на М.А. Бакунина, обвинявшего в этом Белинского.

и душою молдаванскую княжну, на самом деле дочь цыганки. Какая тайна скрывается за этими намёками? Кто же был прототипом Мариорицы, указанным самим автором?

Начнём с того, почему Лажечников переходит на французский язык, заговаривая об известной особе. Вспомним фразу из предыдущего письма, к которой мы обещали вернуться: «*Что ваше сердце?.. Летает ли в Божий дом? Об этом напишите ко мне по-французски*». От кого прячутся мужские секреты? От вездесущего почтмейстера Шпекина или от жены, не знающей французского языка?

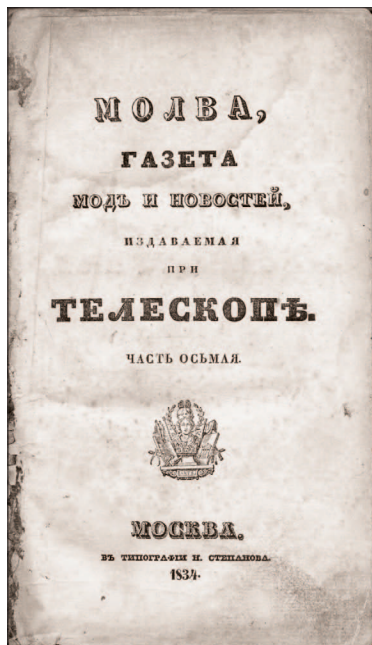
Упоминание *Божедомки* наводит на след. Там находился Александровский институт благородных девиц среднего сословия, где служила классной дамой выпускница этого института Мария Васильевна Орлова (1812-1890), будущая жена Белинского. По воспоминанию её сестры, Мария познакомилась с Виссарионом в 1835 году в семье Петровых, где бывал Белинский. Сестра, впрочем, могла и не знать о том обстоятельстве, которое открывается нам в письме Лажечникова: что начинающий критик чуть раньше (примерно в 1834 году) бывал у Марии на Божедомке. Тогда кто же мог познакомить его с институткой, чей круг общения крайне ограничен?

Ответ находим в мемуарах И.И. Лажечникова:

«М.В. Орлова по выходе своём из Александровского московского института одною из лучших его учениц, украшенная дарами природы и образования, страстно любившая литературу, жила несколько времени у меня в доме в Твери в 1832 году, занимаясь воспитанием моих племянниц. Она носит имя Белинского и может гордиться им».

Получается, что именно Лажечников был поначалу близко знаком с девятнадцатилетней «Мариорицей» (в романе ей восемнадцать), затем познакомив её с Белинским. Все мемуаристы, знавшие её, отмечают исключительную красоту девушки, правда, не весьма благородного происхождения — из поповской семьи. Белинский решился на неё жениться лишь спустя десять лет после первого знакомства, когда красота Марии-Мариорицы вступила в пору увядания. Но и тогда познакомившийся с ней Василий Боткин, друг жениха и тонкий ценитель красоты во всех её проявлениях, отмечал: «Прекрасная девушка! Лучше всего то, что она совершенно проста и нисколько не натянута... Сколько огня в этих прекрасных глазах, сколько прекрасного в её взгляде, особенно когда она смотрит исподлобья».

Припомним прелестную Мариорицу «Ледяного дома» с её «диковинной красотой», природной грацией и чарующим взглядом то скромных, то обжигающих чёрных очей.

«...Совершенно проста и нисколько не натянута...», — пишет Боткин. Ореол простоты был высоко ценим в кружке Белинского. Он сам писал М.А. Бакунину в письме-исповеди от 10 сентября 1838 г.: «Но у меня есть ещё слово, которое я твержу беспрестанно, и это слово *моё* собственное, и притом великое слово. Оно — *простота*»²⁹.

Об исключительной естественности и простоте Марии Орловой свидетельствует, кроме Боткина, её сестра Аграфена: «Несмотря на замечательную тогдашнюю красоту, в сестре не было ни малейшего кокетства и жеманства, а какая-то почти царственная и строгая простота». То же ведь можно сказать и о литературной Мариорице, чьё царственное достоинство проистекает не только из её красоты, но именно из *натуральности*, отсутствия малейшей фальши.

Прежде всего по этой-то причине Белинский как критик был совершенно очарован Мариорицей «Ледяного дома», посчитав её главным достижением романиста и посвятив несколько страниц в цитированной выше статье 1838 года. И то обстоятельство, что Мариорица столь безоглядно отдаётся своему возлюбленному, придаёт ей ещё больше лучезарности в глазах критика, который с жаром встаёт на её защиту от нападок строгих моралистов. Ибо по Белинскому любовь всегда права.

«Это решительно лучшее лицо во всём романе. Она нигде не изменяет себе. Она сходит со сцены, как вошла на неё: как звезда любви, которая ярче и прекраснее всех небесных светил — и вечером, когда является, и утром, когда скрывается. Последнее её свидание с Волынским было апофеозом всей её жизни, и мы решительно отрицаем всякое человеческое, не только эстетическое чувство в том, кто бы, увлечённый сухим, как арифметика, морализмом, увидел в последнем мгновении её жизни падение, а не просветление, не торжественное свершение подвига жизни... Словом, Мариорица есть самый красивый, самый душистый цветок в поэтическом венке нашего даровитого романиста».

Зная теперь историю Марии–Мариорицы, мы не можем отказаться от впечатления, что эти горячие, одушевлённые слова критика продиктованы не только литературным произведением. Восторг перед Мариорицей не сыграл ли какую-то роль в предложении руки и сердца её прототипу?

От героини «Ледяного дома» перейдём к герою. Юная княжна-цыганка влюбляется в увенчанного славой Артемия Волынского, который вдвое её старше, да ещё женат. Мы видим, как Лажечников, будучи в том же примерно возрасте, что и его герой, и с той же известной нам влюбчивостью передаёт Волынскому свои семейные обстоятельства (выделим шрифтом наиболее очевидные):

«Женатый лет с восемь на пригожей, милой женщине, он между тем искал, где только мог, любовных приключений, которые обращать в свою пользу был большой искусник. Впрочем, ничто не нарушало согласия четы. Сердце Волынского не знало постоянной страсти, а после мгновенной ветрености он возвращался всегда пламенным любовником к ногам супруги. Её душевные и наружные достоинства умел он лучше оценить после сравнения с другими предметами его волокитства.

²⁹ Оттого простые песни Кольцова критик поставил выше изысканных стихов Бенедиктова. Но это в сфере литературной.

Сказывали также, или он говорил, что жена его смотрела будто бы довольно хладнокровно на его проказы. Он не имел детей, но всегда их желал. Лаская чужих, забывал, что они не его, и эта любовь к детям, соединяясь с мыслью, что судьба отказала ему быть отцом, делала его иногда особенно грустным».

Семейные обстоятельства самого романиста явственно проступают в этом описании.

Чем покорила Волынский юную Мариорицу? «...Вкрадчивая любезность, ум, страсть в каждом движении и звуке голоса — и рецепт любви готов». Не с себя ли и здесь писал этот портрет автор?

Не так давно нам уже приходилось писать о романтической истории взаимной любви легко увлекающегося (и увлекающего) русского офицера Ивана Лажечникова и юной француженки в захваченном Париже³⁰. Другая не менее романтическая история связана с первой женой писателя. «Он увёз её из девичьей, из-за пялец, как-то через окно», — вспоминала Т.П. Пассек. Мемуаристка, познакомившаяся с романистом уже в интересующий нас период написания «Ледяного дома», была удивлена: «Он был юноша, несмотря на свои сорок лет». Он остался им и гораздо позднее, женившись вдовцом на девушке моложе его на сорок лет.

Прекрасная «Мариорица» чудесным образом очутилась в доме писателя, когда уже вышли из печати первые две части «Последнего Новика» и занималась слава «русского Вальтера Скотта». Напомним, что про неё сказано: «страстно любившая литературу». Как она вообще оказалась рядом? Лажечников пишет: «...жила несколько времени у меня в доме в Твери в 1832 году, занимаясь воспитанием моих племянниц». Не имея на тот момент собственных детей, Лажечников вполне мог пригласить к себе погостить дочерей (от 12 до 14 лет) старшего брата Николая, проживавшего в Москве. Познакомиться с Марией-Мариорицей Иван Иванович вполне мог еще во время своей службы у Остермана-Толстого, благо дом графа на Божедомке был совсем недалеко от Александровского института благородных девиц (а сад для прогулок был и при том, и при другом доме). Она в это время как наиболее отличившаяся выпускница была оставлена в пепиньерках для приготовления к педагогической работе. По окончании пепиньерства она, видимо, и была приглашена Лажечниковым (или его братом) в качестве гувернантки.

Впрочем, существует другая, неофициальная версия, сохранившаяся в воспоминаниях А.Я. Панаевой:

«Приехал в Петербург Лажечников. Белинский ещё в Москве хорошо был с ним знаком и привёз его к нам обедать. Я очень удивилась, увидя Лажечникова уже седого и почтенных лет. Хотя он был бодрый и живой старик, но всё-таки, по тем рассказам о нём, какие я слышала от некоторых литераторов в нашем кружке, я не могла поверить, чтобы Лажечников не прекращал своих ловеласовских походов. В.П. Боткин привёз из Москвы новость о нём, что будто бы Лажечников соблазнил какую-то молоденькую барышню, и она бежала из родительского дома».

Очень похоже, что слух, немного искажая реальное событие, относился к нашей «Мариорице».

³⁰ См.: Викторovich В. Романтическая история // Околоколомна. Вып. 2. 2010.

В таком контексте по-новому прочитываются суждения Белинского о Волынском как герое «Ледяного дома» в цитированной статье 1838 года: «душа чистая, благородная, но лёгкий, ветреный». Он восхищает критика, когда, «надев шапку набекрень», затынул:

Красота твоя с ума меня свела;
Сокрушила добра молодца меня!

Белинский комментирует: «это природа чисто русская». Однако критик недоволен непоследовательностью, осторожностью автора по отношению к своему герою:

«Характер Волынского у г. Лажечникова очерчен местами очень удачно, но местами он двоится. Это произошло, сколько мы понимаем, совсем не оттого, чтобы у автора недостало таланта, но от нравственной точки зрения, с которой он смотрит на человека. То, что в Волынском было игранием жизни, широким размахом души, с бешеным восторгом и безграничным упоением отзывавшейся на зов обольстительницы-жизни, — на то автор смотрел глазами Ментора как на слабости, на заблуждения, и как будто бы сам колебался во мнении о герое своего романа. От этого любовь Волынского к Мариорице далеко не возбуждает в читателе того участия, какое бы она должна была возбуждать. Вы смотрите на неё как на школьническую шалость взрослого человека. Мы очень понимаем, что любовь к Мариорице Волынского, женатого на прекрасной, страстно любящей его и прежде нежно любимой им женщине, должна была тревожить его как преступление, и, доставляя ему минуты высочайшего, упоительного блаженства, давать ему лютые минуты вникания в себя; скажем больше — Волынский был бы существо чисто безнравственное, неспособное возбудить участия к себе, если бы он не чувствовал своей вины перед женою и не страдал от её сознания. Где любовь, там нет эгоизма, а где нет эгоизма, там всегда есть сознание своей вины, хотя бы и невольной, перед другими; любящее сердце страдает за всех, а тем больше за тех, кого оно само заставило страдать; *безнравственность* только там, где нет любви. Итак, мы нападаем на автора не за то, что его герой чувствует свою вину перед женою, но за то, что он сознаёт свою вину как бы не сам, не своею волею, а по приказу автора».

Далее критик распространяется о соотношении *чувственного* и *идеального* в любви — чрезвычайно важная для него проблема в те годы поиска своей второй половины. На «играние жизни» в любовной страсти Волынского он смотрит серьёзно и потому не прощает романисту превращения игры в игривость, измелчания любви до уровня «школьнической шалости взрослого человека». Это был принципиальный спор с автором романа.

Подведём итог. Анализ писем Лажечникова в контексте других документальных и художественных источников привёл нас к обоснованному предположению, что прототипом Мариорицы в романе «Ледяной дом» была Мария Васильевна Орлова, в замужестве Белинская. Главное качество литературной Мариорицы, поразительная способность к самопожертвованию, у её прототипа проявилась в полную меру во время предсмертной тяжёлой болезни Белинского. Даже ревниво относившиеся к ней друзья критика не могли не отдать должное её самоотвержению.

Белинский вернулся к Марии–Мариорице в 1843 году и сделал предложение руки и сердца. Очевидно, это произошло вновь не без участия Лажечникова, которого в это время критик «посещал довольно часто» (по воспоминанию самого Лажечникова). А.Я. Панаева так описывает это событие:

«Белинский на неделю поехал в Москву с Лажечниковым, чтобы немного отдохнуть от работы. Он вернулся оттуда весёлым, бодрым, так что все удивились, но я больше всех была поражена, когда Белинский мне сказал:

— Я вас удивлю сейчас, я послушался вашего совета и женюсь!.. Не верите?.. Я ведь затем и поехал в Москву, чтобы всё кончить там».

Любопытно, конечно, какие были отношения все эти десять лет вплоть до сватовства в тройственном союзе Иван–Мария–Виссарион. Похоже, что они отчасти сказались в драме В.Г. Белинского «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь» (1838). Ю.Г. Оксман полагал, что в пьесе отразилась «личная драма Белинского этой поры — его роман с А.М. Щепкиной». Современный исследователь М.В. Строганов выдвинул другую гипотезу — об отражении в пьесе перипетий также отвергнутой любви Виссариона к А.А. Бакуниной. В этом случае прототипом 50-летнего дядюшки учёный предлагает считать главу семейства А.М. Бакунина, ревниво относившегося к женихам дочерей. Между тем у Белинского дядюшка сам влюблён в племянницу и жертвует своей любовью ради её счастья с более молодым претендентом. На эту роль скорее подходил И.И. Лажечников как герой развёрнутой нами истории. Проблема прототипа, как правило, это проблема синтеза жизненных впечатлений.

3

Наконец, ещё два письма Лажечникова к Белинскому, на которых мы остановимся (всего их дошло до нас двенадцать), в основном о делах журнальных и литературных, но и выходящих за эти рамки.

18 марта 1836.

Тверь.

Давно собирался я послать к Вам, любезный Виссарион Григорьевич, курьёзное письмо Воейкова³¹. Из него увидите петербургские слетни. Бейер приехал и не доставил мне письмо Пушкина и моего черняка³². Потрудитесь прислать. Боже мой! что за панегирик кулаку написал Ник<олай> Ив<анович> в своём Европеизме и своей народности!³³. Чего этот кулак не наделал, не сделает! И сравнил-то он его с луком Вильгельма Телля, и со шпажиной

³¹ См. примечание 20.

³² А.А. Бейер (Беер) — тверской помещик. Вероятно, он должен был привезти (вернуть) письмо Пушкина Лажечникову от 3 ноября 1835 г. и черновик ответа автора «Ледяного дома» на критику поэта. Судя по всему, романист предоставил критику эти материалы, чтобы поставить его в известность о своей полемике с Пушкиным по поводу исторической верности романа (изображение Третьяковского и Бирона). Белинский в этом споре взял сторону Лажечникова.

³³ Имеется в виду статья Н.И. Надеждина «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности» («Телескоп», 1836, ч. XXXI, № 1 и 2).

П.З. Захаров.
Портрет Н.И. Надеждина
(1830-е годы)

*Наполеона, и Бог знает с чем ещё!
И кулак-то этот, надев белые
перчатки, будет мастерски тан-
цевать франц<узскую> кадрили,
и кулак-то этот будет писать
бальзаковские повести, и кулак
будет заседать в Совете!*

*Это что-то в роде гофманов-
ских превращений. Как не шепнул
ему добрый гений, что не мёртвое
орудие, а человек, управляющий
этим орудием, и дух этого чело-
века творит в муках и на Руси,
и в Швейцарии, и во Франции?..
Был лук в Швейцарии до Виль-
гельма Телля, были тысячи луков*

*и при нём, но что они сделали, когда не схватил его дух, помазанник Бо-
жий?.. Лук этот берегут, потому что руки, управлявшие их, сделали своё
дело, — берегут, как французы — шпажину Наполеона, его шляпу, его сапо-
ги. Дорого бы я заплатил за пуговицу с его мундира, за лоскуток с одежды
Вильгельма Телля, ещё дороже с одежды Петра Великого, но, право, не дам
гроша за русский кулак самого знаменитого кулачного бойца, хоть бы он был
сохранён в лучшем спирте!..*

*Любя и уважая Ник<олай> Ив<ановича>, я, право, принялся за его веще-
ственно-патриотические выходки... буди сказано между нами³⁴.*

*Вот уже три месяца прошло, а 3-й книжки «Телескопа» нет³⁵. Жаль де-
нежек!.. А первые две книжки, за исключением кулака, обещали так много!
Правда, можно бы поспорить и в том, что будто бы у нас русского языка
нет в смысле, в каком принимает его Ник<олай> Ив<анович>. Все (новые)
языки обогащались от других: кто пришёл позднее, живёт опытностью
других и идёт вперёд, и во Франции есть свой jargon, как и у нас: разговор
черни трудно понять человеку высшего общества, если он его не изучал³⁶.
Что у нас ещё нет живой Литературы, с этим можно смело согласиться:
но кто же мешаешь?? возглашателем и этой аксиомы, которая сделалась
уже приторна, открыть дорогу к живой Литературе, снять покров с этой
Изиды?³⁷. Творите сами, вы, у которых и книги уж давно в руках!..*

³⁴ Выступление Лажечникова на этот счёт неизвестно.

³⁵ В 1836 г. «Телескоп» должен был выходить еженедельно.

³⁶ В своих суждениях о языке (см. о них ниже) Надеждин утверждал, что в отличие от развитых европейских языков русский язык ещё не обрёл единства и распадается на жаргоны.

³⁷ Древнеегипетская богиня Изиды считалась хранительницей сокровенных тайн природы.

*Поклон высокому Бакунину³⁸, от головы и сердца которого ожидают тоже высокого. Обнимаю Вас Вам преданный
И. Лажечников*

Май–июнь 1836.

Тверь.

<Гоголь> всегда находил верный отзыв в моём сердце. Высоко уважаю талант автора «Старосветских помещиков» и «Будьбы», но не дам гроша за то, чтобы написать «Ревизора», эту потешку райка русского. Признаюсь, я сержусь на Вас: Вы пристрастны. Зачем, взыскивая с других за всё и про всё, Вы прощаете всё Гоголю?³⁹ И если называете его комическим гением за то, что от души смеётся фарсу его, почему не назвать Загоскина таким гением за уморительные сцены его, например, в больнице русского помещика, где чахоточный с больным в водянке перемешан?⁴⁰

Но приезжайте, приезжайте, хоть для того, чтобы поспорить: я выиграю вдвойне, буду иметь удовольствие Вас видеть у себя и, может быть, убежусь, что я принимал белое за чёрное.

Да, я решительно выхожу в отставку в сентябре или октябре. Дадут мне полную пенсию за 30 лет службы, скажу спасибо; нет — не изумлюсь, хоть и будет больно⁴¹. Пора отдохнуть и подумать о будущности.

Прутиков заслужил теперь свою фамилию: Вы его порядочно отделали, как мальчишку⁴²... хотя и не заворачивали рубашонки, как Гоголь на театре. До свидания, Вам

преданный И. Лажечников.

Р. С. В последних числах июня жду Вас непременно и с Михаилом Алекс<андровичем>⁴³, которого тоже прошу ко мне. Если будете что писать о «Поход<ных> записках», скажите об них моё собств<енное> мнение: что я писал их, не освободившись ещё от ритор<ической> ферулы моих учителей⁴⁴.

³⁸ Михаилу Александровичу Бакунину.

³⁹ Речь идёт о рецензии на постановку «Ревизора» «Театральная хроника» («Молва», 1836, ч. XI, с. 250-261), напечатанную под криптонимом «А. Б. В.».

⁴⁰ Эпизод из комедии М.Н. Загоскина «Недовольные».

⁴¹ Лажечников был уволен в отставку по собственному прошению 12 мая 1837 г. с полным пенсионом и правом ношения директорского мундира.

⁴² Имеется в виду язвительная рецензия Белинского на книгу А.М. Полторацкого «Провинциальные бредни и записки Дормедона Васильевича Прутикова» («Молва», 1836, № 4).

⁴³ Бакунины. Это посещение состоялось: хозяева и гости бакунинского имени Прямухино приехали в усадьбу Лажечникова, о чём он сообщает в своих мемуарах: «В один из последних тридцатых годов общество молодых людей (в том числе и Белинский), гостивших у моего соседа, <...> посетило и меня на берегах Волги».

⁴⁴ Лажечников пытался отозвать предпринятое книгопродавцем Н.Н. Глазуновым второе издание своих «Походных записок русского офицера», но не смог уговорить издателя, приобретшего несколько лет назад права на издание. Белинский ещё в «Литературных мечтаниях» отмечал: «Г. Лажечников <...> давно уже был известен своими «Походными записками офицера». Это произведение доставило ему литературную известность. Но как оно было написано под карамзинским влиянием, то несмотря на некоторые свои достоинства теперь забыто, да и сам автор называет его грехом своей юности».

Межевича благодарите от меня за прекрасную статью его о преподав<ании> русск<ой> слов<есности>⁴⁵ — спасибо ему от всех будущих поколений!..

Вот что я хотел бы написать и думал написать об этом предмете.

«Боже мой! что за панегирик кулаку написал Ник<олай> Ив<анович> в своём Европеизме и своей народности!..» Лажечников эмоционально откликается на статью Н.И. Надеждина «Европеизм и народность в отношении к русской словесности» («Телескоп», 1836, ч. XXXI, кн. 1 и 2). Его «панегирик кулаку» (по выражению Лажечникова) имел свою историю.

Начало ей положил один эпизод из оперы А.Н. Верстовского «Аскольдова могила» (первое исполнение в московском Большом театре 28 сентября 1835 г.) на сюжет из времён киевского князя Святослава Игоревича, написанный М.Н. Загоскиным. В этом эпизоде варяжский мечник Фрелаф похвально, что поцелует русскую девушку-невесту, не побоявшись её жениха, на что получает насмешливый ответ княжеского стремянного Стемида. Итог спору подводит ария Неизвестного, упрямого поклонника древнерусских обычаев. Приведём текст, вызвавший полемику в критике:

«*Стеמיד*. Полно хвастать, Фрелаф! Ты только боек на словах, а как дойдёт дело до кулаков, так первый за куст спрячешься.

Фрелаф. Кто?.. Я? Я, природный варяг, побоюсь ваших русских кулаков?.. Так я ж тебе покажу, как у нас за морем целуют красных девушек! <...>

Неизвестный.

Я всех варягов ненавижу
<...>

А целый век стою на том,
Чтобы заморских всех нахалов
Знакомить с русским кулаком».

Сей пассаж вызвал негодование критика из «Московского наблюдателя», скрывшегося за криптонимом «—О—» (предполагают, что им был писатель Н.Ф. Павлов):

«Как позволить себе в изящном произведении, на сцене, — ещё похвальное слово кулаку?.. Нам ли, теперь ли хвалиться преимуществами дикости, грубого тела, когда и враги наши стыдятся уже называть нас варварами...»⁴⁶. В ответ Надеждин и выдал то рассуждение, что так возмутило нашего Ивана Ивановича:

«Отчего нам не хвалиться своим богатырством, драгоценным наследием удалых предков, когда француз не ступит шагу, чтобы не вскричать, оглянувшись на все стороны: “я француз, я родился *бравым!*”

Недавно было у нас жестокое нападение на Загоскина за то, что он

⁴⁵ Имеется в виду статья В.С. Межевича «Теория и практика словесности» («Телескоп», 1836, ч. XXXII, № 7-8). В ней обсуждалось, как следует преподавать в учебных заведениях русскую словесность. Межевич обращался к педагогам-словесникам: «...умеете заставить вашего питомца думать, а для этого думайте сами; каждый урок ваш должен быть добросовестным плодом мысли... Вы подвизаетесь на святое дело, поймите же всю святость его...».

⁴⁶ «Московский наблюдатель», 1835, ч. III, кн. II, с. 283-285.

заставил русского погрозить *кулаком* варягу. Боже мой! как ухватились за этот бедный кулак! с каким жаром, с каким красноречием доказывали, что хвалиться кулаком и стыдно, и невежественно, и унижительно для нашего века, и позорно для нашего просвещения, одним словом — *не-европейски!* Последнее точно правда: европейцу как хвалиться своим щедушным, крохотным кулачишкой? Только русский владеет кулаком настоящим, кулаком *comme il faut*⁴⁷, идеалом кулака, если можно так выразиться. И, право, в этом кулаке нет ничего предосудительного, ничего низкого, ничего варварского, напротив, очень много значения, силы, поэзии! Физическое могущество принадлежит также к достоинствам человеческой природы: оно есть основание героизма, основание рыцарства, самых поэтических явлений в истории человечества. Правда, образованность вооружает кулак железом; но разве это изменяет сущность дела! На мои глаза, простой русский кулак благороднее стилета, который играет такую поэтическую роль в современной Италии, тем более негодной французской шпажонки осьмнадцатого столетия, которая обнажалась только для прикрытия разврата убийством, для восстановления чести преступлением. Дело не в кулаке, а в употреблении кулака: если этот кулак основал самобытность великой империи, раздвинул её на седьмую часть земного шара, отстоял мужественно от всех врагов, сразил всемогущего исполина, заколдованного от всех пуль, от всех штыков, от всех ядер просвещенной Европы⁴⁸ — то честь и хвала ему! Грубый лук Вильгельма Телля создал Швейцарию <...>. Но русский кулак *не-европейский*. Что нужды? Будь он только не в мозолях, не запачкан; его можно обтянуть лайковой перчаткой, и ничто не помешает <...>, разогнув его, писать им прекрасные повести, даже не хуже Бальзака!.. Да и что такое Европа — Европа? <...> наше отечество по своей беспредельной обширности, простирающейся чрез целые три части света, по своему физическому разнообразию, заключающему в себе и ледяные тундры Лапландии, и знойное небо Колхиды, по разнообразию своих жителей <...> — наше отечество, говорю, имеет полное право быть особенною, самобытною, самостоятельною частью вселенной. Ему ли считать для себя честью быть примкнутым к Европе, к этой частичке земли, которой не достанет на иную из его губерний? Знаю, что теперь нам надо ещё учиться да учиться у Европы; но не с тем, чтобы потерять свою личность, а чтоб укрепить её, возвысить!»⁴⁹

Лажечников увидел в этом почвенной (говоря позднейшим слогом) рефлексии одно лишь проявление так называемого квасного патриотизма. В этом он оказался заодно со своим корреспондентом. Белинский возвысил голос против Надеждина (своего редактора!):

«...о русском *кулаке*: я против него. Конечно, прежде надо условиться в значении этого слова, а потом уже спорить. Вы смотрите на *кулак* как на орудие силы, совершенно тождественное с шпагою, штыком и пулею. Оно так, но всё-таки между этими орудиями силы есть существенная разность: кулак, равно как и дубина, есть орудие дикого, орудие невежды,

⁴⁷ как должно (франц.).

⁴⁸ Имеется в виду нашествие Наполеона.

⁴⁹ *Надеждин Н.И.* Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 442-443.

орудие человека грубого в своей жизни, грубого в своих понятиях; кулак требует одной животной силы, одного животного остервенения — и больше ничего. Шпага, штык и пуля суть орудия человека образованного, они предполагают искусство, учение, методу, следовательно, зависимость от идеи <...>; человек общественный сражается орудием, которое создаёт себе сам, но которого не имеет от природы»⁵⁰.

Надеждин не остался в долгу и высказался в том смысле, что и кулак, и шпага со штыком — орудия агрессии, а ему в любом случае милее мирные занятия. Спор продолжился, и вот уже современный исследователь (Ю.В. Манн), встав на сторону Белинского и Лажечникова, укорил Надеждина в поддержке так называемого квасного патриотизма. Не думаю, что это справедливо: очень скоро Надеждин напечатает в «Телескопе» ставшее знаменитым первое «Философическое письмо» Чаадаева (направленное как раз против квасного патриотизма) и будет наказан закрытием журнала и ссылкой. Надеждин умел отличить истинный патриотизм от фальшивого, в его рассуждении «кулак» видится символом национальной, народной дюжести, как лук Вильгельма Телля для швейцарцев.

На стороне Надеждина, а не Белинского оказалась русская литература (начиная с Никоновской летописи, где читаем: «...аще и вся земля Половецкая придет к сим, то во истинну всех тех седлы намечем и кулаки побием»). Отстаивание мужской чести посредством кулачного боя (и, кстати, тоже после насильного поцелуя красной девицы) — кульминационный эпизод в поэме Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», созданная через год после описанного спора⁵¹. Отзвук мотива уже с патриотическим зарядом находим в лермонтовском «Бородино»: «Изведал враг в тот день немало, Что значит русский бой удалый, Наш рукопашный бой!»

Есть ещё в пушкинском «Борисе Годунове» такой вот диалог:

Лях.

Когда б ты был при сабле, дерзкий пленник,
То я тебя! (*указывая на свою саблю*) вот этим бы смирил.

Пленник.

Наш брат русак без сабли обойдётся:

Не хочешь ли вот этого (*показывая кулак*), безмозглый!»

И ещё: как будто в пику Белинскому («кулак, равно как и дубина, есть орудие дикого <...>. Шпага, штык и пуля суть орудия человека образованного») читаем мы в «Войне и мире» Льва Толстого апологию «дубины» народной войны перед блестящей «шпагой» французов: «Наполеон <...> в правильной позе фехтования остановился в Москве и вместо шпаги противника увидал поднятую над собой дубину».

Однако вернёмся в 1836 год.

⁵⁰ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 9 т. М., 1976. Т. 1. С. 297-298.

⁵¹ Позднее как будто на этот спор откликнется Николай Полевой в «Комедии о войне Федосьи Сидоровны с китайцами»: «Уж татары-то, да литовцы, да турки, не китайцам чета, а что взяли! Пусть у них и пушки, пусть у них и самопалы, да нет у них *русского кулака* — вот этакого, от которого затрешит у них башка...».

В это время Лажечников работает над своим третьим романом «Басурман», и спор о кулаке, возможно, подвиг его на создание сцены рукопашного боя в главе «Русское молодечество». Автор явно любит благородством кулачных бойцов вопреки прежнему уничижительному мнению об этой забаве. Кажется, что Надеждин всё-таки убедил его вопреки суждению Белинского.

«Пора отдохнуть и подумать о будущем» / «...не дам гроша за то, чтобы написать "Ревизора"...». Отдохнуть Лажечников предполагал от государственной службы, но никак не от литературной. На упомянутый выше роман «Басурман» он возлагает большие надежды и ради творчества оставляет поприще чиновника и педагога. «Будущность» автору двух популярных романов виделась в полной отдаче профессии писателя (для него уже довольно прибыльной). В новом романе отозвались размышления автора над проблемой соединения «европеизма и народности», заданной Надеждиным.

«Басурман» в целом удался, но оказался, увы, последним опытом «русского Вальтера Скотта». Следующий исторический роман «Колдун на Сухаревой башне», за который писатель получил неплохой аванс от книгопродавца, «не захотел» двинуться вперёд после нескольких пробных и вроде бы неплохих эпизодов. В чём же была проблема? Если коротко: время исторической романтики заканчивалось, и, скажем, один из главных представителей её, автор «Тараса Бульбы», уходил в беспощадную аналитику современного русского мира на всех его уровнях — столичном, губернском, уездном. Лажечников не случайно ополчился на «Ревизора», увидев в нём надвигающуюся и пока не понятую им новую смеховую эстетику. Пройдёт немало времени, почти два десятилетия, прежде чем старый писатель освоит возможности новой (гоголевской) манеры и попытается примирить их с немодным уже прекраснодушием в замечательной по-своему повести «Беленькие, чёрненькие и серенькие» (1856), где сатира сойдётся с идиллией.

«Что у нас ещё нет живой Литературы...» / «...можно бы поспорить и в том, что будто бы у нас русского языка нет...». Надеждин повторяет заезженный уже тезис «у нас нет литературы», поддерживая его в качестве необходимого «сомнения». Тормозом русской литературы, удерживающим её в состоянии «чужаждства и пустоцвета», критик полагает неразвитость литературного языка: «Как быть литературе *русской*, когда нет ещё языка *русского*? <...> у нас нет ещё языка, своего, народного, русского...» Лажечников с этим категорически не согласен, да и действительно странно читать эти строки, зная, что к тому времени уже в полную силу развился гений Пушкина и начал свой путь Гоголь. Недооценка и даже недопонимание явления Пушкина (в том числе и в плане создания русского литературного языка) — самое слабое звено в эстетической концепции Надеждина, сводящее всю эту концепцию к чистому «философскому» теоретизированию, оторванному от реальной живой практики литературы.

Думается, что прав Лажечников и в оправдании ученичества русской литературы у европейских писателей, ушедших вперёд (он и сам был попеременно учеником Вальтера Скотта и Гюго). Ученичество не обязательно бывает «чужаждством» (в этом вопросе Надеждин противоречил сам себе): хороший ученик часто опережает своих учителей. Таков был и путь русской литературы, заданный Пушкиным и Гоголем. Лажечников не стал писателем их уровня, но в процессе формирования национальной словесности он имел и выполнил свою миссию.

Письма Белинского к Лажечникову не сохранились, однако мы знаем, что критик многократно обращался к творчеству писателя в своих статьях, указывая и на изъяны, но всё же полагая его первым нашим романистом. Белинскому принадлежит точное определение места и значения автора «Последнего Новика», «Ледяного дома» и «Басурмана» в русской литературе и, шире, в истории России. Приведём это его суждение 1842 года:

«Романы Лажечникова были фактами эстетического и нравственного образования русского общества и навсегда будут достойны почётного упоминания в истории русской литературы»⁵².

ХРОНИКА

ПРЕМИЯ ИМЕНИ ЛАЖЕЧНИКОВА

**Редколлегией «Коломенского альманаха» учреждён
литературный конкурс на соискание
Премии им. И.И. Лажечникова.**

Премия вручается раз в год лучшему автору альманаха независимо от того, в каком жанре создано произведение. Иван Иванович Лажечников был одарён многими талантами. Он известен и как исторический романист, и как поэт, и как историк-краевед. Поэтому право быть удостоенными нашей награды имеют представители всех направлений.

В жюри входят члены редколлегии альманаха: они не могут претендовать на звание победителя.

Премия вручается только единожды.

Желаем успеха всем авторам «Коломенского альманаха»!

В 2016 году премия присуждена Владиславу Леонову за повесть «О войне, о родне, обо мне».

В 2017 году премия присуждена Евгению Ломако за исторический очерк «Один год града Коломны».

В 2018 году премия присуждена Владимиру Викторовичу за книгу «Коломенский текст: Сюжеты и портреты».

В 2019 году премия присуждена Валерию Ярхо за литературоведческий очерк «Поворот судьбы».

В 2020 году премия присуждена Ларисе Морозовой за цикл стихов «Песочные часы».

В 2021 году премия присуждена Нисону Ватнику за краеведческий материал «Многоликий герб Коломны. Образцы и применение во времена империи».

Редколлегия

⁵² Белинский В.Г. Указ. соч. Т. 4. С. 361-362.

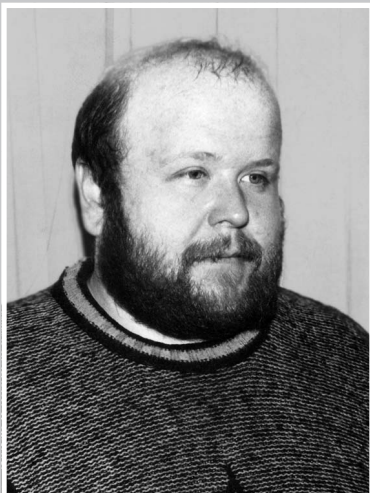
Родимая
сторона

Графика Василины Королёвой

ВК

Валерий Альбертович Ярхо родился в Коломне в 1964 году. Известный литератор и краевед. Его юмористические и детективные рассказы широко публиковались как в центральной, так и в местной периодике. В творчестве Ярхо удачно сочетаются художественная проза, научный поиск, «архивный детектив». Он автор нескольких объёмных монографий, посвящённых светской и церковной истории Коломенского края.

Награждён литературной медалью И.И. Лажечникова. Постоянный автор «Коломенского альманаха». Как лучший автор этого издания в 2019 году награждён Золотым дипломом и премией им. И.И. Лажечникова.

Краеведение

ПИСАТЕЛЬ И КОМИССАР

Сегодня имя Михаила Егоровича Урываева не скажет большинству жителей Коломны абсолютно ничего. Услыхав его, скорее всего, только недоуменно пожмут плечами. Да и с чего бы его помнить? В городе нет ни одного памятного знака, ни одной улицы или площади, названной его именем. И написано о нём давно, очень немного, да большей частью невнятно. Всё из-за старания писавших «обойти острые углы», поскольку жил Михаил Егорович, а главное, умер он во времена, рассказывать о которых крайне сложно. Барьеры идеологических штампов, коварные ловушки самой разномастной политической пропаганды, переполненность той эпохи яркими событиями и путаными коллизиями человеческих судеб затрудняют попытки создать единый сюжет.

Чтобы пройти этот исторический лабиринт, нужна система ориентиров, создающих алгоритм повествования. Для этого оказался очень подходящим коротенький рассказ Бориса Пильняка «Двадцатый год», в котором Михаил Егорович Урываев выступает в качестве главного персонажа.

Столкновение двух личностей — Писателя и Комиссара — порождает ту странную силу, которая собирает множество самых разнообразных фактов. Так разные полюса мощного магнита, притянув к себе железные опилки, создают рисунок проступающего вьязе, иначе невидимого человеческому глазу, магнитного поля.

Было это давно. На территориях бывшей Российской Империи всё ещё шла Гражданская война. Там, где власть принадлежала Советам, промышленность была полностью национализирована, частная торговля запрещена, товарно-денежные отношения отменены. Высшей формой социальной справедливости тогда считали тотальную «уравниловку». Это когда все получали равное количество благ и товаров, вне зависимости от вклада в дело. Поскольку дел было много, а товаров и благ очень мало, то как-то так само собой выходило, что никто ничего почти и не получал. Зато уж всё поровну. По справедливости. Всё вместе это называлось «военным коммунизмом».

В ту «весёленькую» пору в Коломне жил подававший большие надежды молодой писатель, творивший под псевдонимом «Борис Пильняк». Отец его, ветеринарный врач Андрей Иванович Вогау, в 1912 году получил место в коломенском земстве¹.

Семья Вогау обжилась в Коломне, куда время от времени приезжал Борис, учившийся в московском Коммерческом институте. Когда же началась мировая война, признанный из-за сильной близорукости негодным к военной службе уже звавшийся «Пильняком» Борис Вогау в 1915 году поселился у родителей². Тогда всем казалось, что ненадолго. Но война всё продолжалась. Вскоре грянула революция. За ней — октябрьский переворот... Ехать Борису Андреевичу было некуда, да в общем-то и незачем. Так и вышло, что новый 1920 год он встретил в Коломне, не подозревая, какой сюрприз ему готовит человек, об интересе которого к собственной персоне литератор даже не подозревал.

* * *

Зимой 1920-го года и без того несчастную страну терзала лютая стужа. Дома в Коломне заметало снегом по самые печные трубы, но, как напишет Пильняк: «Рассказать о двадцатом годе то, что тогда были громадные морозы и страшные метели, — это ничего не рассказать о двадцатом годе»³. Не самым страшным были эти морозы с метелями. По-настоящему пугали люди. Особенно, если они являлись к кому-то домой с винтовкой за плечами и требовали показать документы.

¹ Земство — выборные органы местного самоуправления, имевшие собственные больницы, ветеринарные заведения, школы, страховые общества, структуры поддержки крестьян и т.п.

² Свой псевдоним, ставший фамилией, Борис Андреевич произвёл от названия деревни Пильнянка на Харьковщине, где жил его дядя, у которого он любил гостить. Жителей Пильнянки в округе называли «пильняками». Свои первые рассказы написал «Бор. Пильняк» в 1915 году. Шла мировая война. Российская Империя сражалась с Германией и Австро-Венгрией. В стране были чрезвычайно сильны германофобские настроения. Немецкая фамилия «Вогау» на страницах русских изданий была бы совершенно неуместна. Вот и пришлось проявить фантазию.

³ Борис Андреевич Пильняк, собрание сочинений в шести томах. Том 5. «Рассказ о двадцатом годе». Ямское Поле, 8 мая 1934 г.

Пришёл такой человек и в дом, словно бы притаившийся в проулочке подле Никольского храма на Посаде, где жил тогда Пильняк: «Постучали у калитки. Вошёл военный человек с заиндевевшей винтовкой, осмотрелся, улыбнулся хитро, сел, сказал:

— Покаж документы...»⁴

Так уже было однажды, на исходе 1917 года, когда в ночь с 28 на 29 декабря за Пильняком пришли впервые. Накануне в Коломне вспыхнул голодный бунт, в ходе которого обозлившиеся горожане забили до смерти комиссара Лазарева, в недобрый час попавшегося им возле сквера «Блюдечко». В городе громили советские учреждения, а во время перестрелки возле штаба Красной гвардии погибли двое часовых и случайный прохожий. После подавления мятежа в городе прошли аресты, и Пильняк попал в тюрьму, потому что «давно был на заметке».

Летом 1917 года, когда в городе борьба за власть велась ещё демократическими методами, Борис Андреевич выступал в пользу кадетов и эсеров. Он писал родителям из Коломны 2 июля 1917 года: «В Коломне — тихо, покойно, и настроение — в смысле российских урядиц — бодрое. Выборы прошли. Большинство от с-р., затем ка-де⁵. Большевиков — всего два человечка. Эс-эры — народ хороший у нас в Коломне; ни одного эксцесса не было, всё в порядке. Полк — весь ушёл воевать, с музыкой и с плакатом: «далой германский милитаризм, война до окончательного свержения германской монархии», — так что «товарищей солдат» нет, сейчас-же уменьшились разные подзаборные дебоши»⁶.

Летом 1917 года такие взгляды и высказывания были вполне уместны. Зимой того года всё то же самое уже вполне годилось в качестве повода для обвинения, за которое можно было и жизнью поплатиться.

Самым ужасным было то, что буквально за неделю до ареста — 21 декабря 1917 года — супруга писателя, Мария Алексеевна Соколова, служившая врачом в коломенском земстве, разрешилась от бремени дочкой, которую назвали Натальей.

Тогда для Бориса Андреевича всё обошлось сравнительно благополучно. Его отпустили через несколько дней. Оказавшись дома, он 6 января 1918 года писал своему другу Алексею Михайловичу Чернышёву: «В Коломне у нас — голодные будни. Я местными большевиками зачислен в «контрреволюцию» и новый год встречал в тюрьме. Был арестован, и по поводу меня поднимался даже вопрос — не расстрелять ли? — других расстреливали»⁷.

* * *

Теперь вот и представьте себе, каково-то было семейству Пильняк принимать в своем доме нежданного гостя с заиндевевшей винтовкой, сразу

⁴ Там же.

⁵ «С-р», разговорная форма «эсеры» — партия социалистов-революционеров. «Ка-де» или «кадеты» — партия конституционных демократов, центристская партия, популярная среди интеллигентов, земства, образованных горожан, тех, кого сегодня называли бы «средним классом».

⁶ РГАЛИ ф. 1692 оп. 2 ед. хр. 7 лист 70, 70а.

⁷ Журнал «Наше наследие» М. 2004 г. № 69 — Б. Пильняк «Житье на Посадьях».

спросившего документы! Тогда ведь это было совсем непросто — иметь нужные документы! По установленным режимом «военного коммунизма» правилам все удостоверения личности выдавались только на три месяца.

Но Борис Андреевич полагал, что у него-то всё в порядке. Раз в три месяца лично нарком просвещения РСФСР Анатолий Васильевич Луначарский своей рукой фабриковал такой документ:

«Москва, Кремль, Кабинет. Дано сие Б.А. Пильняку в удостоверение того, что он откомандировывается в личное распоряжение».

Что именно означало «откомандировывается в личное распоряжение» знали только двое — нарком Луначарский и писатель Пильняк. «Этой фразой писатель был предоставлен на три месяца в вольную свою волю, мог сидеть в Коломне и писать свои рассказы. Писатель и писал»⁸.

Несмотря на некоторую расплывчатость формулировки, заверенная подписью наркома и наркомовской печатью «бумага» выглядела солидно и заставляла местные власти считаться с «предъявителем сего». Но на человека с винтовкой этот документ за подписью наркома Луначарского ожидаемого эффекта не произвёл.

Почитав бумажку, выправленную в самом Кремле, «человек улыбнулся ещё хитрее, закурил махорку со стола писателя, сказал не спеша:

— Просрочены!»⁹

Ларчик открывался просто! Порядок выдачи документов имел один важный нюанс — все они были действительны только в том году, в котором их выдали. Бумага, выписанная Луначарским в 1919 году, хоть с момента её оформления и не прошло установленных трёх месяцев, в 1920 году утратила свою магическую силу. Удостоверение надо было срочно продлить, но в том ледяном январе 20-го года писатель съездить в Москву не успел, тем самым превратившись «в человека, не имеющего документов», а без «документа»¹⁰ человеку в Советской России существовать строго воспрещалось.

Одержав лёгкую победу над писателем, вооружённый посланец властной силы великодушно предложил выбор: «Решай сам: либо, как дезертиру труда, вместе с буржуями чистить нужники, либо становись на биржу»¹¹.

Оценив положение дел, писатель спорить не решился, а потому к вящему удовольствию визитёра сказал, что нужникам он предпочитает биржу труда. «А тогда идём, я тебя провожу, — сказал гость»¹².

И они пошли по морозцу на Спасскую улицу, где располагалась городская биржа труда¹³. Доставив писателя по месту назначения, вооружённый

⁸ Б. Пильняк рассказ «Двадцатый год».

⁹ Там же.

¹⁰ Так по тогдашней моде было принято называть документы, непременно с ударением на «у».

¹¹ Тех, кого большевики считали «классово чуждыми», понуждали к общественным работам. Для них специально выбирали унижительные и грязные занятия.

¹² Рассказ «Двадцатый год».

¹³ Ныне улица Яна Грунта. В период переименования «старорежимных названий» Спасская, в честь той самой биржи труда, была названа улицей Труда. Именем комиссара Грунта её называли в 70-х годах 20-го века.

человек сдал его сотруднице биржи, произнеся загадочную фразу, значения которой Борис Андреевич тогда не понял:

«Добрый человек с заиндеветшей винтовкой сказал:

— Вот привел одного такого! — и распрощался дружески».

По интеллигентской своей наивности писатель полагал, что весьма ловко отделается от напасти, если позволит себя поставить на учёт биржи труда: «ибо: куда в Коломне нужны писатели?» Но он и не подозревал, что игра, в которую он оказался вовлечён против своей воли, была продумана на три хода вперёд.

«Барышня весело опросила, трудолюбиво заполнила анкету и — дала ордер на обёрточной бумаге, со штампами, подписями и печатями: «Профессия — писатель. Направляется в редакцию газеты “Голос Коммуниста”». Писатель оторопел: писал и собирался писать рассказы на все-российскую литературу, а тут — коломенский «Голос Коммуниста». Тем не менее в редакцию пошел прямо с биржи»¹⁴.

Путь его лежал со Спасской на Красную улицу, где в доме № 88 помещалась редакция местного органа печати. Адрес этот появился сравнительно незадолго перед тем, как развернулись познаваемые нами события. Изначально улица называлась Главной, или Большой. Она пронизывала весь город от Московской до Рязанской заставы. В старые времена каждую зиму по ней через Коломну к Москве шли огромные обозы, доставлявшие с астраханских рыбных промыслов мороженую рыбу. Поглазеть на эти санные поезда, главным образом на огромных, едва помещавшихся в саних каспийских белуг, вываливало всё городское население. Из-за этих обозов улицу стали называть Астраханской, каковой она оставалась даже после того, как построили железную дорогу и обозы через Коломну ходить перестали.

После революции Астраханскую переименовали в Красную¹⁵, но Борис Андреевича, уже привыкшего ко всяческим трансформациям революционной поры, вряд ли увлекали эти лингвистические изыски коломенского краеведения. Не тем, совсем-совсем не тем были заняты его мысли в то время, когда он вышел с биржи труда и ноги сами понесли его в редакцию.

* * *

Пока ошарашенный неожиданным поворотом жизненного сюжета Борис Андреевич бредёт со Спасской на Красную улицу, хоть это и совсем недалеко, мы, пользуясь выгодой своего положения, рассмотрим краткую историю коломенских средств массовой информации.

Первую попытку издавать городскую газету в Коломне предпринял Дмитрий Сергеевич Макеев, проживавший в собственном доме на Петропавловской улице. Редакция издания находилась там же, в доме Макеева, разрешение на выпуск газеты «Листки объявлений» обошлось Дмитрию Сергеевичу в 500 рублей. В 1916 году господин издатель выпустил два

¹⁴ Рассказ «Двадцатый год».

¹⁵ Через пару лет Красную улицу заново переименоуют, назвав её улицей Октябрьской революции.

номера «Листков», но дальше дело не пошло. В уездное раскладочное присутствие по налогообложению торгово-промышленных предприятий 2 января 1917 года Makeев подал следующее заявление: «Публикации в «Листках объявлений» преимущественно торговые. Ввиду малого поступления в торговлю товаров по обстоятельствам военного времени и возможности их лёгкой продажи без всяких публикаций, надобности в последних не имеется. А потому, за крайне малым поступлением публикаций в 1916 году, издание понесло убытки. Посему покорнейше прошу на время войны разрешить мне не брать промысловое свидетельство, так как издание мною на это время останавливается»¹⁶.

После февральской революции 1917 года в Коломне стала выходить «Русская правда» — газета комитета партии социалистов-революционеров. Созданный той же весной Исполком Совета рабочих депутатов тоже захотел обзавестись своей газетой и 17 мая даже принял об этом постановление. Но то благое намерение не имело реального воплощения, поскольку в распоряжении Исполкома совершенно не было типографских наборщиков, а взять в аренду одну из городских типографий комитету не позволяли его скромные финансовые возможности.

Тогда в московский Союз печатников было направлено прошение о присылке в Коломну, в распоряжение Совета, двух опытных наборщиков для того, чтобы начать выпуск газеты «Известия коломенского Совета рабочих депутатов». Но вместо ожидаемых наборщиков в августе от секретаря московского Союза печатников В. Каирова был получен такой ответ: «Товарищи! Прежде всего, приветствуем ваше решение издавать свой орган, настоящий проводник демократических принципов. При всём нашем желании всегда оказывать всяческое содействие революционным органам, в настоящий момент, за неимением наборщиков, мы не имеем возможности рекомендовать вам кого-нибудь в этом качестве. Как организация союз печатников будет возбуждать ходатайство о возвращении специалистов-наборщиков из армии. Соблаговолите выслать 1-й номер «Известия коломенского Совета рабочих депутатов» в одном экземпляре».

Только в октябре 1917-го Совету удалось наладить выпуск своих «Известий». Об этом можно судить по небольшой заметке в № 9 «Русской правды»: «Вышла у нас в Коломне вторая газета. Её лицо для нас не совсем ясно, меж тем газета претендует быть выразительницей одного из крупных социалистических учений. Мы хотели, чтобы упомянутый орган ясно и определённо заявил, как он понимает революцию, социализм, социал-демократию. В частности, что такое «большевистская фракция», какова её тактика, на каком фундаменте она строит будущее России? Нельзя печатному органу уподобляться уличному оратору».

После этой публикации не прошло и недели, как ситуация в стране изменилась. «Русская правда» после большевистского переворота, свершившегося 25-го октября 1917-го года, вышла ещё только раз, а потом закрылась навсегда. Главной газетой в городе стали «Известия коломенского Исполкома Совета рабочих депутатов».

В дальнейшем издание несколько раз меняло свои названия. На тот момент, когда биржа направила Бориса Пильняка «на работу по специаль-

¹⁶ ЦИАМ ЦХД до 1917 года ф.1731 оп. 1 д.49.

ности», газета выходила под названием «Голос коммуниста»¹⁷. Её печатали в типографии, до революции принадлежавшей Арнольду Борисовичу Тембурскому. Типография имела американский механический печатный станок, один механический литографический станок и 8 переплётных машин. В движение их приводил нефтяной двигатель мощностью 8 лошадиных сил. Механическое оборудование было дополнено корректурным столом и двумя ручными литографическими станками¹⁸. По тем временам эта была мощная полиграфическая база.

* * *

Итак, писатель Пильняк «шёл по заснеженным улицам и разглядывал в недоумении небо, не кланялся встречным, а три четверти встречных были знакомыми, ибо знали в Коломне друг друга все полностью. Пришёл. В редакторском кабинете сидел замечательный человек Михаил Егорович Урываев, директор Коломенского машиностроительного завода и редактор одновременно»¹⁹.

Оценка личности Михаила Егоровича, сделанная Борисом Андреевичем, весьма точна. Вне всякого сомнения, Урываев был человеком необыкновенным! Сын крестьянина из села Луховицы Зарайского уезда Рязанской губернии, Михаил Урываев окончил только начальную школу и до 25 лет жил дома, занимаясь сельским хозяйством. Потом, подобно многим другим, соблазнившись хорошим заработком, подался Михаила Егорович «на отхожий промысел», как тогда говорили. С 1912 года работал он на Люберецко-Арзамасской ветке железной дороги — был ломовым возчиком, доставляя камень, лес и дрова для заказчиков. Потом нашёл место поближе к дому: после начала войны в 1914 году Михаил Егорович поступил возчиком на Коломзавод, а позже перешел в хозяйственный цех²⁰.

Рабочих с заводов, выполнявших оборонные заказы, в армию не брали. Их считали «ратниками первого разряда, призванными, но оставленными в тылу для работ». Поэтому Урываев избежал призыва в армию и на фронт не пошел.

В 1916 году Михаил Егорович стал десятником в хозяйственном цеху, и в его распоряжении было особое помещение — будка, стоявшая на заводском дворе. К тому времени Урываев был уже известен на заводе «как человек рассудительный». По этой важной причине после февральской революции «головастого» десятника выбрали в заводской совет старост.

В то время он стал членом РСДРП — российской социал-демократической партии²¹. Изначально в Коломне возникла объединённая организация

¹⁷ Потом газета называлась «Смычка», «Голос трудящегося», «Коломенский рабочий» и наконец «Коломенская правда».

¹⁸ ЦИАМ ЦХД до 1917 года ф. 1731 оп.1 д. 1.

¹⁹ Рассказ «Двадцатый год».

²⁰ Из статьи «Самородок» в газете «Коломенская правда» от 13 декабря 1967 года.

²¹ РСДРП делилась на «меньшевистскую» и «большевистскую» фракции. Позже большевистская фракция стала коммунистической партией, которая несколько раз меняла названия — РКП(б), ВКП(б), КПСС.

РСДРП, разделившаяся на фракции только летом 1917 года. После раздела на «большевиков» и «меньшевиков» Урываев пошёл за «большевиками», а позже стал коммунистом.

В июле 1917 года Урываева выбрали председателем заводского комитета социал-демократической партии, а осенью — в Совет рабочих депутатов. Он принял активное участие во всех событиях при установлении Советской власти в Коломенском уезде. По собственным его словам: «был так занят, что после 25 октября впервые разулся только на десятый день, да и то только потому, что у сапог отвалились подмётки»²².

Осенью 1917 года Михаил Егорович стал председателем заводской контрольной комиссии. Погрузившись в непростые дела администрирования, учась этой премудрости «по ходу дела», он и общественно-политическую работу не оставлял. Тогда многое было внове, непривычно, требовалось всё «объяснять на пальцах». Да не по одному разу, чтобы дошло до каждого. Поэтому Урываеву приходились практически каждый день держать речи перед рабочими. Как оказалось, этот немудрящий луховицкий мужичок от природы был наделён ораторским даром.

В феврале 1918 года Михаил Егорович стал комиссаром завода²³. Именно в этот период времени Урываев и несколько его соратников совершили настоящий подвиг — они спасли Коломзавод, а вместе с ним и жизни десятков тысяч людей. Всё было просто: завод давал работу, за которую платили едой. Во время тотальной голодухи и «бессолицы» это и являлось спасением.

Люди тогда пухли от голода: при нехватках белков и витаминов в тканях тела развивалась онкотическая отёчность. Из-за отсутствия соли в рационе дёсны покрывались язвами, а дыхание становилось смрадным. Дефицит соли сравнял её по цене с золотом. В самом прямом смысле! В Коломне времён военного коммунизма за спичечный коробок соли отдавали перстень или серёжки «с камешками». За соль могли убить. Слитые из бочек селёдочный и огуречный рассолы продавались «из-под полы» в аптекарских склянках — ими мазали изъязвлённые дёсны, чтобы спасти зубы.

* * *

Голод стал следствием бестолкового управления экономикой тремя разными правительствами, сменявшими одно другое в течение двух лет. Началось всё ещё при государе-императоре Николае Александровиче. С началом мировой войны имперские власти не смогли изобрести эффективного способа стимулирования закупок продовольствия у производителей в военное время. Год прожили запасами мирного времени, а урожай 1915 года крестьяне придержали, надеясь на рост цен. Введение в 1916 году карточной системы распределения ситуацию не спасло. К тому времени чудовищная коррупция разъела все государственные учреждения и институты, а потому любые меры контроля были неэффективны. Пользуясь искусственно созданным дефицитом, крупные игроки продовольственного рынка подогревали ажиотаж, извлекая огромные прибыли. Всё это привело

²² Из статьи «Самородок» в газете «Коломенская правда» от 13 декабря 1967 года.

²³ Там же.

к массовым стихийным выступлениям оголодавшего населения крупных городов. На волне общего недовольства ситуацией — затянувшейся войной, потерями близких, товарным и продовольственным дефицитом, а главное неясностью перспектив — в феврале 1917 года произошла революция, свергнувшая монархию.

После революции саботаж крестьян только усилился, что ещё больше вздувало цены. Чтобы пресечь спекуляцию, Временное правительство полностью запретило частную торговлю продовольствием²⁴. Но продовольственные комитеты Временного правительства не могли справиться с делом обеспечения, потому что инфляция стремительно обесценивала деньги — «за бумажки» торговать не имело смысла, а альтернативной оплаты, способной заинтересовать производителя, так и не нашли. Вернее, не успели найти — произошёл октябрьский переворот.

Правительство большевиков, столкнувшись с теми же проблемами, что и его предшественники, решило хлеб у крестьян отбирать силой. Установленную Временным правительством монополию большевики преобразовали в «Продовольственную диктатуру». В мае 1918 года была создана Продовольственно-реквизиционная армия Наркомпрода РСФСР, продотряды которой осуществляли «продразвёрстку», изымая установленное количество продовольствия. Добытые таким способом продукты шли на выдачу пайков²⁵ военным и гражданским госслужащим. Продовольственный паёк стал сильнейшим стимулом лояльности власти. «Состоять при пайке» означало иметь гарантию выживания. Тем, кто не имел служебного пайка, нужно было как-то выкручиваться самим.

* * *

Советская национализация фактически уничтожила розничную торговлю²⁶. Продукты были в деревне, но как прикажете их приобрести без денег и торгового посредничества?! В конечном итоге всё откатилось к примитивному рынку обмена, по принципу «шило на мыло». Крестьяне охотно отдавали продовольствие за керосин, мыло, соль, спички, сахар, спирт, лекарства, мануфактуру, гвозди, стекло, нитки-иголки... Для меня годилось всё то, чего нельзя было получить в натуральном хозяйстве. Обращаясь к классике литературы, можно встретить у М. Зощенко в его рассказе «Случай в провинции» такой пассаж о ценах и стоимости: «Это было в 20-м или 21-м году. Хлеб был тогда чрезвычайно дорог. За фунт

²⁴ Временное правительство весной 1917 года ввело «хлебную монополию». Всё зерно становилось собственностью государства. Полученная из него мука тоже. Печёный хлеб продавался по карточкам. С июня 1917 года карточки распространяются на крупы, в июле — на мясо, в августе — на коровье масло, в сентябре — на яйца, в октябре — на растительные масла, в ноябре и декабре — на кондитерские изделия и на чай.

²⁵ Продовольственный паёк — набор продуктов по установленным нормам, выдававшийся бесплатно раз в сутки. Это была форма оплаты, натуральное жалование.

²⁶ Сбылась вековая мечта — торгашей поприжали! То-то было радости... первые дней несколько.

хлеба в Питере запрашивали два полотенца, три простыни или трёхрядную гармонь».

Подобная система расчётов породила массовый промысел «мешочников» — так называемый натуральный обмен, производившийся между городом и деревней в частном порядке. Это было дьявольски рискованное занятие! За «мешочниками» охотились бандиты²⁷. Пробираясь через пространства, охваченные эпидемиями, запросто можно было умереть от тифа, «подцепить» в пути туберкулёз или сифилис. Из-за переменчивости политической ситуации, выехав из мирных районов, мешочники могли угодить в зону вспыхнувших боевых действий и оказаться по ту сторону фронта, отрезавшего пути домой. Множество людей, отправившись «мешочничать», сгинули без следа. Причин для этого хватало. Человеческая жизнь совершенно обесценилась.

Так как «мешочничество» подрывало Продовольственную диктатуру, особыми декретами Советской власти запрещено было перевозить муку и крупу из одной губернии в другую²⁸. Подобные попытки пресекали заградительные отряды, выставленные на линиях железных дорог. Попавшихся «мешочников» ждали конфискация продуктов и наказание.

Чтобы не было причин «пристать к ним», горожане выменивали не муку, а печёный хлеб и резали караваи на куски. Про куски в декретах не было сказано ничего. Такой способ перевозки продуктов назывался «кусочничество», и он имел свою оборотную сторону. Чтобы добытый меной хлеб в дороге не украли, «мешочники», пока ехали в поездах, сидели на своих мешках. Подсыхавшие хлебные куски за время странствий крошились, и часто домой привозили одну только хлебную труху. Хлебную крошку и корочки запаривали кипятком, и получалась «тюря» — вроде жидкой кашицы. Её хлебали как суп, ложками.

Очень выручала картошка — её сажали везде, где только можно. В реках, озёрах и прудах ловили рыбу. Собирали в лесах щавель, грибы, ягоды, орехи. Рвали в лугах клевер и любые съедобные травы. Ели вообще всё, что можно употребить в пищу. Вернее, всё то, чем только можно было набить голодное брюхо, разрываемое постоянной, особенной — «голодной болью». Тогда пили много кипятку, заваренного какой-нибудь травой или просто «белого» — он согревал и притуплял чувство голода. Когда удавалось достать сахарин²⁹ или ландринки (маленькие круглые конфетки-леденцы), то это был праздник. Под них можно было выпить чайник кипятку и заснуть согревшимся, со сладким привкусом во рту, ощущая себя не голодным. Такое бывало не часто.

²⁷ Совсем не случайно фрагменты с нападением на поезда стали классикой сюжетов фильмов о Гражданской войне в России. Это было действительно так — на поезда с «мешочниками» часто нападали, чтобы завладеть товарами, которые вывозили в сельскую местность для обмена. Могли убить и просто за мешок зерна или картошки, а уж за куль соли и подавно.

²⁸ Причиной запрета указывались меры по пресечению попыток спекуляции и спасение транспортной системы от перегрузки и разрушения.

²⁹ Сахарин — кристаллогидрат натриевой соли, в 300-500 раз слаще сахара, но сахарин не усваивается организмом. Этот продукт не более, чем вкусовая обманка.

Все эти процессы не миновали и Бориса Пильняка, который тоже ездил «мешочничать». Таков был стиль жизни эпохи военного коммунизма. Вернее, способ выживания. В феврале 1918 года Пильняк отправился в Тамбовскую губернию, добыл там муки, которую дома смогли растянуть на два с лишним месяца. В мае снова пришлось ехать. Теперь путь его лежал в Казань, где Борис едва не угодил в переделку. В Поволжье тогда закипели первые бои начинавшейся российской междоусобицы. В борьбе за власть противоборствовали отряды Красной гвардии и Народной армии КОМУч³⁰, на стороне которой выступали части чехословацкого легиона, сформированного из бывших солдат и офицеров Австро-Венгерской армии, оказавшихся в плену во время войны.

Эшелоны легионеров двигались по железным дорогам из европейской части России во Владивосток³¹, откуда их должны были морем эвакуировать и доставить в Европу, но по пути они оказались втянуты в события, приведшие к развязыванию Гражданской войны. Чехи отличались жестокостью и бесцеремонными действиями в отношении населения тех мест, через которые они прорывались. Попасть к ним в руки было страшно, и Пильняку пришлось «удирать из Казани на крыше поезда». Но ему повезло — сумел избежать плена легионеров и вернуться в Колумну не с пустыми руками. Муки, добытой с таким риском, хватило на полгода.

Осенью Борис Андреевич снова поехал «мешочничать», но к тому времени осознав, что «мешочники», как ни крути, решают проблему обеспечения продовольствием, советские власти пошли на попятный и отчасти легализовали этот промысел. Теперь тот, кто не желал рисковать, прорываясь сквозь сито заградительных отрядов, добывал у местной власти особый документ, разрешавший провоз полтора пудов муки. Таких, получивших заветную бумажечку, называли «полупудники». Но приобрести муку по документу «полупудников» можно было только в «Комитетах бедноты».

Созданные декретом ВЦИК и СНК³² от 11 июня 1918 года «Комбеды» наделялись правом производить «розыски излишков продовольствия» и их реквизицию. Силовую поддержку «Комбедам» оказывали продотряды, подавлявшие попытки сопротивления недовольных. Фактически в руках «Комбедов» оказывалось распоряжение всем продовольствием в той местности, где они действовали.

Получить разрешение «на вольный провоз 1,5 пудов муки» было непросто: в документе писалась цель поездки, не связанная с закупкой продовольствия. Законные полтора пуда можно было «прихватить по дороге» в качестве продовольственного багажа. Например, поэт Марина

³⁰ Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания.

³¹ Таковы были условия их выхода из России.

³² Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) — высший, наряду со Всероссийским съездом Советов, законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти Российской Советской Республики и РСФСР до 1938 года. СНК — Совет народных комиссаров, правительство Советской России в 1917-1946 годы.

Цветаева в сентябре 1918 года добыла себе командировку в Тамбовскую область «для изучения кустарных вышивок» и получила разрешение на провоз в Москву вожделенных полутора пудов. Под каким предлогом Пильняк махнул осенью 1918 года в Пензенскую губернию? И хотя он об этом не пишет, но сам ездил «полупудником» и муку получил в «комбеде»³³. Свои странствия в поисках хлеба Борис Андреевич описал в рассказе «Поезд № 57 смешанный»³⁴.

* * *

После того, как в декабре 1917-го года правительство Ленина объявило о национализации банков, а летом 1918-го года национализировало все промышленные предприятия, экономика страны впала в коллапс, состояние, более известное под названием «разруха».

Коломенский завод умирал без заказов, сырья, топлива и возможности платить работникам. Те рабочие, которые жили в пригородных деревнях и сёлах, имея земельные наделы, фактически бросили работать на заводе. Они только числились рабочими, что спасало их от различных развёрсток и повинностей, которыми обложили крестьянство. Такие «как бы рабочие» холили коров, занимались огородами, устраивали пасеки и вели меновую торговлю. В те страшные времена хорошо налаженное подсобное хозяйство не просто спасало, а давало огромные прибыли, конечно, применительно к шкале тогдашних ценностей голодного времени, когда сало, картошка и молоко, мёд, хлеб и табак были явными признаками богатства.

«При заводе» остались в основном бобровские мужики, у которых земляных наделов не было уже, почитай, лет тридцать, с тех пор, как местная сельская община постепенно продала свои земли под всё разрастающийся завод. Для подавляющего большинства жителей Боброва работа на заводе была единственной надеждой³⁵, и они готовы были на всё, только чтобы сохранить завод «на ходу».

Когда кончилось топливо, завком с дирекцией решили жечь лес, росший по другую сторону Москвы-реки³⁶. Для заготовок дров через Парфентьевский луг проложили узкоколейку, которую продолжали по мере того, как рубили деревья, уходя всё дальше от берега. Зимой, когда пути заметало, люди выходили с лопатами чистить снег, чтобы подвоз дров не прекращался.

Маленький маневровый паровичок таскал вагонетки с дровами к мосту через Москву-реку, там их перегружали на телеги и везли на завод, чтобы топить котлы заводской электростанции, дававшей энергию станкам

³³ Борис Пильняк «Писатели о себе». Берлин «Новая русская книга» № 11-12 стр. 42-43.

³⁴ Журнал «Дом искусств». Пг., 1921. № 1.

³⁵ Согласно статистическим выкладкам, до революции в селе Боброво проживало до 17 тыс. человек.

³⁶ Теперь на этом месте поля. От того леса не осталось и следа. А когда-то это была настоящая чаща, в которой скрывались от мира монахи-отшельники, которых никто не мог отыскать.

и печам. Это было основой основ всех технических процессов производства. За зиму 18-19-го годов спалили в заводских топках 1 млн. 200 тыс. кубических футов леса, сохранив завод в рабочем состоянии.

Столь тяжело добытое топливо давало возможность работать, а заказов не было, и новый директор, Макаров, объявил о готовящемся закрытии завода. Члены завкома высказались против. На совместном совещании решили направить в Москву делегацию из Урываева, Макарова и Буханова с требованием сохранить завод. Видя такую настойчивость руководства завода, в Москве делегацию обнадёжили. Вскоре после того ВСНХ³⁷ заказал заводу три маршрутных паровоза и расплатился за них хлебом. Эта сделка и переломила ситуацию.

Не сразу, но всё же была найдена приемлемая форма расчёта, и заказы стали прибывать. За выполненную работу платили не деньгами — их тогда не было — и не товарами, которым взяться было неоткуда. В качестве оплаты заводу дозволялось каждый маршрутный поезд один раз использовать по своему усмотрению. Выбирали от каждого цеха представителей, которые на поезде, составленном из отремонтированных паровозов и вагонов, ехали в «хлебобродные губернии», чтобы обменять там изделия из металла, произведённые заводом, на продовольствие. То, что удавалось выменять, тем же поездом доставляли в Коломну, а потом эту «добычу» цеховые партийные и профсоюзные комитеты делили между рабочими, которые своими пайками кормили семьи.

Часть продуктов каждый цех отдавал в заводскую столовую, готовившую бесплатные обеды. Это было очень завлекательное заведение! Около «столовки» люди выстраивались в гигантскую голодную анаконду-очередь с 11-ти утра, и хвост этой «змеюки», причудливо извиваясь, терялся где-то среди цехов. На раздаче едва управлялись более сотни раздатчиков, успевая отпустить восемь тысяч обедов в час. В помещении столовой стоял грохот деревянных ложек и мисок, которые делали тут же, на заводе. С этим грохотом соперничал топот рабочих буга на деревянном ходу и лаптей, подбитых деревом, прошитых проволокой.

С одеждой и обувкой тогда было так же плохо, как и с едой. Если ещё и не хуже! Ходили — кто в чём мог. Пределом мечты стали калоши. Надетые на драные башмаки или протёршиеся валенки калоши прекрасно спасали от сырости и холода. Достать их было не просто — калоши получали по ордеру, выданному профсоюзным или партийным комитетом. Такое поощрение ещё надо было заслужить.

* * *

За «голодные годы» рабочие «проели» всё, что было ценного дома. Выходя на работу, они старались не столько по казённым заказам, сколько изготавливали вещи «на обмен». Кузнецы ковали лемеха и сошники. Слесаря делали зажигалки, замки, воротные петли, скобы. Токари точили на станках болты и прочее, что могло пригодиться в деревне. С этим товаром ездили по дальним краям, не появляясь на заводе неделями.

³⁷ Высший Совет народного хозяйства — регулирующий орган, координирующий работу центральных и местных органов управления экономикой.

Модельщики точили из липы каблучки — их хорошо брали коломенские сапожники-кустари, наладившие выпуск обуви: тряпочные туфельки с липовыми каблучками были «писком моды 19-го года».

Бичом того времени стало повальное воровство. На заводе, даже во времена общей хозяйственной разрухи, всегда было что украсть. Тащили лопаты, гаечные ключи, проволоку, шестерёнки, машинное масло в бутылках. Тырили краски, а из всех красок более всего ценился шерлак — чёрный лак на спиртовой основе, которым покрывали корпуса паровозов. Из него добывали спирт. Сыпали в ёмкость с шерлаком горсть соли и помешивали. Растворившись в смеси, соль осаживала фракции красителя на дно. Оставалась спиртовая основа, которую, дав ей отстояться, остороженько сцеживали. Соль была дорога, но спирт стоил ещё дороже, так что затраты с лихвой окупались.

С 19 июля 1914 года в Российской Империи был введён запрет на продажу любого алкоголя. С приходом к власти большевиков «сухой закон» остался в силе, и за его нарушение полагалось до 5 лет тюрьмы с конфискацией имущества. Во время голода само собой прекратилось самогонование: при дефиците продовольствия переводить любые продукты для производства самодельной водки было равносильно самоубийству. Тогда в ход пошла «ханжа» — водка из денатуратных спиртов, которые добывали, в том числе, и из шерлака. За спирт и кокаин в те дни можно было купить всё, что угодно. Даже жизнь, если она стояла на кону.

Особо приходилось охранять от заводских воров широкие и длинные приводные ремни, тянувшиеся от общего цехового вала-«трансмиссии» к каждому станку через систему шкивов, вращавшие станочные приводы. Эти ремни были из хорошей толстой кожи, и их охотно покупали те же сапожники, которым модельщики продавали каблучки — они из тех ремней резали подметки. Без приводных ремней станки невозможно было привести в действие, и что в тех станках с обрезанными ремнями было толку-то?!

* * *

Чтобы пресечь воровство и прогулы, приходилось наказывать людей и против своих же «братишек по классу» применять всякие непопулярные меры, которые годились больше для врагов советской власти. На проходных завода опять ввели регулярные обыски, которыми так возмущались «при старом режиме». Пойманных воров фотографировали и их портреты помещали «на чёрную доску позора». Но меры морального воздействия мало помогали — никакой сознательности в рабочих пробудить не удалось. И это не было какое-то частное, чисто коломенское явление. Так было везде.

Борясь с этими напастями решили по-большевистски, а именно решением Совета Народных Комиссаров 14 ноября 1919 года принят был декрет «о рабочих дисциплинарных товарищеских судах», которые организовывались при местных отделениях производственных профессиональных союзов. Они состояли из «тройки» выбранных представителей: от местного или центрального заводоуправления, от Правления Профессионального Союза и от общего собрания членов союза того предприятия, дело которого подлежит рассмотрению.

На предприятии с числом работающих не менее 500 человек заседания суда происходили непосредственно на фабрике, заводе или учреждении. Декрет, принятый Советом Народных Комиссаров, предусматривал следующие наказания:

- 1) выговор с объявлением такового по предприятию или учреждению,
- 2) временное лишение права участия в выборах и права быть избранным в союзные организации на срок не более 6 месяцев,
- 3) временное перемещение на низшую должность с оплатой по низшей тарифной ставке на срок не более одного месяца,
- 4) посылка на тяжелые общественно необходимые работы с оплатой по ставке исполняемых работ, а в случае упорного нежелания подчиниться товарищеской дисциплине и неоднократных взысканий подвергаются, как нетрудовой элемент, увольнению с предприятий и передаче в концентрационный лагерь.

На Коломенском машиностроительном заводе был создан свой «дисциплинарный суд», по приговору которого тех, кто, числясь рабочими завода, показывались там изредка, стали принуждать работать под охраной. По окончании «урочных часов» приговоренных дисциплинарным судом к принудительному приводу на работы конвоировали в специальный барак, а утром опять вели к станку. Так же поступали и с прогульщиками, теми, кто не подчинялся мастерам, попадался на кражах и совершал иные проступки.

Вот как пишет об этом один из цеховых уполномоченных Михаил Рыцарев: «Мы, представители рабочих организаций, совместно с дирекцией, решили собрать трудовых дезертиров в барак. И вот начали мы, уполномоченные, ходить за дезертирами и ставить на работу. Тяжело нам было своих же товарищей за прогулы сажать в барак, но мы строго проводили то, что решили, потому что знали: после рабочие сами нас хвалить будут»³⁸.

Постепенно на территории завода сформировался целый лагерь для заводских заключённых, так называемые «штрафные бараки». Их охраняли сначала вооружённые активисты-«профсоюзники», а потом бойцы отряда ЧОН³⁹. Сроки содержания в штрафных бараках варьировались от трёх дней до полугода. Дважды в год — перед 1 мая и 7 ноября — в честь революционных праздников объявлялась амнистия, и всех «штрафников» отпускали по домам. Но вскоре бараки лагеря вновь наполнялись провинившимися.

Несмотря на все меры принуждения в 20-м году регулярно на работу не выходила половина рабочих завода — всех в штрафной барак пересажать было невозможно.

³⁸ Газета «Коломенский рабочий» № 82 от 18.10.1927 г.

³⁹ ЧОН — специальные вооружённые формирования, «коммунистические дружины», «военно-партийные отряды», создававшиеся при заводских партийных ячейках, районных, городских, уездных и губернских комитетах партии на основании постановления ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 года для оказания помощи органам Советской власти по борьбе с контрреволюцией, несения караульной службы у особо важных объектов.

В этой горячке многих дел Урываев большое значение придавал возможностям влияния на сознание масс. В распоряжении местной власти находился орган печати, но творческий коллектив редакции был укомплектован слабо, а потому, не удовлетворившись потугами местных «акул пера», оставаясь «красным директором» завода, Урываев взял дело управления газетой в свои руки.

Объявив себя редактором «Голоса Коммуниста», он, будучи реалистом-прагматиком, насчёт своих творческих способностей особо не обольщался. Сообразив, что ему нужен помощник, способный связно излагать свои мысли в письменной форме, Михаил Егорович, перебрав всех имевшихся в городе «подходящих», свой выбор остановил на Пильняке⁴⁰. Чтобы залучить его в редакцию, хитрый комиссар устроил на литератора настоящую охоту!

Товарищ редактор знал, что у Пильняка есть «вольная» от Луначарского, но лучше разбираясь в реалиях жизни, Урываев выжидал наступления нового года. Видимо, за Пильняком присматривали. Во всяком случае, редактор точно знал, что в январе литератор в Москву не ездил. Направив к Борису Андреевичу нарочного для «проверки документов», Урываев играл наверняка! Пойманного с просроченным удостоверением рода занятий писателя проще простого было поставить на учёт коломенской биржи труда, откуда его можно было направить на работу в редакцию. Отказ работать по направлению биржи приравнивался «к дезертирству с трудового фронта», что грозило многими неприятностями.

Всё вышло, как задумывалось! Писатель попался, был доставлен на биржу, откуда направлен в редакцию. Едва он явился в кабинет редактора и подал ему направление с биржи труда, Михаил Егорович прямо так и сказал:

— А это я тебя подкараулил, чтобы на дело поставить, чтобы ты за Луначарского не прятался и не бездельничал.

— Михаил Егорович, — сказал писатель голосом, просящим сочувствия и страдающим, и чуть-чуть ироническим, — Михаил Егорыч, ну какой я газетчик? Я лирик. Я рассказы пишу. Я интеллигент. Я беспартийный... Отпусти меня к Анатолию Васильевичу, я своё рассказами отработаю. Какой я газетчик, ты сам посуди!?

Михаил Егорович прищурил глаз, улыбнулся, стал серьёзен, «сказал доверительно и строго:

— Ты дурака не валяй, рассказам твоим я не помешаю. А работать ты у меня будешь за спеца. Я сам тебе буду темы давать, идеи, материалы, а ты валяй, приводи в порядок, чтобы было грамотно; фельетоны пиши, передовицы, обрабатывай местные корреспонденции.

— Я подписывать своим именем такие вещи не могу, вдвоём, что ли, подписывать будем?

— А ты и не подписывай. Ты подписывай свои рассказы в Москве, а здесь фамилия роли не играет, хоть каждый день новую подпись ставь. А материа-

⁴⁰ Этот выбор говорит о том, что не шибко образованный Михаил Егорович обладал приличным литературным вкусом.

лы — на вот, получай, чтобы времени не тратить. Садись в соседней комнате и жарь до четырёх часов. На вот, исправь мою передовицу для пробы»⁴¹.

Целых восемь месяцев проработал Борис Пильняк литературным сотрудником «Голоса коммуниста». Он заполнял примерно половину объёма каждого номера, публикуя передовые, статьи, заметки, очерки, фельетоны. Правил «корреспонденции с мест» и вёл рубрику «ответы читателям». Да вдобавок ко всему ещё занимался корректурой. Своего имени под публикациями не ставил принципиально.

На судьбу не роптал и даже, можно сказать, увлёкся делом. Сам он писал об этом времени: «Работал в газете весело, почти с увлечением, тратя очень немного времени»⁴². Вечерами Борис Андреевич дома писал повесть «Голый год», напечатанную в 1922 году в журнале «Временник Наркомпроса».

В те же дни, когда повесть вышла в свет, редакция коломенского «Голоса коммуниста» получила первый приз РОСТА⁴³. Газету, анонимно выпускаемую Пильняком, хвалили, а вот его повесть, подписанную полным именем, критика разнесла вдребезги. Причём и награждали его, и ругали одни и те же люди.

* * *

После плодотворного сотрудничества в редакции «Голос коммуниста» пути-дорожки Комиссара и Писателя постепенно стали расходиться всё дальше и дальше. Слишком уж разными были их сферы деятельности. До 1924 года их объединяло лишь место жительства. Оба они время от времени появлялись в Коломне — Писатель, произведения которого активно печатали в Москве и Петрограде, приезжал к семье, а Комиссар продолжал руководить заводом.

В числе прочих задач Урываеву пришлось решать вопросы, связанные с реализацией программы электрификации, знаменитой ГОЭЛРО. Нельзя сказать, что до революции Коломна жила совсем без электричества. На старинных фото видны столбы с проводами вдоль Астраханской, Каширской и Соборной улиц. Городская сеть насчитывала до 600 потребителей. Судя по всему, роль городской электростанции исполняла силовая установка фабрики Абега⁴⁴. Во всяком случае, никакой другой крупной генераторной станции никем не упоминается. В московских газетах 1913-го года писали, что коломенская городская Дума хлопотала в губернских инстанциях о займе на сумму 130 тысяч рублей для устройства в Коломне электрического освещения улиц. До войны с этим делом не управились, отложив «на потом», не подозревая, что всего чрез три года никакого «потом» для коломенской городской Думы уже не будет.

Вскоре после революции массовая электрификация страны стала своего рода «идеей фикс» большевиков. Их лидер Ленин заявил, что «коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны».

⁴¹ Рассказ Б. Пильняка «Двадцатый год».

⁴² Там же.

⁴³ РОСТА — российское телеграфное агентство.

⁴⁴ Это то, что сейчас называется «Текстильмаш».

Конечно, утверждение это в большей части метафорично и произнесено оно было, дабы подчеркнуть важность научно-технического прогресса в деле построения нового общества. Но от повсеместного появления электричества тогда действительно ждали каких-то невероятных чудес, затрудняясь даже сформулировать, каких именно. Казалось им — вот проведут повсюду электричество, и пойдет дело! Электрификация была «первой ласточкой» всех грёз о светлом будущем. Мечтой, навеянной не теорией Маркса и не сочинениями Энгельса, а скорее романами Жюль Верна, прочитанными вождями Страны Советов в юном возрасте. Постройка электростанций и проведение электрических линий считалось делом не столько экономически, сколько политически важным. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Так как достаточное количество станций, генерирующих электрическую энергию, сразу появиться не могло, то пункт «А» программы ГОЭЛРО предусматривал использование уже существующих городских, фабричных, заводских и прочих электрических станций для усиления снабжения электрической энергией Центрально-Промышленного района.

Согласно этому плану, в районе Коломны в единую сеть должны были объединиться три промышленных станции — Щуровского цементного завода, Коломенского машиностроительного и Бочмановского механического артиллерийского завода.

Щуровская станция имела два турбогенератора трехфазного тока 2100 вольт, 50 периодов, мощностью в 1500 и 600 кВт. В котельной установлены три котла Гарбе поверхностью нагрева по 214 кв. м, с перегревателями, экономайзерами, водоочистителями и прочим необходимым оборудованием.

Номинально станция Коломзавода была много мощнее щуровской. Она была оборудована пятью генераторами трехфазного тока 2200 вольт, 50 периодов, мощностью один — 5500 кВА, один — 1875 кВА и два по 940 кВА и одной паровой машиной в 600 кВА. Таким образом, достигалась общая мощность в 7880 кВт. Кроме того, имелась паровая машина с генератором тока напряжением 200 вольт, мощностью в 320 кВт, и, следовательно, полная мощность составляла 8200 кВт. Но за годы разрухи, когда заводская станция работала «на износ», шесть котлов Тишбейна, котел Бабкока и котел Вилькокса, которыми была оборудована станция, выработали свой ресурс. Им требовался капитальный ремонт, а лучше замена. К началу 20-х годов два котла просто невозможно было эксплуатировать, а остальные, как отмечала техническая экспертиза, находились «в крайне неудовлетворительном состоянии».

До установки новых котлов коломзаводская станция не только не могла снабжать электричеством окрестности, но и обеспечивать энергией собственное производство. Для заводских нужд на Коломзавод перебрасывали энергию с Бочмановской станции, благо эти заводы были соединены одной линией ещё с той поры, когда бочмановская фабрика сельхозмашин Липгартов в 1915 году стала «снарядным отделом Коломзавода». Тогда от Коломзавода проложили в Бочманово линию из двух кабелей длиной в 3 км и установили четыре трансформатора — два мощностью 250 кВА и два на 200 кВА. Но во время Гражданской войны, когда коломзаводская станция испытывала затруднения с топливом, Бочмановский завод

оборудовали двумя дизелями коломенской сборки, которые обеспечивали Бочмановскому заводу энергетическую независимость.

В начале двадцатых годов эту линию стали использовать для подпитки уже Коломзавода. Тем более, что электрическая станция в Бочманово развивалась за счёт установки турбогенератора мощностью 380 кВА и двух водотрубных котлов с механическими топками. Но это считалось мерой временной, поскольку предполагалось соединить Коломзавод и Щуровский цементный завод воздушной линией протяжённостью в 4,5 версты, чтобы снабжать токком Коломзавод за счёт станции цементников. Линия эта должна была быть переброшена через Оку по кирпичным быкам около железнодорожного моста⁴⁵. В таком случае котельная Коломенской электрической станции, оборудованная двумя вертикальными котлами по 275 м² и одним Бабкок и Вилькокс в 242 м², при работе любых двух котлов с третьим котлом в запасе обеспечивала бы работу турбин с нагрузкой до 2 тыс. кВт.

Предполагалось также дополнить щуровскую станцию ещё одним котлом, увеличив её мощность до 4 тыс. кВт. Соединение мощностей трёх заводских станций должно было обеспечить энергией сами промышленные предприятия, заводские посёлки при них, город Коломну и станцию Голутвин до той поры, пока до Коломны не будет дотянута высоковольтная линия от Каширской ГРЭС.

С этой задачей коломенские энергетики справились, и в конце мая 1921 года Ленину отправили восторженную телеграмму: «В воскресенье 29 мая в 2 часа состоится открытие линии высоковольтной электропередачи Щурово — Коломзавод, обеспечивающей Коломзавод электрической энергией. Линия построена ОГЭС и заводом. Очень прошу Вас, если возможно, приехать на Коломзавод для присутствия при пуске. Дорога на автомобиле по Рязанскому шоссе всего сто три версты»⁴⁶. В ответ пришло поздравление, но вождь приехать не смог. Видно, был занят.

* * *

Той же весной — 14 марта 1921 года — на X съезде РКП(б) была провозглашена Новая Экономическая Политика (НЭП), в рамках которой продразвёрстка заменялась продналогом, разрешалась частная торговля. Объявлялась частичная реституция — денационализация промышленных предприятий и домовладений — возродилось понятие недвижимой собственности. Гарантировалась свобода слова. К жизни возвращалось многое из того, что с 1918 года категорически запрещалось.

Теперь Урываеву пришлось заново учиться руководить огромным заводом в условиях рыночных отношений. От прежней уравниловки и распределительной системы «военного коммунизма» не осталось следа. Для добывания материалов, топлива, сырья, установления деловых связей пришлось создавать целую службу коммерческих агентов, уполномоченных и снабженцев, которых в просторечии называли «толкачами».

⁴⁵ Следы этих «быков» видны и сейчас.

⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 825, л. 14, телеграфная лента. Фонды ЦГАОР — Центрального Государственного архива Октябрьской революции теперь в составе ГАРФ — Государственном Архиве Российской Федерации.

Финансовому отделу завода позарез потребовались бухгалтеры, счетоводы и конторщики. Деньги снова стали играть свою роль, и с ними тоже надо было заново учиться обращаться! Дело осложнялось тем, что в стране ходили две легальные денежные единицы — «совдензнаки» и «червонцы». Червонец обеспечивался золотом и считался конвертируемой валютой, а простые советские рубли обеспечивались первомайскими лозунгами и кулачком знамён, отчего курс рубля к червонцу сильно колебался. В ходу были банкноты «дензнаков» миллионного и миллиардного достоинства, в просторечье звавшиеся «лимонами» и «лимардами». Частенько финансовые операции в условиях меняющегося курса, когда цена на сырьё и материалы была установлена в «лимардах», а расчёт за произведенную продукцию вёлся червонцами, превращались в настоящие математические головоломки!

Однако же руководители завода справились и с этим вызовом. В работе Урываев опирался на опыт «старых спецов», как тогда называли техническую интеллигенцию и финансистов, работавших на заводе с дореволюционных времён. Он сумел вернуть на завод инженеров и техников: Шпейера, Пугавко, Земя, Тахтаулова, Погуднина, руководивших производством «при старом режиме».

В 1917 году революционер Урываев «воевал» с ними, как с представителями администрации. После революции с этими людьми случилось много всякого разного неприятного. Уговорить их вернуться, чтобы они работали «в одной упряжке» с теми, кто ещё так недавно выживал их с завода, грозил и сулил беду, было совсем не просто. Но Урываев смог, и дело от этого только выиграло.

Одним из первых оценив перспективы развития, «красный директор» озаботился подготовкой квалифицированных рабочих и технических кадров. Именно Урываев заложил основы профессиональной подготовки, организовал коломзаводский фабзауч⁴⁷ и машиностроительный техникум, где первыми преподавателями стали М.П. Маркин и конструктор В.И. Чекалин.

Вместе с тем он продолжал редактировать газету, которая с 1922 года выходила под названием «Голос труженика». До сего дня сохранилось не так много номеров «Голоса коммуниста», «Смычки» и «Голоса труженика», поэтому каждый номер из подшивок, хранящихся всего в нескольких библиотечных собраниях газет, представляет собой огромную ценность. Это были очень бойкие и искренние издания, совсем не похожие на идеологически удушенную «коммунистическую прессу» позднейших времён.

* * *

В 1922 году о Коломне и городских предприятиях часто писала московская газета «Рабочий»⁴⁸. В одном из летних номеров на её страницах

⁴⁷ Фабзауч — фабрично-заводское ученичество — низшая школа подготовки рабочих массовых специальностей при промышленном предприятии.

⁴⁸ Газета выходила в Москве с 1 марта 1922 года. Первые 97 номеров вышли под названием «Рабочий», с 98 номера выходила как «Рабочая газета». В качестве приложений к газете выходили «Крокодил», «Работница» и «Мурзилка», ставшие впоследствии популярнейшими самостоятельными изданиями.

было опубликовано интервью с Урываевым, рассказавшим о положении дел и истории борьбы за спасение завода:

«Коломенский завод один из крупнейших русских машиностроительных заводов. До революции он ежегодно выпускал 200 паровозов и свыше 1000 вагонов. С начала войны на заводе стало развиваться судостроение. Но особое значение Коломзавода для русской промышленности заключается в том, что это единственный в России крупный завод, который строит двигатели внутреннего сгорания «Дизеля». Национализация застала Коломзавод с почти полностью иссякшими запасами основного сырья и топлива. К тому же в ту пору произошла демобилизация военнообязанных рабочих, был острый недостаток продовольствия. Результатом стечения всех этих обстоятельств стало резкое падение производства. В 1917 году выпустили 121 паровоз. В 1918 году — 49 паровозов, в 1919 уже только 24. В 1920 году завод выпустил 65 паровозов, а в 1921 году 79. Из этой подборки данных видно, что спад производства продолжался до 1920 года. Тогда был твёрдо поставлен вопрос о восстановлении транспорта, и с этого момента начинается процесс возрождения завода, продолжающегося и по сию пору. Сейчас на заводе работают 3200 человек. Число рабочих мест за последние месяцы немного возросло: расширяя свою деятельность, завод набирает рабочих⁴⁹. Среди рабочих заметно возросло сознательное отношение к работе. Об этом говорит сокращение числа прогулов. В прошлом году число прогулов доходило до 40%, в этом — не превышает заявленной нормы. Топливом завод обеспечен почти на год. Методом самозаготовки добыто 5 тысяч кубометров дров. Ещё столько же отпустило ГОМЗА, в состав которого входит завод⁵⁰. Много хуже дело с основным сырьём — чугуном. Приходится использовать старый лом, который переплавляют по 10 тыс. пудов ежемесячно. Но всё же опасений того, что завод вынужден будет хотя бы немного сократить свою деятельность, не существует. Несмотря на то, что в первой половине этого года было много праздничных дней, а кроме того завод не работает в течение 2-х недель вследствие декретного отпуска, к 1-му июня довольно высокая производственная программа будет выполнена полностью⁵¹. Для большинства наших заводов большой вопрос — оборудование, которое за время войны и революции сильно износилось — мы тоже удачно разрешили. Ещё в 1921 году в программу работ каждого цеха включили ремонт оборудования. За первую треть 22-го года на работы по внутреннему ремонту потрачено 42 тыс. рабочих рук. Но всё же завод требует значительного обновления оборудования. Работа постепенно налаживается. Растёт производительность, заметна инициатива рабочих

⁴⁹ Важнейшая подробность — в то время безработица была страшным бедствием. Расширение производства создавало новые рабочие места. На завод уже не водили под конвоем. Туда надо было умудриться попасть на работу.

⁵⁰ ГОМЗА — Государственное Объединение Машиностроительных Заводов. Объединяло такие крупные заводы СССР, как Коломенский, Сормовский, Брянский, Тверской.

⁵¹ Декретный отпуск — Урываев имел в виду отпуск, предоставлявшийся по декрету СНК (Совета народных комиссаров) РСФСР от 27.04.1922 года «Временные правила об отпусках рабочих и служащих в 1922 году».

и «спецов». Вводятся, хоть на первый взгляд и мелкие, но всё же важные для общей работы усовершенствования и новые приёмы работы. Завод возрождается. Через 2-3 года его производительность превысит довоенную норму».

* * *

В апреле 1923 года на XII съезде РКП(б)⁵² М.Е. Урываева избрали кандидатом в члены ЦК партии⁵³. На следующий год он получил повышение — стал начальником оружейно-оружейного пулемётного объединения.

В 1926 году Михаила Егоровича, как тогда выражались, «перебросили на авиацию». Он возглавил государственный трест авиационной промышленности, в состав которого входили 11 «номерных» заводов⁵⁴. Это объединение было полностью хозрасчётным предприятием, обладавшим полной экономической самостоятельностью. Акции «Авиатреста» котируются на московских товарной и фондовой биржах.

Верный своим принципам — делать ставку на профессионалов — Урываев добился приглашения для работы по созданию бомбардировщиков АНТ-4 и АНТ-7⁵⁵ группы французских инженеров во главе с авиаконструктором Полем Эме Ришаром. Французский специалист возглавил опытный отдел при московском заводе № 28. Под его началом работали Сергей Королёв, Семён Лавочкин, Николай Камов и ещё целый ряд инженеров, составивших впоследствии конструкторскую элиту в авиакосмической отрасли СССР.

274

В распоряжение «Авиатреста» был передан рыбинский завод «Русский Рено», на базе которого планировали развернуть производство авиационных двигателей. Завод был законсервирован в начале 20-х годов и требовал перестройки. Не мудрствуя лукаво, для его развития была использована программа модернизации, спланированная, но не осуществлённая прежними владельцами до революции⁵⁶.

Благодаря энергии Урываева удалось наладить контакты с немецкой компанией «Баварские моторные заводы». Шеф «Авиатреста» сам съездил в Германию и подготовил сделку. Согласно контракту, подписанному Урываевым, на рыбинском авиамоторном заводе стали производить мощ-

⁵² РКП(б) — Российская коммунистическая партия «большевиков», впоследствии ставшая ВКП(б).

⁵³ После того Михаил Егорович был делегатом ещё четырех партийных съездов.

⁵⁴ «Номерными» называли заводы, производивших военную продукцию. Вместо обычных названий, раскрывающих месторасположение и профиль производства, им присваивался кодированный номер. Делалось это с целью повышения мер секретности.

⁵⁵ АНТ-7 — самолет дальней разведки, в ВВС получивший обозначение Р-6. Был первым советским самолётом, пролетевшим 5 мая 1937 года над Северным полюсом. В 1938 году самолёты Р-6 участвовали в спасении людей с кораблей, затёртых льдами в море Лаптевых. Во время Великой Отечественной войны АНТ-7, уже снятый с вооружения, применялся для буксировки планеров, доставки оружия партизанам и эвакуации раненых.

⁵⁶ РФ ГАЯО ф. Р-39, оп. 3 д. 43.

ные двигатели «БМВ», которыми оснащали первые советские самолёты дальнего радиуса действия⁵⁷.

* * *

Сильно занятый делами Михаил Егорович всё же успевал заочно учиться, окончив особый факультет МВТУ им. Баумана. Некоторое время его карьера развивалась на ниве производства вооружения. После «Авиатреста» он год возглавлял Главное военно-промышленное управление ВСНХ СССР, а потом ему под начало передали Всесоюзный снарядный трест.

Однако же в середине 30-х годов Урываев вернулся к исконному — работал в НКПС⁵⁸ заместителем начальника Центрального управления паровозного хозяйства по ремонтным заводам⁵⁹. Потом... Потом произошло нечто, что ускользает от внимания тех, кто пользуется открытыми источниками.

Непонятно, чем вызвано назначение Урываева начальником ярославского паровозоремонтного завода Наркомата путей сообщения, созданного на базе бывших тяговых мастерских Северной железной дороги. Явно, не его масштаба должность! Чтобы понять, что это было за предприятие, обратимся к такому факту: в качестве транспортного обеспечения производства завод имел десяток лошадей да один грузовичок-«полторку» ГАЗ-АА⁶⁰. Может быть, помня его опыт преобразования рыбинского «Русского Рено» в авиадвигательный гигант полагали, что Урываев создаст очередное административное чудо?! В таком случае ожидания не оправдались.

275

* * *

Комиссара смела первая волна арестов «ежовщины»⁶¹ — его взяли 22 августа 1937 года. Не ясно, чем именно Урываев провинился перед родной партией, но арестован он был вместе с большой группой бывших сотрудников наркоматов⁶², обвинённых во вредительстве и членстве в некоей «антисоветской правотроцкистской шпионско-диверсионной организации»⁶³. Конкретики поступков из кратких формулировок обвинений не видно — один только «подрострельный стандарт». Стоит ли гадать,

⁵⁷ РФ ГАЯО ф. Р-39, оп. 3 д. 28.

⁵⁸ НКПС — народный комиссариат путей сообщения.

⁵⁹ Газета «Северная магистраль» № 3 от 28.01.2011 «Не сделав преступления» — по материалам Дорожной научно-технической библиотеки и сектора архивов Северной железной дороги.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Старт репрессиям, известным как «Эпоха Большого террора», был дан указом наркома НКВД Н.И. Ежова № 00447 от 30 июля 1937 года.

⁶² Фамилия Урываева попала в один из так называемых «Списков лиц, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР», утверждавшихся лично И.В. Сталиным и членам Политбюро ЦК ВКП(б).

⁶³ РГАСПИ — российский государственный архив социально-политической истории — ф. 17 оп. 171 д. 412, листы 131 и 140.

из-за чего именно всё случилось, не зная точно? Так ли, сяк ли, но только до двадцатилетнего юбилея Великого Октября Михаилу Егоровичу дожить не довелось — 5 ноября 1937 года Военная Коллегия Верховного суда СССР приговорила его к смертной казни. Приговор привели в исполнение в тот же день.

Жизнь Михаила Егоровича Урываева оборвалась в подвале дома № 23 по Никольской улице. В этом здании с 1935 по 1950 год заседала ВК ВС СССР. Суд вершили в зале на третьем этаже, откуда приговорённых уводили в старинный подвал, где в специально оборудованной расстрельной камере их ждала бригада «исполнителей». Тела казнённых вывозили в Донской крематорий, а их прах «утилизировали», сваливая в общую яму при колумбарии.

О том, что этим путём был проведён Михаил Егорович Урываев, говорят скупые строки его посмертного дела — «приговор ВК ВС СССР 5.11.1937 г. ВМН (высшая мера наказания) — расстрелян 5.11.1937 г. Москва», местом захоронения указан колумбарий Донского крематория.

Со дня приговора и казни минуло 19 лет, месяц да ещё неделя, и та же Военная Коллегия Верховного суда СССР, приговорившая М.Е. Урываева к смерти, 12.12.1956 года реабилитировала его посмертно⁶⁴. Писать о том, что после реабилитации «восторжествовала справедливость», как-то рука не поднимается. Просто признали, что убили человека ни за что, в ходе «обострившейся классовой борьбы». Ошибочка, понимаешь, вышла.

Та же Военная Коллегия вновь соединила судьбы Комиссара и Писателя, за которым пришли осенью 1937 года. Дело к тому двигалось давно. Знакомые, видя Бориса Андреевича на воле, удивлялись. Весь год Пильняка подвергали критике, переходящей в травлю, особенно пеняя ему за связь с Карлом Радеком⁶⁵, уже осуждённым в январе 37-го года на 10 лет⁶⁶. В ответ он каялся перед товарищами по Союзу писателей, сетовал на свою политическую близорукость, сулил провести работу над ошибками и впредь их не допускать. Лавировал. Надеялся «может, пронесёт».

Ведь нечто подобное уже было в 1929 году, когда на него так же вот «обрушились с критикой», и даже появился газетный термин «пильняковщина», верный предвестник расправы. Однако же, покусав-покусав словесно, тогда от Пильняка отступились. Дела снова наладились. Его книги печатали⁶⁷. Он часто выезжал за рубеж, что в советское время считалось высшей формой демонстрации благоволения власти.

Вот и в 1937 году он ...Известно ведь — «надежда умирает последней». Несмотря на гнетущую атмосферу ожидания беды, Борис Анд-

⁶⁴ 7 фонд Центрального Архива ФСБ.

⁶⁵ Карл Радек — деятель международного социал-демократического и коммунистического движения. Погиб в Верхнеуральском политизоляторе. По официальной версии, его забили насмерть сокамерник.

⁶⁶ Они были знакомы, и Пильняк помогал семье Радека после ареста. Посылал помощь и самому арестанту. Это ставилось ему в вину.

⁶⁷ Б.А. Пильняк был одним из самых издаваемых писателей в СССР.

реевич ещё храбрился и пытался «жить как обычно», а по советским меркам жил он роскошно. Большой красивый дом в Переделкино, где его соседями была вся элита Союза писателей. Две автомашины в личном владении — отечественная «эмка» и американский «форд», вывезенный им из США, куда его пригласили для работы в Голливуде. Деньги. Вещи, купленные во время путешествий за границей. Антикварная мебель. Всё это и многое-многое другое у него было. Не было только уверенности в том, что будет жить. Слишком не глуп был писатель, предвидевший многое из того, что творилось, задолго до того, как оно начало твориться.

Последние иллюзии рассеялись 28 октября, в день рождения младшего сына. Учёные горьким опытом соседи по писательскому посёлку, чутко улавливая опасность ситуации, сложившейся вокруг Пильняка, обходили его дом стороной. Зашёл поздравить только Погодин с дочкой, но и они, посидев недолго, ушли. У Пастернака, с которым Борис Андреевич крепко дружил, в тот день были свои гости, и Борис Леонидович не пришёл. Явился другой, совсем неожиданный человек.

В десятом часу вечера приехал «некто в белом», с которым Борис Андреевич был шапочно знаком — встречался в советском посольстве, когда был в Японии⁶⁸. Поздний гость от угощения отказался, но рассыпаясь в любезностях, пригласил Пильняка в Москву:

— Вас просит к себе Николай Иванович, у него к вам какой-то вопрос. Возьмите свою машину. На ней и вернётесь. Через час дома будете!⁶⁹ Приглашали писателя к Николаю Ивановичу Ежову — народному комиссару внутренних дел, одно имя которого внушало ужас. Приглашение было формальностью. Это понимали все. Представителю наркома Ежова отказать было совершенно невозможно. Наскоро простившись с женой и сыном, Пильняк вышел из дому, завёл мотор любимого «форда» и выехал вслед за машиной «человека в белом». Обратного Борис Андреевич Пильняк не вернулся. Никогда.

* * *

Его мурьжили в следственной тюрьме несколько месяцев. Только 21 апреля 1938 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР было рассмотрено дело по обвинению гражданина Пильняка-Вогау Бориса Андреевича в шпионаже в пользу Японии. Поводом для фабрикации обвинения стала поездка в Японию, где Пильняк и познакомился с тем самым чекистом, который работал тогда в токийском посольстве под прикрытием статуса дипломата, приехавшим в Переделкино вечером 28 октября 1937 года, чтобы пригласить его в неволю, на казнь и поругание.

Признав подсудимого виновным, Коллегия приговорила Пильняка к смертной казни. Ни о суде, ни о том, что Бориса Андреевича

⁶⁸ Пильняк дважды побывал в Японии. В первый раз в марте-мае 1926, и после этой поездки появилась книга «Корни японского солнца». Потом он побывал в Стране Восходящего солнца в мае 1932 года.

⁶⁹ Б.Б. Пильняк. «Расплеснутое время» — М., 1990 г.

расстреляли на полигоне НКВД «Коммунарка»⁷⁰ в тот же день, когда вынесли приговор, семья не знала. Он просто уехал из дома и пропал. Ходили слухи, что его вроде бы видели на этапе, когда куда-то везли. Это позволяло теплиться надежде, что жив, что находится в одном из лагерей.

После того, как в 1939 году Ежова объявили врагом народа, а тех, кто непосредственно арестовывал, пытал и расстреливал — его пособниками, кое-кто из попавших в омут репрессий вернулся⁷¹. Но среди этих счастливиц Пильняка не было. К тому моменту, «когда при Берии начали выпускать»⁷², тело его год уж гнило в одном из ровов полигона «Коммунарка», а душа пребывала в тех пределах, где нет горести и печали, ни болезней, ни гласу, ни воздыхания, откуда возврат невозможен⁷³.

Реабилитировали Писателя посмертно в 1956 году, но особых подробностей о его смерти семье не сообщили. Тот самый сын, Борис Борисович, третий день рождения которого отмечался в день ареста, только 5 мая 1988 года, в ответ на свой запрос о судьбе отца, получил из Военной Коллегии Верховного суда СССР следующее извещение: «Пильняк-Вогану Борис Андреевич, 1894 года рождения, был необоснованно осуждён 21 апреля 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР по ложному обвинению в совершении государственных преступлений и приговорён к расстрелу. По уточнённым данным приговор приведён в исполнение 21 апреля 1938 года».

⁷⁰ Посёлок в составе в 4 км от МКАД по Калужскому шоссе. Территория, на которой приводились в исполнение смертные приговоры — «расстрельный полигон НКВД» — находилась к западу от поселка. На объекте «Коммунарка» было убито более 30 тысяч человек. Примерно 10 тысяч были захоронены там же, в братских могилах без опознавательных знаков.

⁷¹ Ежов покинул пост наркома НКВД в ноябре 1938 года, а 10 апреля 1939 года его арестовали.

⁷² На посту наркома Ежова сменил Л.П. Берия. В течение первого полугодия «Бериевской оттепели» из лагерей освободили до 200 тысяч человек, репрессированных во времена «ежовщины».

⁷³ За время «Большого террора» — примерно за полтора года — было казнено до 700 тыс. человек.

Татьяна Константиновна Залата родилась в Москве. Юрист, окончила Финансовый университет при Правительстве РФ. С 2008 года увлекается краеведением Ступинского и Коломенского краев. Также занимается популяризацией краеведения, запустив в 2009 году собственный проект в сети Интернет. В 2012 году награждена юбилейным Кульмским крестом «В ознаменование 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года и заграничных походов Русской Императорской армии в 1813-1814 гг.» В 2015 году занималась подготовкой списка воинов — участников Великой Отечественной войны, используемого в оформлении памятника, установленного силами меценатов в деревне Хомутово Ступинского городского округа в память 70-летней годовщины Победы. Живёт в Москве, но часто бывает в Коломне.

Краеведение

ДАЧА БРЮСОВА В ТЕРЕМЦЕ

На территории бывшего Коломенского уезда, в самой западной его части, в Каневском стане, находилось урочище Теремец¹. Ещё в Писцовой книге г. Коломны, посада и Коломенского уезда 1577-1578 гг. Теремец, находящийся на реке Каширке, упоминается при описании пустоши Иншиной в поместье за Богданом Шеметовым сыном Копылова.

До революции это был погост. Сейчас это стало село Иван-Теремец, которое находится ныне в г.о. Ступино Московской области. Приставка «Иван» появилась уже в советское время.

Центром погоста был храм Рождества Пресвятой Богородицы, который, по оценкам советских специалистов, датируется рубежом XVII — XVIII вв., а по данным отчёта Московского Археологического общества за 1908-1909 гг. — веком VIII. Однако известно точно, что храм появился не позднее 1702 г., в связи с тем, что иконописец Оружейной палаты Демид Иванов 5 июня 1702 г. заключил договор на иконописные работы на погосте церкви Рождества Богородицы, что на Теремце в Коломенском уезде.

В XVIII веке погост Теремец перешёл к Серпуховскому уезду.

¹ Урочище — по трактовке Н.В. Калачова, см. Писцовые книги Московского государства/ под ред. действительного члена Н.В. Калачова. — Санкт-Петербург: издание Императорского русского географического общества. — Ч. 1: Указатель. — 1895 (Тип. И.Н. Скороходова). — С. 43.

Теремец исторически был тесно связан не только с Коломенским уездом, но и с Коломенской епархией. Погост был подчинён Коломенской духовной консистории — органу Коломенской епархии.

Есть факт, который привлекает особенное внимание к истории погоста Теремец — с ним связан творческий путь известного поэта, прозаика и драматурга Валерия Яковлевича Брюсова.

К слову, Валерий Брюсов бывал в гостях и под Коломной — у Шервинских в Старках², а Р.В. Славацкий упомянул об этом событии в цикле сонетов «Черкизовский Парнас».

В Теремце же В.Я. Брюсов в 1908 году закончил работу над своим первым романом «Огненный ангел», что следует из подписи под рукописью. Дебютный роман стал знаковой работой в творчестве В.Я. Брюсова, а С.С. Прокофьев, вдохновившись романом, написал одноимённую оперу.

Следует отметить, что биографом Брюсова Василием Элинарховичем Молодяковым Теремец идентифицируется как деревня в Петроковской волости Владимирского уезда (ныне в Новоалександровском сельском поселении Суздальского района Владимирской области)³. При этом исследователь в своей работе не приводит обоснование такой локации «брюсовского Теремца».

Решение проблемы локации «брюсовского Теремца» следует из комплексного анализа разных источников, проведённого автором настоящей статьи, что позволяет опровергнуть утверждение В.Э. Молодякова.

Из данных источников следует, что находился «брюсовский Теремец» не во Владимирской губернии, а в Серпуховском уезде Московской губернии.

Такие выводы следуют из материалов переписки В.Я. Брюсова с Н.И. Петровской, В.Я. Брюсова с его отцом Я.К. Брюсовым, С.В. Кисина с В.Ф. Ходасевичем.

Шестнадцатого июля 1907 года В.Я. Брюсов пишет своему отцу, Якову Кузьмичу: «Вернулись мы из поездки в **Михнево**, в Теремец, где чуть было не сняли дачу»⁴.

Следует отметить, что станция «Михнево» Рязанско-Уральской железной дороги (сейчас — Павелецкое направление Московской железной дороги) была ближайшей станцией к погосту Теремец Серпуховского уезда. Позднее при станции возник посёлок (получил статус рабочего посёлка в 1957 году).

Из переписки В.Я. Брюсова с Н.И. Петровской⁵ становится понятно, что через год, в 1908 году, дачу в Теремце под Михневом Брюсовы всё же

² Мельников, В.С. Пространство коломенского текста. О «Коломенском альманахе». — Газета «День литературы». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://denliteraturi.ru/article/5181>, свободный. — Дата обращения: 01.08.2021.

³ Молодяков, В.Э. Декадент на пленэре: сцены дачной жизни Валерия Брюсова / Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: Коллективная монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — С. 247.

⁴ Цит. по: Лавров, А. В., Гречишкин. О работе Брюсова над романом «Огненный Ангел». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.trediakovsky.ru/o-rabote-bryusovana-d-romanom-ognennyy-angel/str/0/1>, свободный. — Дата обращения: 26.12.2020.

⁵ Переписка, 1904-1913 / Валерий Брюсов, Нина Петровская; [вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и А.В. Лаврова]. — Москва: Новое литературное обозрение, 2004 (РГУП Чебоксар. тип. N1).

Иван-Теремец. Сосны

сняли. Именно на страницах этой переписки разворачиваются подробности пребывания Брюсова в Теременте, а также детали отношений с Петровской, которая стала его музой и прообразом Ренаты в «Огненном ангеле».

В.Я. Брюсов пишет Н.И. Петровской 24 июня 1908 г. из Теремца:

«Нина, дорогая! О Тебе вестей пока не знаю, так как до сих пор сюда не доходила никакая почта. И это письмо посылаю не по почте, но «с оказией», как в доброе старое время. <...>

Приезд мой, видимо, откладывается, но Ты на это не сердись. Во-первых, я, конечно, ещё ничего не успел сделать. Первые дни не мог работать как следует и лишь теперь принялся за две последних главы «Ангела» [имеется в виду роман «Огненный ангел» — прим. автора]. Ты понимаешь, что мне необходимо их окончить до возвращения в Москву, иначе завершение их отложится на время самое неопределённое. В Москве я работать способен не буду, да, вероятно, и тотчас после нового отъезда — тоже. Во-вторых, если бы я приехал в тот день, на который я указывал, я бы был в Москве и не один [подразумевается: вместе с женой — прим. издателя]: так расположились разные дела. Напротив, в деревне конец недели я проведу совершенно один, и мне кажется, что при таких условиях Ты сама первая сказала бы мне: оставайся и работай. Приеду же я или в воскресенье, или в понедельник [29 или 30 июня — прим. издателя] — утром и буду совершенно свободен, так как привезу готовыми две последних главы, после которых могу повторить молитву Симеона: Ныне отпускаеши... ».

В сноске издателем переписки приведено пояснение (дословно), что «Михнево, Теремец — дачная местность в 60 км от Москвы». Данная деталь добавляет уверенности в том, что речь идёт не о Владимирской губернии, но это всё же субъективизм издателя.

А что же говорят письма?

Нина Петровская пишет ответ в письме от 26 июня 1908 года из Москвы:

«Милый Валерий, моего письма, ты говоришь, не получил. Оно было нежное и безумное. Написала сначала всё другое, а потом надышалась эфиром — от него боль тупеет — и послала «бессмысленно нежное» только

Храм Рождества Пресвятой Богородицы в селе Иван-Теремец

об одной правде моей души. Мало соображая, ехала прямо к почтовому поезду на **Павелецкий вокзал**. Казалось, что нужно опустить его прямо в вагон».

Сказанное в письме Петровской означает, что письма Брюсову она передавала в почтовый поезд, идущий с Павелецкого вокзала, что является веским доказательством расположения «брюсовского Теремца» именно в Серпуховском уезде, близ станции «Михнево».

282

ТАТЬЯНА ЗАЛАТА

Следует отметить, что Павелецким вокзал официально стал именоваться лишь после Великой Отечественной войны, до этого он назывался Саратовским (в Саратове находился крупнейший узел сети дорог Общества Рязанско-Уральской железной дороги). Однако употребление Ниной Петровской в переписке словосочетания «Павелецкий вокзал» указывает на то, что она использовала, по всей видимости, обиходное, неофициальное наименование, появившееся после расширения Рязанско-Уральской железной дороги за счёт ветки «Павелец – Москва» (так называемая «Павелецкая линия»).

Так, в ряде изданий, выпущенных до 1917 года, можно встретить наименование «Павелецкая железная дорога», употреблявшееся наравне с официальным наименованием «Рязанско-Уральская».

Очевидно, что семья и близкие люди Брюсова не оставили Теремец и в следующем 1909 году.

Из переписки поэта, драматурга В.Ф. Ходасевича:

«24 мая 1909 года, в воскресенье, Л.Я. Брюсова и С.В. Киссин поженились и уехали в Теремец»⁶.

И, наконец, в переписке же с В.Ф. Ходасевичем С.В. Киссин указывает свой полный почтовый адрес, что является прямым доказательством того, что Теремец, где В.Я. Брюсов снимал дачу, находился в Серпуховском уезде Московской губернии:

⁶ Киссин, С.В. Лёгкое бремя: Стихи и проза; Переписка с В.Ф. Ходасевичем / Самуил Киссин (Муни); Подгот. И. Андреева. — М.: Август, 1999. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=qe5fAAAAAAAJ>, свободный. — Дата обращения: 26.12.2020.

«С.В. Киссин — В.Ф. Ходасевичу
[Открытка. 5. 6.1909-9. 6.1909, Москва]

Ст. Московско-Нижегородской ж.д. Новогиреево Имение Старогиреево Е<го> В<ысоко>б<лагородию> Владиславу Фелициановичу Ходасевичу

Так как, Владя, я не совершенно уверен, что это письмо к тебе дойдёт, то пишу на открытке. О тихости ли совершенной здешних мест писать? Да, тихо здесь. Вот всё. Потому причина моего письма узнать о твоих делах и жизни более, нежели рассказать о своих. К тихости ибо у меня всё сводится. Итак, пиши: 1) Твой адрес, 2) Что ты делаешь, 3) Чего ты не делаешь, не хочешь делать, 4) Как тебе приходится и 5) Что с Белым, 5а) О книжках.

Лида тебя приветствует. Я целую. Адрес мой: **ст. Михнево Рязано-Уральской ж.д. Имение Теремец**. Твоего адреса не знаю. Пишу наудачу. Твой Муни».

Таким образом, судя по хронологии переписки, Самуил и Лидия Киссины отправились в Теремец, как сейчас бы сказали, в свадебное путешествие.

Следует отметить, что Лидия Яковлевна Брюсова (р. 1888 г., умерла в 1946 г. — в 1947 году был опубликован некролог) — профессор химии (1936), специалист по органической химии, действительный член Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии.

Интересно, что Самуил Киссин, как и Валерий Брюсов, передававший письмо Петровской «с оказией», не выражает уверенности в том, что его письмо из Теремца дойдёт до адресата.

Однако где же конкретно находилось имение Теремец? Где творил Валерий Брюсов и где проводила время чета Киссиных-Брюсовых? Было ли это имение при самом погосте или это одна из близлежащих усадеб?

Поскольку речь идёт явно об окрестностях погоста Теремец, можно предположить, что Брюсов мог снимать дачу как на погосте, так и, вероятно, в одном из имений в непосредственной близости от Теремца, либо в какой-то из близлежащих деревень.

Имений рядом с погостом Теремец было несколько: одно при сельце Ивановское, два — при деревне Дворяниново, одно — при деревне Кануново, ещё одно — при сельце Секирино. Все эти населённые пункты находятся примерно на одинаковом расстоянии от Теремца.

Также в приходе погоста Теремец упоминается имение Любимовка.

По данным на 1890 год владельцами близлежащих к Теремцу усадеб были: при деревне Ивановское — купчиха Прасковья Степановна Воробейчик, при деревне Кануново — Горяинов, при Дворянинове — Иванова, при сельце Сотниково (Киясовской волости) — Ашиткова.

В имении П.С. Воробейчик при д. Ивановское проживала вдова неслужащего дворянина Феврония Афанасьевна Чернопятова, которая умерла в Ивановской в 1902 году и похоронена на кладбище при церкви погоста Теремец⁷.

В Сотникове же проживала дворянка Мария Николаевна Ашиткова, которая была девицей, то есть не была замужем, и умерла в 1902 году (71

⁷ ЦГА г. Москвы. Ф.203. Оп.780. Д. 3481. Л. л. 26 об. — 27.

год)⁸. В 1903 году здесь скончалась её старшая сестра Екатерина Николаевна Ашиткова, а в 1907 году — третья из сестер Софья Николаевна.

По данным из «Памятной книжки Московской губернии на 1912 год» при деревне Дворяниново указана помещичья усадьба «Козырева дача» И.П. Шарыгина, при деревне Дворяниново — усадьба В.А. Торлецкого, при деревне Ивановской — имение Г.С. Арсенович.

Так где же находился тот дом, в котором Брюсов написал «Конец повести. 1908. 6 июня. Теремец»? Это могла быть усадьба, а может, это просто дом в деревне?

Можно познакомиться поближе с владельцами имений в окрестностях Теремца как с потенциальными хозяевами «брюсовской дачи».

При деревне Ивановской находилось имение Григория Саввича Арсеновича. Он был помощником смотрителя (затем сам стал смотрителем) 1-й Городской больницы в Москве («Первая градская больница») на Большой Калужской улице, состоял в Благотворительном обществе при Московской 1-й городской больнице.

Интересен Василий Александрович Торлецкий — владелец ещё одной усадьбы при деревне Дворяниново. Также у него было имение при сельце Новосёлки⁹ поблизости. В.А. Торлецкий был представителем крупного и очень богатого рода московских купцов Торлецких.

Так, известно, что его двоюродный дядя Александр Александрович Торлецкий был не только предпринимателем и сыном купца и коммерции советника Александра Логиновича Торлецкого, но также был крупным меценатом, одним из директоров Московского отделения Императорского Русского Музыкального общества, сыграл свою роль при основании Московской консерватории, был знаком с П.И. Чайковским, Н.Г. Рубинштейном, С. М. Третьяковым, состоял в родстве с С.С. Прокофьевым.

Известно, что его сын, потомственный почётный гражданин Иван Александрович Торлецкий, был купцом 2-й гильдии, имел прекрасный коттедж в английском стиле, в котором он любил принимать гостей.

Второй женой И.А. Торлецкого была Елена Васильевна Бух («Лиля»), которая была знакома со многими представителями творческой интеллигенции, в том числе и с В.Ф. Ходасевичем. Известно, что на даче И.А. Торлецкого в Гирееве бывал В.Ф. Ходасевич, с которым был дружен и вёл переписку зять Брюсова С.В. Киссин. Именно в Гирееве С.В. Киссин пишет из Теремца письмо, текст которого приводился выше.

Как раз троюродному брату И.А. Торлецкого Василию принадлежало имение в Дворянинове. Кто знает, случайно ли это совпадение, либо это прямая подсказка, что искомое имение «Теремец» — дача В.А. Торлецкого?

Само имение составляло барский деревянный дом с мезонином, «архитектуры красивой»¹⁰ размером 40 на 12 аршин, каретный сарай, навес на каменных столбах, машинный сарай, деревянный коровник, молотильный сарай, погреб, баню, постройку для рабочих. По всему имению была проведена вода из родника с помощью турбины, которая подаёт

⁸ Там же.

⁹ ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 140. Л. 142.

¹⁰ ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 140. Л. 46.

Река Каширка в окрестностях Теремца

воду из-под горы речки. К огороду вода доставлялась из данной системы, очевидно, устроенной хозяином — он был инженером и технологом, специализировавшимся на «водопроводных делах», в том числе оставил весомый след в развитии городского водопровода в Ростове-на-Дону.

Василий Александрович Торлецкий с 1896 года жил в Ростове-на-Дону, поэтому, вероятно, имение при Дворянинове пустовало и потому могло быть особенно удобным для найма дачи (в документах советского времени так и указано, что имение использовалось инженером Торлецким как дача, и здесь предлагалось организовать санаторий для слабосильных работников¹¹).

Примечательно то, что в районе Дворянинове и сегодня есть родник (и одноимённое СНТ «Родник» рядом с ним). В районе современного родника на карте 1860 года издания (данные были собраны раньше) показан некий хутор, который, предположительно, и мог стать впоследствии дачей Торлецкого.

Если совместить карту 1860 года и современную карту, то видно, что место, некогда занятое хутором, соответствует территории, на которой сейчас находится СНТ.

Если проследить за этим местом по более поздним картам, то можно увидеть, что строения на этом месте присутствовали и в советское время, вплоть до начала 1990-х годов. Улица, которая ведёт к этому месту, сегодня называется «Агропункт». В советское время на месте дачи Торлецкого действительно был организован агropункт.

Однако данных для того, чтобы это утверждать наверняка, мало, ведь и сведения о принадлежности имения в Дворянинове В.А. Торлецкому относятся к 1911 году, что на несколько лет позже того времени, когда в Теремце были Брюсовы и С.В. Киссин.

Относительно владельца усадьбы при селце Дворяниново, именуемой «Козырева дача», можно сделать предположение, что И.П. Шарыгин, указанный в справочнике, — это Иван Полиевктович Шарыгин (Шорыгин),

¹¹ ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 140. Л. 46.

инженер-технолог и заведующий бумагопрядильной фабрикой своего отца, Поливекта Шорыгина, в селе Михнево Бронницкого уезда Московской губернии (не путать с п. Михнево г.о. «Ступино»).

И вот, кажется, самый очевидный претендент на «брюсовский Теремец» — сам погост Теремец. Это было небольшое селение священнослужителей. Так, по данным Всесоюзной переписи 1926 года, на погосте было одно крестьянское и шесть прочих хозяйств (скорее всего, лиц духовного звания). Количество населения составляло 9 мужчин и 14 женщин.

В момент пребывания в этих краях В.Я. Брюсова настоятелем храма Пресвятой Богородицы был Николай Александрович Спасский.

При погосте также находилось земское училище, учителем в котором был тогда Михаил Семёнович Сахаров, сын его — чиновник Московского почтамта Алексей Михайлович Сахаров¹². Очевидно, братом земского учителя был потомственный почётный дворянин Николай Семёнович Сахаров, проживавший неподалёку, в селе Шматове.

Храм и погост Теремец, обрамлённые соснами, расположены на живописном берегу реки Каширки.

Обстановка на погосте, видимо, располагала к уединению и тиши, о которых и писали В.Я. Брюсов и С.В. Киссин.

Может быть, именно простота, тишина и уединённость маленького погоста дарили вдохновение Брюсову для написания романа, а не дачи с мезонинами «красивой архитектуры»? Да и сам Брюсов в переписке Теремец иначе как «деревней» не называл.

Ответ открывается в деле об изъятии имений в Серпуховском уезде в 1918-1919 гг. Среди изъятых — имение «Теремец» при погосте Теремец. Кажется, это и есть то самое имение «Теремец», о котором писал Киссин.

На момент национализации имение это принадлежало некому Бахвалову. Состав имения оказался действительно довольно скромным, почти деревенским — не в пример роскошной даче Торлецкого: три деревянных дома, ещё один дом, баня¹³ — и это вся недвижимость. Ни о каком водопроводе речи нет. Об архитектуре строений в имении Бахвалова в документах ничего не сказано, что, впрочем, не даёт право предполагать, что эти дома не были «красивой архитектуры».

Точное расположение имения Бахвалова в Теремце на сегодняшний день неизвестно: при ревизии совхозов в 1922 году составлялись планы усадеб, но, к сожалению, теремецкого плана нет.

Но безусловно очевидно то, что имение «Теремец» располагалось в непосредственной близости с храмом — по всей видимости, на территории современного села Иван-Теремец. Площадь имения составляла 98 десятин пахотной земли (около 107 гектаров) и 2 десятины усадебной (около 2 гектаров).

Большевики приводят опись имущества, начиная от сельскохозяйственных орудий и заканчивая самоваром.

Скота было относительно немного на момент изъятия имения: две рабочие лошади (одна из них была в соседнем Колычёво), корова, 19 овец (включая ягнят), куры с петухом (12 штук).

¹² ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 780. Д.3498. Лл. 94, об., 95.

¹³ ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 140. Л. 120.

Имение «Теремец» включало большой дом размером 30 на 20 сажений (или 64 метра на 42) и три дома 10 на 10 сажений (21 метр на 21). Баня была поменьше — 6 на 6 сажений (или 12 на 12 метров).

Для того, чтобы представить, какой была обстановка в имении, где творил В. Брюсов, обратимся к инвентаризационной описи советского хозяйства «Теремец» на 1922 год¹⁴, где зафиксирован перечень мебели и обстановки, находившихся в бывшем имении Бахвалова.

Кто знает, наверняка многие из этих предметов были знакомы и Валерию Брюсову?

Итак, в обстановке имения присутствовали: шесть штук простых столов, стол гостинный, стол ломберный, десять стульев венских старинных, девять мягких кресел, три мягких стула, буфет, кровать с матрасом, кровать железная без матраса, кресло железное, этажерка деревянная, комод, мягкий диван, семь штук гравюр в рамах, две лампы, два маленьких зеркала, две чугунные статуи, мраморный умывальник и угольник.

В 1921 году Мосземотдел постановил объединить имения Бахвалова в Теремце и Макарова в Сотникове в единый совхоз «Теремец»¹⁵ (на тот момент имения не использовались). К слову, Алексей Михайлович Макаров происходил из крестьян деревни Кануново, был старостой храма в Теремце и скончался уже в преклонном возрасте в 1918 году от болезни¹⁶.

В том же 1921 году совхоз «Теремец» был передан в Управление работ по капитальному ремонту Москворецкой системы на время проведения работ.

Сегодня Иван-Теремец, где некогда в тиши сельских пейзажей Валерий Брюсов закончил работу над историческим романом «Огненный ангел», а Лидия Брюсова и Самуил Киссин проводили счастливые дни своей жизни, изменился: теперь это не скромный погост, а большое село.

Но по-прежнему над ним высится древний храм Рождества Пресвятой Богородицы, и кто знает — возможно, эта святыня своим древним безмолвием вдохновляла Валерия Яковлевича Брюсова и помогала прочувствовать ему возвышенные образы строгих европейских средневековых монастырей и храмов?

¹⁴ ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 1341. Л. 140.

¹⁵ ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 881. Л. л. 4, 7.

¹⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 780. Д. 5028. Л. л. 405 об., 406.

ПОЧТОВАЯ МАРКА

14 октября 2021 года в рамках серии «Монастыри Русской православной церкви» в почтовое обращение вышла марка, посвящённая Свято-Троицкому Ново-Голутвину женскому монастырю.

Новоголутвинский монастырь, или Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, — женский монастырь Коломенской епархии Русской православной церкви в городе Коломне.

На территории монастыря сохранились Троицкая и Покровская церкви, колокольня, каменные палаты. На нижнем этаже Троицкой церкви создан храм в честь святой блаженной Ксении Петербургской. В 2002 году возведена часовня в честь святых равноапостольного князя Владимира и Анастасии Узорешительницы.

Сейчас в обители живут более 80 монахинь и инокинь из России, Казахстана, Украины и Беларуси. В монастыре открыт Православный медицинский центр имени святой блаженной Ксении Петербургской. Приём ведут монахини — профессиональные врачи. Имеется небольшая гостиница для паломников и трапезная.

На почтовой марке изображены общий вид монастыря и святая блаженная Ксения Петербургская, особо почитаемая в монастыре.

Дополнительно к выпуску почтовой марки изданы конверты первого дня и изготовлены штемпеля специального гашения для Москвы и Коломны Московской области.

Художник-дизайнер: С. Ульяновский.

Номинал: 50 р.

Размер марки: 65x32,5 мм, размер листа: 154x190 мм. Форма выпуска: лист с оформленными полями (2x5) из 9 марок и купона. Тираж: 126 тыс. марок (14 тыс. листов).

Нисон Семёнович Ватник родился в 1948 году. В 1970 году окончил с отличием исторический факультет Коломенского педагогического института. С 1970 по 1978 год работал учителем истории и заместителем директора Парфентьевской средней школы Коломенского района. С 1978 года — в Коломенском педагогическом институте (ныне Государственном социально-гуманитарном университете), где занимал должности ассистента, старшего преподавателя, доцента, заведующего кафедрой истории. С 2006 года — доцент кафедры отечественной и всеобщей истории и муниципального управления ГСГУ. Он — кандидат исторических наук, автор и ответственный редактор более 200 научных и научно-методических трудов — монографий, статей, сборников документов, учебно-методических комплексов. Неоднократно печатался в «Коломенском альманахе». Лауреат литературной премии имени И.И. Лажечникова 2021 года.

Краеведение

«...ЖЕСТОКОСТИ БЕСЦЕЛЬНЫЕ И БЕССЕРДЕЧНЫЕ»

Документы о событиях декабря 1905 года на Московско-Казанской железной дороге и в Москве

Взыскательного читателя «Коломенского альманаха» могут несколько удивить вынесенные в заголовки столь резкие слова. Принадлежат они видному государственному деятелю России рубежа XIX и XX веков, председателю Совета министров (1905-1906 гг.) С.Ю. Витте и таким образом оценивают «усмирительные» действия лейб-гвардии Семёновского полка после подавления вооружённого восстания в столице в декабре 1905 года. Для современников имена командующего полком полковника Г.А. Мина и его подчинённого Н.К. Римана, равно как и начальников «эксекуционных поездов» в Сибири генералов А.Н. Меллера-Закомельского и П.К. Ренненкампа, ассоциировались с беспощадной борьбой против любых проявлений революционного движения. Вследствие своей исторической значимости события тех лет, несмотря на более чем вековую отдалённость, продолжают привлекать внимание и исследователей, и общества в целом, продуцируя не только источниковедческий поиск, но и дискуссии концептуального характера.

Напомним, что революция 1905-1907 годов, именуемая Первой русской или Российской, стала результатом накопившихся общественных противоречий, которые не нашли адекватного разрешения в политике действующей власти.

Эти события открыли в России череду социальных потрясений, в результате которых в стране на протяжении XIX столетия несколько раз менялись территория, политический строй, социальные и экономические отношения, культурные ориентиры и ментальные признаки. Очевидно и другое — многие компоненты состоявшихся «смен веж» были воплощены или обозначены ещё тогда, в 1905-1906 годах, чтобы позднее стать практикой жизни в уже развитых формах: Государственная дума, Советы, гражданские свободы, парламентские выборы, легальные политические партии, легитимные общественные организации, профсоюзы, веротерпимость и др. Однако указанные новации не были предусмотрительно (!) дарованы реформаторами от имперской власти, а являлись вынужденными уступками на фоне акций гражданского неповиновения, рабочих и студенческих забастовок, разгромов помещичьих имений, межнациональных конфликтов, протестов интеллигенции, восстаний на флоте и в армейских частях. С осени 1905-го и в течение 1906 года практически во всех регионах страны наблюдались очаги гражданской войны, где получили распространение массовое насилие, пренебрежение законом, жесткость восставших и карательных экспедиций. Впервые с 1861 года властями были многократно использованы регулярные войска, включая армейскую пехоту и артиллерию, кавалерию, лейб-гвардейские полки и флотские экипажи. Применяемые ими методы «усмирения» включали избиения, аресты, бессудные расстрелы, уничтожение имущества и разрушение мест сопротивления (частных, общественных и производственных зданий).

В данном контексте Коломна и примыкавшие к ней станция Голутвин и фабричное село Боброво (с Коломенским машиностроительным заводом) вобрали в миниатюре все проявления общеимперского социального конфликта 1905 года — рабочие забастовки (на Коломзаводе), недовольство солдат (саперного батальона), школьную «смуту» (волнения в местных гимназиях), массовые митинги и демонстрации, создание Совета рабочих депутатов, организация боевых рабочих дружин и групп правопорядка из обывателей-монархистов, силовые акции городской полиции и казачьей сотни, операции карательных отрядов. Но именно последнее — действия экспедиции лейб-гвардии Семёновского полка под начальством полковника Н.К. Римана — обусловили широкую (и печальную) известность станции Голутвин и разыгравшейся здесь трагедии 18 и 19 декабря (все даты вступительной статьи приведены по старому стилю — Н. В.). Укажем, что кроме окрестностей Коломны, отряд уничтожил «крамолу» с 16 по 20 декабря на станциях Сортировочная, Перово, Люберцы и Ашитково (ныне — Виноградово). Добавим малоизвестное — будучи в Коломне, Рима́н получил от начальника штаба Московского военного округа барона Е.А. Рауша телеграфное разрешение следовать, по усмотрению, «для полного очищения линии до Рязани или ограничиться Коломной».

Первые обличительные статьи о расстрелах на «Казанке» были напечатаны в январе-марте 1906 года в либеральной газете «Русь» коломенскими авторами Н.С. Сергеевым, А.П. Плигиным и корреспондентом газеты В. Владимировым. Дополненные новой информацией, они стали основой изданной вскоре В. Владимировым объёмной (167 страниц) книги «Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семёновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской железной дороге». Наряду с пространном описанием, здесь

Лецинский В. Расстрел на станции Люберцы в декабре 1905 года. Бумага, печать. 1925. Государственный Центральный музей современной истории России

содержались схемы мест проведения карательной операции и фотографии погибших. Популярность книги была весьма велика, и основные её материалы цитировались и неоднократно включались в журналы и тематические сборники, например, «Бывое» и «Москва в декабре 1905 г.» (1906). Со своей стороны, известный журналист В. Гиляровский провёл расследование и опубликовал тогда же рассказ обер-кондуктора Т.В. Голубева, входившего в поездную бригаду эшелона семёновцев и ставшего невольным свидетелем происходившего. Гиляровский оставил этот рассказ без комментариев, но в завершающей его части показательно привёл следующие слова железнодорожника: «Подъезжая к Москве, Рима́н призвал нас и приказал молчать о том, что видели... Вернувшись домой, я долго не мог прийти в себя — всё плакал. А кондуктор Маркелин, ездивший с нами, сошёл с ума».

В 1920-х годах появились научные работы, сборники документов и воспоминаний о событиях Первой русской революции в Москве и Московской губернии, которые дали возможность восстановить обстоятельства организации и хода экспедиции, а также уяснить отношение к её методам и результатам со стороны имперских властей. В 1960-х и в начале 2000-х годов были изданы неизвестные ранее мемуары деятелей Русского Зарубежья (например, журналиста Д.И. Мейснера и военного врача В.И. Унковского) и документы из фондов Центрального архива ФСБ (в «Военно-историческом журнале»). Признавая безусловную полезность мемуаров, подчеркнём уникальность архивных материалов, поскольку они представляют собой относящиеся к 1930-1931 годам протоколы допросов в ОГПУ (Объединённом Главном политическом управлении — органе государственной безопасности СССР в 1923-1934 гг.) бывших офицеров-семёновцев. Допрошенные по не относящемуся к своей императорской службе «делу» — об организации «военно-

А.Р. Репродукция картины «Голутвино». Почтовая открытка. 1905-1917 гг.?
Картон, фототипия. Государственный исторический музей

офицерского заговора» (см. ниже комментарий И.Б. Иванова — сотрудника ЦА ФСБ) — они сообщили многое, позволившее пролить свет на детали поведения и настроения активных участников экспедиции 1905 года, а также на последующие судьбы некоторых из них. Ценность таких сведений состоит и в том, что они впервые исходили не из круга «наблюдателей», т.е. от непосредственных свидетелей или трансляторов их впечатлений (Н.С. Сергеева, А.П. Плигина, респондентов В. Владимиров и В. Гиляровского, мемуаристов 1920-х годов). В нашем случае, эти данные поступили из круга «совершавших деяния» — от связанных служебной тайной людей из закрытой, строго корпоративной военной среды. Их к нарушению «кодекса молчания» подтолкнули обстоятельства особые — нахождение под следствием, правда, по обвинению в контрреволюционной деятельности, а не в поступках четвертьвековой давности. И здесь неизбежно возникает вопрос о доверии к источнику: не пытались ли допрашиваемые скрыть истину, преуменьшить, ссылаясь на выполнение приказа, собственную роль и переложить вину на недостижимых для следствия бывших сослуживцев — эмигрантов или уже ушедших из жизни? Кстати, к тому вполне могли подталкивать публикации советских газет о судебных процессах над секретными агентами императорского Третьего отделения и Департамента полиции (к примеру, над И.Ф. Окладским, выдавшим «Народную волю», или Р.В. Малиновским и А.Е. Серебряковой, «освещавшими» революционное подполье) и над исполнителями смертных приговоров революционерам (над М.М. Ставраки, обвинённом в казни лейтенанта П.П. Шмидта). Однако анализ протоколов позволяет утверждать, что изложенные подследственными факты, расходясь в деталях, не противоречат фактам уже известным (по книгам, документам и мемуарам). В протоколах также неоднократно

приводятся примеры негативного отношения ряда офицеров Семёновского полка к жестоким (часто безосновательно) способам «успокоения» населения, причём применение таковых объяснялось не только ситуацией, но и угрозами наказания за неисполнение приказов (в первую очередь от Римана). И если акцентирование внимания на собственном неприятии расправ можно отнести к попыткам обвиняемых в контрреволюционном заговоре спасти себя (см. допрос А.М. Поливанова), то описание в протоколах поведения поручика С.П. Аглаимова, капитанов А.С. Зыкова и Я.Я. Сиверса и особенно полковника Римана не является оговором, а многократно подтверждается другими источниками.

В этой связи логично выяснить правовую регламентацию действий начальника экспедиции и его подчинённых. Ко времени описываемых событий в законодательстве Российской империи существовало «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» («Положение усиленной / чрезвычайной/ охраны»), утверждённое 14 августа 1881 года после убийства Александра II. Согласно документу, такое «исключительное положение» объявлялось в отдельных местностях, «когда проявления преступной деятельности лиц, злоумышляющих против общественного порядка и общественной безопасности, принимают ... столь угрожающий характер, что вызывают необходимость особых мероприятий, направленных к прекращению сих проявлений». Не вдаваясь в детали, отметим, что по степени жесткости мероприятия «чрезвычайной» охраны превосходили «усиленную» и вытекали из присвоения генерал-губернаторам прав «главноначальствующих». Эти права включали в том числе подчинение гражданского управления и командование войсками; учреждение для содействия полиции особых военно-полицейских команд; изъятие из общего суда дел «об известном рода преступлениях и проступках с передачей оных к производству военного суда»; заключение в тюрьме или крепости на три месяца или аресту на тот же срок, или штрафу до 3000 рублей как за нарушение обязательных постановлений, так и за проступки», изъятые из ведомства гражданских судов. Кроме этого, из перечня мер из «усиленной охраны» продолжали действовать права местных полицейских органов: арестовывать на срок не более 2 недель лиц, подозреваемых в совершении государственных преступлений и принадлежности к противозаконным сообществам; производить во всякое время обыски во всех помещениях, фабриках, заводах. Со своей стороны, министру внутренних дел предоставлялось право предавать военному суду гражданских лиц за преступления государственные и вооружённое сопротивление властям «для суждения... по законам военного времени» (с применением ст. 279 Воинского устава о наказаниях 1875 г.).

Мы подробно привели эти пункты «Положения», чтобы показать читателю: ни в одном из них нет упоминания о расстрелах на месте, а меру наказания, даже за вооружённое сопротивление, должен был определить суд (военный). Конечно, законодатель 1880-х годов не мог предвидеть политических коллизий начала XX века, и в условиях массовых протестных и вооружённых акций 1905 года (шествие рабочих 9 января в Петербурге, первомайские митинги и демонстрации, июньские баррикадные бои в Лодзи и Варшаве, сентябрьские волнения в Москве, восстания на флоте) выбор способов борьбы с «беспорядками» оперативно находился в руках региональной администрации и военных (губернаторов, генерал-губернаторов, командиров армейских частей и подразделений). Правда, зная функционирование вертикали власти в позднимперской России, более чем вероятно, что принципиальные решения принимались с ведома и по согласованию с Петербургом. В нашем случае, бессудные расправы,

применённые с введением в Москве 7 декабря генерал-губернатором Ф. М. Дубасовым «чрезвычайной охраны», получили одобрение императора Николая II и министра внутренних дел Дурново постфактум (шифрованная телеграмма Дубасову от 16 декабря гласила: «В общем принято одобренное вами решение кончать бесповоротно и окончательно в каждом случае на месте»). Здесь показательны относящиеся к 15 декабря два документа — донесение московского градоначальника барона Г. П. Медема и приказ полковника Мина. В первом — адресованном Дубасову — предлагается для успешной борьбы с мятежниками, «чтобы отдельные отряды войсковых частей разъездами обнаруживали кучки боевых дружинников, которых, как явных мятежников, не подвергая личному задержанию, предавали бы смерти». Предложение градоначальника Дубасов незамедлительно переводит в категорию обязательного к исполнению, применительно к Московской губернии. А именно, полковнику Мину приказывается сформировать отряд и отправить его «16 декабря в 7 ч. утра по Казанской ж. д.» с задачей: «на особом воинском поезде стремительно проследовать по ст. Сортировочная, Перово, Люберцы, Голутвин, стараясь на пути истреблять банды мятежников, а также захватывать главарей мятежа». Во втором документе — приказе № 349 по лейб-гвардии Семёновскому полку — поставленная задача конкретизируется и локализуется. Приведём важные для нас фрагменты приказа:

«16-го сего декабря назначается экспедиция по Казанской железной дороге на станции: Перово, Люберцы и Коломна.

...Цель и назначение отряда — захватить станцию Перово, обыскать мастерские и строения по указанию станового пристава князя Вадбольского и жандармского подполковника Смирницкого. Отыскать главарей — Ухтомского, Котляренко, Татаринского, Иванова и других по указанию князя Вадбольского и подполковника Смирницкого. Уничтожить боевую дружину. Исполнив задачу, оставить на ст. Перово... одну роту. ...Затем следовать в Люберцы, где занять станцию, произвести обыски селения завода, в остальном действовать так же, как в Перове.

Общие указания: арестованных не иметь и действовать беспощадно.

Каждый дом, из которого будет произведен выстрел, уничтожать огнём или артиллерией...

На станции «Сортировочная» оставить одну роту, назначение которой — не допускать движения поездов в Москву...

Далее, отряду двинуться на ст. Коломна, где произвести обыск и осмотр и остаться впредь до особого распоряжения».

Обратим внимание, что в Коломне отряду предписывалось ограничиться обыском и осмотром. Подобного рода сдержанность может быть объяснена тем, что на момент составления документа местность не оценивалась как требующее применения «крайних» мер «гнездо революции». (Заметим, что к 15 декабря ситуация в Коломне явно стабилизировалась — после разгона революционной демонстрации 11 декабря и разгрома рабочего Клуба ни Совет рабочих депутатов, ни боевая дружина себя активно не проявляли). Но из приведённого вытекает следующее: экспедиция действовала в Голутвине в нарушение приказа, что привело к череде жертв, зачастую невинных; недаром шокированная память подсказала через двадцать пять лет (!) одному из «героев» той трагедии — Сиверсу — разоблачительное сравнение: «На ст[анции] Голутвино, в сравнении с другими станциями этой дороги, было расстреляно большее количество рабочих» (см. протокол допроса в ОГПУ от 28 ноября 1930 г.).

Вечная память. Убитые во время экспедиции карательного отряда на станциях Московско-Казанской железной дороги. Почтовая открытка. Бумага, фотопечать. 1905-1906. Государственный Центральный музей современной истории России

Действительно, по сводным данным, извлечённым современным орловским историком Г.С. Чувардиным из фондов Военно-исторического архива, количество жертв экспедиции составило 55 чел., в числе которых 24 (или 43,6%) — убиты в Коломне (Голутвине), что превышает суммированное число расстрелянных в Люберцах — 14 и в Перово — 9 (на Сортировочной — 5). Приведённые архивные показатели, вероятнее всего, неточны и не включают погибших случайно, при личных расправах или беглой стрельбе (в книге В. Владимирова указаны 150 чел.); занижены они и для Коломны — здесь позднейший поимённый учёт определил 27 погибших, включая дружинника, литейщика В.А. Криворотого, убитого уже после отбытия отряда семёновцев в Москву (подробнее об этом — см. ниже).

Остаются невыясненными причины резкого перехода экспедиции от предписанных приказом обысков на станции Голутвине — к арестам и расстрелам. К сожалению, нынешнее состояние источников препятствует формулированию строго документированного ответа. Однако анализ косвенных сведений, в том числе извлечённых из публикуемых протоколов, позволяет всё же высказать следующие предположения.

Основную роль здесь сыграли предшествующие множественные расправы на железнодорожных станциях, которые сформировали у солдат и офицеров чувство вседозволенности, что в сочетании с безнаказанной жестокостью обусловило неадекватную, на грани психоза, их реакцию на любой (даже словесный) протест/упрек потенциальной жертвы, равно как и свидетеля творимых насилий; открытое же сопротивление, приводившее к гибели или ранению однополчан — провоцировали озлобление и месть. Сказался, видимо, и поощрённый властями «опыт» участия в расстреле рабочей демонстрации

Мемориальная доска на месте расстрела железнодорожников на станции Перово. Установлена в 1955 году. В связи с реконструкцией территории помещена на стену соседнего здания

9 января 1905 года в Петербурге. И, наконец, повлияли «примеры» Римана и его угрозы наказания, вплоть до расстрела, за неисполнение приказа.

Свою лепту внесли коломенская полиция и городские круги. Во-первых, как следует из литературы, именно от полиции — от уездного исправника Н.А. Бабина — Риман и его подчинённые получили на станции Коломна, т.е. перед прибытием в Голутвин, списки и адреса депутатов рабочего Совета, дружинников, ораторов на антиправительственных митингах (несомненно, все персоны списка характеризовались в качестве «крайних революционеров»). Во-вторых, чины полиции сопровождали воинские патрули во время обысков и задержаний, идентифицируя местных «смутьянов». В-третьих, речь идёт о вознаграждении в размере 200 рублей (примерно полугодовая зарплата квалифицированного рабочего), объявленном за информацию о местонахождении Н.И. Сапожкова — руководителя Коломенской организации РСДРП. Маловероятно, чтобы инициатором выступило командование экспедиции. Скорее, предложение исходило от города (от Думы? Земской управы? Местных монархистов?) или от уездной полиции (?). В пользу такой версии говорит требование высылки Сапожкова из Коломны, предъявленное монархистами Бабину ещё в октябре 1905 года.

Показательно, что бессудные расстрелы военных, уничтоживших заводскую «крамолу» (вместе с невиновными) «вдохновили» полицию самостоятельно, тайно «зачищать» случайно выживших фигурантов списка Бабина. В этой связи преступлением (а иначе такое деяние и не квалифицируется) выглядит убийство Криворотова, совершённое в ночь с 20 на 21 декабря. Он, избежав ареста семёновцами, был насильно препровождён несколькими полицейскими из дома на станцию Голутвин, где и убит; тело захоронили рядом с братской могилой жертв расстрела 18 декабря.

Отношение к прогремевшим на всю страну событиям на «Казанке» оказалось своеобразной лакмусовой бумагой, по которой определялись политические предпочтения отдельных изданий, политических движений и персон. Позиция либеральных газет («Русь», «Молва», «Русские ведомости») была приведена выше. Листовка декабря 1906 года коломенских социал-демократов назвала произошедшее в Голутвине — «кровавой расправой», а В.И. Ленин в статье «Рабочая партия и её задачи при современном положении», опубликованной в январе 1906 года в газете «Молва», констатировал: «Конституционные иллюзии рассеяны. Реакция по всей линии. Самодержавие восстановлено вполне и даже «усугублено» диктаторскими правами местных сатрапов, начиная от Дубасова и кончая низшей полицией». Мнение промонархической прессы иллюстрирует помещённая в декабрьских «Московских ведомостях»

информация, где утверждалось, что отряд семёновцев вынужден был стрелять, обороняясь от напавших на него дружинников.

Исчерпывающе высказался император Николай II. В литературе приводятся две его резолюции (надписи) в документах, где фигурирует Рима́н. Первая — во всеподданнейшем докладе о действиях войск по подавлению восстания в Москве. Она эмоциональна («Молодец!») и располагается на полях листа напротив очеркнутых царской рукой следующих строк: «...Люберцы убито мятежных железнодорожников около 200, а на станции Коломна полковник Рима́н расстрелял начальника станции, его помощника, двух зачинщиков забастовки и 22 рабочих». Появление второй — связано с попыткой московского адвоката Я.И. Лисицына привлечь полковника Рима́на к ответственности за совершённые им на ст. Голутвин убийства и взыскать убытки, понесённые семьями потерпевших. Затянувшееся надолго «дело» было прекращено в 1910 году по указанию императора с развёрнутым комментарием: «Если бы все военные начальники действовали по примеру Рима́на, то Россия не пережила бы тяжкой и постыдной години шесть лет тому назад».

О том, что такие резолюции отражают мировоззрение Николая II и не являются благоволением лично к Рима́ну, свидетельствует приведённый в мемуарах Витте эпизод. Речь идёт о телеграмме Прибалтийского генерал-губернатора В.У. Соллогуба, где, кроме сообщения о состоянии управляемой им территории, содержалась просьба «воздействовать» на капитан-лейтенанта О.О. Рихтера (командира морского батальона, направленного в Прибалтику в 1905 году для «восстановления порядка»), «так как он казнит по собственному усмотрению, без всякого суда и лиц несопротивляющихся». Во исполнении просьбы, Витте представил телеграмму императору, который «вернул её с надписью на том месте, где говорится о действиях капитана-лейтенанта Рихтера: «Ай, да молодец!»».

В свете императорских оценок диссонансом выглядит мнение московского губернатора Ф.В. Джунковского, известное по его «Воспоминаниям». Будучи сторонником скорейшего прекращения «беспорядков» военной силой, он, тем не менее, отнюдь не восторгался методами Рима́на: «Полковник Рима́н выполнил данную ему задачу, но, насколько мне кажется, жестокость его приёмов не вполне оправдывалась положением дела. Он расстрелял, насколько мне память не изменяет, 63 человека. Причём нескольких собственноручно, что, конечно, было не нужно. Сделал он это, очевидно, считая своим долгом показать пример своим подчинённым, но пример, не вызывающийся обстоятельствами. Мне кажется, что ему следовало назначить военно-полевой суд — это было бы всё-таки известное правосудие... Эта экспедиция оставила какой-то неприятный осадок, какую-то чёрную страницу на общем фоне усмирения мятежа». И здесь Джунковский оказался близок к позиции Витте по поводу действий Мина: «Действия генерала Мина в Москве я одобряю. По моему убеждению, революционные действия следует подавлять силою же... Но коль скоро революционные действия или вспышка подавлены, продолжение пролития крови и, в этих случаях иногда крови невинных, есть животная жёсткость. К сожалению, ... генерал Мин продолжал допускать жёсткости бесцельные и бессердечные».

В завершении вступительной статьи приведем информацию о судьбе Рима́на, который, по общему признанию, отличался особой свирепостью во время экспедиции. Опасаясь возмездия со стороны революционеров («Боевой органи-

защиты эсеров» в первую очередь), он два года, изменив внешность, скрывался за границей. Возвратившись, был назначен командиром дислоцированного в г. Ревель Эстляндской губернии 91-го Двинского пехотного полка. В годы Первой мировой войны служил в чине генерала начальником военно-санитарного поезда императрицы Александры Фёдоровны, где, по воспоминаниям Унковского, демонстрировал не только служебное усердие, но и истовый монархизм и глубокую религиозность. Сведения о нём в Февральскую революцию и позднее — противоречивы. По одним, при попытке выезда в Финляндию был арестован и расстрелян после Октябрьской революции. По другим — сумел эмигрировать и проживал в Германии до смерти в 1938 году. На наш взгляд, последняя версия наиболее правдоподобная. В её пользу свидетельствуют, среди прочих, мемуары Д. Мейснера «Миражи и действительность», где описана встреча автора с генералом на курорте Мариенбад (Марианске-Лазне) в чешской Бохемии осенью 1938 года — вскоре после известного Мюнхенского сговора. Состоявшийся тогда краткий разговор свидетельствовал, что монархические, антибольшевистские взгляды привели Римана к поддержке гитлеризма (впрочем, как и значительную часть русской эмиграции, которая жаждала «белого» реванша в России любой ценой). Представляем читателю интересующий нас фрагмент мемуаров, опустив малозначимые подробности.

«...В это моё посещение курорта произошла занятная и в каком-то отношении как бы символическая встреча. С давних пор курорт Марианске-Лазне славится своей русской православной церковью; её инкрустированный иконостас получил в 1899 году мировую известность после присуждения ему золотой медали на всемирной выставке в Ницце. Пошёл я в церковку в день приезда. Богослужение закончилось, и я собирался уже выйти, как увидел очень ладного, аккуратно, вернее, тщательно одетого в чёрное старого человека, одного из тех, о ком говорят «сама корректность». Он очень прилежно молился. «Военный, — подумал я, — а вот на русского, несмотря на православные кресты, которыми он себя осеняет, не похож».

Выйдя, я сел на скамье перед церковью, и вскоре ко мне подсел этот старичок, оказавшийся русским. Своё имя он пробурчал почему-то невнятно. Потом дал понять, что он бывший генерал, теперь эмигрант и получает по каким-то родственным связям (как видно, аристократическим) денежную помощь из Австрии. Он богомолен, скромнен, педантичен и, как я понял из беседы, всецело под бабшмаком у жены.

Узнав, что я сотрудничаю в мильковской газете (известный историк и политик П. Н. Мильков являлся редактором парижской газеты «Последние новости» — Н. В.), генерал как-то горестно и кисло усмехнулся, но тут же любезно добавил, что повсюду есть «хорошие люди». Он настойчиво отклонил в нашей беседе тему о международной обстановке, что тогда меня особенно интересовало, но всё же заметил: «В вашей газете пишут против немцев, но не забывайте, среди них тоже есть хорошие люди и потом... они против большевиков. Может быть, это единственная сила», — кончил он с какой-то печалью в голосе.

Человек этот меня заинтересовал, что-то было в нём не совсем обычное, и вечером я спросил о генерале у русских, живущих постоянно на курорте. «Да это же фон Рима! Как вы его не знаете... кровавый Рима, как его называли когда-то в России, усмиритель революции 1905 года в Прибалтике».

Я недаром почувствовал, что мой случайный у церкви собеседник «не

*Коломна. Памятник жертвам
карательной экспедиции.
Арх. В.В. Майсов и Т. Шустова.
Открыт в 1978 г.*

*просто так»,... что-то
в нём запомнилось крепко.
Вот только трудно всё-та-
ки было предположить, что
человек этот, как говорится,
не моргнув глазом, проливал
кровь, много крови. Впрочем,
он, вероятно, считал, что
всего лишь выполняет приказ;
всё тот же изуверский при-
каз — патронов не жалеть.
А Риман хотел быть точным
и исполнительным и патро-
нов, как известно, совсем,
совсем не жалел...*

*Встреча эта была сим-
воличной, она произошла в дни, когда власть над большей частью Европы
переходила к тем, кто действительно никаких патронов совсем не жалел,
далеко затмив маленького «наивного» Римана».*

* * *

*Публикуемые ниже протоколы, подготовленные к печати (с преамбулой
и примечаниями) И.Б. Ивановым — сотрудником Центрального архива ФСБ
РФ, воспроизводятся по тексту «Военно-исторического журнала» за 2001 г.
(№ 3, 4) под общим названием «За жестокую расправу с восставшими
офицерство получило разные награды». Для удобства читателя журнальные
«Примечания» скомпонованы в один блок, помещены в конец настоящей
публикации и перенумерованы с использованием сплошной нумерации, без
изменения содержания.*

Н.С. Ватник

«За жестокую расправу с восставшими офицерство получило разные награды»

Московская экспедиция лейб-гвардии Семёновского полка в 1905 году

Сформированный Петром I из «потешных» лейб-гвардии Семёновский полк был одним из лучших в русской армии. Он участвовал в Азовском походе, Северной войне, в качестве морской пехоты в Гангутском сражении, отличился при Бородино (1812 г.), в русско-турецкую войну (1877-1878 гг.); имел Георгиевское полковое знамя с Андреевской лентой. В 1820 году личный состав полка восстал против своего командира, за что понёс наказание и был заново сформирован из солдат гренадерских частей.

В Первой мировой войне особо крупных дел за полком не числилось,

если не считать, что солдаты его резервного батальона, находившегося осенью 1917 года в столице, принимали участие в штурме Зимнего.

После Октября полк переформировали, назвали 3-м стрелковым и оставили на охране Петрограда. Однако в 1919-м полк всё же пришлось выдвинуть против Юденича, на сторону которого он сразу же и перешёл. Между тем, воинский дух у семёновцев оказался уже не так крепок, как в прежние времена: полк был разбит, отброшен в Эстонию, где и разоружился.

На этом его история как бы заканчивается.

Но в боевой биографии лейб-гвардейцев имелась одна неприятная страница, о которой старались забыть и нижние чины, и офицеры — это подавление революционных выступлений в Санкт-Петербурге и Москве в 1905 году. Но вспомнить пришлось.

В 1930 году в Ленинграде вдруг обнаружился «контрреволюционный военно-офицерский заговор», в орбиту которого попало и несколько бывших офицеров-семёновцев. Так как о «заговоре» арестованные, в общем-то, не знали, то им пришлось рассказывать на допросах о своём участии в подавлении революции 1905 года. Вспоминалось трудно. Да и кто из них мог предполагать, что выполнение царского приказа через четверть века обернётся «расстрельной» статьёй!? Однако советская власть не шутила. Одиннадцать человек получили смертный приговор, девятих осудили на различные сроки лишения свободы и отправили в лагерь, одного оправдали. Лишь в марте 1989 года всех осуждённых по делу Семёновского полка реабилитировали.

Мы представляем читателю протоколы допросов ряда обвиняемых, без комментариев, с сохранением стилистики, ради краткости исключены лишь повторы и второстепенные места, не относящиеся к теме. Надеемся, что читатель сам сделает выводы о первой революции, которая потрясла Россию в начале XX века.

Эти документы никогда не предназначались для печати, а потому правдивы настолько, насколько может быть правдива любая исповедь, в том числе и заключённого, обречённого на казнь.

И. Б. Иванов

**Из протокола дополнительного допроса обвиняемого Я.Я. Сиверса¹,
произведённого в полномочном представительстве (ПП) ОГПУ
в Ленинградском военном округе (ЛВО)**

г. Ленинград, 29 января 1931 г.

[...]

Во вторую половину дня 9 января 1905 года по приказанию командира полка 3-й батальон в составе 9, 10, 11 и 12-й рот под командой полковника Римана был вызван для следования к Зимнему дворцу.

Батальон выступил из казарм и последовал по Гороховой улице,

¹ Сиверс Яков Яковлевич, 1867 г.р., из дворян Лифляндской губернии, уроженец Варшавы, русский — немец [так в тексте]. Участник Первой мировой войны, командир 76-й пехотной дивизии, генерал-майор. Служил в Красной Армии. Арестовывался несколько раз как бывший офицер. До последнего ареста — безработный, проживал в Ленинграде (здесь и далее пояснения составлены следователями).

Б[ольшой] Морской к Зимнему дворцу. По приходе к Зимнему дворцу никаких бесчинств, устраиваемых рабочими, не было, и батальон вынужден [был] повернуть обратно к Морской улице. Дойдя до перекрёстка с Невским проспектом, мы были свидетелями избиения двух морских офицеров, что ещё больше обозлило командование батальона и его солдат. Во время шествия батальона были слышны крики, что у Полицейского моста бьют офицеров, и некоторые из проходящих обращались с просьбой, чтобы командир батальона выделил одну роту для усмирения и оказания помощи. В ответ на просьбы Риман выделил роту, которой командовал я.

[...]

По углам улиц и на набережной реки Мойка было скопление толпы, сзади которой значительная часть была рабочих. Для разгона по приказанию полковника Римана я приказал своему взводу дать залп по толпе, стоявшей на наб[ережной] реки Мойки, что и было сделано. В толпе, по которой происходила стрельба, находился один мужчина, по виду студент, который доказывал стоявшим, что стрельбы по собравшимся не будет. Ввиду того, что толпа не унималась и не давала признаков к расходу, по приказанию Римана я вторично, а за этим и третий раз дал команду по роте, чтобы последняя произвела дополнительные залпы по толпе, что и было выполнено. После последних двух залпов толпа вынуждена была разойтись.

Сколько было убитых и раненых, сказать трудно, так как в то время убитых, которые были, смотреть почти не приходилось. При выполнении возложенных задач батальон отведён в казармы. Что касается [участия] в расправах над рабочими у Зимнего дворца утром в этот же день, наш батальон не участвовал... Для наиболее ясного представления о расправах над рабочими в 1905 году в день 9 января свидетельствует то обстоятельство, что между гвардейским офицерством, полицией и жандармерией в смысле действий не было разницы.

[...]

Добавляю, что кроме первого залпа мною был дан приказ вполголоса, чтобы солдаты целились в снег, не доходя толпы.

ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № П-67738, л.533-534.

**Из протокола дополнительного допроса обвиняемого Я.Я. Сиверса,
произведенного в ПП ОГПУ в ЛВО**

г. Ленинград, 28 ноября 1930 г.

[...]

В 1905 году, будучи командиром 10-й роты, я с остальным составом полка выезжал в Москву на подавление революции. Во главе полка стоял генерал Мин. Командиром 3-го бат[альона], в который входила моя рота, был полковник Риман. Весь 3-й батальон с карательной экспедицией по прибытии в Москву был отправлен по линии Казанской жел[езной] дор[оги]. Моя рота выехала и заняла ст[анцию] Голутвино. На этой станции нами было расстреляно около 30 человек, из коих один арестованный с оружием рабочий-железнодорожник был мною пристрелен лично. На ст[анции] Голутвино, в сравнении с другими станциями этой дороги, было расстреляно большее количество рабочих. В моём подчинении был поручик Поливанов Алексей Матвеевич, который по моему приказанию

лично руководил расстрелами и подавал команду. В экспедиции Московской были, как я сейчас припоминаю, еще Шрамченко и Шелехов. Возможно, что машинист Ухтомский был расстрелян на ст[анции] Голутвино, но не мною и не моей ротой. За подавление революции 1905 года все офицеры получили награды. Мне дали Анну 3-й степени. По возвращении полка в Петербург, позже, на специально устроенный праздник в знак высочайшей милости к нам приезжал Николай II.

[...]

ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № П-67738, л. 1818а.

**Из протокола дополнительного допроса обвиняемого А.М. Поливанова²,
произведённого в ПП ОГПУ в ЛВО**

г. Ленинград, 26 ноября 1930 г.

[...]

В период экспедиции Семёновского п[ол]ка в Москву я принимал в ней участие в составе 10-й роты, командиром коей был Сивере. Я командовал полуротой. Рота входила в состав батальона, коим командовал полк[овник] Рима́н. Задача б[атальона] состояла [в] ликвидации революционного движения на Московско-Казанской ж[елезной] д[ороге]. Рота занимала станцию Голутвино, где ею были произведены расстрелы. Я принимал участие, как и остальные офицеры, в обысках и расстрелах по приказанию полковника Римана, который приказал офицерам при обнаружении оружия пристреливать рабочих на месте. Полуротой под моей командой было расстреляно человек пятнадцать. В числе их помню начальника станции Голутвино и его помощника, остальные были, очевидно, рабочие. Приведены они были со станции Риманом и Сиверсом. Конвоировала их моя полурота за ж[елезно]д[орожные] пути, где они были расстреляны. Команда была подана солдатам мною, что-то вроде «кончай» или «начинай». Когда до этого я колебался, говоря Риману, что я не смогу, то тот сказал мне, что «я Вас самого расстреляю». После чего я всё выполнил. Лично я никого не пристрелил из револьвера, как делал это Рима́н, это я отрицаю. Шрамченко тоже участвовал в экспедиции, он был, насколько я помню, в 4-м б[атальо]не в 16-й роте под командой Витковского. Он оставался в г. Москве, роль и участие его в Пресненских операциях неизвестны. Командовал непосредственно всем Рима́н. Кем был расстрелян революционер-машинист Ухтомский, я сейчас не помню, я при этом не был. Со слов в вагоне от офицера, кажется, адъютанта Шарнгорста, я слышал, что Ухтомский перед смертью обратился с речью к солдатам и отдал им имевшиеся при нём деньги, умерев как герой.

[...]

ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № П-67738, л. 49-52.

² Поливанов Алексей Матвеевич, 1879 г.р., дворянин, уроженец Санкт-Петербурга, русский. Участник Первой мировой войны, помощник командира Особой Беломорской бригады, полковник по Адмиралтейству. Служил в Красной Армии. Арестован несколько раз как бывший офицер. До последнего ареста — бухгалтер артели «Электрит», проживал в Ленинграде.

**Из протокола дополнительного допроса обвиняемого П.Н. Брока³,
произведённого в ПП ОГПУ в ЛВО**

г. Ленинград, 14 января 1931 г.

[...]

Во время нахождения в Москве в 1905 году я находился в 1-м батальоне. Наиболее активное участие в подавлении восстания рабочих 1905 года на Пресне принимали 3, 4 и 13-я роты нашего батальона. 3-й ротой командовал Тимрот, 2-й, 4-й ротой командовал Свешников, 13-й команд[овал] Албертов. Все они за героизм получили Владимира 4-й степени. Рота, в которой находился я, стояла за Пресненским мостом вправо. На обязанности нашей роты лежала охрана движения 3-й и 4-й роты. Непосредственного участия в подавлении рабочих наша рота не принимала. За жестокую расправу с восставшими офицерство получило разные награды. При раздаче наград полковник Мин мне отказался дать, и только в 1906 году [я] получил очередную награду Анны 3-й степени. На расстрелах рабочих, которые происходили в это время, был всего один раз, когда капитан Цвезинский дал приказ своим подчинённым пристрелить одного рабочего. Расстрел происходил при следующих условиях: Цвезинский привёз одного рабочего, заподозренного в стрельбе в солдат. Продержал некоторое время около себя, скричал (так в тексте. — И. И.): «Ну, уходи!» В знак выполнения отданного приказа арестованный рабочий побежал. Не успел отбежать, как Цвезинский приказал солдатам в него стрелять, выстрелом последних убегающий был подстрелен, после чего пополз во двор.

[...]

ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № П-67738, л. 100-101.

**Из протокола дополнительного допроса обвиняемого В.В. Шрамченко⁴,
произведённого в ПП ОГПУ в ЛВО**

г. Ленинград, 30 ноября 1930 г.

[...]

По приезде на ст[анцию] Перово нашей роте было дано задание: очистить Перово от революционеров, расстреливать лиц, у которых будет найдено оружие, и т.д. Впервые приказ был осуществлён на пом[ощнике] нач[альника] станции, который был штыками заколот. По команде ком[андира] роты Зыкова, потом и по моей на ст[анции] Перово был открыт огонь по крестьянам. Лично мною после Зыкова команда «Открыть огонь» была дана два раза. Команда «Открыть огонь» второй раз была дана роте тогда, когда она мной и Зыковым была развёрнута в цепь для стрельбы по крестьянам, разгружавшим вагоны. В результате стрельбы солдатами нашей роты убито 10 чел[овек] крестьян, но точно не помню.

³ Брок Петр Николаевич, 1876 г.р., дворянин, уроженец Санкт-Петербурга, русский. Участник Первой мировой войны, командир 509-го пехотного Гжатского полка, полковник. Служил в Красной Армии. До ареста — статистик, проживал в Ленинграде.

⁴ Шрамченко Владимир Владимирович, 1882 г.р., дворянин, уроженец Санкт-Петербурга, русский. В годы Первой мировой войны командовал полуротой в этапном батальоне, штабс-капитан. До ареста — фининспектор, проживал в Ленинграде.

Уточняя: цифра 10 человек убитых падает исключительно на мою полуроту. Вместе с командиром Зыковым участвовал в обыске одной рабочей квартиры. По имеющимся спискам от полиции в обыскиваемой квартире должны были скрываться члены рабочей дружины. Во время обыска вместе со мной и Зыковым присутствовал работник полиции. Наша рота стояла на станции 5-6 дней. Из офицеров с ротой остал[ись] я и Зыков. Имеющиеся операции на ст[анции] Перово, относящиеся к расстрелу, арестам и т.д., проводились исключительно мной и Зыковым с прикрепленным к роте работником полиции. Расстрелы рабочих, крестьян и вообще кого-либо из граждан станции не производил.

К изложенному добавляю, что по имеющимся материалам мной лично был арестован священник. Расстрел Эшукова по моему приказанию я отрицаю, но думаю, что расстрелял Зыков, так как на станции оставались мы вдвоём с Зыковым.

[...]

ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № П-67738, л. 200201.

Из протокола допроса обвиняемого Л.В. Дренякина⁵, произведённого в ПП ОГПУ в ЛВО

г. Ленинград [период с 6 по 13 января 1931 г.]

[...]

Во время моей службы в Семёновском полку я вместе с полком был командирован на усмирение вооружённого восстания, находясь в 7-й роте и [в] составе 2-го батальона. Полк был переброшен в Москву 14 декабря, и по прибытии 15-го числа 1-й батальон со штабом был направлен в Кремль, 2-й батальон оставлен на Ярославском вокзале, 3-й батальон переброшен на Казанскую дорогу и 4-й батальон частью на Октябрьском (так в тексте. — И. И.), частью на Ярославском вокзалах. Через два дня 2-й и 4-й батальоны были сняты с вокзалов и переведены в центр города, причем 2-й батальон был сразу продвинут в район Пресни к Горбатовому мосту, и в это время 1-й батальон из Кремля был продвинут к Зоологическому саду и занял место у моста, где были поставлены баррикады. 4-й батальон был оставлен в центре города для охраны правительственных зданий. Задачи 1-го и 2-го батальонов сводились к тому, чтобы очистить весь район Пресни от восставших, для чего нужно было очистить мост от баррикад и очистить мебельную фабрику против Горбатого моста, откуда производилась порядочная стрельба. В результате действий 1-го батальона после нескольких сильных перестрелок ружейных, поддержанных прибывшей артиллерией, баррикады были разрушены, и батальон частично был продвинут вперёд, где занял опорные пункты в домах. 2-й батальон действовал против мебельной фабрики и довольно долго безрезультатно, после чего был вызван взвод артиллерии, который после более или менее продолжительной перестрелки прекратил стрельбу из фабрики. Так как в задачу батальонов

⁵ Дренякин Леонид Васильевич, 1884 г.р., дворянин, уроженец г. Серпухова Московской губернии, русский. В годы Первой мировой войны — заведующий хозяйством запасного батальона Семёновского полка, полковник. Служил в Красной Армии. В 1921 г. судим военным трибуналом за небрежное хранение увольнительных записок. До ареста — техник «Электросвязьстроя», проживал в Ленинграде.

входило не ограничиваться только прямым продвижением вперёд, но захватить все близлежащие пространства, то было приказано проводить обыски, главным образом по указанию полиции, а также в тех домах, откуда была замечена стрельба. К пунктам, откуда производилась наиболее сильная стрельба в районе 1-го батальона, полковник Мин, находившийся при батальоне, применил ещё меру, приказав поджигать эти дома, почему несколько домов было сожжено вызванными пожарными командами. Обыски в домах происходили по распоряжению командира батальона, как было во 2-м батальоне, причём было указано, что в случае обнаружения оружия арестовывать лиц, находящихся в помещениях, и доставлять в штаб батальона. Такие случаи имели место в течение всего времени, что батальон находился у Горбатого моста.

Арестованные по[сле] допроса, по опознании полицией, а также по спискам, имевшимся у полиции, разделялись, часть передавалась полиции, остальные по распоряжению командира батальона расстреливались. [...]

За всё время моего пребывания в Москве я не участвовал ни в одном расстреле, я не погубил ни одной души, и мой револьвер не сделал ни одного выстрела. Единственный раз, когда я получил приказ от командира батальона привести в исполнение расстрел, я [под] разными предложениями отговорился от этого, и это распоряжение было передано подпоручику Лобановскому.

Из всего состава батальона наиболее активно действовали командир батальона Левстрем, его адъютант Аглаимов, Эссен, Петров и Лобановский. Когда район около Горбатого моста был очищен, батальону приказано было продвинуться вперёд включительно до Прохоровской мануфактуры, куда к этому времени прибыл и 1-й батальон, и здесь пробыли, кажется, 2 или 3 дня. Дальше за черту города батальоны не продвигались и были возвращены в центр города в казармы Астраханского полка.

Насколько я, тогда молодой офицер, мог уловить настроение полка, скажу, что вначале подъём был большой, пока не соприкоснулись вплотную с вооружённой силой с другой стороны. Вся обстановка, часто боевая, с ежеминутной возможностью поплатиться жизнью должна была сильно повлиять на общее настроение в смысле усмирения способами, о которых было дано распоряжение, т.е. расстрелами. Я должен особенно отметить, что Мин особенно поддерживал решительный дух усмирения, выступая всё время с речами, что полк, имея такую большую задачу, как водворение порядка в Москве, не должен отступать перед самыми решительными мерами. За свои действия в Москве вскоре после прибытия в Петербург полк получил высочайшую благодарность, и офицеры получили награды.

ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № П-67738, л. 267-272.

**Из донесения⁶ в ПП ОГПУ в ЛВО о пресненской операции в Москве
в декабре 1905 года**

г. Ленинград [Не ранее января 1931 г.]

...К тому времени, как я прибыл на вокзал, 1-й и 2-й эшелон[ы] уже уехали, и были поданы вагоны для нашего, т.е. 3-го эшелона; поданы

⁶ Документ не имеет числа и подписи.

были вагоны 3-го класса, [кроме них] один второго и один первого. Мин лично распоряжался посадкой, не давая никому вмешиваться. Сам он ехал в вагоне 1-го класса со штабом полка, командирами батальонов, и там же в отдельном купе ехал генерал барон Штакельберг, который вёз адмиралу Дубасову собственноручное письмо Николая II и какие-то инструкции.

Паровоз обслуживался выбранными машинистом и кочегаром (это я узнал позднее), которых очень трудно было найти, так как большинству не доверяли, а некоторые боялись. Кроме того, на паровозе были солдаты 1-го железнодорожного полка (машинисты и кочегары) во главе с Костенко, которым фактически управлялся и вёлся поезд всю дорогу вплоть до Москвы⁷. По просьбе паровозн[ой] бригады, Мин поставил на паровоз небольшой караул из солдат Семёнов[ского] полка с офицером. С поездом следовали ещё какие-то инженеры пут[ей] сообщ[ения] и технологи, из коих двух я видел в общем офицерском вагоне; другие ехали в вагоне с Мином. Кто они были — не знаю, но от одного слышал, что он начальник какого-то участка дороги.

Как только двинулся поезд, среди офицеров, в большинстве получивших приказ явиться в полк и неожиданно и с опозданием, во время разговоров встал вопрос, почему командировали полк в Москву, когда уже почти всё там кончено, судя по газетам, а также почему выбор пал именно на Семёновский полк. Никто не мог дать на это положительного ответа, даже самые близкие к Мину и осведомлённые обо всём, что в полку затевалось или делалось в верхах. Уже гораздо позднее, через несколько месяцев, мне лично рассказывал Тимрот 2-й (очень близкий к Мину и верхушке полка в то время), что ему стала известна история командирования полка от самого Мина после возвращения полка в Петербург.

Для цельности и связности моего показания привожу эту версию тут.

14 декабря, когда была уже утром окончательно решена посылка одного полка в Москву для подкрепления Московск[ого] гарнизона, по приказанию царя был из Петербурга вызван в Царск[ое] Село ген[ерал] Щербачёв, командир Павловского полка; ему была прислана об этом срочн[ая] телеграмма в 12 ч[асов] дня. В это же время примерно в Царс[ком] Селе был Мин, зашедший во дворец на правах флигель-адъютанта. У Мина был кто-то из приближённых при дворе, кто ему очень протезировал. Он вскоре узнал, что предполагается посылка одного полка в Москву, добился аудиенции у царя ввиду неприбытия ещё туда генер[ала] Щербачёва и, узнав от царя о намерении послать в Москву отряд, лично просил, чтобы назначили его (как знающего Москву, недавно бывшего там командиром полка) и его полк, которому царь может вполне доверять; вопрос был Мином поставлен в плоскости якобы обиды полку в случае его неназначения⁸. Царь согласился, и в 3 часа дня Мин получил и приказ, и назначение, и инструкции, о чём никому ничего не сообщил до последней минуты, приказав лишь по телефону из Царского] Села полков[ому] адъютанту распорядиться вызвать в полк всех офицеров, в т[ом] ч[исле] и команди-

⁷ Примечание на полях: «Мне кажется, что фамилия мною указана правильно, но, может быть, его звать Косевич или Костевич; за точность не ручаюсь».

⁸ Примечание на полях: «Всё это было впоследствии подтверждено и ещё некоторыми офицерами, близкими к Мину».

рованных, и сделать распоряжение всему полку: быть в полной готовности к выступлению по первому требованию, по указанию командира полка.

В то время, когда ехали в Москву, эта версия не была известна, и настроение большинства было далеко не повышенное, а скорее не очень довольное, подавленное и несколько тревожное. Из вагона Мина были даны для чтения листовки, выпускавшиеся газетами в то время, с послед[ними] известиями, в коих сообщалось, что восстание в Москве не только пошло на убыль, но почти уже закончилось, и жизнь в городе постепенно входит в нормальную колею.

...Уже после приезда в Москву мы узнали, что наш 3-й эшелон обогнал в Бологом 2-й, в Твери — 1-й эшелон, а потому прибыл в Москву первым. По дороге недалеко от Бологого поезд наш был неожиданно переведён на другой путь, что заставило шт[абс]-кап[итана] Костенко, боявшегося злого умысла, его остановить; оказалось, что перевёл не то стрелочник, не то дорож[ный] мастер, заметивший, что на нашей дороге некоторые рельсы развинчены. Пройдя некоторое расстояние, поезд вернулся на правильный путь. Недалеко от Твери щ[табс]-к[апитан] Костенко заметил положенные на путь шпалы, почему тоже остановил поезд. Около Лихославля паровоз был бомбардирован камнями, почему в Москву прибыл с выбитыми стеклами⁹. [...]

Если память мне не изменяет, то к 12-2 час[ам] дня 15 декабря все эшелоны полка прибыли и разгрузились в Москве. Днем 1-й и 2-й батальоны были переведены на Ярославский вокзал (рядом), в залы, так как не хватало мест для всего отряда на Петербургском вокзале. Когда спрашивали у часовых Самогит[ского] полка, кто находится на Казанском вокзале, они говорили, что не знают и что недавно там были дружинники¹⁰.

Днём к вокзалу подъезжала тройка генерал-губерн[атора] и конвой из взвода драгун. Ген[ерал] Штакельберг и Мин поехали к адмиралу Дубасову для передачи письма Николая II и инструкции, а Мин — для получения распоряжений¹¹. Мин вернулся, как помнится, уже когда стемнело, и к нему были вызваны штаб-офицеры (т.е. полковники).

...Около 6 час[ов] вечера 16 декабря вдруг на площади раздались крики часовых Самогит[ского] полка: «Толпа, толпа». Весь полк (т.е. 1,

⁹ Примечание на полях: «Может быть, были и другие инциденты — не помню. Но эти три факта мне запомнились из рассказов офицеров, а Мин очень много говорил, а потом и докладывал начальству по поводу замечательной и добросовестной деятельности шт[абс]-кап[итана] или поручика Костенко».

¹⁰ Примечание на полях: «Утром где-то вдали слышны были отдельные оружейные выстрелы, но недолго».

¹¹ Примечание на полях: «От кого-то из офицеров я слышал рассказ, который ему сообщил один железнодорожник. За несколько дней до приезда полка в Москву по Ярослав[ской] дороге был пущен поезд с небольшим отрядом солдат. Вдруг узнали по дороге, что навстречу едет отряд с дружинниками. Немедленно разобрали встречные рельсы, а сами двинулись вперёд. Когда поезда встретились, заработали поставленные в окнах пулемёты. В поезде дружинников произошло смятение. Поезд, дойдя до разобранных рельс, дал задний ход. Воинский поезд дал тоже задний ход и снова обстрелял дружинников, спрятавшихся сверху вагонов; но пулемёты были как раз туда направлены в этот раз. Не знаю, правдив ли рассказ, его передавали несколько офицеров и позднее».

2 и 4-й бат[альоны]) в одно мгновение построился и выскочил на площадь, став в порядке спиной к вокзалу. Тревога оказалась ложной, так как часовые Самогит[ского] полка, бывшие на улице влево от вокзала, приняли продоволь[ственный] обоз какой-то части, окружённый солдатами, за толпу. Улицы были тёмные, часовые гренад[ерских] полков были вообще настроены панически. Мин и некоторые строевые офицеры гордились, что полк по тревоге весь собрался и построился меньше чем в 1,5 мин[уты].

...Улицы были тёмные. Мин шёл впереди и вёл батальон. Приказано было соблюдать полную тишину; роты шли друг от друга на дистанции 20 шаг[ов], взводы — 10, шеренги — на 5. По фронту солдаты шли разомкнуто. Ружья были у всех заряжены, фланговые держали ружья направленными на окна домов. Шли осторожно и медленно; при щёлке или шуме в окнах солдаты кричали, чтобы окон не открывали; в случае появления кого-либо у открытого окна требовали немедлен[ного] закрытия. С батальоном шло несколько городских, вооружённых винтовками и в статском платье.

У здания банка или телеграфа, где всё же было освещено, стояли городовые и чины полиции в статском¹².

Без всяких инцидентов дошли до Кремля, где было отведено помещение: для солдат — в казармах Екатеринос[лавского] грен[адерского] полка, а офицерам — в свитских квартирах. Ротн[ые] командиры сами разместили солдат; офицеры пошли прямо в своё помещение.

Через короткое время Мин вызвал всех офицеров (1-й бат[альон] и 13-я рота) — в офицерск[ое] собрание Екатеринос[лавского] полка, куда пошли во главе с полков[ником] Эттером, и там представил всех какому-то генералу, оказавшемуся командиром гренадерск[ого] корпуса. Последний приветствовал с прибитием и указал, что теперь уже трудные дни все прошли, но что Московскому гарнизону приходилось очень туго, и он сильно переутомлен [...]

В 4 часа утра неожиданно всех срочно подняли и было приказано выступить с ротами. Все пять рот под команд[ой] полк[овника] Эттера вышли из Кремля и пошли в ближайший Манеж; туда же в 5 с больш[им] часов прибыл с вокзала 2-й батальон и 14-я рота под общей командой капитана Левстрема. Позднее уже я узнал, что 16-я рота под командой капитана Витковского при подпоруч[ике] Ермолине была послана охранять интенданство, где разместилась хозяйственная часть полка с заведующим хозяйством капитаном Шелеховым. 16-я рота там оставалась во время пребывания полка в Москве. Из Манежа весь отряд под командой самого Мина примерно через 0,5 часа, т.е. около 6 час[ов] утра, выступил, причём никто не знал, куда их ведут. Шли очень долго, пока Мин не остановил всех на какой-то улице около большого казён[ного] здания с садом (по прав[ой] руке), вызвав к себе командиров батальонов. Стояли довольно долго, и подошедший ко мне вскоре шт[абс]-кап[итан] Тимрот 2-й сказал, что дальше идти нельзя, пока не вернётся какая-то разведка из городских, и что мы сравнительно недалеко от пресненского полиц[ейского]

¹² Примечание на полях: «Не зная хорошо Москвы, кроме центра близ Кремля, я не знал, какие проходили улицы и здания».

участка и что, по наблюдениям полиции, где-то в левой боков[ой] улице, в трактире (он указал рукой), ночевало 400 дружинников, перешедших в 3 час[а] ночи за Пресненский мост. Это известие крайне всех удивило, и не верилось в его правдивость, так как полиции при её паническ[ом] настроении не очень верили, а слова «Пресня» и «преснен[ский] участок» были для большинства пустым звуком, ибо Москвы не знали.

...В течение утра и дня во время стояния я был свидетелем следующих фактов. Утром вскоре по нашем прибытии на место стоянки мы слышали довольно сильную стрельбу в стороне Пресненск[ого] моста. Затем была слышна стрельба орудия (одиночн[ые] выстрелы), но по звуку полёта куда-то далеко. Позднее мы слышали тоже стрельбу орудия (несколько выстрелов), как бы вдоль по улице от Пресненск[ого] моста, причём разрыв шрапнели был слышен как бы в стороне, за Преснен[ской] заставой, где стояла 1-я рота. У нас в роте один часовой (у нас стояли 3 или 4; прочие солдаты просто грелись у костров, ружья частью в козлах, частью в руках) заметил, что за три дома от нас с одной стороны на другую старается перебежать какой-то человек в большой меховой шапке (как у дружинников, как указала нам полиция). Сколько ему солдаты и Пронин ни кричали, чтобы он обождал и сейчас не шёл, он всё же сделал несколько шагов, и часовой выстрелил. Тогда он упал и пополз. Подошедший к нему фельдфебель [впоследствии] доложил, что он ранен в ногу. Вышедшая из уголовного дома женщина (там был, кажется, детск[ий] приют) сообщила, что это ранили их молочника.

Вдали, где-то в конце улицы, из ворот выскакивали по одному какие-то мальчики (тоже в больш[их] мех[овых] шапках) и как бы танцевали, кружась. Пронин, думая, что это соглядатаи, приказывал давать выстрел, делая рикошет, но отнюдь не попадая, чтобы их напугать; и действительно при выстреле они прятались. Прицел для рикошета ставился 1500. Потом по улице шёл какой-то человек со стороны поля, сколько ему ни кричали, ни махали, он продолжал идти по панели со стороны поля в сторону роты (одет был тоже в шапку). Тогда Пронин приказал сделать несколько рикошетных выстрелов около него. Несмотря на это, он продолжал идти, не обращая внимания, и шагах в 400-500 от роты свернул в боков[ую] улицу. Днём, ближе к вечеру, из первой роты дали знать, что у них есть раненый, и требовали санки. Несколько солдат на дворе одного дома нашли сани для дров и потащили туда. Оттуда вскоре привезли раненного в живот ефрейтора Цыганкова, которого поместили на кровати во втором этаже этого детского приюта. Цвезинский, пришедший с санями, рассказывал, что кто-то из жителей сказал, что в подвале уголовного дома спрятались несколько человек; взяв нескольких солдат, Цвезинский пошёл в подвал, но гут ефрейт[ор] Цыганков не пустил его и, отстранив, сказал, что лучше он войдет первым. Когда спустились по лестнице, раздался из глубины (из темноты) выстрел, и раненый Цыганков упал. Произошло смятение, но вскоре солдаты ворвались в подвал. Не помню, нашли ли там кого-нибудь. Мне кажется, что заметили у соседнего дома какого-то молодого человека в больш[ой] дружиннич[еской] шапке и его схватили. Его привели за санями и временно передали во 2-ю роту Пронину для окарауливания. С ним говорил Пронин и что-то его спрашивал. Когда Цвезинский вышел из дома, где поместили Цыганкова, они о чём-то пе-

реговорили с Прониным, причём я слышал, как Цвецинский требовал, чтобы этого человека отправили в участок, куда можно было отсылать арестованных. Вдруг к Цвецинскому и Пронину подошли какие-то две женщины и что-то сказали. Как я потом узнал от Пронина, они говорили, что этот юноша с ружьём каждую ночь обходил все дома, терроризировал население и отнимал продовольствие и другие вещи. Тогда Цвецинский подошёл к юноше и громко ему крикнул: «Убирайся вон отсюда, бегом!» Он побежал вдоль улицы к полю и сделал не более 50-100 шагов, как Цвецинский приказал нескольким солдатам его роты стрелять. Человек упал и пополз во двор или к подъезду какого-то дома. Туда побежал горнист, посмотрел и выстрелил из револьвера во двор. Что было с этим человеком, никому не было известно, так как в это время какие-то крики со стороны улицы у Пресненского моста обратили всеобщее внимание. Оказалось, что там проходили какие-то роты цепью и кричали, и махали фуражками, боясь, что мы, увидя толпу, не узнаем и начнём по ним стрелять. Помнится, как будто видна была фигура Свечникова, т.е. проходила 4-я рота. Пронин послал туда унтер-офицера и нескольких рядовых, чтобы узнать что-либо. Туда же поехал и казак. Примерно через 0,5 часа или немног[им] больше они вернулись, причём на ручных санках привезли ящик с несколькими бутылками водки (разных размеров) и говорили, что многие дома, улицы горят, что убит в 3-й роте солдат и ещё один не то унтер-офицер, не то фельдфебель, и что есть раненые.

Несмотря на просьбы солдат разрешить выпить водки, Пронин не позволил (не помню, не разбил ли он привезён[ные] бутылки). Казак же, видимо, где-то успел хлебнуть.

Начало темнеть, когда пришло приказание Эттера 1-й и 2-й ротам собраться и идти к пресн[енскому] участку. Когда 1-я рота подошла к нам, помнится, как будто она вела с собой 2 или 3 арестованных. За нею следом пошла и 2-я рота вниз к улице и затем налево в сторону Пресненск[ого] моста. Темнело всё больше и больше, пока мы шли, и когда проходили по последн[ей] улице к мосту, дома справа и слева горели; особенно сильно горела винная лавка, бутылки взрывались, а казаки вскакивали вовнутрь и вытаскивали целые, набивая себе карманы. Вся местность была освещена пожарищем. Подойдя к мосту, мы увидели, что справа лежит убитая лошадь 6-й роты. Насколько помнится, за мостом, слева, догорал дом (как будто баня); были зажжены 2-3 костра, около которых грелись часовые, были подведены походные кухни.

...Когда 3, 4 и 13-я роты пошли вперед, они, не доходя [до] церкви (кажется, Введенск[ой]), были с колокольни обстреляны из ручных пулемётов; стреляли из окон, из револьверов. Несмотря на то, что стреляли почти в упор, по случайности никто не был ранен. Тимрот [2-й] рассыпал роту и двинулся дальше, прошёл мимо участка и двинулся на Преснен[ский] мост, который ему было приказано перейти. Когда он приказал взводу перейти мост, раздалась стрельба с противоположной стороны из окон (Тимрот говорил, из аптеки, другие указывали другие здания), и вдруг ефрейтор Основин упал, вздёрнув руками вверх. К нему подбежал фельдфебель Кобыляцкий и только наклонился, как сам упал с простреленным черепом (слева направо). Увидя эти потери, особенно фельдфебеля, которого рота очень любила, солдаты роты прямо озверели

и кинулись вперёд и стали врывать в здания, а где мешала стрельба, тащили солому. Стрельбы всё время не было, она как бы совсем утихала, а потом вдруг начиналась то тут, то там, и было трудно ориентироваться, из какого дома стреляют. Тимрот рассказывал такой факт, что стали стрелять из окон бани — это было ясно заметно. Нельзя было подойти или войти в дом. Тогда кому-то удалось поджечь дом. Из дома тогда выбежал старый банщик, держа руки вверх. Тимрот пригрозил ему стрельбой, и он бегом вернулся назад в дом. Тимрот пожалел, что, может быть, зря из-за него погиб человек. Когда часть здания сгорела и была потушена пожарными, то найден был обгорелый труп старика, и вполне уцелели ноги в валенках. В голенище прав[ого] валенка был найден спрятанный револьвер. По-видимому, судя по рассказам, движение от участка до моста шло не быстро, ибо осматривали каждый дом. Тимрот или Свечников рассказывали, что на одном дворе спряталось несколько человек, которые стреляли из окон. Их стали разыскивать; вдруг дворник заметил, что из помойн[ой] ямы вылез какой-то человек и побежал, за ним погнались и арестовали городовые, а дворник, подойдя к яме, нашёл второго, рыжего с бородой студента, который не успел даже поднять револьвер, как дворник ломом разбил ему череп. Какое-то деревянное здание, из которого стреляли, поджёг Свечников с ротой. Когда пожарные тушили, какой-то человек выскочил из окна с револьвером в руке. Тушивший пожарный ударил его по голове брандспойтом, и тот упал, кажется, замертво. Когда уже днём стрельба прекратилась, здания были осмотрены, Эттер двинул 4-ю роту по ту сторону моста, и она осматривала все дома на улице до заставы. Некоторые дома горели, но не знаю, были ли они подожены ротой или артиллер[ийским] снарядом. Артиллерия, т.е. одно орудие, стоявшее у моста, сделало несколько выстрелов по Прохоров[ской] мануфактуре и несколько вдоль по улице к заставе. Из одного дома, как мне лично передавал Свечников, он с унтер-офицером вынес гроб с покойником, каким-то агентом или полицейским чином (кажется, фамилия вроде Волошникова, хорошо не помню). Тимрот рассказывал, что ему (т.е. его роте) было приказано в то время не пропускать никого с оружием или подозрительного в город, почему он поставил цепь поперек улицы, примерно посередине между участком и мостом. Все подходившие должны были идти, держа руки вверх, и их тщательно осматривали. Те, у которых находили оружие или кто казал[ся] подозрительным, арестовывались и отправлялись в участок. У одной курсистки нашли револьвер в промежности, причём случайно обнаружили это по торчавшей рукоятке. Солдаты 3-й роты до того озверели, что, когда один студент не сразу поднял руки после окрика, унтер-офицер приложился, и Тимрот успел только поднять дуло его ружья, почему выстрел был сделан вверх. Особенно, по словам очевидцев, зверски действовали городовые, отчасти пожарные, которые как бы мстили за то, что раньше на них нападали и их обстреливали. Кажется, тут мы узнали, что арестованных помещают в участке и там делают следствие.

...Насколько помнится, поздно вечером в этот день, т.е. 17 декабря, прибыл в Москву из Варшав[ского] округа 16-й Ладожский полк. Говорят, что он плохо действовал в Вар[шавском] ок[руге] и, чтобы себя реабилитировать, был отправлен в Москву. Солдаты его были зверски

настроены. На Пресне было размещено 3 или 4 роты. Мин поручил им со следующего дня приступить к осмотру помещений в этом районе и во всех близлежащих улицах. Мне говорил Тимрот 2-й, наблюдавший их на следующий день, что солдаты действовали беспощадно, много арестовали и обращались грубо и даже жестоко.

...19-го утром Мин приказал отрядам двигаться дальше, и под начальством Эттера 3, 4 и 13-я роты пошли, кажется, на сахарный завод. 1-я и 2-я [роты] были оставлены на дороге как резерв, и им было приказано двинуться по получении распоряжения.

...Как мне рассказывал кто-то из офицеров... некоторые рабочие пришли сказать Мину, что у них 3 человека баламутят весь завод и что, если удастся их найти и арестовать, то всё будет спокойно. В эту минуту один заметил, что издали идёт какой-то человек, и сказал Мину, что это главн[ый] организатор. Мин приказал унтер-офицеру (его сопровождало несколько человек всегда) выстрелить; этот прицелился и, как оказалось, убил наповал в голову, хотя было более 100 шагов. Потом 3-я и 4-я роты оцепили сахарн[ый] завод и во всех этажах обошли; Мин, Эттер, Тимрот 2-й и Свечников нашли, по указанию рабочих, ещё других двух человек.

...В этот вечер я узнал от Бржозовского, что полурота от их 4-й роты под командованием шт[абс]-кап[итана] Сиверса 2-го была задержана на сахарном заводе и что она под наблюдением Мина расстреляла 16 человек арестованных и приведённых туда, но не знаю откуда. Расстреляли в два приёма по 8 человек. Не помню, сказал ли он мне или нет, были ли расстреляны и два человека (в том числе), арестованных на сахарн[ом] заводе»¹³[...]

На след[ующий] день, т.е. 20-го, с утра, Мин начал осматривать подробно здание Прохоровской фабрики, и роты помогали по этажам общежитий и мастерских. Я знаю, что в том помещении, где мы спали, было собрано много отнятого оружия, динамита, пороха, бомб и вообще взрывчат[ых] веществ. Когда утром приехали специалисты разряжать бомбы, то ужаснулись: одна круглая бомба лежала на столе; она могла скатиться, и взрыв был бы страшный, а благодаря присутствию динамита и нитроглицерина всё здание могло взлететь.

...Кажется, к вечеру 21 декабря 1-й, 2-й батал[ьоны], 2-я рота 4-го батал[ьона] пришли в Кремль, и Эттер мне объявил, что я поеду в Петербург, но должен повезти солдат.

Насколько помнится, на следующий день гробы были перевезены из Манежа (где была и церковь) на вокзал, и я, получив бумаги и инструкции для поручика Савурского о похоронах, поехал в Петербург. Группы ехали не с моим поездом, а потому прибыли в Петербург только перед вечером следующ[его] дня, почему я прибыл тогда на вокзал и передал бумаги Савурскому. Их, согласно инструкции Мина, везли с вокзала по Невскому, Владим[ирскому] и Загородному [проспектам] в полков[ую] церковь, где и похоронили. Я на похоронах не был.

...О действиях отряда Римана мне почти ничего не известно, потому

¹³ Примечание на полях: «Говорили также, что у Горбатого моста тоже были расстреляны полуротой от 5-й роты. Число расстр[елянных] не знаю, да и позднее не слышал, правильно ли это было рассказано».

что я вернулся в полк из командировки в Глав[ный] штаб лишь в мае 1906 года, а в этот промежуток очень редко бывал и не беседовал с участниками экспедиции, так как они не были словоохотливы, да и не приходилось при встрече говорить именно на эту тему.

Зимой 1906 года мои родные получили письмо из Ашитково от некоей старухи Минюшской, которая жила в усадьбе Ашитково, ухаживая за моей душевнобольной двоюрод[ной] сестрой гр[афиней] Бутеновой-Хрептович (урождённой) гр[афиней] Ламсдорф), в коем, между прочим, говорилось о зверских действиях полка на этой станции и расстрел[е] без суда, хорошо не помню, помощ[ника] начальника станции или начальника почтово-телеграфной конторы, причём, как было написано, наиболее любимого и уважаемого всем населением (а тот, которого никто не любил, остался живым, и его даже слушали, когда он указывал). Уверенный в том, что произошло много зверств и неправильностей, я как-то в свободный день заехал в собрание полка и при удобном случае, когда Риман был один и никто не слышал, спросил его осторожно, под удобн[ым] предлогом, об ашитковском недоразумении. На это он мне, хотя и нехотя, но очень положительно сказал, что он от Мина получил генер[ал]-губернатор[ский] список с точным указанием, кого он должен расстрелять без всякой пощады и следствия. В списке 72 человека (указаны должности, имя, отчество и фамилия); из этого числа он расстрелял так, как отыскал, 71, а одного так и не нашёл, а потому ручается, что недоразумений с его стороны быть не могло и не было; против списка он не погрешил, лишь только тем, что нашёл одним меньше.

Из того, что мне позднее уже удалось узнать отрывочно от шт[абс]-капит[анов] Тимрота 2-го и Рихтера, я помню лишь следующее.

Риман решил избавиться офицеров от неприятности расстреливать и, как человек очень пунктуальный, служебно-исполнительный, не допускаящий рассуждений при отданном приказе, в точности исполнил предписание и лично расстрелял (а, по-моему, судя по рассказам, убил из револьвера) лиц, бывших в списке, причём, не давал им опомниться, а сразу же, найдя, действовал, не стесняясь местом, где была встреча. Ротам он заранее распределял участки, станции, блокпосты и т.п. Рота высаживалась, и Риман вначале руководил её действиями, а потом всё предоставлялось ротн[ому] командиру, а Риман ехал далее. Солдаты отряда Римана были якобы зверски настроены, и их нужно было даже сдерживать, потому что увидели где-то на путях в вагонах убитых зверски городских, а одного даже распятого на вагоне. Я лично никогда ни от кого больше не слышал подтверждения этому рассказу и потому ему не верю. Ещё слышал я, будто на одной станции ночью Риман и Зыков нашли несколько товарн[ых] вагонов, наполненных не то трупами, не то полузамёрзшими, умирающими дружинниками или революционерами, тяжелоранеными, без сознания. Говорят, что они были туда сложены после боя с какими-то московскими частями. Риман и Зыков ночью вдвоём открывали вагоны и, если видели признаки жизни, пристреливали, чтобы не мучились.

Даже Тимрот 2-й и Рихтер с ужасом говорили об этом деле. Среди офицеров шли, кроме того, толки, что наиболее зверски действовал капитан Майер, чему я охотно верю, так как даже солдаты в роте его ненавидели и с ним позднее произошёл в полку случай, когда на приветствие (в лагере, в 1906 году) рота ему не ответила (редчайший случай в гвардии).

В дальнейшем для полноты рассказа моего считаю нужным сказать, что летом 1906 года было разрешено представить 40 человек офицеров к награде. Все получили очередные награды, а 5 человек вне всякой нормы, а именно: полк[овник] Римап, капит[ан] Зыков, шт[абс]-кап[итаны] Тимрот 2-й и Свечников и поручик Аглаимов — Владимира 4-й степени, что обходило несколько очередных орденов. Это достаточно характеризует оценку Мином их деятельности за 1905 год.

В августе, 13-го числа 1906 года [...] Мин убит на вокзале в Петергофе какой-то женщиной несколькими пулями в спину. [...]

В тот вечер мне только Аглаимов сказал, что 5 дней назад Мин и несколько офицеров были предупреждены письмами, что их убьют; письма были подписаны боев[ой] организацией партии социалистов-революционеров. Позднее я узнал, что письма получили: Мин, Римап, Зыков, Сиверс и Аглаимов.

Тут же вечером Аглаимов просил помочь ему взять Римапа и перевезти его на квартиру Зыкова на Фонтанке, 145. Позднее я уже узнал, что после 12 часов ночи Аглаимов перевёз Римапа от Зыкова к себе на квартиру в офицерский флигель. На следующий день (кажется, так) Римап с женою в статск[ом] платье и, если не ошибаюсь, загримированный выехал за границу. Он вернулся только через год, летом 1907 года, прямо в лагерь, в статском платье, с большой бородой. Позднее он мне лично говорил, что даже за границей ему всё время приходилось менять место жительства, о чём его предупреждали какие-то агенты, приставленные для его охраны.

314 Даже в Испании он был кем-то узпан, и ему пришлось спешно уехать, ибо агенты не ручались за его безопасность. Вот всё то, что я в настоящее время помню по делу о Московском восстании и до смерти Мина.

ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № П-67738, л. 103-130.

Лилия Нисоновна Соза родилась в Коломне. В 1993 году окончила исторический факультет Коломенского педагогического института. С 1983 года работает в КГПИ (ныне Государственном социально-гуманитарном университете), где последовательно занимала должности старшего лаборанта, ассистента, старшего преподавателя, доцента. В 2006 году защитила диссертацию по теме «Коломна как тип уездного промышленного города второй трети XIX — начала XX века». В настоящее время — доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ГСГУ. Кандидат исторических наук.

Лилия Нисоновна Соза — лауреат Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2012 года, автор 38 научных и научно-методических работ. Среди них — монография «Пореформенная Коломна: на пути к промышленному городу» (2012).

Краеведение

«ГОРODOVЫЕ ОБЫВАТЕЛИ, СРЕДНЕГО РОДА ЛЮДИ»...

(О коломенских мещанах)

Если спросить у вдумчивого читателя «Кто такие мещане?», то, наверняка, память подскажет устойчивые (вошедшие в обиход) выражения — «мещанский образ жизни», «мыслишь как мещанин», «мещанский мирок» и т.д. И это не случайно — здесь сказалось огромное влияние русской литературы. Еще в XIX веке в литературных произведениях А. Герцена — «Былое и думы», А. Чехова — «Скучная история», А. Островского — «Гроза» и др. проявлялось негативное отношение к мещанству. Как типичное, приведем мнение одного из героев драмы Островского «Гроза» — Кулигина: «В мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагольной, не увидите». Мещане становились объектом критики и писателей начала XX века — М. Горького («Заметки о мещанстве»), Д. Мережковского («Грядущий хам»), а позднее — публицистов Русского Зарубежья (Н. Бердяев — «Русская идея»). Современники «революционных бурь и потрясений» упрекали мещан в апатичности и консерватизме, желании сохранить любой ценой свой узкий «мирок», островок благополучия и стабильности, и готовности во имя этого поддержать реакционные силы. В советской литературе 1920-х — 1960-х годов отрицательная, нередко уничижи-

Б. Кустодиев. Гуляние на Волге (1925 г.)

тельная оценка мещанства нашла отражение в поэзии В. Маяковского, Э. Асадова, А. Дементьева. Эти певцы эпохи социалистического строительства указывали на приспособление мещан к новому строю, открыто предупреждали об опасности проникновения их на ответственные должности и распространения «обывательщины» с неизбежным забвением «великих целей социализма» («страшнее Врангеля обывательский быт»). В ценностных приоритетах дореволюционного мещанства («Я», «Моё» и «Мне»!) поэты видели истоки неприемлемых для советского общества явлений — «вещизма» («слепое поклонение вещам...»), эгоизма и довольствования «судьбою сытенькой своей» («а мир хоть провались, хоть лопни к чёрту!»). Между прочим, показательно, что за столетие до упомянутых революционных коллизий и вне общественно-политического контекста мещане фигурируют просто как составная часть городского общества. Так, известный коломенский бытописатель XIX века И.И. Лажечников в повести «Беленькие, серенькие, чёрненькие» упоминает совершенно нейтрально, без каких-либо оценочных суждений «деток мещанских» и мещанских девушек, которые водят хороводы.

Обратим внимание, что перечисленные выше претензии связаны исключительно с политическими, социально-поведенческими и этическими характеристиками мещанского сословия. По понятным причинам литераторы не затрагивали роли мещанства в экономической жизни пореформенной России и не увязывали специфику хозяйственной деятельности мещан с их бытом, ценностными приоритетами и общественной

Бланк фотозаведения Е.М. Мартьянова (ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 21. Д. 450)

Бланк фотозаведения М.П. Бортняевой (ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 21. Д. 450)

позицией. Вместе с тем, без учета таких обстоятельств трудно рассчитывать на объективное изучение феномена «мещанства» в императорской России в целом и, тем более, в провинции, особенно позднего периода (заметим, что в научной литературе единая точка зрения на этот счёт ещё не сложилась).

В предлагаемой статье речь пойдет о коломенских мещанах второй половины XIX — начала XX веков, поскольку именно в это время произошло резкое «омещанивание» города (первые признаки этого процесса наблюдались уже с 1820-х годов). Действительно, к середине XIX века в Коломне, как и других городах Московской губернии, более 60% населения составляло мещанство. Причём, далее их численность непрерывно возрастала: если в 1861 году в городе проживало 9720 чел. мещан, то к 1877 году — уже 15440 чел., а в 1909 году местная полицейская статистика учла мещан в количестве 21144 чел., что соответствовало 78% жителей.

Так кто же такие мещане, которые составляли большинство коломенцев, чем они занимались и каков был их социальный статус? Напомним, что мещанин (от польского — *mieszczanin*) означает горожанин. Сословие мещан было оформлено в 1785 году императрицей Екатериной II «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» («Жалованной грамотой городам»). Наименование «мещане» в документе было определено как «городовые обыватели», «среднего рода люди», к которым причислялись мелкие торговцы и ремесленники. «Законы о состояниях» регламентировали вступление и выход из сословия. А именно: в состоянии

В. Маковский. Утреннее чаепитие (1891 г.)

мещан могли вступать сельские обыватели всех наименований, не имеющие офицерских чинов дети личных дворян, инородцы и «все вообще лица, имеющие право или обязанность избрать род жизни». Мещанин сообщал свой сословный статус жене, «если она происхождения низшего», а дети мещан приобретали этот статус по праву рождения.

Перемены в правовом положении мещан происходили и во второй половине XIX в. Так, с 1865 г. они освобождались от телесных наказаний, а в 1866 г. — от уплаты подушной подати (заменённая, правда, умеренным торгово-промышленным обложением). Кроме того, мещане получили возможность иметь представительство в местном самоуправлении.

Во второй половине XIX века «омещанивание» города происходило постепенно, в первую очередь за счёт успешных крестьян-мигрантов, для которых «обретение мещанства» являлось реальным и относительно дешёвым способом приобщения к городской жизни и самоутверждения (в глазах бывших односельчан и новых знакомых) через городские занятия. Именно с городом связывали такие крестьяне надежды на большие, сравнительно с деревней, заработки, к тому же здесь существовала возможность получения выгодной и престижной (по их меркам) работы, а в будущем — и приобретения городского гражданства. Но даже включённые документально в состав мещанского общества эти «новые горожане» (особенно из небогатых) ещё долго практически не отличались от представителей среды «исхода». Такое состояние недавней «деревенщины» хорошо иллюстрирует рассказ В.Г. Короленко «Яшка» (1880 г.), где главный герой, определяя социальное положение своего собеседника, от-

*Коломенские мещане (из личного архива
М.Ю. Галишикова)*

мечал: «Казалось, он принадлежал к мелкому мещанству, к тому его слою, который сливается в маленьких городах и пригородах с серым крестьянским людом».

Мещанская среда вбирала в себя и массу купцов третьей гильдии, которые после издания «Положения о пошлинах» (1863 г.) не смогли своевременно подтвердить своё гильдейство (третья гильдия была отменена). И, наконец, в мещане зачислялись неудачливые купцы второй гильдии, чьё финансовое состояние грозило разорением или банкротством.

Причисление соискателя к мещанскому обществу было двухэтапным. Проиллюстрируем эту процедуру на примере купеческого сына второй гильдии М.Е. Хаушпигеля, имевшего в Коломне собственный магазин. С прошением о принятии «в среду мещан г. Коломны» его с женой и приёмными детьми он обратился в Управу Коломенского мещанского общества. Возражений не последовало, и на основании приговора Собрания общества от 27 ноября 1911 года соискателю было выдано Управой свидетельство. В свою очередь, Управа ходатайствовала (с приложением соответствующего свидетельства) перед Московской казённой палатой, которая, рассмотрев представленные документы, вынесла Постановление о причислении членов семьи М.Е. Хаушпигеля к Коломенскому мещанскому обществу.

Занятия мещан были чрезвычайно разнообразны и определялись текущим спросом/предложением на рынке товаров и услуг. Они вели розничную или мелкооптовую торговлю, владели мануфактурными или ремесленными производствами, содержали постоянные или питейные заведения и т.д. На городских улицах и торговых площадях располагалось множество лавок, ремесленных заведений, где мещане предлагали всевозможный товар и изделия своего ремесла. Неустойчивость и изменчивость рынка делали мещан изобретательными и вездесущими в поисках заработка. Это их свойство точно подметил Д.Н. Мамин-Сибиряк — в повести «Любовь куклы» (1902 г.) он, описывая город N, так охарактеризовал предприимчивых мещан: «Несмотря на раннее утро, город уже начинал просыпаться. Юркое мещанство уже шныряло по улицам, выискивая свой дневной труд».

Деловую активность мещанства серьёзно стимулировало «Положение о государственном промысловом налоге» (1898 г.), на основании которого для занятия предпринимательством становился необязательным выкуп

*Мастер КМЗ Андрей Евдокимович Воронков с женой Еленой Васильевной
(из личного архива Л.А. Харитоновой)*

гильдейского свидетельства, а достаточно было выкупить *промысловое свидетельство* определённого разряда. В результате хозяйственная деятельность мещан перестала зависеть от принадлежности к сословию.

В конце XIX - начале XX веков в Коломне мещане преобладали среди городских торговцев — 56%. Наибольшими торговыми оборотами отличилась мучная торговля Н.П. Афанасьева — составляла оборот в год 80 тыс. руб., хлебная торговля И.И. Голубина — 70 тыс. руб., мануфактурная торговля И.Ф. Волкова — 50 тыс. руб., солодовенная торговля В.П. Шапошникова — 50 тыс. руб., бакалейная торговля П.К. Чуприкова — 50 тыс. руб., булочный магазин С.Ф. Нестерова — 20 тыс. руб., рыбная торговля Е.Д. Яковлева — 16 тыс. руб. и др. Однако годовые обороты большинства торговых предприятий коломенских мещан были много скромнее и составляли от 5 до 15 тыс. руб.

Продажа напитков являлась важной составляющей торговых занятий мещан. Наиболее успешными здесь были владельцы «рейнских» погребов (Н.В. Равинский на Спасской ул. в доме Озерова), портерных (А.П. Безсонов на Спасской ул. в доме Озерова) и трактиров (П. А Шкарина, П.П. Яковлева на Астраханской ул.). Коломенские мещане занимались и книжной торговлей (А.И. Бережнов, М.К. Кулаков).

Неотъемлемой частью коломенского предпринимательства была деятельность постоянных дворов, большинство из которых (8 из 14-ти) были во владении мещан. Все постоянные дворы находились на Астраханской и Владимирской улицах и принадлежали К.Ф. Пантелееву, Н.К. Афанасьеву, П.И. Бочарникову, А.А. Афанасьевой, А.С. Морковкину и др.

В городе располагалось множество принадлежавших мещанам производств. Известность получили шёлкоткацкое заведение мещанки Е.И. Шепелевой, оборудованное сновальной машиной и выпускающее в год полушёлковых материй 5500 аршин на сумму 6000 руб., и шёлкоткацкое производство И.А. Постникова, оснащённые конным приводом и простейшими станками от 1000 до 1500 веретён. С 1880 года действовало шёлкокрутильное предприятие Т.О. Лобачёва, где перерабатывался исключительно азиатский шёлк и пряжа, а продукция реализовывалась торговцам в Москве.

Мещанам принадлежали и мануфактуры по переработке сельскохозяйственного сырья. Примером может служить картофелетёрочное производство (выработка крахмала и патоки) мещанина Л.П. Шкарина; оно являлось сезонным, связанным со сбором картофеля, т.е. работы начинались с первой половины сентября и заканчивались во второй половине ноября. Здесь в год изготавливали до 3600 пуд. сырого крахмала, из которого получали 2000 пуд. сухого крахмала. Отвечая потребностям пивоваренного производства, в Коломне наблюдался рост солодовенных предприятий, основанных на конной тяге (владельцами были мещане Д.С. и С.Ф. Курчевские, П.И. Шапошников). Растущий спрос на готовую мясную продукцию удовлетворяли колбасные заведения, самое крупное из которых принадлежало мещанину Н.В. Равинскому. Функционирование этого производства обеспечивали 7 работников, изготавливавших, кроме колбас, солёные и копчёные мясные консервы на сумму в 2200 руб.

Реализация продукции небольших промышленных заведений Коломны осуществлялась, в том числе, через продажи на местном рынке; занимались этим непосредственно владельцы предприятий. Так, Н.В. Равинский держал два торговых места для продажи колбасных изделий в Коломне и одно в фабричном селе Озёры (оборот 15-20 тыс. руб.); солодом в Коломенском уезде торговали В.П. Шапошников (оборот 50 тыс. руб.) и К.М. Курчевский (оборот 5 тыс. руб.).

Многие мещане получали прибыль от огородничества, заготовки сена, молочного животноводства и вылова рыбы, всецело ориентируясь на сезонную конъюнктуру местных рынков. В журналах Коломенской городской думы сохранились постановления об отдаче мещанам в аренду участков городской земли под огороды, выпас скота, а также для ловли рыбы. К примеру, в 1872 году дума разрешила городской управе предоставить мещанину И. Курчевскому участок близ Гончарной слободы размером 2 десятины 600 сажень на 8 лет за 135 руб. в год (с заключением контракта). Тогда же было удовлетворено прошение Я. Свешникова об отдаче ему права рыбной ловли на реках Москва и Коломенка сроком на 5 лет с оплатой по 30 руб. в год.

Помимо этого, «мещане и лица других сословий занимались разного рода мастерствами и имели заработки на машиностроительном заводе Струве, расположенном в 3 версты от города». Конечно, такая деятельность приносила небольшие (и, заметим, непостоянные) доходы, что подталкивало часть коломенских мещан к перекупке, барышничеству, «кулачеству на базарах». Они, по меткому наблюдению современников, спешили «заработать копейку, чтобы с ней как-нибудь промаячить до следующего базара».

Но большинство коломенских мещан получали доходы от ремесленного производства, связанного с изготовлением предметов одежды, домохозяйства, пищи и оказанием всяких услуг. Среди горожан пользовались популярностью портновские мастерские мещан Н.Ф. Абрамовского (9 рабочих), С.Ф. Кирсанова (7 рабочих), Я.Д. Галызина (7 рабочих), М.Н. Буянова (6 рабочих) и др. Владелец самой крупной мастерской — Н.Ф. Абрамовский открыл в 1915 году магазин, где принимал заказы на верхнее дамское, мужское и форменное платье. На центральных улицах находились часовые мастерские мещан Н.М. Кормера, С.В. Поллера и Н.Ф. Ремпе. Востребованы были фотозаведения мещан А.Б. Тембурского (позднее ставшего купцом 1-й гильдии), М.П. Бортняева (со временем передавшего дело сыну — И.И. Бортняеву), Е.М. Мартьянова, И. Епифанова.

Представители мещанства, в первую очередь состоятельного, нередко занимали должности в органах местного самоуправления, входили в составы городских дум и управ. Членами Управы в разные годы были З.В. Щукин, Н.А. Кочергин, А.И. Лаптев, А.В. Бурцев, К.Ф. Зимин и др. Среди гласных Коломенского городского общественного управления по результатам выборов на четырехлетие 1898-1902 гг. мещане составили 45%. Иногда мещане становились и городскими головами. Например, в 1886 году исполняющий делами городского головы был избран мещанин Николай Иванович Зимин.

Общественная жизнь коломенских мещан была тесно связана с деятельностью Мещанской управы, которая включала мещанского старосту, членов управления и письмоводителя. Важной обязанностью мещанского управления считался созыв мещанского общинного собрания (схода) — высшего органа местного сословного самоуправления. На сходе мещане избирали должностных лиц общины — мещанского (старосту, его помощников и членов управы), обсуждали текущие дела, утверждали бюджеты и различные предложения. Проводились собрания и по другим вопросам (например, о принятии или исключении из общества), заслушивались отчеты о расходовании общественных сумм, о выделении пособий неимущим и др. Решения собраний фиксировались в приговорах, которые подписывали, как правило, все участвовавшие в составлении этих документов лица. Контроль за общинными сходами и их приговорами осуществлялся местной администрацией в лице губернаторов, губернских правлений и присутствий по городским делам.

Лицом мещанских обществ являлись старосты. Староста избирался «из благонадёжных людей», причем учитывались такие критерии, как известность и авторитет кандидата на данную должность, его финансовое положение. Перед тем, как приступить к избранию старосты, участники выборных собраний давали клятвенное обещание, что «без пристрастия и собственной корысти, устраняя вражду и связи родства и дружбы, избрать... таких, которые по качествам ума и совести...способнейшие и достойнейшие». Выбранный на должность староста не имел права отказаться от исполнения обязанностей без уважительных причин. Окончательное утверждение старосты производилось губернатором. Вступая в должность, избранный староста (равно и все члены управы) давал письменную клятву. Он обладал печатью, в центре которой был изображен герб города, а по краю находилась надпись «Коломенский мещанский староста».

*Мастер КМЗ Федор Андреевич
Воронков с женой Анной
Васильевной (из личного архива
Л.А. Харитоновой)*

Первоначально мещанские старосты и члены управ избирались на один год, позднее — на три года. Положительные личные характеристики и добросовестное исполнение должностных обязанностей служили весомым основанием для переизбрания действующего старосты и других должностных лиц мещанского самоуправления. Так, около двадцати лет, 1872-1893(?) гг., обязанности мещанского старосты в Коломне выполнял Иосиф Михайлович Попрыкин. Представление об этой неординарной фигуре дают сохранившиеся архивные материалы: формулярный список, рапорты, представления и пр. Первое переизбрание Попрыкина произошло на мещанском собрании 12 декабря 1875 г. По результатам этих выборов Коломенский городской голова в тот же день направил на имя Московского губернатора представление об утверждении старосты И.М. Попрыкина в должности, сообщив дополнительно, что кандидат «к раскольническим сектам не принадлежал, суду и банкротству не подвергался, под следствием не состоял». Из другого документа — формулярного списка 1880 г. — следует, что И.М. Попрыкин — «происхождением из мещан, 59 лет, имеет знак Красного креста». В том же году ему «за отличие по службе» была пожалована серебряная медаль «с надписью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте». В соответствующем ходатайстве мещанской Управы перед Московским губернатором отмечалось, что «примерное его поведение и безотлагательные распоряжения влияют на порочных членов общества». Здесь же, как доказательство особых заслуг Попрыкина, указывалось, что «он первый нашёлся убедить общество пожертвовать на открытие в Коломне детского приюта 1000 руб. ...; кроме того, в минувшую турецкую войну пожертвовано еще 1000 руб. на санитарные потребности войск, и та же мысль о жертве для столь великого дела России явилась в нем первом, и общество на призыв его отозвалось с единодушным желанием».

Мещанскому старосте и его помощникам, как выполняющим общественную службу, жалованье не полагалось. Однако мещанским обществам «не воспрещалось» назначать старостам «жалованье из сборов и окладов на общественные надобности». Коломенская мещанская управа расходовала на содержание личного состава Управы 1000 руб. в год: старосте — 500 руб., двум членам управы — по 250 руб.

Мещанское собрание формировалось на основе выборов депутатов, представляющих на местном уровне интересы своего сословия. Согласно закону, Управа заранее должна была сообщить избирателям (а это все

*Мещане Мария Васильевна и Иван Васильевич Щукины
(из личного архива Л.И. Калининой)*

лица мещанского звания) о дне и месте выборов, и избиратели обязывались подтвердить осведомлённость специальной подписью; незадолго до собрания они дополнительно приглашались на выборы персональными повестками. Правда, нередко приглашения не доходили до адресатов (по злому умыслу или неисполнительности), что весьма остро воспринималось обойдёнными, особенно в дни выборов.

Документы донесли до нас сведения о такого рода конфликте, который разгорелся в 1905 году в связи с избранием на ближайшее трёхлетие «особых выборных депутатов» в Коломенское мещанское собрание. Группа недовольных избирателей обратилась в канцелярию Московского губернского по земским и городским делам присутствия с жалобой на неправильное производство выборов мещанских депутатов. Для выяснения обстоятельств дела было произведено дознание, и оказалось, что часть выборщиков — коренных жителей Коломны, будучи людьми малообеспеченными, не уведомлялась Управой о собрании (видимо, преднамеренно). Как следствие, в выборах участвовали только лица, имевшие доходность недвижимого имущества не ниже 15 руб., и, соответственно, в списке избранных на 1905-1907 годы депутатов оказались по преимуществу люди состоятельные. Об этом свидетельствует перечень всех 40 депутатов с указанием доходности их имуществ. Здесь значатся известные в городе лица, обладавшие имуществом с наибольшей доходностью: М.А. Козлов (805 руб.), И.Е. Артёмов (720 руб.), И.А. Постников (285 руб.), А.А. Зимин (242 руб.), Е.Н. Кочергин (211 руб.), И.А. Шкарин (193 руб.); в целом, почти у половины депутатов доходность превышала 50 руб. Показательно, что один из избирателей — владелец колбасного заведения Н. Равинский,

отвечая на вопросы прибывшего из Москвы чиновника, подтвердил, что «многих мещан-избирателей на выборах не было, так как мещанам было послано мещанской Управой 281 повестка, и это число надо признать слишком незначительным, так как надо было рассылать до 1000 повесток». Используемая же Управой практика вывешивания перед выборами нескольких объявлений о наличии списков кандидатов в депутаты явно неприемлема (эти объявления мало кто читает). По результатам дознания губернское Присутствие постановило: введенный Коломенской мещанской управой порядок на выборах признать неправильным, поскольку к участию были допущены мещане фактически на основе имущественного ценза, что явилось нарушением закона, а потому итоги выборов считать недействительными.

Коломенское мещанское общество располагало собственным бюджетом, который утверждался губернатором. Из чего же складывался доход общества и на что расходовались средства? Доходная часть бюджета формировалась из поступлений от процентных бумаг, общественного сбора («сборы, потребные на удовлетворение частных законных нужд мещанского общества»), взносов желавших приписаться в общество мещан семей (если таковые были), почтовых сборов и др. Все средства, поступившие в Управу, расходовались на содержание Управы (оплата труда служащих, освещения, канцелярских принадлежностей, выписки газет, почтовой корреспонденции, вознаграждений), для возмещения расходов по оплате лечения мещан в местных больницах и на ссуды нуждающимся. Любопытно включение в перечень расходов бюджета и стоимости «хлеба и соли», поднесённых императору Николаю II при посещении им Коломны в июне 1904 года.

Мещанское управление по традиции заботилось о малообеспеченных мещанах, ежегодно расходуя часть бюджета на лечение и иную социальную помощь. Располагая собственными капиталами, мещанская управа производила пожертвования (например, в годы русско-японской войны).

Как известно, мелкие предприниматели (а значительная часть мещан таковой и являлась) испытывали значительные трудности в средствах для поддержания и развития собственного дела. Крупным банкам мелкие заёмщики были не интересны, что обусловило обращение нуждающихся мещан к местным ростовщикам, принимавшим в залог вещи под большие проценты. В связи с этим Коломенская мещанская управа ходатайствовала перед Московским губернатором об открытии в Коломне мещанского ломбарда. Управа мотивировала эту просьбу «отсутствием какого-либо кредитного учреждения и настоятельной необходимостью мелкого кредита для обывателей города, ...особенно для ремесленников, мелких торговцев». Со своей стороны, полезность открытия ломбарда поддержал Коломенский уездный исправник. В рапорте на имя Московского губернатора он указал, что в городском управлении неоднократно поднимался вопрос об учреждении ломбарда, однако сумму в 25 тыс. руб. город заплатить не мог. Мещанская же Управа выделяла на это предприятие лишь 3000 руб., что явно было недостаточно. Поэтому, по мнению исправника, проект об учреждении мещанского ломбарда совершенно не продуман, и более благоразумно, «если бы мещанское общество вошло в соглашение с городским управлением и открыло бы не мещанский,

а городской ломбард». К сожалению, сегодняшнее состояние источников не позволяет прояснить судьбу этого важного для коломенских предпринимателей-мещан вопроса.

Итак, кто же такие мещане с экономической и социальной точки зрения применительно к Коломне? Как видим, мещане являлись непрерывными участниками хозяйственной жизни города, оказывая влияние на формирование его облика. Ориентируясь на быстро менявшийся спрос растущего торгово-промышленного города, именно мещане в основном обеспечивали удовлетворение каждодневных потребностей жителей Коломны и уезда в товарах и услугах. Вместе с тем, для большинства мещанства была характерна малая доходность их заведений, и получаемая прибыль направлялась, как правило, на текущее обеспечение собственных семей. Заметим, что указанная неустойчивость материального положения типична для мелких буржуа в целом (разумеется, в меньшей степени это касалось успешных предпринимателей — в Коломне они представлены Равинским, Шапошниковым, Попрыкиным и др.). И такое состояние порождало в мещанской среде тревогу о будущем своего «дела» и семьи, продуцировало страхи в связи с угрозой разорения и перехода в наёмные работники (в том числе на производство), стимулировало складывание специфических черт поведения — «юркость», неразборчивость в средствах при лихорадочном поиске источников дохода. В социально-психологическом плане это обусловило приоритет у мещан собственных интересов, стремление к общественной стабильности вкупе с поддержкой власти как гаранта порядка, а в случае политических перемен — умение приспособиться для сохранения привычного образа жизни, «мирка».

В социальном плане деятельность мещанского сословного управления была востребована и являлась неотъемлемой частью городского самоуправления. Коломенское мещанское общество патронировало различные сферы жизни своей корпорации, выполняя функцию социальной защиты входивших в неё лиц и занимаясь общественной благотворительностью в меру скромных материальных возможностей.

Издание выходит при поддержке
администрации Коломенского городского округа
и коломенских меценатов

БЛАГОДАРИМ

Александра Владимировича Гречищева —

главу Коломенского городского округа;

Николая Тимофеевича ВОРОНИНА —

генерального директора ООО ПКФ «ДОММ»;

Сергея Семёновича ТУБОЛЕВА —

генерального директора ООО «Колнаг»;

Валерия Семёновича КОССОВА —

генерального директора ОАО «ВНИКТИ»

Любовь Афанасьевну ЧЕРНОВУ —

доктора филологических наук, профессора
кафедры русского языка ГСГУ;

Игоря Викторовича ЧИРКОВА —

индивидуального предпринимателя;

Сергея Сергеевича СЕРГЕЕВА —

председателя Правления
группы компаний «ТЕХНО-АС»;

Юрия Михайловича УГОЛЕВА —

генерального директора ООО «Экологическая
научно-производственная фирма «Новатор»;

Юлию Владимировну ДРАНЕЕВУ —

директора НОУ ДПО «Научно-учебный центр
“Знание-Коломна”»;

Дмитрия Владимировича КОВАЛЁВА —

доктора исторических наук,
профессора, зав. кафедрой истории ГСГУ;

Евгения Владимировича ЗАХАРЧЕНКО —

генерального директора ООО «Прогресс»;

Георгия Савельевича Шувалова —

гражданина города Коломны.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
«КОЛОМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В.С. МЕЛЬНИКОВ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Р.В. СЛАВАЦКИЙ

А.А. САХАРОВ
В.В. УШАКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Н.В. Бредихин, Л.Л. Бойцова, И.Ю. Зимнухова, Т.И. Кондратова (шеф-редактор гуманитарных проектов), **О.В. Кочетков** (референт главного редактора),
В.В. Королёва (главный художник), **О.Ю. Коломиец, А.И. Кузовкин,**
Т.С. Лаптева, Н.К. Лисогорская (заведующая отделом поэзии), **С.И. Патрикеев,**
И.Е. Ракша (шеф-редактор аналитических проектов), **М.А. Сериков**

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ РЕДАКЦИИ

В.В. Артёмов — главный редактор журнала «Москва»
Н.Ф. Иванов — председатель правления Союза писателей России
Ю.В. Козлов — главный редактор журнала «Роман-газета»
В.Н. Крупин — писатель
С.Ю. Куняев — главный редактор журнала «Наш современник»
А.В. Гречищев — глава Коломенского городского округа
В.В. Личутин — писатель
А.Б. Мазуров — доктор исторических наук, профессор ГСГУ
Е.Ю. Юшин — секретарь Союза писателей России

Информационная поддержка —
газеты «Московский литератор» и «День литературы»

В оформлении обложки использован фотоэтиюд Юрия Колесникова.
На стр. 2 помещены награды альманаха — медаль имени И.А. Ильина,
медаль И.И. Лажечникова и медаль И.А. Бунина

Художник: **В.В. Королёва.**
Компьютерная вёрстка **Т.А. Титова.**
Корректоры: **В.В. Ушакова, Н.А. Гераскина.**

*Рукописи, поступившие в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.
Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.*

Адрес редакции: 140402, Московская область, г. Коломна,
ул. Красногвардейская, д.2 (подъезд № 2). Тел. 8 (916) 919-35-04;
e-mail: melnikov-vs@yandex. ru
Электронная версия альманаха: [http://mkuorck. ru/](http://mkuorck.ru/)

Подписано в печать 08.04.2021. Формат 70x100/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 20,75. Тираж экз. Заказ .
Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»
140400, Московская обл., г. Коломна, ул. III Интернационала, д.2а